

2507
Л. Г. Дейчъ.

16 ЛѢТЪ ВЪ СИБИРИ.

2-ОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

ИЗДАНИЕ Н. ГЛАГОЛЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

к-68/74

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	5

Часть первая: По германскимъ и русскимъ тюрьмамъ.

Глава	I. Неожиданное приключеніе	9
"	II. Первые дни	18
"	III. Обстоятельства выясняются	26
"	IV. Нѣмецкіе порядки	33
"	V. Мои сборы на свободу	40
"	VI. Карты раскрываются	49
"	VII. Въ Петропавловской крѣпости	61
"	VIII. Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія	72
"	IX. Въ Одесскихъ тюрьмахъ	85
"	X. Въ новомъ званіи	93
"	XI. На старомъ пещелищѣ	103
"	XII. На зимовкѣ	111
"	XIII. Въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ	125
"	XIV. Этапнымъ порядкомъ	136
"	XV. Среди преступныхъ типовъ	145
"	XVI. Въ Восточную Сибирь	155
"	XVII. Иркутскія узницы	163
"	XVIII. Отъ Байкала до Кары	171

Часть вторая: На Карѣ.

"	XIX. Старые товарищи	185
"	XX. «Дворянка»	195
"	XXI. Изъ исторіи Карійской тюрьмы	207
"	XXII. Рабочіе на Карѣ	224
"	XXIII. Первые годы	239
"	XXIV. Участники крупныхъ процессовъ	255
"	XXV. Женская политическая тюрьма	273
"	XXVI. Переселенія въ «колонию»	295
"	XXVII. Продолженіе протестовъ	306

43454

Глава XXVIII. Развязка	317
„ XXIX. Финаль Карійской тюрьмы	335
„ XXX. Въ вольной командѣ	344
„ XXXI. Новое царствованіе	359
„ XXXII. Отъѣздъ	367
„ XXXIII. Завершеніе кругосвѣтнаго путешествія	379

Приложенія.

I. Политическіе каторжане, бывшіе на Карѣ	390
II. Добровольно послѣдовавшіе родственники каторжанъ	415

Предисловіе.

Въ первыхъ шести главахъ настоящихъ записокъ я излагаю обстоятельства, сопровождавшія мой арестъ въ Германіи и выдачу меня Россіи. Если раньше существовали какія-либо сомнѣнія относительно мотивовъ, которыми руководилась въ этомъ случаѣ Германія, то теперь они болѣе не могутъ уже имѣть мѣста, такъ какъ ихъ обстоятельно разъяснилъ въ рейхстагѣ самъ имперскій канцлеръ (въ началѣ марта 1904 г.). Въ своемъ отвѣтѣ на сдѣланную социалдемократическимъ депутатомъ Гаасомъ интерпелляцію по поводу арестованныхъ въ Кенигсбергѣ германскихъ гражданъ, обвиненныхъ въ контрабандной перевозкѣ въ Россію русскихъ революціонныхъ изданій, кн. Бюловъ сообщилъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Дейчъ, котораго русское правительство считало нигилистомъ, по требованію Россіи былъ выданъ баденскимъ правительствомъ, а затѣмъ одесскимъ военнымъ судомъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ.

«Для характеристики взглядовъ перваго канцлера служатъ слѣдующія мѣста изъ актовъ иностраннаго министерства, касающіяся дѣла Дейча. Въ сообщеніи, написанномъ, по порученію князя Бисмарка, прусскому послу въ Дармштадтѣ, статсъ-секретарь гр. Гацфельдъ говоритъ:

«Позволяю себѣ замѣтить, что для нашихъ политическихъ отношеній съ Россіей было бы полезно, еслибы въ этомъ

случаѣ мы удовлетворили справедливое желаніе русскаго правительства относительно выдачи ему опаснаго и закоренѣлаго революціонера, бѣжавшаго изъ русскихъ тюремъ».

«Въ своемъ отношеніи къ баденскому министерству тотъ же статсъ-секретарь сообщаетъ:

«Такъ какъ Дейчъ обвиняется въ Россіи въ уголовномъ преступленіи и такъ какъ, по политическимъ соображеніямъ, слѣдуетъ въ этомъ случаѣ удовлетворить желаніе русскаго правительства, то я надѣюсь, что министерство великаго герцогства Баденскаго согласится оказать свое содѣйствіе, чтобы арестованный попалъ въ руки русскихъ властей».

«Въ докладѣ, изготовленномъ для Его Величества по поводу этого дѣла, кн. Бисмаркъ говоритъ:

«Въ томъ случаѣ, если требующіеся для выдачи акты не смогутъ быть во время доставлены, русское правительство желаетъ, чтобы изгнаніе названнаго лица было такъ обставлено, чтобы русскія власти могли схватить его на русской территоріи. Его Величество, русскій императоръ, проявляетъ лично большой интересъ, чтобы исполнено было желаніе его правительства. Въ интересахъ укрѣпленія нашихъ отношеній къ Россіи, я позволю себѣ почтительнѣйше указать, что въ высшей степени важно, чтобы съ нашей стороны было все сдѣлано для осуществленія указаннаго желанія».

«Наконецъ, въ собственноручно подписанномъ кн. Бисмаркомъ обращеніи къ баденскому министерству говорится:

«Его Величество, русскій императоръ, придаетъ большое значеніе тому, чтобы этотъ опасный и замѣшанный въ разныхъ преступленіяхъ нигилистъ могъ быть привлеченъ въ Россіи къ отвѣтственности. Исполненіе или, наоборотъ, отклоненіе указаннаго желанія не останется, поэтому, безъ вліянія на чувства, которыя императоръ Александръ питаетъ къ нѣ-

мецкой политикѣ и которыя мы нашей внѣшней политикой неустанно и съ успѣхомъ поддерживали, въ интересахъ мира. По русскому государственному праву личныя убѣжденія и чувства императора являются рѣшающими въ политикѣ великой сосѣдней намъ страны. Въ виду этихъ обстоятельствъ, политическія соображенія требуютъ, чтобы исполнено было желаніе русскаго правительства. Если же, несмотря на все это, въ выдачѣ будетъ отказано, то иностранное министерство и дипломатія принуждены будутъ отклонить отъ себя отвѣтственность за послѣдствія, которыя вызоветъ этотъ отказъ въ отношеніяхъ Германской имперіи и Россіи».

Изъ этихъ государственныхъ актовъ, приведенныхъ столь компетентнымъ лицомъ, какъ теперешній германскій канцлеръ, ясно, что я явился жертвой угодничества кн. Бисмарка предъ нашимъ правительствомъ. Но печальнѣе всего то, что столь унижительная для Германіи политика не прекращается и до настоящаго момента. По собственному признанію, сдѣланному кн. Бюловымъ въ томъ же засѣданіи рейхстага, «въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ только три (!) русскихъ нигилиста были изгнаны на русскую границу». Но читающій міръ знаетъ значительно больше случаевъ всякаго рода возмутительнаго издѣвательства германскихъ властей, изъ лакейскихъ соображеній, надъ русскими, такъ или иначе попадающими имъ подъ руку.

Истекшія, со времени выдачи меня, 20 слишкомъ лѣтъ въ этомъ отношеніи не произвели рѣшительно никакого измѣненія въ политикѣ германскаго правительства. Но теперь уже близокъ часъ, когда положенъ будетъ конецъ столь недостойному поведенію этого правительства: происходящее въ настоящее время у насъ революціонное движеніе несомнѣнно закончится полнымъ паденіемъ самодержавія. Тогда русское правительство перестанетъ играть роль «европейскаго жандарма» — это

обстоятельство отразится на общемъ положеніи всѣхъ крупныхъ западно-европейскихъ странъ, въ особенности же на внутренней и внѣшней политикѣ Германіи.

Въ настоящемъ изданіи мои записки значительно болѣе подробны, чѣмъ вышедшія изданія ихъ на иностранныхъ языкахъ ¹⁾. Въ концѣ книги я счелъ полезнымъ помѣстить списокъ всѣхъ каторжанъ, бывшихъ на Карѣ, а также добровольно за нѣкоторыми изъ нихъ послѣдовавшихъ туда родственниковъ.

Левъ Дейчъ.

С.-Петербургъ,
Августъ 1906 г.

¹⁾ Онѣ появились на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, голландскомъ, польскомъ, итальянскомъ и болгарскомъ языкахъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

По германскимъ и русскимъ тюрьмамъ.

ГЛАВА I.

Неожиданное приключеніе.

Въ началѣ марта 1884 г. я изъ Цюриха поѣхалъ во Фрейбургъ, великаго герцогства Баденскаго. Оттуда мнѣ необходимо было контрабанднымъ путемъ переправить въ Россію нѣсколько пудовъ первыхъ произведеній незадолго передъ тѣмъ возникшей группы «Освобожденіе Труда». Въ Германіи тогда дѣйствовалъ исключительный законъ противъ нѣмецкой рабочей партіи, и центральный органъ послѣдней, печатавшійся въ Цюрихѣ, перевозился туда также контрабанднымъ путемъ. Надзоръ на швейцарско-германской границѣ былъ чрезвычайно усиленъ; поэтому лица, желавшія отправить подобныя же произведенія въ Россію, должны были сами перевозить ихъ черезъ названную границу въ своемъ багажѣ до какого-нибудь нѣмецкаго города. То же намѣренъ былъ сдѣлать и я тогда.

Я везъ съ собою въ багажѣ два большихъ ящика; до половины они были заняты книгами, сверху которыхъ, для устраненія подозрѣнія со стороны пограничнаго таможеннаго надзора, въ одномъ лежало мужское, а въ другомъ женское бѣлье и платье, какъ бы принадлежавшее моей женѣ. Для этого, при осмотрѣ вещей въ базельской таможнѣ, присутствовала жена моего друга, Надежда Аксельродъ, пріѣхавшая вмѣстѣ со мной изъ Цюриха. Кроме нея, меня на вокзалъ провожалъ одинъ знакомый, базельскій рабочий. Онъ объяснилъ мнѣ, какъ мнѣ нужно будетъ поступить дальше съ перевозимыми мною изданіями, такъ какъ, всего за нѣсколько дней до моей поѣздки, онъ, вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ-полякомъ Яблонскимъ, самъ исполнилъ подобную же комиссію.

Погода въ этотъ день стояла пасмурная, небо было по-

крыто тучами, шелъ мелкій дождь. На душѣ у меня было невесело, тревожно: я какъ бы предчувствовалъ несчастье.

Поездъ тронулся и, погруженный въ невеселія думы, я не замѣтилъ, какъ прѣхалъ во Фрейбургъ. Было часовъ 7—8 вечера. На платформѣ я обратился къ первому попавшемуся лакею изъ гостинницы и отдалъ ему свой ручной багажъ, а также и квитанцію на полученіе имъ двухъ моихъ ящиковъ, отправленныхъ багажемъ. Посмотрѣвъ на обозначенный въ ней вѣсъ, онъ выразилъ удивленіе по поводу его размѣра. Чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, я спокойно сказалъ, что это у меня много учебныхъ книгъ, такъ какъ я студентъ и прѣхалъ во Фрейбургъ къ весеннему семестру.

Гостинница „Фрейбургское подворье“ находилась недалеко отъ вокзала. Занявъ въ ней номеръ, я спустился въ ресторанъ ужинать. Тамъ я замѣтилъ, что привезшій меня съ вокзала служитель о чемъ-то пошептался съ хозяиномъ. Келнерша, принеши въду, вмѣстѣ съ тѣмъ подала мнѣ книгу для записи прѣзжающихъ. У меня былъ съ собою заграничный паспортъ на имя „дворянина Александра Булыгина изъ Москвы“, что я и записалъ въ эту книгу.

Послѣ ужина я отправился въ снятый мною номеръ, просивъ подать мнѣ туда письменныя принадлежности. Но лишь только, очутившись тамъ, я затворилъ за собою дверь, какъ немедленно же раздался въ нее стукъ. На мое: „войдите!“ — вмѣсто прислуги съ заказанными принадлежностями для письма, какъ я предполагалъ, къ большому моему удивленію, на порогъ комнаты показался полицейскій въ сопровожденіи неизвѣстнаго мнѣ господина въ штатскомъ.

— Я агентъ уголовной полиціи, — отрекомендовался послѣдній. — Позвольте осмотрѣть ваши вещи.

Такъ какъ Фрейбургъ находится вблизи швейцарской границы, то полиція, узнавъ отъ лакея о прѣздѣ молодого человека съ тяжелыми ящиками, могла заподозрить, что въ нихъ имѣются какіе-нибудь контрабандные товары или номера запрещеннаго тогда въ Германіи центрального органа рабочей партіи „Соціалдемократъ“. Сдѣлавъ мысленно такое предположеніе, я началъ открывать сундуки, при этомъ какъ бы вскользь замѣтилъ, что въ одномъ изъ нихъ лежатъ вещи моей

дни было арестовано. Полиція вскрыла пришедшую для него посылку, и въ ней оказались многія запрещенныя въ Германіи польскія брошюры, напечатанныя въ Швейцаріи. Такъ какъ на этой посылкѣ отправители выставили свои имена и мѣстожителемъ указали „Фрейбургское Подворье“, то брошюры были присланы обратно для возбужденія преслѣдованія противъ указанныхъ лицъ. Сообщено было въ названную гостинницу, чтобы, въ случаѣ вторичнаго прѣзда этихъ лицъ, немедленно дано было знать въ полицію. Когда служитель, приведшій меня съ вокзала, узналъ, что у меня въ ящикахъ имѣется много книгъ, онъ, по совѣту съ хозяиномъ, далъ знать въ полицію о моемъ прѣздѣ; поэтому ко мнѣ тотчасъ же и явились агенты. Такъ какъ они нашли у меня такую же по вѣшности брошюру, какая находилась въ арестованной въ Бреславлѣ посылкѣ, да, кромѣ того, въ моихъ карманахъ оказались номера запрещеннаго въ Германіи „Соціалдемократъ“, они меня, какъ иностранца, и рѣшили арестовать. По заявленію слѣдователя, я подозрѣвался въ распространеніи, въ обществѣ съ другими иностранцами, запрещенныхъ въ Германіи литературныхъ произведеній.

Мнѣ не трудно было опровергнуть это подозрѣніе, такъ какъ въ числѣ отобранныхъ у меня брошюръ не было ни одной польской, да и вообще ни одной запрещенной тогда въ Германіи. Что же касается найденныхъ въ моихъ карманахъ номеровъ «Соціалдемократъ», то это обстоятельство не являлось преступленіемъ по германскимъ законамъ. Такимъ образомъ, все слѣдствіе по поводу меня сводилось къ установленію связи между мной и названными лицами, а также къ опредѣленію, не занимался ли я вообще распространеніемъ запрещенныхъ въ Германіи изданій. Причиной моего ареста, слѣдовательно, оказалась простая случайность.

— Если бы вы не захвали во «Фрейбургское Подворье», васъ не арестовали бы, — замѣтилъ слѣдователь.

Послѣ его разсказа, я почувствовалъ значительное облегченіе: «значить, не все еще пропало», — подумалъ я: — «возможно, что я выйду отсюда неузнаннымъ». У меня блеснула надежда на скорое освобожденіе: «только бы не провѣдали мою настоящую фамилію!»

За однимъ столомъ со слѣдователемъ, но нѣсколько поодаль и сбоку, сидѣлъ какой-то господинъ лѣтъ тридцати на видъ, бритый, съ бѣлокурыми волосами. Въ теченіе допроса я уже нѣсколько разъ вскользь поглядывалъ на послѣдняго, и что-то знакомое, но вмѣстѣ тревожное, показалось мнѣ въ немъ.

— Вотъ переводчикъ по вашему дѣлу—профессоръ нашего университета,—сказалъ слѣдователь, указывая на этого господина.

— Можетъ быть, вы согласитесь ему сообщить что-нибудь о вашей женѣ?—закончилъ слѣдователь, послѣ чего самъ удалился въ другую комнату, затворивъ за собою дверь.

— Вы не узнаете меня?—обратился ко мнѣ по-русски переводчикъ.

— Профессоръ Тунъ?—воскликнулъ я.

— Конечно! Развѣ я такъ сильно измѣнился? Только снялъ бороду. Но почему вы измѣнились въ лицѣ?—замѣтилъ онъ.

Меня дѣйствительно испугала эта встрѣча и вотъ почему.

Я познакомился съ проф. Туномъ года за полтора до описаннаго случая въ г. Базель, гдѣ я состоялъ вольнослушателемъ философскаго факультета и, между прочимъ, посѣщалъ лекціи политической экономіи и статистики, которыя онъ въ то время читалъ въ тамошнемъ университетѣ. Черезъ посредство одного базельскаго социалиста—швейцарца Карла Мора,—я, вскорѣ по приѣздѣ, познакомился съ проф. Туномъ, который въ теченіе многихъ мѣсяцевъ принималъ меня за легальнаго русскаго студента, такъ какъ я жилъ тамъ подъ вымышленной фамиліей Николая Криднера. Но при первомъ же моемъ посѣщеніи его на дому, онъ сообщилъ мнѣ, что онъ чрезвычайно интересуется нашимъ революціоннымъ движеніемъ, много перечиталъ сочиненій о немъ и теперь надумалъ написать его исторію. Будучи уроженцемъ г. Аахена, проф. Тунъ, однако, зналъ довольно хорошо русскій языкъ, такъ какъ, по окончаніи Дерптскаго университета, прожилъ нѣкоторое время во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Когда же изъ частыхъ разговоровъ со мною онъ убѣдился, что мнѣ небезызвѣстно прошлое нашего революціоннаго движенія, то предложилъ мнѣ помочь ему въ задуманной имъ работѣ. Я охотно согласился на это, и мы съ нимъ стали сообща работать. Но во время этихъ занятій, я имѣлъ нѣсколько случаевъ убѣдиться, что онъ крайне отрицательно относится къ

лицамъ, причастнымъ къ политическимъ убійствамъ. По его мнѣнію, такихъ лицъ европейскія правительства должны были бы выдать Россіи, какъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ. Поэтому, думалъ я, знай проф. Тунъ мою настоящую фамилію, онъ пожелалъ бы, чтобы меня арестовали.

— Знаете-ли, кто я въ дѣйствительности?—спросилъ я съ тревогой.

— Да я знаю вашу настоящую фамилію,—отвѣтилъ онъ и затѣмъ прибавилъ:—скажите, не могу-ли чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ?

— Но, какъ вы узнали мою фамилію?

— Мнѣ сообщилъ ее, послѣ вашего отъѣзда изъ Базеля, вашъ же пріятель Карлъ Моръ.

— П знай, кто я, вы согласны мнѣ помочь?—изумился я.

— Да!—отвѣтилъ онъ просто.

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ, но, взглянувъ на его доброе симпатичное лицо, я болѣе не сомнѣвался, что онъ говоритъ искренно и что я вполне могу на него положиться.

— Такъ слушайте же!—сказалъ я:—если мнѣ не удастся выйти изъ этой тюрьмы законнымъ путемъ, я попытаюсь бѣжать изъ нея,—согласны ли вы помочь мнѣ въ этомъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ.—Но чѣмъ смогу я?

— А мы это тамъ увидимъ!—сказалъ я.

Мое изумленіе все болѣе и болѣе росло: тотъ самый нѣмецкій профессоръ, который однажды при мнѣ на громадномъ собраніи, между прочимъ, заявилъ, что «Дейчь, къ сожалѣнію, до сихъ поръ на свободѣ»,—самъ теперь вызывался помочь мнѣ въ побѣгѣ изъ германской тюрьмы! Онъ не далъ мнѣ времени объяснить себѣ это противорѣчіе, такъ какъ тутъ же доказалъ отчасти свою готовность совершать не только крайне компрометирующія его, но даже преступныя дѣйствія.

Какъ официальному переводчику, слѣдователь передалъ проф. Туну, всѣ взятыя у меня книги, бумаги, письма и пр. Несмотря на присутствіе письмоводителя въ камерѣ, Тунъ, доставъ полученную имъ для перевода мою записную книжку, предложилъ мнѣ просмотрѣть ее и уничтожить могущія мнѣ повредить страницы. Я охотно этимъ воспользовался и сталъ торопливо вырывать нѣкоторыя изъ нихъ, такъ какъ, не говоря уже

о присутствіи письмоводителя, самъ слѣдователь могъ каждую минуту застать насъ за этимъ преступнымъ занятіемъ. Совершая это, я испытывалъ чрезвычайную тревогу, не за себя, конечно, которому, въ сущности, нечего было терять, а за профессора Туна. Но онъ имѣлъ совершенно спокойный видъ и старался лишь своей спиной загородить меня отъ глазъ письмоводителя, очевидно, упуская изъ виду, что опасность угрожаетъ не мнѣ, а ему, и не со стороны письмоводителя, а слѣдователя. Хотя это занятіе продолжалось всего 2—3 минуты, но онъ показались мнѣ безконечно долгими, и я съ облегченіемъ вздохнулъ, когда передалъ ему обратно свою записную книжку.

Убѣдившись, такимъ образомъ, въ его готовности ради меня подвергаться даже риску, я спросилъ его—можетъ ли онъ тотчасъ же поѣхать въ Цюрихъ?

— Если нужно, конечно, поѣду.

— Но какъ же будетъ съ вашими лекціями?

— Пустиги, я пропущу ихъ.

— Такъ поѣзжайте туда немедленно,—сказалъ я:—тамъ живетъ мой старый другъ Аксельродъ. Сообщите ему обо всемъ, случившемся со мной и передайте, чтобъ онъ переслалъ мнѣ американскія пилки для рѣшетокъ, ножницы, германскія и русскія деньги въ бумажкахъ,—все это нужно мнѣ на случай, если меня захотятъ выдать.

Онъ обѣщалъ отправиться въ Цюрихъ въ тотъ же день.

Когда слѣдователь вернулся обратно, мы съ проф. Туномъ приняли видъ совсѣмъ незнакомыхъ людей.

— Допросъ по существу дѣла отложимъ до другого раза,—сказалъ слѣдователь и, обратившись къ письмоводителю, велѣлъ позвать надзирателя, который увелъ меня обратно въ камеру.

ГЛАВА III.

Обстоятельства выясняются.

По возвращеніи въ камеру, я почувствовалъ себя какъ бы вновь ожившимъ: мнѣ выяснилась причина моего ареста, я

увидѣлъ, что въ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего серьезнаго, и я радъ былъ встрѣчѣ съ Туномъ, который неожиданно для меня оказывался готовымъ всячески помогать мнѣ; очень ободрило меня также, повидимому, сочувственное отношеніе ко мнѣ слѣдователя. Кажется, въ первый разъ съ момента ареста я въ тотъ день съ аппетитомъ принялся за ѣду. Затѣмъ, помню, я сталъ думать о предстоящемъ допросѣ по существу. Мнѣ казалось необходимымъ внушить слѣдователю полное къ себѣ довѣріе. Поэтому я рѣшилъ, насколько это было возможно, держаться ближе къ дѣйствительности.

Въ сумеркахъ одного изъ слѣдующихъ дней меня вновь повели къ слѣдователю. На этотъ разъ онъ былъ только со своимъ письмоводителемъ. Въ отвѣтъ на заданный имъ мнѣ вопросъ, для чего я пріѣхалъ во Фрейбургъ, я заявилъ слѣдующее:

— Расскажу вамъ все по порядку. Пріѣхавъ за границу года два тому назадъ, я вскорѣ женился на русской и поселился въ Цюрихѣ, гдѣ моя жена посѣщаетъ мѣстный университетъ. Затѣмъ я надумалъ перѣехать во Фрейбургъ, намѣреваясь посѣщать нѣкоторыя лекціи въ здѣшнемъ университетѣ. Заграницу я пріѣхалъ, не имѣя твердыхъ политическихъ убѣжденій. Но живя въ западной Европѣ, я, подъ влияніемъ мѣстныхъ условий, а въ особенности благодаря нѣмецкой социалистической литературѣ, сталъ приверженцемъ ученія Маркса. Отправляясь во Фрейбургъ, я захватилъ съ собою произведенія, излагавшія воззрѣнія этого мыслителя, такъ какъ, устроившись здѣсь окончательно съ семьей, я намѣревался въ свободное отъ университетскихъ занятій время поѣхать въ тѣ германскія города, въ которыхъ имѣется много русской учащейся молодежи, чтобы передать имъ эти брошюры; я предполагалъ также оставить ихъ на комиссію въ мѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, потому что всѣ онѣ дозволены въ Германіи. И вотъ,—закончилъ я—въ первый же часъ моего пріѣзда въ нѣмецкій «Свободный городъ» (Freiburg), меня, безъ всякой рѣшительно вины съ моей стороны, не соблюдая никакихъ условий неприкосновенности личности, обыскиваютъ, подвергаютъ униженіямъ и бросаютъ въ тюрьму! Мало того, при мнѣ

же хватаютъ совершенно случайно подвернувшуюся женщину и ее также тащатъ въ тюрьму.

— Да, вышло большое недоразумѣніе,—заявилъ слѣдователь,—но оно вскорѣ выяснилось, и ее освободили.

Вysłушавъ внимательно мой рассказъ, слѣдователь замѣтилъ: «вышло совсѣмъ какъ у Шекспира: «но платокъ, платокъ!»

Быстро расхаживая по комнатѣ, онъ сталъ затѣмъ диктовать своему пишмоводителю мои показанія, произнося иногда сочувственныя замѣчанія или мотая укоризненно головою.

Мой рассказъ, повидимому, произвелъ на него благоприятное впечатлѣніе. Это подтвердилъ мнѣ потомъ и проф. Тунъ, которому слѣдователь сказалъ, что онъ вѣритъ въ искренность моего рассказа и что, по его мнѣнію, «арестовали совершенно невиннаго человѣка».

Надежда выйти скоро изъ тюрьмы законнымъ образомъ все болѣе, поэтому, росла у меня. Но я все же не поддавался ей цѣликомъ и обдумывалъ способы побѣга изъ тюрьмы, на случай, если бы открыли, кто я. Такое намѣреніе въ первое время не трудно было осуществить.

Въ эти же дни меня позвали однажды въ посѣтительскую комнату, гдѣ я нашелъ прилично одѣтаго незнакомаго мнѣ господина среднихъ лѣтъ. Отрекомендовавшись присяжнымъ повѣреннымъ такимъ-то и членомъ германской социалдемократической партіи, онъ сообщилъ, что товарищи пригласили его быть моимъ защитникомъ.

— Ваши товарищи мнѣ все рассказали про васъ. Вы хотите бѣжать отсюда?—произнесъ онъ шепотомъ, хотя мы и были одни въ комнатѣ.

Получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, онъ продолжалъ съ жаромъ:

— Это будетъ крупной ошибкой съ вашей стороны! Я только что въ камерѣ слѣдователя перелисталъ ваше дѣло: вы прекрасно его поставили и навѣрно скоро выйдете отсюда законнымъ путемъ. Зачѣмъ вамъ подвергать себя риску неудачной, быть можетъ, попыткой? Этимъ вы только ухудшите своей положеніе.

— Ну, а если одновременно наводятся обо мнѣ справки и на моей родинѣ?—спросилъ я.

— Рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній предполагать это! Въ чемъ-нибудь проявились бы такія сношенія. У насъ не тѣ порядки, какіе у васъ,—замѣтилъ онъ.—Слѣдствіе ведется открыто, и мнѣ, заявившему, что я вашъ защитникъ, предоставлено для просмотра все дѣлопроизводство. Въ бумагахъ былъ-бы какой-нибудь намекъ на предполагаемыя вами сношенія.

— Но, если не судебныя власти,—замѣтилъ я,—то, можетъ быть, администрація ведетъ теперь обо мнѣ переписку?

— У насъ администрація не вмѣшивается въ судебное производство. Васъ арестовали, заподозривъ въ связи съ лицами, совершившими преступленіе въ Германіи. Но разъ вамъ удастся оправдаться въ этомъ, въ чемъ ни я, ни слѣдователь не сомнѣваемся, и изъ Швейцаріи придетъ подтвержденіе сдѣланныхъ вами ссылокъ, васъ немедленно освободятъ. Вѣрите мнѣ, я нѣмецкій юристъ и знаю наши законы и права, а вы судите на основаніи вашихъ порядковъ, которые совсѣмъ къ намъ не подходятъ. Вотъ я еще разъ пойду въ камеру слѣдователя, вновь внимательно прочитаю все дѣло и поговорю съ прокуроромъ.

Мы разстались. Спустя нѣкоторое время меня снова ввели въ посѣтительскую.

— Я все перечиталъ, переговорилъ съ прокуроромъ, и теперь я окончательно пришелъ къ убѣжденію, что васъ выпустятъ: вамъ рѣшительно не слѣдуетъ думать о побѣгѣ.

Могъ-ли я, послѣ этого, настаивать на своихъ опасеніяхъ, когда мнѣ дѣйствительно были совсѣмъ незнакомы германскіе порядки? Бъ тому же, какъ на первыхъ порахъ ни казалось легкимъ устройство побѣга, но онъ все же былъ сопряженъ съ большимъ рискомъ. Въ виду этихъ соображеній, не отказавшись окончательно отъ мысли о побѣгѣ, я рѣшилъ отложить время его осуществленія до тѣхъ поръ, пока не явятся несомнѣнныя данныя, что между двумя правительствами ведутся обо мнѣ переговоры. «Имѣя на своей сторонѣ уважаемаго мѣстнаго профессора, который находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ разными баденскими властями,—думалъ я,—всегда возможно

будетъ своевременно узнать всѣ ихъ ходы и переговоры, касающіеся меня, и принять соотвѣтственные обстоятельствамъ мѣры».

Мнѣ, однако, еще долго пришлось посидѣть во фрейбургской тюрьмѣ, находясь между надеждой на скорое освобожденіе и опасеніемъ, что меня отправятъ на родину. Десятки разъ на день мѣнялись, поэтому, настроенія у меня. Эти постоянные переходы отъ надежды къ опасенію дѣйствовали на меня самымъ тяжелымъ образомъ. Время тянулось убійственно медленно. Дни, въ особенности же ночи, казались безконечными, хотя я и старался всячески заполнять ихъ. Книги у меня были,—ихъ доставляли мнѣ товарищи и профессоръ Тунъ, письменныя принадлежности я также имѣлъ, и отъ чтенія я переходилъ къ занесенію на бумагу своихъ мыслей, впечатлѣній и даже настроеній.

Не въ меньшей степени, чѣмъ неопредѣленность положенія и тревога за будущее, вліяли на мои настроенія также опасенія за близкихъ мнѣ лицъ и за судьбу нашей молодой группы «Освобожденіе Труда». Лишь незадолго передъ тѣмъ основавшись, она была крайне бѣдна, какъ матеріальными средствами, такъ и связями. Отправляясь въ Германію съ первыми нашими изданіями, я имѣлъ въ виду не только организовать ихъ правильную доставку контрабанднымъ путемъ въ Россію, но также надѣялся завязать нѣкоторыя связи и приобрести кой-какія матеріальныя средства. Въ Швейцаріи, откуда я уѣхалъ всего на одну-двѣ недѣли, оставалась масса самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, требовавшихъ наивозможно скорого моего возвращенія. Много работы было и у всѣхъ остальныхъ моихъ товарищей. Для нихъ также время было чрезвычайно дорого, а между тѣмъ, не только я оказался надолго оторваннымъ отъ слѣдственной работы, но, вслѣдствіе моего ареста, они всѣ, оставивъ другія дѣла, сосредоточили все свое вниманіе на ходѣ моего процесса и на средствахъ освобожденія меня изъ тюрьмы, тѣмъ или инымъ способомъ. Сознаніе, что я явлюсь невольной причиною пріостановки дѣлъ нашей группы, дѣйствовало на меня самымъ удручающимъ образомъ. Уже по одному этому меня разбирало сильнѣйшее нетерпѣніе поскорѣе вернуться

на волю; поэтому, несмотря на совѣты моего защитника, я все же возвращался къ мысли о побѣгѣ.

Такъ, однажды, будучи въ сумеркахъ въ камерѣ слѣдователя, я увидѣлъ, что одно окно открыто настежь. Камера помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, и было не трудно спуститься изъ нея на улицу. Признаюсь, мнѣ нужно было сдѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы удержаться отъ соблазна. Но, съ одной стороны, убѣжденія защитника не предпринимать такой попытки, а съ другой—незнаніе расположенія улицъ заставили меня отказаться отъ такого намѣренія.

Въ другой разъ, когда меня позвали въ эту же камеру, въ ней вмѣсто слѣдователя оказался проф. Тунъ. Онъ сообщилъ мнѣ о своей поѣздкѣ въ Цюрихъ и о совѣтѣ друзей не предпринимать никакихъ рискованныхъ попытокъ къ побѣгу. Кроме насъ двоихъ, въ камерѣ былъ только письмоводитель, сидѣвшій вдаль за отдѣльнымъ столомъ, мы же съ Туномъ бесѣдовали, стоя у открытаго окна.

— Вотъ переставлю ногу и буду на свободѣ,—сказалъ я, глядя на него.

— Такъ, безъ всякой подготовки и не зная расположенія города?—замѣтилъ онъ.

— А вы скажите мнѣ, куда ведетъ вотъ та улица, пересѣкающая эту?—и я указалъ направленіе.

— Если завернете за уголъ налѣво, то векорѣ будетъ лѣсъ, который тянется почти сплошь до Швейцаріи,—отвѣтилъ онъ.—Но все-же безъ всякой подготовки извѣтъ, по моему, крайне рискованно предпринимать такую отчаянную попытку.

Хотя Тунъ также допускалъ возможность законнаго освобожденія меня изъ тюрьмы, но, въ отличіе отъ моего защитника и отъ друзей, не отговаривалъ меня категорически отъ побѣга; онъ считалъ лишь необходимымъ обставить его съ наибольшими шансами на успѣхъ.

Во все время моего пребыванія во фрейбургской тюрьмѣ онъ оказывалъ мнѣ безконечное число услугъ, подвергая, какъ мы это уже видѣли, значительному риску свое общественное положеніе. Онъ передавалъ мнѣ отъ друзей письма и другія запрещенныя вещи, а также и обратно отъ меня имъ всякія порученія и свѣдѣнія. Имѣя, въ качествѣ переводчика, постоянный

доступъ ко мнѣ, онъ вызывалъ меня иногда въ посѣдательскую и безъ всякаго дѣла, а просто для бесѣды.

Чтобы слѣдить за ходомъ моего дѣла и помогать мнѣ, когда это окажется нужнымъ въ случаѣ побѣга, одинъ изъ моихъ русскихъ товарищей пріѣхалъ изъ Швейцаріи во Фрейбургъ и снялъ комнату въ домѣ, расположенномъ противъ фасада тюрьмы. Окно моей камеры приходилось какъ разъ противъ его комнаты. Путемъ условныхъ знаковъ, производимыхъ носовыми платками, мы могли подавать другъ другу необходимые сигналы и сообщать нужныя свѣдѣнія. Съ этимъ лицомъ проф. Туна устраивалъ тайныя свиданія въ мѣстномъ соборѣ и, соглашаясь помогать мнѣ въ устройствѣ побѣга, онъ, между прочимъ, предлагалъ воспользоваться его квартирой. Нерѣдко онъ самъ проинизировалъ по поводу своей роли:

— Смотрите,—говорилъ онъ,—я, нѣмецкій профессоръ, превратился въ русскаго нигилиста-конспиратора, а мирный баденскій городокъ сталъ очагомъ заговора!

Изъ разговоровъ со слѣдователемъ онъ зналъ, въ какомъ положеніи мое дѣло и конечно, немедленно передавалъ узнанное мнѣ и товарищу, поселившемуся во Фрейбургѣ.

Я, такимъ образомъ, имѣлъ немало случаевъ убѣдиться въ искреннемъ расположеніи ко мнѣ проф. Туна и, поэтому, вполне ему довѣрялъ. Но не такъ въ первый моментъ отнеслись къ нему мои друзья.

Предлагая ему отправиться въ Цюрихъ, но, боясь возвращенія слѣдователя въ камеру, я не имѣлъ возможности снабдить его письмомъ къ моимъ друзьямъ. Они же изъ моихъ прежнихъ рассказовъ знали, что проф. Туна враждебно относится къ лицамъ, совершившимъ насильственные акты. Совершенно неожиданное сообщеніе проф. Туна о моемъ арестѣ, поэтому чрезвычайно ихъ поразило и у нихъ даже мелькнуло подозрѣніе, не было-ли въ этомъ происшествіи и его вины? Только изъ моего ближайшаго письма, пересланнаго черезъ него же, они узнали о томъ участіи, какое онъ принялъ во мнѣ и, конечно, сильно пожалѣли тогда о явившихся у нихъ несправедливыхъ подозрѣніяхъ относительно него.

ГЛАВА IV.

Нѣмецкіе порядки.

Режимъ во фрейбургской тюрьмѣ былъ не изъ мягкихъ и, во всякомъ случаѣ, оставлялъ желать многого. Особенно сильно онъ давалъ себя чувствовать въ первые дни, пока я еще не освоился съ нимъ. Уже то обстоятельство, что ночью камеры не освѣщались и заключеннымъ запрещалось курить, являлось большимъ лишеніемъ,—запрещенія эти мотивировались предосторожностью въ пожарномъ отношеніи, хотя тюрьма была каменная. Будучи впоследствии въ Сибири, я не разъ вспоминалъ эти чрезмѣрныя предосторожности нѣмцевъ, когда я видѣлъ, какъ сотни лицъ, осужденныхъ на поселеніе и каторгу, слѣдовательно, такія, которымъ нечего было терять, помѣщались въ полусгнившихъ, легко воспламенявшихся деревянныхъ этажахъ. Тѣмъ не менѣе, эти зданія все же освѣщались и заключеннымъ не запрещали курить; при этомъ никто не опасался, что столь тяжкіе преступники умышленно или даже нечаянно произведутъ пожаръ.

Обращеніе всякаго рода тюремнаго начальства съ заключенными во фрейбургской тюрьмѣ, какъ это мы уже отчасти видѣли, не отличалось особенной вѣжливостью. Со мной, напримеръ, въ первые же дни былъ такой случай. Во время прогулки, напоминавшей гоньбу лошади на кордѣ, я увидѣлъ зашедшую во дворъ смѣну военнаго караула. Заинтересовавшись еще незнакомымъ мнѣ процессомъ сдачи поста старымъ часовымъ новому, я машинально остановился и незамѣтно очутился на шагъ или на два внѣ линіи, по которой гуляли заключенные. Вдругъ подбѣжалъ наблюдавшій за нами надзиратель и сталъ кричать на меня, что, если въ другой разъ я буду останавливаться, то меня лишатъ прогулокъ. Но я, въ свою очередь, началъ на него кричать, заявляя, что, если остановки во время прогулокъ не дозволяются, то онъ долженъ былъ просто сообщить мнѣ объ этомъ, а не кричать, какъ на совершившаго тяжкій проступокъ. Мои доводы, пови-

димому, подѣйствовали на него, и онъ заговорилъ вѣжливымъ тономъ. Послѣ этого случая у насъ съ нимъ установились вполне мирныя отношенія.

Отпущавшаяся заключеннымъ пища была крайне ограниченнаго размѣровъ, и взрослому человѣку она рѣшительно не могла удовлетворить: кажется, давалось полтора фунта полу-чернаго (ситнаго) хлѣба на сутки, а въ обѣдъ и ужинъ приносили какіе-то супы или каши; мясо арестованнымъ, въ первый мѣсяцъ ихъ заключенія, давалось только два раза въ недѣлю, затѣмъ по три раза, да и то въ крайне микроскопическихъ размѣрахъ. Даже надзиратели, не отличавшіеся, вѣроятно, особеннымъ сердоболіемъ, признавали, что на такой скудной пищѣ, при неизбѣннѣ собственныхъ средствъ для ея улучшения, подслѣдственный можетъ жить лишь впроголодь.

Только камеры, находившіяся въ верхнемъ этажѣ и выходящія окнами на улицу, были просторны и свѣтлы; остальные были незначительныхъ размѣровъ и менѣе свѣтлы. Но за то въ нихъ вовсе не было нашей знаменитой «параши»,—ее замѣняло приспособленіе, сдѣланное въ стѣнѣ въ видѣ шкафа съ дверью внутрь и съ отверстіемъ въ коридоръ, черезъ которое служитель выносилъ посудину. Благодаря этому приспособленію, а также хорошей вентиляціи, воздухъ въ камерахъ былъ всегда чистый. Въ одномъ углу помѣщалась топившаяся изъ коридора кирпичная печь, которая сверху до низу отгорожена была отъ камеры толстой желѣзной рѣшеткой, какъ мнѣ объясняли надзиратели,—для предупрежденія побѣга.

По инструкціи заключенный обязанъ былъ повиноваться всемъ распоряженіямъ тюремной администраціи. Особенно рельефно бросилось мнѣ это въ глаза по слѣдующему случаю.

Однажды меня повели въ нижній коридоръ, гдѣ я увидѣлъ выстроенныхъ въ шеренги арестованныхъ, которые, по-видимому, ждали чего-то. Мнѣ также предложили стать въ рядъ, но я предварительно пожелалъ узнать, въ чемъ дѣло? Надзиратель сообщилъ мнѣ, что пріѣхалъ католическій священникъ, который желалъ видѣть всѣхъ заключенныхъ,—ихъ, дѣйствительно, по одному впускали въ посѣтительскую комнату гдѣ сидѣлъ ксендзъ. Услышавъ это объясненіе, я заявилъ, что, не имѣю никакого желанія бесѣдовать съ нимъ, и просилъ по-

насъ новаго? И жандармы съ умиленіемъ рассказывали мнѣ, какъ незадолго передъ тѣмъ вся Россія праздновала совершеннѣе наслѣдника (нынѣшняго царя).

Нѣмецкіе полицейскіе, сдавъ подъ расписку отобранныя у меня вещи, деньги и меня самого, удалились. Когда наступило время отхода поѣзда, жандармскій офицеръ распорядился, чтобы имѣющіе сопровождать меня дальше нижніе чины снарядились въ дорогу. Видя, что онъ сдаетъ старшему изъ нихъ мои деньги, переданныя ему нѣмецкими полицейскими, я незамѣтно досталъ спрятанныя у меня въ платѣ русскія деньги и попросилъ его присоединить и ихъ, такъ какъ опасался, что, при болѣе тщательномъ обыскѣ, ихъ могутъ найти у меня.

— Какимъ образомъ у васъ при себѣ деньги?—спросилъ офицеръ съ изумленіемъ.—Развѣ въ Германіи васъ не обыскивали?

Я отвѣтилъ, что, хотя и обыскивали, но не нашли этихъ денегъ. Тогда онъ велѣлъ вновь меня обыскать. У меня оставались еще спрятанныя нѣмецкія деньги и ножницы, но, на всякій случай, я рѣшилъ ихъ не предъявлять. Несмотря на тщательный обыскъ, все же ничего не нашли у меня.

Затѣмъ три жандармы повезли меня въ Петербургъ. Ночью прибыли мы въ Варшаву; на платформѣ встрѣтилъ насъ жандармскій полковникъ, оказавшійся очень разговорчивымъ и любезнымъ.

— Вы, кажется, по Чигиринскому дѣлу?—спросилъ онъ меня.

Я отвѣтилъ утвердительно.

Желая, вѣроятно, меня утѣшить, онъ замѣтилъ:

— Дѣло старое,—вѣдь это было во время польскаго возстанія,—къ вамъ примѣнять манифестъ. Вы отдѣляетесь пу-
стяками.

Во время польскаго возстанія мнѣ не было еще восьми лѣтъ.

Несмотря на любезность, онъ далъ старшему жандарму самую строгую инструкцію, которую я случайно разслышалъ, сидя въ вагонѣ.

— Смотрите за нимъ въ оба!—внушалъ онъ шепотомъ, стоя

на платформѣ. Окна не открывайте, изъ вагона на станціяхъ не выпускайте его, ночью не спите!

Но жандармы относились ко мнѣ попрежнему и не обнаруживали страха, что я убѣгу.

Когда мы приѣхали въ Петербургъ, насъ встрѣтилъ жандармскій ротмистръ и прямо со станціи, въ сопровожденіи этихъ же жандармовъ, въ извозничьей закрытой каретѣ повезъ меня въ Петропавловскую крѣпость.

Странное чувство охватило меня, когда я убѣдился, что меня везутъ въ эту специальную для политическихъ преступниковъ тюрьму, давно пользующуюся печальной извѣстностью. Грустно и вмѣстѣ интересно было мнѣ очутиться въ ней. Я зналъ по наслыжкѣ, что режимъ въ Петропавловской крѣпости чрезвычайно суровый, но мнѣ хотѣлось побывать тамъ, чтобы лично испытать его. Дѣйствительность оправдала слышанные рассказы.

Черезъ показавшіяся мнѣ безконечно длинными коридоры меня ввели въ какую-то камеру; смотритель крѣпости, жандармскій полковникъ Лѣсникъ, немедленно велѣлъ мнѣ до нага раздѣться. Присутствовавшіе при этомъ нижніе жандармскіе чины самымъ внимательнымъ образомъ меня осмотрѣли: мнѣ дали вмѣсто своего платья, казенное нижнее бѣлье, полосатый халатъ, какіе носятъ въ больницахъ, и туфли; все же мои вещи унесли куда-то. Послѣ этого меня повели въ другую камеру, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, гдѣ меня и оставили подъ запоромъ. Все движеніе совершалось тихо, безъ малѣйшаго шума, словно то было не мѣсто, гдѣ жили многіе въ теченіе долгаго времени, а кладбище для мертвецовъ. Только бой крѣпостныхъ часовъ, сопровождавшійся игрой гимна: «Богъ славенъ нашъ Господь въ Сионѣ!», нарушалъ эту удручающую тишину.

Въ большой по размѣрамъ камерѣ было мрачно, такъ какъ окно находилось подъ самымъ потолкомъ, и, несмотря на май мѣсяць, въ ней было очень холодно. Солнце никогда не заглядывало сюда, и стѣны были влажны отъ сырости. Мебель, кромѣ желѣзной койки, на которой находились тюфякъ и подушка, а также тоненькое бумажное одѣяло, состояла еще изъ желѣзнаго же столика съ такимъ же табуретомъ, привинчен-

ныхъ къ стѣнѣ, да изъ неизмѣнной, издававшей запахъ «парашаи». Уже въ 5—6 часовъ пополудни, несмотря на май мѣсяць, когда въ Петербургѣ почти совсѣмъ нѣтъ ночи, въ камерѣ наступалъ полумракъ, такъ что читать было невозможно. Но болѣе всего угнеталъ меня холодъ, объяснявшійся, какъ положеніемъ камеры, такъ въ особенности легкимъ казеннымъ платьемъ. Чтобы согрѣться, я до утомленія ходилъ быстро изъ угла въ уголъ, но стоило только присѣсть на четверть часа, какъ я снова чувствовалъ холодъ. Не помогала въ этомъ отношеніи и постель, такъ какъ одѣяло было черезчуръ воздушное.

Пища, состоящая изъ чернаго хлѣба фунта въ два, и обѣда изъ двухъ относительно недурныхъ блюдъ, была крайне недостаточна; но, главное, кушанье всегда давалось уже остывшимъ, такъ какъ, повидимому, приносилось издалека. Улучшать же на свой счетъ ѣду, что въ крѣпости подслѣдственнымъ разрѣшается, я долгое время не могъ, потому что привезшіе меня жандармы сдали мои деньги, цѣнные вещи и очки встрѣтившему насъ на вокзалѣ ротмистру, который все это передалъ въ департаментъ государственной полиціи. Кромѣ физическихъ лишеній, я, такимъ образомъ, обреченъ былъ и на нравственные, на жестокую тоску, такъ какъ, не имѣя очковъ, не могъ развлекаться чтеніемъ книгъ. Дни—да и ночи—казались мнѣ безконечно долгими, и я не зналъ, какъ ихъ коротать. Я заставлялъ себя мысленно рѣшать какія-либо задачи, такъ какъ письменныхъ принадлежностей тамъ не допускали, я рассказывалъ себѣ многу же придуманные статьи и воспоминанія изъ прошлаго; наконецъ, я надумалъ «издавать» для себя и, конечно, про себя газету.

Умывшись и съѣвъ утромъ кусокъ хлѣба, я начиналъ, расхаживая по камерѣ, «читать газету». Сперва шла, конечно, «передовая статья» по какому-нибудь «животрепещущему» вопросу, затѣмъ—«городская хроника», «обозрѣнія», «фельетонъ», и т. д. Но, спустя нѣсколько дней, темы для наполненія «столбцовъ моей газеты» истощились, къ тому же это «чтеніе» все же не могло заполнить всего безконечнаго длиннаго дня; да и по ночамъ я часто изъ-за холода бодрствовалъ и, соскакивая съ постели, бѣгалъ изъ угла въ уголъ.

Прогулка по двору вносила также мало разнообразія въ

жизнь, потому что она происходила через день и длилась, вмѣстѣ съ одѣваніемъ и раздѣваніемъ приносимаго для этого своего платья, всего по четверти часа; къ тому же она совершалась по огороженному со всѣхъ сторонъ высокими каменными стѣнами дворику, гдѣ, кромѣ жандармовъ и часовыхъ, конечно, никого больше не бывало въ то время. Не только обмѣняться нѣсколькими словами съ караулившими заключенныхъ жандармами, но даже добиться отъ нихъ законческаго отвѣта на самый обыденный вопросъ рѣшительно нельзя было. О чемъ бы вы ихъ ни спросили, они, глядя вамъ прямо въ глаза, упорно молчали.

Но, спустя нѣсколько дней, нашлось и для меня небольшое развлеченіе: я услышалъ тихій и слабый стукъ, доносившійся откуда-то издалека по стѣнѣ. Сидя нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Кіевской тюрьмѣ, я научился бесѣдовать путемъ перестукиванія, и теперь я быстро вспомнилъ условную азбуку. Трудно передать мою радость, когда я услышалъ знакомые звуки и подумалъ, что они ко мнѣ относятся. Но, увы! Отвѣтивъ на стукъ, я скоро убѣдился, что не ко мнѣ онъ адресованъ; то бесѣдовали, повидимому, два старые пріятеля, которые, несмотря на мои попытки завязать съ ними «знакомство», упорно отъ этого отказывались; въ виду того, что перестукиванье строго преслѣдовалось въ крѣпости, эти два пріятеля, вѣроятно боялись принять третьяго неизвѣстнаго имъ человека въ свою компанію, такъ какъ, такимъ образомъ, они скоро были бы накрыты и слѣдовательно лишены возможности другъ съ другомъ разговаривать, чѣмъ, повидимому, они очень дорожили. Мнѣ оставалось только быть молчаливымъ свидѣтелемъ ихъ короткихъ бесѣдъ по утрамъ. Неизмѣнно раздавался одинъ и тотъ же разговоръ: «какъ ты спалъ»? «Что подѣлываешь?» А въ отвѣтъ: «Здравствуй!» «Хорошо», «пью чай». Но и этому однообразному разговору я завидовалъ. Я такъ и не узналъ: кто были перестукивавшіеся.

Прошло около десяти дней со времени моего пребыванія въ Петропавловской крѣпости, пока впервые меня позвали на допросъ. До этого никто, съ момента моего пріѣзда въ Россію, не только не допрашивалъ меня, но не справлялся даже о моей фамиліи; какъ посылку, идущую издалека по почтѣ, меня при бумагахъ

передавали съ рукъ на руки, не справляясь съ моимъ именемъ. Въ Петропавловской крѣпости ко мнѣ или никакъ не обращались, или—безъ всякаго имени, вѣрнѣе даже сказать, что тамъ совсѣмъ обходились безъ словъ, а одними жестами.

Однажды утромъ мнѣ принесли мое платье. Я одѣлся, предполагая, что предстоитъ прогулка, но меня повели не во дворъ, а въ какое-то помещеніе, гдѣ за столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ, сидѣли три человека, одѣтые въ форму министерства юстиціи. Пригласивъ меня сѣсть на свободномъ стулѣ, одинъ изъ нихъ заявилъ, что онъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ С.-Петербургскаго округа Ольшаниновъ, затѣмъ указывая на сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, отрекомендовалъ его прокуроромъ С.-Петербургской Судебной Палаты Муравьевымъ¹⁾, а третьяго онъ не назвалъ по фамиліи.

Начался допросъ. На предложенные слѣдователемъ вопросы о моемъ имени, званіи и проч., я впервые назвалъ себя, заранѣе рѣшивъ, что, будучи въ Россіи, нѣтъ больше ни малѣйшаго смысла заператься. Затѣмъ я рассказалъ также, какъ въ дѣйствительности было совершенно покушеніе на жизнь Горинича, не называя, конечно, никакихъ постороннихъ лицъ и нисколько не стараясь выгораживать себя; я зналъ, что никому не могу ни помочь, ни тѣмъ болѣе повредить своими правдивыми показаніями, такъ какъ всѣ сколько-нибудь заповѣрныя по этому дѣлу лица, какъ я выше сообщилъ, были уже осуждены за пять лѣтъ до того времени; себѣ же я ничѣмъ не могъ помочь, потому что размѣръ предстоявшаго мнѣ наказанія заранѣе опредѣлялся условіями выдачи меня изъ Бадена. Оставалось только, въ интересахъ истины, представить это дѣло въ настоящемъ его свѣтѣ.

Во время допроса слѣдователя, неназванный имъ третій судебскій иногда также вмѣшивался въ разговоръ и обращался ко мнѣ съ вопросами. Подобно тому, какъ во Фрейбургѣ случилось у меня съ проф. Туномъ, что я его не сразу узналъ, такъ и здѣсь оказалось, что то былъ Котляревскій, давно мнѣ извѣстный, съ 1877 г., по кіевской тюрьмѣ. Тогда онъ состоялъ товарищемъ прокурора тамошняго окружнаго суда, въ описывае-

¹⁾ Впоследствии министр юстиціи.

мое же время онъ былъ товарищемъ прокурора петербургской судебной палаты и завѣдывалъ специально политическими дѣлами. Хотя за Котляревскимъ въ революціонной средѣ упрочилась далеко не лестная репутація и, какъ извѣстно, на него сдѣлано было даже покушеніе Осинскимъ и другими лицами (въ февраль 1878 г.), тѣмъ не менѣе, встрѣтивъ его въ Петропавловской крѣпости, при вышеописанномъ режимѣ, я обрадовался ему, какъ земляку-киевлянину. Онъ также очень привѣтливо отнесся ко мнѣ; мы стали вспоминать прошлое, разспрашивать другъ друга о пережитомъ въ минувшіе годы. Чтобы не мѣшать слѣдователю, записывавшему мои показанія и составлявшему впервые теперь протоколъ о заключеніи меня въ тюрьмѣ, Котляревскій предложилъ мнѣ сѣсть съ нимъ поодаль въ той же комнатѣ. Какъ очень умный и хитрый человѣкъ, Котляревскій всегда отличался большой наблюдательностью и этими чертами умѣлъ пользоваться, ведя дознанія по политическимъ процессамъ.

— Помните,—замѣтилъ онъ, между прочимъ,—какимъ вы были вспыльчивымъ? Какъ однажды, вы на меня разсердились?

Я прекрасно помнилъ этотъ эпизодъ. Дѣло въ томъ, что во время заключенія въ кievской тюрьмѣ я былъ въ нервно-раздражительномъ состояніи. Отчасти поэтому, но также потому, что я принадлежалъ тогда къ «бунтарямъ», въ программу которыхъ входило, между прочимъ, воинственное поведеніе со всякаго рода властями, у меня въ кievской тюрьмѣ вышелъ однажды рѣзкій разговоръ съ Котляревскимъ изъ-за требованія, чтобы я подписалъ какой-то протоколъ, чего я не желалъ сдѣлать. Вдругъ Котляревскій подозвалъ смотрителя и что-то шепнулъ ему на ухо. Когда тотъ быстро затѣмъ удалился, я подумалъ, что товарищъ прокурора велѣлъ ему привести конвой, чтобы потащить меня въ карцеръ. Но каково же было мое удивленіе, а также и радость, когда я увидѣлъ въ дверяхъ вмѣстѣ со смотрителемъ моего друга, Я. Стефановича, который сидѣлъ въ той же тюрьмѣ, но такъ, что мы не могли видаться. Это неожиданное свиданіе было для насъ обоимъ очень пріятнымъ сюрпризомъ.

— Успокойте вашего товарища,—обратился тогда Котляревскій къ Стефановичу,—у него нервы разстроены.

Я тогда уже оцѣнилъ эту находчивость Котляревскаго и теперь сказалъ ему, что онъ въ Кіевѣ поступилъ со мною по джентльменски. Это ему, видимо, понравилось.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я указалъ ему на ту странность, что меня выдали изъ Германіи, какъ уголовного, а между тѣмъ содержать въ Петропавловской крѣпости, въ которой находятся одни лишь политическіе заключенные.

— Не понимаю также, сказалъ я, почему меня привезли въ Петербургъ, когда дѣло, по которому меня привлекаютъ, произошло въ Одессѣ, а по нашимъ законамъ процессъ долженъ тамъ состояться, гдѣ имѣло мѣсто преступленіе?

Котляревскій ничего на это не отвѣтилъ; лишь по поводу высказаннаго мною недоумѣнія, почему мнѣ не предоставляютъ возможности пользоваться моими же деньгами для улучшенія пиши, онъ обѣщалъ переговорить съ директоромъ департамента государственной полиціи Плеве.

Вскорѣ послѣ этого допроса полковникъ Лѣсникъ перевелъ меня въ значительно болѣе свѣтлую и теплую камеру, расположенную въ верхнемъ этажѣ. Да и вообще въ его обращеніи замѣтна стала нѣкоторая перемѣна къ лучшему. Дня черезъ два послѣ допроса онъ сообщилъ мнѣ, что деньги и вещи мои переведены изъ департамента полиціи, и я теперь могу сдѣлать себѣ выписку съѣстныхъ припасовъ и табаку.

Но меня болѣе всего обрадовала возможность пользоваться очками. Оказалось, однако, что разрѣшеніе носить ихъ зависитъ отъ тюремнаго врача. Вскорѣ и онъ явился ко мнѣ. Это былъ старикъ лѣтъ 60-ти, въ генеральскомъ чинѣ, пользовавшийся среди политическихъ репутаціей крайне грубаго и невѣжественнаго человѣка. Онъ немедленно это и мнѣ доказалъ. Приподнявъ по порядку оба верхнія вѣка и вскользь взглянувъ на меня, стоя на значительномъ разстояніи, онъ съ амплотомомъ заявилъ, что у меня совершенно нормальное зрѣніе и въ очкахъ я не нуждаюсь. А между тѣмъ, по опредѣленію одного изъ лучшихъ нашихъ окулистовъ того времени, проф. Гиршмана (въ Харьковѣ), у меня былъ довольно рѣдко встрѣчающійся случай аномаліи, и съ 18 лѣтъ я при чтеніи не могъ

обходиться безъ очковъ. Отказъ крѣпостнаго врача повергъ меня чуть не въ отчаяніе. Я готовъ былъ кричать, молить и ругать его; я долженъ былъ сдѣлать надъ собою усилие, чтобы не наговорить ему рѣзкостей.

— Помилуйте, вѣдь я совершенно не могу обходиться безъ очковъ при чтеніи! кричалъ я. Для меня пытка быть лишеннымъ единственнаго здѣсь развлеченія!

Но грубый эскулапъ остался непреклоннымъ и, повторяя все одну и ту же фразу: «нѣтъ, вамъ очки не нужны», направился къ выходу. Я нервно сжималъ кулаки, слезы досады и сердитаго безсилія подступали къ горлу. Еще минута, и я, вѣроятно, не смогъ бы совладать со своими нервами.

Пришлось, однако, помириться съ этимъ отказомъ,—съ тѣмъ только человѣкъ не мирится! Злоба душила меня каждый разъ, какъ я вспоминалъ потомъ этого генерала-доктора. Поневолѣ оставалось развлекаться куреніемъ. Папирота стала моимъ собесѣдникомъ и другомъ,—съ нею вообще заключенный чувствуетъ себя лучше, не столь одинокимъ, отверженнымъ.

Но вотъ однажды, слышу стукъ въ стѣну, слабый, тихій, совсѣмъ вблизи меня. «Не ко мнѣ-ли это?» думаю. Отвѣчаю принятымъ условнымъ знакомъ—нѣсколькими учащенными ударами. Да, это ко мнѣ! Какая радость! Я узнаю, кто изъ товарищей сидитъ въ крѣпости, приобретаю собесѣдника. «Кто вы? По какому дѣлу?»—разбираю я его стукъ. Нервно хватаю гребень—единственную твердую вещь, которую въ крѣпости разрешали имѣть при себѣ—и начинаю выстукивать свое имя и фамилію. Слышу, мой собесѣдникъ изумленъ: какими судьбами?» спрашиваетъ онъ. «А вы кто?» стучу я. «Кобылянский!» слѣдуетъ отвѣтъ.

Меня не менѣе удивила эта, если можно такъ выразиться, «встрѣча» съ нимъ здѣсь. Хотя на волѣ намъ не случалось встрѣчаться, но я зналъ, что за участіе въ разныхъ террористическихъ предпріятіяхъ онъ былъ (въ 1880) приговоренъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ и давно отправленъ въ Сибирь, на Кару. Какимъ же образомъ онъ могъ теперь очутиться въ Петербургѣ, въ Петропавловской крѣпости? Меня разбирало нетерпѣніе поскорѣе узнать, что такое случилось? Но и его не менѣе интересовало узнать, какимъ образомъ меня

арестовали? Мнѣ пришлось уступить. Но едва успѣлъ я, исполняя его просьбу, передать въ самыхъ лаконическихъ выраженіяхъ, про арестъ и выдачу меня изъ Германіи, какъ услышалъ возгласъ:

— Вы перестукиваетесь?

Я встрепенулся. Повернувъ голову по направленію къ двери и держа въ поднятой рукѣ гребень, я увидѣлъ полковника Лѣсника, въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ, подбравшихся на цыпочкахъ и неслышно открывшихъ дверь. Меня поймали «на мѣстѣ преступленія».

— Имѣйте въ виду,—заявилъ онъ,—если мы еще разъ захватимъ васъ за этимъ занятіемъ, то я вновь переведу васъ въ нижній этажъ, лишу прогулокъ и права пользоваться деньгами.—Сказавъ это, онъ удалился съ суровымъ видомъ.

Я чувствовалъ себя въ положеніи школьника, захваченнаго на дѣтской шалости; но перестукиваніе является такой же потребностью для заключеннаго, какой устная рѣчь—для всякаго вообще человѣка. Лишь впоследствии я узналъ, почему Кобылянскаго привезли изъ Сибири въ Петропавловскую крѣпость, но объ этомъ я расскажу ниже.

Вскорѣ послѣ вышеописаннаго, въ неурочное время мнѣ принесли мое платье. Я предполагалъ, что меня поведутъ на допросъ. Но, нѣтъ,—очевидно, меня совсѣмъ хотятъ увозить отсюда: появился тотъ самый жандармскій ротмистръ, который привезъ меня съ вокзала, принесли изъ цейхгауза всѣ мои вещи.

— Куда меня, въ Одессу?—спрашиваю. Но офицеръ и нижніе чины упорно молчатъ. «Должно быть, на вокзалъ?» думаю я, сидя вновь въ компаніи жандармовъ, въ извозничьей каретѣ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ промежуточныхъ моментовъ, во время петербургскихъ «бѣлыхъ» ночей, когда нельзя разобрать, смеркается-ли или разсвѣтаетъ. Погода была прекрасная и, думая о предстоящей поѣздкѣ въ Одессу, я почувствовалъ, что у меня стало легче на душѣ.

Но, нѣтъ, меня не на вокзалъ везутъ: съ Троицкаго моста карета повернула на другую сторону. Вскорѣ она заѣхала во дворъ огромнаго казеннаго зданія. То былъ Домъ Предварительнаго Заключенія.

ГЛАВА VIII.

Въ Домѣ Предварительнаго Заключенія.

Сдавая меня помощнику управляющаго домомъ, жандармскій ротмистръ указалъ ему пальцемъ на какое-то мѣсто въ переданной при этомъ бумагѣ. Поднявъ глаза, помощникъ посмотрѣлъ на меня пытливо; вѣроятно, въ указанномъ мѣстѣ говорилось, чтобы имѣть за мною особенно строгій присмотръ, въ виду прежнихъ моихъ побѣговъ.

— Эти вещи можете взять съ собою,—сказалъ помощникъ, подавая мнѣ карманные часы, золотое кольцо, цѣнный портъ-табакъ и очки. А книги ваши пойдутъ сперва къ прокурору и, если онѣ дозволеннаго содержанія, вамъ ихъ передадутъ; платье и бѣлье получите также послѣ осмотра ихъ надзирателемъ.

Сразу видно было, что режимъ въ этой тюрьмѣ иной. Когда по прошествіи нѣкотораго времени я получилъ отъ надзирателя всѣ свои вещи въ камеру, то первымъ дѣломъ удосто-вѣрился, цѣлы-ли спрятанныя мною деньги и ножницы. Несмотря на обыски въ Петропавловской крѣпости и въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, все оказалось нетронутымъ. Спрятавъ, на всякій случай, вновь ножницы въ вещахъ, я рѣшилъ обмѣнять германскія марки на русскіе рубли, но такимъ образомъ, чтобы хоть часть денегъ осталась конспиративно при мнѣ. Я началъ присматриваться къ надзирателямъ, которыхъ на томъ коридорѣ, гдѣ я сидѣлъ, было трое, и они смѣнялись каждыя сутки. Самымъ симпатичнымъ изъ нихъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, мнѣ показался тотъ, который осматривалъ мои вещи, когда меня привезли сюда. Его-то я и рѣшилъ привлечь на свою сторону. Доставъ изъ укромнаго мѣста нѣмецкія марки и положивъ ихъ въ карманъ, я пригласилъ этого надзирателя зайти ко мнѣ въ камеру.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ, затворивъ за собою дверь.

— Вы хорошо осматривали мои вещи, помните, въ первый вечеръ, когда меня привезли сюда?—спросилъ я.

— Да, хорошо! А что случилось?—спросилъ онъ съ тревогою.

— Ничего особеннаго,—успокоилъ я его.—Только скажу вамъ, что вы не умѣете искать: вотъ, смотрите, у меня были деньги въ вещахъ, а вы ихъ не нашли—сказалъ я, показывая ему пачку бумажекъ.

— Быть этого не можетъ!—воскликнулъ онъ,—я очень тщательно осматривалъ. Куда вы ихъ спрятали?

— Ну, это уже мой секретъ—замѣтилъ я.—А теперь вотъ въ чемъ дѣло: это нѣмецкія деньги: если ихъ размѣнять, будетъ около 50 рублей. Такъ вотъ, берите ихъ и когда смѣнитесь, отправьтесь въ какую-нибудь контору,—ихъ много на Невскомъ,—и размѣняйте: половина вамъ, а другая мнѣ. Согласны?

— Хорошо, согласенъ!—сказалъ онъ и, спрятавъ взятыя у меня марки, удалился.

«Блюеть!» подумалъ я съ радостью и сталъ строить всевозможные планы. Изъ прошлаго опыта я зналъ, что прежде всего необходимо завязать тайныя сношенія съ волей. Нерѣдко намъ, политическимъ, это удавалось устроить черезъ надзирателей, которые за хорошее вознагражденіе соглашались переносить письма изъ тюрьмы на волю и обратно ¹⁾. Увидѣвъ теперь, какъ легко надзиратель согласился на мое предложеніе, я началъ строить дальнѣйшій планъ дѣйствій. «Спустя нѣсколько дней», думалъ я, «попробую дать ему какое-нибудь письмо, чтобы онъ отправилъ по почтѣ, затѣмъ пошлю его съ письмомъ къ кому-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, а тамъ, завязавши, такимъ образомъ, тайныя сношенія съ волей,—уносился я мысленно,—кто его знаетъ? можетъ быть, что-нибудь и выгоритъ»...

Мой разговоръ съ этимъ надзирателемъ произошелъ утромъ, и цѣлый день я былъ въ возбужденномъ состояніи. Заглядывая ко мнѣ, время отъ времени, черезъ окошечко, продѣланное въ дверяхъ, этотъ надзиратель полмигивалъ и ухмылялся мнѣ, на что я ему отвѣчалъ тѣмъ же. Но передъ вечеромъ онъ

¹⁾ На югѣ, въ Кіевѣ, мы называли такого надзирателя, „голубецъ“.

вновь зашелъ ко мнѣ въ камеру и, отдавая германскія марки, сказалъ:

— Берите ихъ назадъ, боюсь, какъ бы не попасться. У насъ тутъ на дняхъ случай былъ: у надзирателя, при выходѣ изъ этого дома, нашли двое часовъ. «Откуда это у тебя?»— стали его допытывать. Ну, его и уволили. А жалованье, знаете, тутъ хорошее—25 руб. въ мѣсяцъ. Не легко найти другую такую службу. Нѣтъ, боюсь, берите ихъ назадъ, у меня семья.

Я не настаивалъ, зная, что изъ такихъ нерѣшительныхъ приставниковъ не можетъ выйти «голубя». Но, не предвидя возможности и въ будущемъ размѣнять германскія марки тайнымъ образомъ, я велѣлъ этому же надзирателю передать ихъ открыто помощнику управляющаго съ тѣмъ, чтобы размѣнявъ, тотъ присоединилъ ихъ къ уже имѣвшимся въ конторѣ моимъ деньгамъ.

— Скажите, что вы ихъ нашли при осмотрѣ моихъ вещей, сказалъ я ему.

— Нѣтъ, такъ не годится: спросить, почему столько дней не отдавалъ ихъ? Лучше правду скажу, что вы сами мнѣ только теперь ихъ передали.

Такимъ образомъ, мои планы, которыми я далеко заносился впередъ, рухнули въ тотъ же вечеръ. Германскія же деньги были обмѣнены и присоединены къ моимъ.

Собственные мои книги вскорѣ дѣйствительно были принесены мнѣ въ камеру. Я также могъ пользоваться и имѣвшейся при Домѣ Предварительнаго Заключенія библиотекой. Поэтому, послѣ продолжительнаго лишенія, испытаннаго мною въ крѣпости, я съ наслажденіемъ набросился на чтеніе. Письменные принадлежности также можно было имѣть у себя въ камерѣ. Такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія было значительно лучше, чѣмъ въ Петропавловской крѣпости. Но здѣсь были также и отрицательныя стороны: маленькія камеры съ каменнымъ поломъ лѣтомъ сильно накалялись, въ нихъ было душно и пыльно; пища также уступала крѣпостной, какъ по качеству, такъ и по размѣрамъ, а мѣста для прогулокъ вполнѣ напоминали клѣтки для звѣрей. Представьте себѣ огромный кругъ, подѣленный высокими заборами, идущими отъ центра, на много равныхъ частей-секторовъ.

Гуляя по такому «скотскому загону», какъ мы называли эти клѣтки, заключенный видѣлъ лишь кусокъ неба, да часть двора. Правда, на прогулку водили ежедневно, и она продолжалась 45 мин., но тѣсные размѣры „загона“ дѣлали ее не особенно привлекательной.

Въ противоположность убійственной тишинѣ, господствовавшей въ Петропавловской крѣпости, здѣсь кругомъ было, наоборотъ, большое оживленіе. Со всѣхъ сторонъ доносились крики, шумъ, гамъ. Временами заключенному могло казаться, что онъ находится на какомъ-нибудь заводѣ или фабрикѣ. Съ коридора, окна котораго выходили на улицу, доносились чрезъ дверь городская жизнь, ѣзда экипажей и трамваевъ, крики разносчиковъ или игра шарманщика. Но подчасъ этотъ шумъ, напоминая заключенному про вольный свѣтъ, вызывалъ у него особенно грустное настроеніе.

Однажды, я замѣтилъ на коридорѣ и во дворѣ необычную суету,—вездѣ тщательно чистили и убирали,—очевидно, готовились къ посѣщенію очень важной особы. Вскорѣ я узналъ, что ждутъ тогдашняго министра юстиціи Набокова. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, онъ зашелъ въ мою камеру, въ сопровожденіи большой свиты. Когда кто-то назвалъ мою фамилію, онъ, поздоровавшись, сказалъ мнѣ:

— Я читалъ ваши показанія, они мнѣ очень понравились своей правдивостью. Хотѣлось бы, чтобы вы и на судѣ также показывали.

Я повторилъ ему то, что уже выше сказалъ о своихъ показаніяхъ, то есть, что, давая ихъ, я руководствовался однимъ лишь интересомъ истины.

Раза два министръ выходилъ и снова возвращался въ мою камеру, обращаясь съ малозначущими вопросами; при этомъ онъ имѣлъ такой видъ, словно ему хотѣлось о чемъ то спросить и поговорить. Наклоняясь немного впередъ къ собесѣднику и прикладывая правую руку къ уху, очевидно затѣмъ, чтобы лучше слышать слова говорившаго, министръ въ обращеніи производилъ впечатлѣніе не важничающаго са-новника.

Въ числѣ свиты былъ и Котляревскій. Задержавшись не-

много въ моей камерѣ, онъ сказалъ, что, проводивши министра, вызоветь меня къ себѣ. Спустя нѣкоторое время меня повели въ помещеніе, служившее школой при Домѣ Предварительнаго Заключенія.

— Я вызывалъ васъ сюда не на допросъ, а просто, чтобы побесѣдовать, вспомнить старину,—сказалъ Котляревскій, садясь рядомъ со мною на одну изъ партъ, и у насъ скоро завязалась оживленная бесѣда.

Придравшись къ какому-то моему вопросу, Котляревскій вспомнилъ о высказанномъ мною во время первой нашей бесѣды недоумѣніи, почему меня содержатъ въ Петропавловской крѣпости.

— На это, видите-ли, были важныя государственныя соображенія,—сказалъ онъ.—Дѣло въ томъ, что разъ васъ будутъ судить только за покушеніе на Гориновича, то вамъ могутъ отсчитать 8—10 лѣтъ каторжныхъ работъ. Вотъ это-то и не желательно было въ *высшихъ сферахъ*,—сказалъ онъ, подчеркивая послѣднія слова.

— Но какъ же могли бы поступить со мною иначе? удивился я,—вѣдь изъ Германіи меня выдали на извѣстныхъ условіяхъ?

— Ну, съ Германіей можно бы уладить: мы съ Бисмаркомъ теперь въ наилучшихъ отношеніяхъ; можно было бы дѣло представить такъ, что вы уже послѣ выдачи совершили политическое преступленіе. Кстати: нѣмцы передали всѣ отобранныя у васъ бумажки.

Я былъ пораженъ; какъ я уже выше сообщалъ, сидя во фрейбургской тюрьмѣ, я, отъ нечего дѣлать, набрасывалъ на бумагѣ разнаго рода замѣтки и планы, но я рѣшительно не могъ понять, какимъ образомъ эти наброски попали въ руки русскаго правительства, такъ какъ мнѣ казалось, что, передъ отбѣздомъ изъ Фрейбурга, я уничтожилъ всѣ свои рукописи. Въ дѣйствительности же, очевидно, произошло такъ, что когда я тамъ выходилъ на прогулку, оставляя все у себя на столѣ, то въ моихъ рукописяхъ рылись и нѣкоторыя изъ нихъ передали русскимъ властямъ. Все же, на основаніи такихъ документовъ, мнѣ казалось трудно было бы составить противъ меня

новое обвиненіе и измѣнить договоръ съ Германіей. Когда я это высказалъ Котляревскому, онъ возразилъ:

— Не беспокойтесь, придумали бы! Тогда измѣнили бы договоръ, и васъ осудили бы за всѣ ваши дѣянія. Вѣдь менѣе васъ виновныхъ — Малинку, Дробязгина и Майданскаго давно казнили. А вы вотъ бѣжали изъ тюрьмы, послѣ покушенія на Гориновича еще цѣлыхъ восемь лѣтъ куралесили, устраивали со Стефановичемъ Чигиринскій заговоръ и прочее. И за все это осудить васъ на нѣсколько лѣтъ каторги правительству, понятно, не хочется. Ну вотъ, когда васъ привезли, «въ высшихъ сферахъ» и было специальное засѣданіе. Меня, конечно, на такія совѣщанія не приглашаютъ: я слишкомъ незначительная величина. Но мнѣ объ этомъ рассказывало лицо, участвовавшее въ немъ. Большинство склонялось къ тому, чтобы вновь вступить въ переговоры о васъ съ Германіей и добиться у нея согласія на измѣненіе суда надъ вами. Ну тогда васъ приговорили бы по заслугамъ. Но одно лицо возстало противъ этого намѣренія по такимъ соображеніямъ: хорошо, сказало это лицо, мы получимъ согласіе Германіи, но выгодна ли намъ такая перемѣна договора? Теперь попался Дейчъ, а завтра въ другой странѣ могутъ захватить поважнѣе его птицу, но уже не согласятся выдать, ссылаясь на то, что Россія измѣняетъ условія договора, и будутъ указывать на случай съ Дейчемъ. Съ этими соображеніями согласились многіе, и только поэтому рѣшено судить васъ лишь за покушеніе на Гориновича. Вотъ почему мы такъ долго не пріѣзжали допрашивать васъ и держали васъ въ Петропавловской крѣпости.

Открывая мнѣ эту «государственную тайну», Котляревскій, быть можетъ, желалъ и меня расположить къ откровенности, но допускаю, что онъ дѣлалъ это безъ всякой задней мысли. Въ теченіе продолжительной нашей бесѣды онъ касался очень многихъ темъ. Когда между прочимъ, рѣчь зашла о политическихъ преслѣдованіяхъ въ Россіи, я указалъ ему на то, что у насъ часто приговариваютъ къ жестокимъ наказаніямъ вполне невинныхъ людей.

— Что же,—возразилъ онъ,—гдѣ лѣзъ рубять, тамъ щепки летятъ. Еще римляне говорили «Summa jus summa injuria». Я лично, впрочемъ, противъ смертной казни. По моему, въ

обширномъ государствѣ неизбежны политическія преступленія; на многомилліонное населеніе всегда найдется нѣкоторый контингентъ недовольныхъ. Противъ нихъ, конечно, необходимо принимать мѣры, но сильное правительство, не прибѣгая къ смертной казни, можетъ сдѣлать безвредными этихъ недовольныхъ.

Коснувшись этой темы, онъ какъ бы вскользь вставилъ вопросъ, сколько, по моему мнѣнію, осталось теперь террористовъ въ Россіи? Я отвѣтилъ, что не могу этого знать, такъ какъ самъ принадлежу не къ террористической, а къ социал-демократической партіи.

— Все же, думаю, вамъ, какъ «дружественной державѣ», приблизительно извѣстно положеніе террористовъ. Я полагаю, что ихъ совсѣмъ немного осталось,—заклучилъ онъ.

Въ то время активныхъ террористовъ въ Россіи дѣйствительно осталось немного. Но, не желая, чтобы Котляревскій имѣлъ столь невыгодное представленіе о силахъ «дружественной державы», я сказалъ, что террористовъ, по всей вѣроятности, осталось «только нѣсколько сотъ человѣкъ».

— Что вы! — воскликнулъ онъ — быть этого не можетъ! Я полагаю, что нѣсколько только человѣкъ: вѣдь въ послѣдніе годы было много крупныхъ арестовъ и всѣхъ видныхъ дѣятелей забрали.

Я продолжалъ настаивать на своемъ. Съ тѣмъ мы и разстались.

Въ описываемое мною время, т. е. лѣтомъ 1884 г., въ Домѣ Предварительнаго Заключенія сидѣло много лицъ, привлеченныхъ по подозрѣнію въ разныхъ политическихъ «преступленіяхъ». Главное изъ нихъ, по которому была арестована масса лицъ не только въ Петербургѣ, но во многихъ городахъ Европейской Россіи и Сибири, Котляревскій называлъ «дѣломъ о старыхъ брюкахъ». Въ отвѣтъ на мой вопросъ, въ чемъ состоитъ это странное дѣло, Котляревскій расказалъ мнѣ слѣдующее. У кого-то при обыскѣ нашли списокъ лицъ, черезъ посредство которыхъ можно было пересылать платъ, бѣлье и прочее политическимъ заключеннымъ и ссыльнымъ. Изъ арестованныхъ лицъ хотѣли создать серьезный процессъ о тайномъ сообществѣ «Краснаго Креста Народной Воли»,—сказалъ

Котляревскій, намекая, конечно, на жандармовъ, съ которыми прокуратура у насъ нерѣдко въ антагонизмѣ. — Ну, какой же тутъ заговоръ, когда передаютъ заключенному подержанное платье и бѣлье! Котъ это-то дѣло я и называю «дѣломъ о старыхъ брюкахъ». Оно теперь у меня, и я стараюсь напечатать его административнымъ порядкомъ.

Кромѣ лицъ, привлеченныхъ по этому дѣлу, въ Домѣ Предварительнаго Заключенія въ то время содержались нѣкоторые изъ извѣстныхъ у насъ литераторовъ: Кривенко, Протопоповъ, Станюковичъ, Эртель. Протопоповъ сидѣлъ рядомъ со мною, и мы съ нимъ скоро стали перестукиваться. Но на первыхъ же порахъ у насъ вышло недоразумѣніе. Послѣ обмѣна названіями фамилій, онъ почему-то вдругъ пересталъ отвѣчать на мой стукъ. Я былъ въ полномъ недоумѣніи, не зная, чѣмъ это объяснить? Дни проходили за днями; я слышалъ, какъ онъ прохаживался по камерѣ, разговаривалъ черезъ дверное оконечко съ ключниками, а со мной онъ упорно отказывался перестукиваться. Наконецъ, я объяснилъ себѣ его отказъ нежеланіемъ подвергаться замѣчаніямъ со стороны тюремной администраціи, хотя перестукиваніе не очень строго и энергично ею преслѣдовалось. Прошло, такимъ образомъ, много дней. Я уже потерялъ надежду завязать черезъ стѣну знакомство со своимъ упрямымъ сосѣдомъ, когда онъ вдругъ вновь застучалъ ко мнѣ: «почему вы отъ меня скрываете свою фамилію?» Я отвѣтилъ ему, что простучалъ ее въ первый же день нашего знакомства и теперь снова повторилъ ее. Тогда онъ простучалъ: «простите, я виноватъ передъ вами,—принялъ васъ за шпиона, такъ какъ не разобралъ вашей фамиліи, — выходила какая-то безмыслица, и я подумалъ, что вы нарочно такъ путаете».

Послѣ этого объясненія у насъ быстро пошло знакомство. Съ воли мы по наслышкѣ знали другъ о другѣ и имѣли много общихъ знакомыхъ. Чтобы взаимно повидать наши филономіи, мы прибѣгли къ такому приему. Гуляющіе въ «загонахъ» во дворѣ были видны изъ оконъ нашихъ камеръ, которыя находились въ шестомъ этажѣ. Какъ помѣщавшіеся въ одномъ коридорѣ, мы съ нимъ гуляли одновременно; поэтому мы условились, что поочередно пропустимъ по разу прогулку: оставшіеся въ камерѣ хорошо могъ разсмотрѣть тѣхъ, которые

гуляли внизу, во дворѣ, а признать другъ друга мы сговорились по условленнымъ между нами признакамъ и сигналамъ. Когда, такимъ образомъ, мы узнали другъ друга, для полнаго знакомства намъ осталось еще услышать взаимно наши голоса.

Еще съ воли каждый изъ насъ зналъ, что политическіе, находившіеся въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, не только разговаривали, но ухитрялись передавать другъ другу небольшія вещи черезъ ватерклозетные каналы. Последніе были тогда такъ устроены, что соединяли собой по двѣ смежныя камеры во всѣхъ шести этажахъ; слѣдовательно, одновременно могли сноситься 12 человекъ, каковыя и составляли одинъ «клубъ». Зная объ этомъ теоретически, мы съ Протопоповымъ сразу сообразили, какъ намъ вступить въ устную бесѣду. Подошедши къ ватерклозету, находившемуся въ камерѣ у наружной стѣны, мы одновременно подняли крышки и спустили внизъ скопляющуюся для дезинфекціи воду; по образовавшемуся послѣ этого по лому каналу звуки разносились, какъ по трубѣ. Поэтому, стоя надъ отверстіемъ ватерклозета, можно было совершенно свободно разговаривать, нисколько не повышая голоса, а промывное спущенной водой отверстіе не издавало ни малѣйшаго запаха.

Пока я сидѣлъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, въ общемъ, я, несомнѣнно, чувствовалъ себя лучше, чѣмъ прежде. Будучи во фрейбургской тюрьмѣ, я метался отъ нетерпѣнія поскорѣ выйти на волю, въ крѣпости я чувствовалъ себя въ угнетенномъ состояніи, а здѣсь я въ сущности сталъ относиться вполне равнодушно ко всему: «10—15 лѣтъ каторги—не все ли равно?» думалъ я. Будущее мнѣ представлялось уже окончательно для меня пропавшимъ. Трудно примириться съ такой мыслью, особенно, когда чувствуешь себя совершенно здоровымъ человекомъ. Временами, хотя, правда, очень рѣдко, вдругъ являлась какая-то неопредѣленная надежда на что-то хорошее въ будущемъ, и мысль забѣгала далеко впередъ. Но однажды обманутый уже надеждами, во время фрейбургскаго ареста, я часто со злостью гналъ прочь отъ себя радужныя мечты и давалъ имъ неслестные эпитеты, называя ихъ лживыми и предательскими. «Скорѣе, думалъ я, судьба вновь пошлетъ мнѣ

совершенно неожиданно неприя́тный сюрпризъ», и я старался ко всему приготовиться.

Много недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ меня перевели въ Домъ Предварительнаго Заключенія, во меня ни разу не вызывали болѣе на допросъ, и я совершенно не зналъ, въ какомъ положеніи находится мое дѣло. Можетъ быть, въ «высшихъ сферахъ» вновь перемѣнили взглядъ на мой счетъ и, какъ выразился Котляревскій, тамъ вновь «придумываютъ способъ», чтобы привлечь меня къ суду, какъ политическаго и «воздать» за всѣ мои дѣянія. Такія мысли не позволяли чувствовать себя вполне спокойнымъ. «Не даромъ, думалось мнѣ, на допросъ не вызываютъ и въ Одессу не везутъ: что-нибудь затѣвается».

— Собирайтесь, за вами пріѣхали!—сказалъ мнѣ дежурный надзиратель въ одно чудное іюльское утро, лишь только я вернулся съ прогулки въ камеру, чувствуя себя на этотъ разъ въ особенно бодромъ настроеніи.

У подъѣзда стояла обычная извозищья карета, въ которую я сѣлъ, конечно, вмѣстѣ съ жандармами. Отъ нихъ, само собой разумѣется, нельзя было добиться отвѣта, куда меня везутъ? Такая неизвѣстность, хотя она и длилась недолго, неприя́тно дѣйствовала на нервы. Спустя нѣкоторое время, карета вернулась во дворъ какого-то зданія и остановилась у подъѣзда. Меня ввели затѣмъ въ крохотную камеру, имѣвшую окно съ матовыми стеклами. Прохаживаясь по ней и посматривая на продѣланное въ дверяхъ окошечко, я замѣтилъ, что какой-то офицеръ заглядываетъ ко мнѣ.

— Можно къ вамъ зайти?—спросилъ онъ нерѣшительно, открывъ окошечко.

Разсмотрѣвъ его погоны, я увидѣлъ, что то былъ жандармскій полковникъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

Открывъ дверь, полковникъ вошелъ съ предупредительною улыбкой. Это былъ еще совсѣмъ молодой человекъ, лѣтъ подъ 30.

— Позвольте съ вами познакомиться: полковникъ Ивановъ,—заговорилъ онъ, расшаркиваясь.

— Скажите, гдѣ я нахожусь и зачѣмъ меня сюда привезли?—спросилъ я.

— Это губернскае жандармское управленіе, — отвѣтилъ онъ, — васъ привезли на допросъ и скоро вызовутъ въ камеру къ прокурору; мнѣ же просто хочется побесѣдовать съ вами, поговорить объ общихъ знакомыхъ.

— Откуда вы меня знаете?

— Помилуйте! — воскликнулъ онъ съ улыбкой, — едва ли въ Россіи есть интеллигентный человѣкъ, который не зналъ бы васъ по имени.

Очевидно, жандармы также причисляли себя къ интеллигенціи, — къ тому слою общества, въ защиту котораго какъ разъ въ описываемое время въ нашихъ передовыхъ журналахъ появлялись статьи, въ которыхъ подъ «интеллигенціей», въ виду цензурныхъ условій, подразумѣвались революціонеры.

— У насъ съ вами много общихъ знакомыхъ, — продолжалъ жандармскій полковникъ. — Я зналъ всѣхъ вашихъ товарищей: Малинку, Дробязгина, Майданскаго. Я былъ раньше жандармскимъ адъютантомъ въ Одессѣ и тамъ со всѣми познакомился. Отъ нихъ я многое и о васъ слыхалъ. Прекрасные были люди.

Теперь я понялъ, почему онъ добился такого крупнаго чина и перевода въ столицу. Благодаря политическимъ процессамъ въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ нѣкоторые жандармскіе офицеры и прокуроры очень быстро занимали видные посты. На жизни и свободѣ политическихъ заключенныхъ такіа лица «дѣлали карьеру», созидали свое благополучіе. Вѣроятно и полковникъ Ивановъ не послѣднюю роль игралъ въ осужденіи на казнь и каторжныя работы тѣхъ моихъ товарищей, о которыхъ теперь отзывался съ похвалой.

Разговоръ съ полковникомъ Ивановымъ не клеился. Вскорѣ затѣмъ меня ввели въ большой и красивый меблированный кабинетъ, въ которомъ на мягкомъ креслѣ, за письменнымъ столомъ сидѣлъ Котляревскій.

— Вотъ тутъ имѣются бумаги, касающіяся васъ, — сказалъ онъ, указывая на лежавшее на столѣ дѣло, и затѣмъ, раскрывъ его, сталъ читать.

«Въ началѣ августа 1878 г., вдова убитаго въ Кіевѣ жан

дармскаго адъютанта барона Гейкинга, гуляя въ Петербургѣ вблизи дома, въ которомъ жилъ тогдашній шефъ жандармовъ Мезенцовъ, замѣтила двухъ молодыхъ людей, выслѣживавшихъ этого генерала». Въ одномъ изъ этихъ лицъ, показывала баронесса она признала меня. Такое же выслѣживаніе мною генерала Мезенцова она замѣтила также и на слѣдующій день, когда гуляла на этотъ разъ со своимъ родственникомъ, барономъ фонъ-Бергомъ. Въ прочитанныхъ мнѣ затѣмъ показаніяхъ послѣдняго онъ вполне подтверждалъ слова баронессы Гейкинги.

Было время, въ 1878—1879 гг., когда нѣкоторые обыватели, по личной ли злобѣ ко мнѣ или влѣдствіе недоразумѣнія и легкомыслія, приписывали мнѣ авторство и участіе во всевозможныхъ фактахъ и происшествіяхъ, случавшихся въ то время въ разныхъ концахъ Россіи. Выдумки такихъ лицъ попадали иногда на столбцы газетъ, и, читая ихъ, мнѣ самому приходилось изумляться: я оказывался подобнымъ Рокамболу. Помню, напр., что 25 мая 1878 г., когда я еще сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ Кіевѣ, кажется, съ цѣлью грабежа была убита какая-то богатая помѣщица. На слѣдующую ночь въ Кіевѣ же былъ убитъ баронъ Гейкингъ, а въ ночь съ 27 на 28 мая я съ двумя товарищами бѣжалъ изъ тюрьмы. Очувшись на волѣ, я самъ читалъ въ газетахъ высказывавшіяся нѣкоторыми лицами предположенія, что какъ помѣщицу, такъ и барона Гейкинга, убилъ никто иной, какъ я! Для совершенія этихъ убійствъ, я, слѣдовательно, выходилъ изъ тюрьмы и вновь добровольно дважды возвращался въ нее, очевидно, затѣмъ, чтобы окончательно уйти изъ нея уже въ компаніи съ товарищами.

Столь же нелѣпы были и сообщенія о моемъ непосредственномъ участіи въ убійствѣ генерала Мезенцова. По прочтеніи этихъ показаній, Котляревскій спросилъ, что я могу сказать по поводу ихъ?

— Правительство очевидно не хочетъ отказаться отъ мысли прицѣпить меня еще къ какимъ-нибудь дѣламъ, — заявилъ я. — Но ни по какимъ другимъ обвиненіямъ я не буду давать показаній.

— Что же, не хотите ничего показывать, ну и оставимъ это, — сказалъ Котляревскій.

Ему, повидимому, хотѣлось завести со мною подробный

разговоръ объ этомъ дѣлѣ, но убѣдившись, что его попытки тщетны, онъ перевелъ бесѣду на другія, совершенно безразличныя, темы.

Въ это время изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ Богдановичъ, который ѣздилъ во Фрейбургъ, уличать меня. Поздоровавшись со мною, онъ присѣлъ къ столу, за которымъ мы сидѣли съ Котляревскимъ. Теперь мы встрѣтились съ нимъ безъ всякой злобы, какъ будто между нами не происходило раньше рѣзкаго разговора.

— Скажите, — обратился я къ нему, — теперь это уже дѣло прошлое: когда вы меня видѣли въ Кіевѣ? Я рѣшительно не помню этого.

Онъ замаялся и затѣмъ заявилъ, что какъ-то видѣлъ меня, будучи въ тюрьмѣ. Но говорилъ онъ это не достовѣрнымъ тономъ. Дѣло, очевидно, было такъ, что ему Котляревскій сообщилъ мои примѣты, по которымъ онъ и призналъ меня во Фрейбургѣ. Мнѣ интересно было также узнать отъ него, за долго ли до выдачи меня баденское правительство узнало, кто я въ дѣйствительности?

— Что вы не Булыгинъ, — сказала Богдановичъ, — оно узнало за нѣсколько недѣль до выдачи. Тогда снаружи фрейбургской тюрьмы былъ поставленъ караулъ, котораго раньше тамъ не было. А о томъ, что вы Дейчъ баденское правительство узнало за нѣсколько дней до моего приѣзда.

Послѣ этого сообщенія Богдановича мнѣ стало ясно, почему, какъ я разсказалъ въ началѣ, меня во фрейбургской тюрьмѣ перевели съ верхняго этажа въ нижній, а также, почему прокуроръ фонъ-Бергъ не разрѣшалъ мнѣ говорить по-русски съ лицами, приѣзжавшими ко мнѣ на свиданія.

Прощаясь съ Котляревскимъ, я спросилъ его, скоро-ли меня повезутъ на судъ? Онъ заявилъ, что самъ удивляется, почему меня такъ долго держатъ въ Петербургѣ.

Послѣ описаннаго допроса, во мнѣ еще болѣе укрѣпилось предположеніе, что наше правительство не желаетъ примириться съ тѣмъ, чтобы меня судили за одно лишь покушеніе на жизнь Гориновича. Просыпаясь, я ждалъ ежедневно, что меня куда-нибудь вызовутъ и объявятъ что-нибудь новое. Но дни уходили за днями, а меня никуда не вызывали. Такъ прошелъ

іюль мѣсяць; наступилъ августъ. Только въ концѣ этого мѣсяца вновь появились жандармы и мнѣ велѣли собираться въ дорогу, — меня очевидно рѣшили, наконецъ, вести въ Одессу. Проѣзжая по дорогѣ на вокзалъ по знакомымъ улицамъ столицы, я съ грустью прощался съ ними, такъ какъ былъ увѣренъ, что въ послѣдній разъ вижу любимый мною Петербургъ.

ГЛАВА IX.

Въ одесскихъ тюрьмахъ.

Путешествіе въ Одессу ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось. Перебѣна мѣста, движеніе поѣздовъ, встрѣчавшіяся пассажиры, ихъ разговоры, шумъ и толкотня, — все это, конечно, подѣйствовало на меня оживляющимъ образомъ. Но присутствіе трехъ жандармовъ заставляло ни на минуту не забывать, что я арестантъ, котораго везутъ на судъ. Поэтому, мысль о побѣгѣ также не покидала меня. Однажды къ этому представился даже довольно благоприятный моментъ.

Это было ночью. Мы находились уже недалеко отъ Одессы. Я слегка вздремнулъ; но вотъ, просыпаясь, вижу, что всѣ три сопровождавшіе меня жандарма спятъ крѣпчайшимъ сномъ. Сердце учащенно забилось у меня. Первая мысль была достать ту вещь, въ которой я спряталъ ножницы, затѣмъ переступить черезъ спящихъ жандармовъ, выйти на площадку и броситься съ поѣзда. Но лишь только я сталъ подробно обдумывать этотъ планъ, какъ увидѣлъ, что старшій жандармъ проснулся. Онъ растолкалъ остальныхъ и шепотомъ попрекнулъ ихъ, зачѣмъ они оба заснули. Я прикинулся спящимъ. Въ свое оправданіе они сказали: «онъ спитъ».

Въ Одессѣ у вокзала меня ждала тюремная карета съ рѣшетками на окнахъ. Сперва меня помѣстили въ специальной тюрьмѣ для политическихъ преступниковъ; въ такъ называемой Башнѣ № 5, которую охраняли жандармы. При осмотрѣ моихъ вещей вдругъ выпали на полъ спрятанныя мною нож-

ницы. Увидѣвъ ихъ, смотритель — бывший жандармъ — съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Вотъ какіе порядки въ Петербургѣ: позволяютъ заключенному имѣть при себѣ ножницы!

Онъ предположилъ, что я ихъ открыто сохранялъ среди своихъ вещей, а я, конечно, не считъ нужнымъ разувѣрить его въ этомъ.

Тюрьма эта нѣсколько напоминала Петропавловскую крѣпость: такія же большія, но очень темныя камеры, такая же сносная пища, сухое, официальное обращеніе жандармовъ и полнѣйшая кругомъ тишина. Желая подчеркнуть условія выдачи меня изъ Германіи, я тотчасъ же при приемѣ выразилъ удивленіе, почему меня привезли въ специальную для политическихъ преступниковъ тюрьму. Вслѣдствіе ли этого протеста, а вѣроятно въ виду предписанія изъ Петербурга, меня дня черезъ два перевели въ тюремный замокъ.

Это было вечеромъ. Я вѣроятно никогда не забуду его. Меня ввели въ камеру, и когда за мной затворили дверь, я не могъ сперва ничего разсмотрѣть: камера не освѣщалась, и лишь слабый свѣтъ проходилъ отъ лампы, висѣвшей снаружи, черезъ маленькое окошечко, продѣланное въ дверяхъ. Привыкнувъ къ полутьмѣ, я сталъ осматривать свое новое помѣщеніе: камера имѣла совершенно круглую форму; въ ней не было ни койки, ни стола и стула, на полу лежало немного соломы, стояла «параша», деревянный бакъ съ водой, и только. Я былъ чрезвычайно удивленъ и подумалъ, что это какое-нибудь недоразумѣніе. Подошедши къ двери, я увидѣлъ сквозь окошечко, что около нея стоятъ двое часовыхъ съ ружьями, тутъ же на скамьѣ сидѣли полицейскій и жандармъ. Я былъ уже въ нѣсколькихъ тюрьмахъ, но подобной обстановки нигдѣ еще не видалъ.

— Послушайте, гдѣ же койка, постель?— спросилъ я,— высунувъ голову въ окошечко.

— Не знаю!— отвѣтилъ сурово жандармъ.

— Такъ позовите смотрителя!

Онъ не двинулся съ мѣста. Спустя нѣкоторое время— пришелъ помощникъ смотрителя.

— Что это означаетъ?— спросилъ я его, указывая на обстановку камеры.

— Я ничего не знаю. — отвѣтилъ онъ, — такъ приказано; обратитесь къ товарищу прокурора, который завѣдуетъ тюрьмой. Онъ завтра здѣсь будетъ.

Послѣ его ухода, я почувствовалъ себя въ самомъ скверномъ состояніи. Даже прохаживаться по этой камерѣ, имѣвшей нелѣпую форму, мнѣ сперва казалось неудобнымъ. «Что дѣлать? что предпринять, если не измѣнить этого режима?» раздумывалъ я, сидя на полу съ понуренной головой. Усталость, однако, взяла свое: я легъ, не раздѣваясь, на солому. Но только сталъ я засыпать, какъ услышалъ, что около меня завозились мыши: онѣ забирались въ солому и шуршали ею. Я вскакиваю съ пола и начинаю быстро ходить по камерѣ. Запахъ въ ней отвратительный, прямо удушающій — кромѣ параша, онъ производился еще моими четырьмя стражами, которые помѣщались въ крошечномъ коридорчикѣ, примыкавшемъ къ моей камерѣ. Я думалъ освѣжить воздухъ, но это оказалось совершенно невозможнымъ, такъ какъ окно приходилось подъ самымъ потолкомъ, и въ немъ не было ни форточки, ни вентилятора.

Съ нетерпѣніемъ сталъ я ожидать наступленія утра, считывая погулять по двору. Томительно медленно шло время. Я снова ложился и снова изъ-за возни мышей вскакивалъ на ноги. Вотъ, наконецъ, забрежжило, наступило утро.

— Ведите на прогулку, — обращаюсь къ жандарму, специально у моей только камеры исполнявшему роль ключника.

— Не приказано!— отвѣчаетъ онъ суровымъ тономъ.

Около полудня явился товарищъ прокурора. Я указалъ ему на всѣ неудобства моего режима; но онъ заявилъ, что не можетъ измѣнить его.

— Какой, скажите, вредъ произойдетъ отъ того, что мнѣ дадутъ койку?— спросилъ я его.

— Вы подставите ее къ окну и выльзете въ него, — былъ его отвѣтъ.

— Но посудите, вѣдь меня стерегутъ четыре вооруженныхъ человека. Къ тому же, даже и при посредствѣ койки нельзя добраться до окна съ рѣшетками, до того оно высоко.

Но, допустивши такое невѣроятное предположеніе, что я взобрался бы на него, не будучи никѣмъ замѣченнымъ,—все же я очутился бы только на окнѣ четвертаго этажа, подъ которымъ расхаживаетъ часовой. Затѣмъ мнѣ нужно было бы выбраться изъ двора, окруженнаго высокой каменной стѣной, позади которой также имѣются часовые. Согласитесь, —убѣждалъ я его,—что невозможно убѣжать отсюда.

— Кто васъ знаетъ!—воскликнулъ онъ.—Вы уже неоднократно убѣгали.

— Всего два раза,—поправилъ я его.

— И этого довольно! Нѣтъ не могу удовлетворить вашу просьбу,—сказалъ онъ и вышелъ.

Я заранѣе рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не мириться со своей обстановкой и для измѣненія ея прибѣгнуть къ пассивному протесту. Жандармъ ставитъ на полъ принесенную имъ въ деревянной посудѣ скверную арестантскую пищу.

— Уберите, не буду ѣсть!—говорю я. Тотъ молча ее уноситъ. Тоже повторяется каждый разъ, день за днемъ. Мои стражники ясно видятъ, что я не дотрогиваюсь до пищи. Дни тянутся безконечно долго: безъ прогулокъ, безъ чтенія книгъ, каковыхъ мнѣ также не разрѣшали, безъ правильного даже сна изъ-за мышей. Сильнаго голода я не чувствовалъ и о пищѣ рѣшительно не думалъ, но воду я пилъ все время. На душѣ у меня тогда было, конечно, скверно. Я нисколько не злился на людей,—мнѣ было лишь досадно, обидно за здравый смыслъ. Мнѣ представлялся безцѣльнымъ устроенный мнѣ жестокий режимъ. «Успѣете,—думалъ я про администрацію,—когда буду осужденъ, отравить мнѣ жизнь, а пока я вѣдь еще подсѣдственный».

Прошло трое сутокъ, а ко мнѣ рѣшительно никто не показывался. Только на четвертый день послѣ обѣда меня повели въ контору. Заспанный,—всѣ эти дни я не мылся также,—въ запыленномъ платьѣ, въ которомъ торчали соломенки, предсталъ я предъ прокуроромъ одесскаго окружнаго суда и слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ. На ихъ сообщеніе, что они, приѣхали производить предварительное слѣдствіе по моему дѣлу, я заявилъ, что не могу принимать въ немъ участія. Когда же

затѣмъ я объяснилъ причину, побудившую меня прибѣгнуть къ голодовкѣ, прокуроръ воскликнулъ:

— Что же, не хотите сами ѣсть, будемъ насильно кормить! ¹⁾

Зная, на что онъ намекаетъ, я замѣтилъ:—буду только радъ этому, такъ какъ мнѣ извѣстенъ способъ, какъ при искусственномъ кормленіи вызвать у себя рвоту и поносы; такимъ образомъ, мнѣ не придется мучиться долго, и вы лишь ускорите конецъ.

Никакого такого способа я не зналъ, а желалъ лишь отклонить прокурора отъ исполненія его угрозы. Послѣ моего заявленія, онъ и слѣдователь посмотрѣли на меня какъ-то особенно внимательно. Взглядъ ихъ казался мнѣ, какъ бы говоривъ: «Кто тебя знаетъ? ты побывалъ въ разныхъ иностранныхъ странахъ,—можетъ тебѣ и извѣстно такое средство?»

Затѣмъ я высказалъ свое удивленіе по поводу нелогичности дѣйствій въ обращеніи со мною.

— Ну, скажите сами, есть ли хоть малѣйшій смыслъ во всемъ, что предпринято относительно меня?—спрашивалъ я ихъ.—Правительство вступило въ переговоры съ Германіей о выдачѣ меня; чтобы уличить меня, посылали въ Баденъ товарища прокурора петербургской судебной палаты; подняли шумъ на всю Европу и, въ концѣ концовъ, не бытъ въ состояніи даже доставить на судъ этого, съ такой длинной процедурой полученнаго подсудимаго, такъ какъ изъ-за какихъ-то пустяковъ—койки, прогулокъ и пр.—онъ доведенъ будетъ до необходимости такъ или иначе покончить съ собою.

— Вотъ я пойду посмотрѣть, какъ васъ устроили!—сказалъ прокуроръ и вышелъ.

Вернувшись вскорѣ обратно, онъ заявилъ съ волненіемъ:

— Дѣйствительно, вамъ устроили ужасный режимъ! Но убѣряю васъ, что я здѣсь не причѣмъ. Противъ васъ соединились три вѣдомства: жандармскій полковникъ, градоначальникъ и комендантъ города. Они сообща выработали этотъ режимъ

¹⁾ Не задолго до описываемаго времени въ одесской тюрьмѣ политическіе заключенные устроили голодовку; когда они были уже окончательно истощены, тюремный врачъ Розенъ сталъ насильно кормить ихъ путемъ введенія питательныхъ клистировъ.

для васъ, и я не могу отмѣнить его. Но я отправлюсь къ нимъ и лично переговорю. Все, что могу пока сдѣлать, это неофициально сказать смотрителю, чтобы ваши требованія были, по возможности, удовлетворены.

Затѣмъ онъ позвалъ смотрителя и сказалъ ему, что общалъ. Тогда между нами было заключено «перемирие». На ночь мнѣ должны были давать имѣвшіяся у меня въ вещахъ подушку, одѣяло и простыню; для чтенія я могъ пользоваться своими книгами; мнѣ приносили столикъ со стуломъ и письменныя принадлежности; но всѣ эти вещи нужно было немедленно выносить изъ камеры, если въ тюрьму являлось какое-либо важное чиновное лицо. Для моихъ прогулокъ смотритель долженъ былъ отвести особенное мѣсто на дворѣ, гдѣ я не могъ бы встрѣчаться съ другими лицами, сидѣвшими по политическимъ дѣламъ.

На этихъ условіяхъ я согласился прекратить голодовку и передъ вечеромъ четвертаго дня началъ ѣсть. Только принявшись за пищу, я почувствовалъ, до чего сильно мнѣ ѣсть хотѣлось: казалось, быка я способенъ былъ съѣсть.

Прекративъ голодовку, я въ первые два дня чувствовалъ такой упадокъ силъ, словно я всталъ послѣ болѣзни.

Напившись утромъ чаю, я, въ сопровожденіи всѣхъ четырехъ приставленныхъ ко мнѣ стражниковъ, отправлялся гулять. Для этого смотритель отвелъ узкій закоулокъ, съ одной стороны, огражденный тюремнымъ зданіемъ, а съ двухъ другихъ — наружной стѣной. Конвойные помѣщались по концамъ того пространства, по которому я долженъ былъ прохаживаться; по этому же мѣсту прогуливались также полицейскій съ жандармомъ. Погода, за рѣдкими исключеніями, стояла чудесная, — была ясная южная осень.

Такъ какъ мои стражники, повидимому, также предпочитали дворъ душному и тѣсному коридорчику, то наши прогулки становились все болѣе продолжительными. Благодаря этому, у меня явилась возможность сблизиться съ суровымъ жандармомъ. Прогуливаясь рядомъ по одному и тому же пространству, я началъ заговаривать съ нимъ, — особенно, когда полицейскій куда-нибудь уходилъ, — сперва о самыхъ невинныхъ вещахъ. Сердце и у него оказалось некаменнымъ. Начальство

выбрало его, какъ самого надежнаго, аккуратнаго и исполнительнаго. Но онъ, конечно, имѣлъ также свои слабости и потребности. У него была семья, которую ему, естественно, хотѣлось провѣдать; но обязанный находиться безотлучно при мнѣ, онъ не могъ даже сбѣгать домой. Это его очень огорчало. Вскорѣ онъ придумалъ выходъ. Съ разрѣшенія смотрителя, онъ урывался иногда на часокъ съ тѣмъ, чтобы объ этихъ отлучкахъ не провѣдало начальство. Я терпѣливо выслушивалъ его жалобы на недостаточность получаемаго имъ оклада при большой его семьѣ. Отъ разговоровъ о житейскихъ нуждахъ мы постепенно перешли къ его специальной службѣ, и онъ кое-что сталъ рассказывать мнѣ о ней. Случалось ему выслѣживать нашего брата-соціалиста, и, однажды, онъ мнѣ подробно рассказалъ, какъ втеченіе нѣсколькихъ дней, переодѣвшись въ штатское платье, слѣдилъ за Вѣрой Фигнеръ, но ей удалось скрыться отъ него. Въ концѣ концовъ, этотъ суровый жандармъ, тонко выслѣживавшій «специлистку», совершенно размякъ, особенно, когда я общалъ послѣ суда подарить ему кое-что изъ моихъ вещей. Онъ сообщилъ мнѣ также подробности установленнаго надо мною надзора. По его словамъ, въ первые дни моего прибытія навѣдывались ко мнѣ градоначальникъ, комендантъ и жандармскій полковникъ, но такъ, что я объ этомъ не зналъ. Изъ коридорчика чрезъ дверное окошечко они молча наблюдали за мною и приказывали моимъ стражникамъ мнѣ не говорить объ этомъ.

Вечера, между тѣмъ, становились все больше, и я рѣшительно не зналъ, какъ ихъ коротать, при отсутствіи свѣта въ камерѣ. Отъ полицейскихъ мы съ жандармомъ узнавали о всѣхъ городскихъ происшествіяхъ и новостяхъ, а иной изъ нихъ тайкомъ приносилъ даже газету, которая прочитывалась тутъ же въ нашемъ своеобразномъ «клубѣ». Высунувъ часть лица съвозъ дверное окошечко въ коридорчикъ и держа снаружи камеры газету, я вслухъ читаю ее; тутъ же, рядомъ, облокотившись на свои ружья, стоятъ часовые и слушаютъ со вниманіемъ, а жандармъ съ полицейскимъ сидятъ нѣсколько поодаль на длинной скамейкѣ, служившей поочередно одному изъ нихъ кроватью. Иногда, за отсутствіемъ всякаго другаго матеріала, дежурный полицейскій рассказывалъ сказку про вѣдьмъ, домо-

выхъ и т. п., и члены нашего «клуба» слушали его съ неменьшимъ, если еще не съ большимъ интересомъ, чѣмъ чтеніе газетъ.

Такимъ образомъ, несмотря на принятія тремя вѣдомствами мѣры, чтобы, какъ выразился смотритель тюрьмы и «муха не влетѣла» ко мнѣ въ камеру,—все же до меня доходили извѣстія о томъ, что дѣлалось на волѣ. Кромѣ газетъ, въ этомъ помогало мнѣ одно должностное лицо довольно высокаго ранга, очень сочувственно относившееся къ революціонерамъ. Къ сожалѣнію, не могу назвать его и подробно рассказать о нашихъ отношеніяхъ. Скажу только, что черезъ него я узнавалъ о событіяхъ и новостяхъ, случавшихся въ революціонномъ мірѣ. Это же лицо мнѣ сообщило, что молодая дѣвушка—Марія Калюжная, 20-ти лѣтъ, пришла на квартиру къ одесскому жандармскому полковнику Катанскому и выстрѣлила въ него, но не причинила ему никакого вреда. Ее судили недѣли за двѣ до меня военнымъ судомъ, и, въ виду несовершеннолѣтія, она была приговорена къ 20-ти годамъ каторжныхъ работъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ одесской тюрьмѣ со мной былъ такой случай. Расхаживая по камерѣ, я услышалъ какой-то разговоръ около двери. Я подошелъ къ ней и сталъ смотрѣть въ продѣланное окошечко; оказалось, что дежурный по караулу офицеръ экзаменовалъ приставленныхъ къ моимъ дверямъ часовыхъ на счетъ знанія ими своихъ обязанностей. Я собирался уже отойти отъ дверей, какъ услышалъ крикъ: «пошелъ вонъ!» и какую-то брань. Я не понялъ сперва, къ кому это относится, но затѣмъ разобралъ, что меня имѣлъ въ виду офицеръ, такъ какъ, заслонивъ свѣтъ, я будто-бы мѣшалъ ему провѣрять званія часовыми караульной службы.

Недоумѣвая, чѣмъ объяснить такое грубое его обращеніе, я молча отошелъ отъ двери, про себя рѣшивъ такъ или иначе проучить его. Спусти нѣсколько часовъ, во время вечерней поѣвки, въ мою камеру вошелъ помощникъ смотрителя въ сопровожденіи этого же офицера.

Дѣлая видъ, что совершенно не замѣчаю его, я обратился къ помощнику съ вопросомъ, дозволено ли заключенному смотрѣть въ дверное окошечко.

— Конечно,—отвѣтилъ тотъ, повидимому, недоумѣвая по

поводу странности моего вопроса,—какъ же можно это запретить?

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ я,—скажите, имѣетъ ли дежурный по караулу офицеръ право ругать заключеннаго за то, что тотъ стоитъ у окошечка?

— Конечно, нѣтъ!—заявилъ помощникъ.

Я рассказалъ ему тогда о случившемся и въ заключеніе просилъ прислать мнѣ свѣдѣнія: какой части войскъ дежурный по караулу офицеръ, его чинъ, фамилію и имя, а также, кому я долженъ направить жалобу на него.

Какъ передавалъ мнѣ потомъ мой жандармъ, въ теченіе ночи и утромъ слѣдующаго дня, до смѣны караула этотъ офицеръ былъ въ большомъ волненіи и тревогѣ: онъ нѣсколько разъ за это время прибѣгалъ въ коридорчикъ и шепотомъ внушалъ ему и полицейскому, что имъ показывать, когда начальство будетъ ихъ спрашивать о бывшемъ у него со мною инцидентѣ. Было очевидно, что офицеръ изъ кожи лѣзъ, чтобы выкрутиться и для этого унижался предъ нижними чинами, наставляя ихъ, какъ имъ показывать. Мнѣ стало жаль его: онъ, вѣроятно, принялъ меня за ужаснаго уголовнаго преступника, совершившаго массу убійствъ,—не даромъ же, молъ, у двери такой небывалый караулъ! И вотъ храбрый молодой офицеръ, надо полагать, захотѣлъ порисоваться своею смѣлостью передъ нижними чинами, оскорбляя такого «страшнаго убійцу», правда, когда послѣдній сидѣлъ въ запертой камерѣ. Я счелъ его достаточно наказаннымъ за чрезмѣрную его храбрость и разорвалъ составленную на него жалобу. Описанный случай былъ единственнымъ въ этомъ родѣ за все время моего пребыванія въ предварительномъ заключеніи.

ГЛАВА X.

Въ новомъ званіи.

Слѣдствіе, между тѣмъ, быстро подвигалось впередъ. Заканчивая его въ серединѣ сентября, слѣдователь прочиталъ мнѣ свое постановленіе, въ которомъ говорилось, что, на основаніи

таких-то статей судебного устава, дѣло мое отъ него переходитъ къ военному прокурору. Я протестовалъ противъ этого постановленія, доказывая, что меня выдали изъ Германіи съ тѣмъ, чтобы меня судили не военнымъ, а общегражданскимъ судомъ. Тогда слѣдователь показалъ мнѣ полученную имъ изъ министерства юстиціи бумагу, въ которой сказано было, что, по окончаніи слѣдствія, онъ долженъ поступить согласно такихъ-то статей, а въ послѣднихъ говорилось, что преступленія, совершенныя военно-служащими, разсматриваются военными судами.

— Такъ какъ во время вашего преступленія вы числились въ военномъ сословіи, то васъ и должны судить военнымъ судомъ,—объянилъ мнѣ слѣдователь.

Чтобы понятна была моя связь съ военнымъ сословіемъ, я вновь долженъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе къ своему прошлому.

Отдавая долгъ духу времени, я также, надѣвъ крестьянское платье, ходилъ «въ народъ» и осенью 1875 г. возвратился домой, какъ и другіе, разочарованный въ пропагандистской своей дѣятельности. Какъ и у многихъ другихъ юношей, у меня были тогда неясные, неопредѣленные порывы и стремленія; я чувствовалъ въ себѣ много силъ и бодрости, но рѣшительно не зналъ, куда мнѣ ихъ дѣвать, что предпринять съ собою. Тогда въ Кіевѣ, куда я вернулся обратно, не было почти никого изъ моихъ товарищей: однихъ арестовали, другіе уѣхали. Какъ разъ въ то время, вслѣдствіе вспыхнушаго въ Босніи и Герцоговинѣ возстанія, многіе молодые люди, не исключая и социалистовъ, устремились, въ качествѣ волонтеровъ, на Балканскій полуостровъ. По возвращеніи домой, я всюду слышалъ толки и разговоры объ этомъ возстаніи; кругомъ чувствовалось воинственное настроеніе. Какъ 20-ти лѣтній юноша, я поддался общему потоку и также сталъ собираться въ волонтеры, чтобы сражаться за освобожденіе изъ-подъ турецкаго ига угнетенныхъ націй. Но, оказалось, было уже поздно,—волна отошла, и отъ уѣхавшихъ раньше на Балканскій полуостровъ товарищей-волонтеровъ стали получать письма самого мрачнаго характера. Изображая невыносимо тяжелыя мѣстныя условія, они

рѣшительно не совѣтовали другимъ отправляться туда, такъ какъ своей неподготовленностью къ партизанской войнѣ многіе русскіе волонтеры часто являлись лишь обузой для возставшихъ. Пришлось отказаться отъ своего намѣренія. Но, отчасти уже настроившись на военный ладъ, отчасти изъ поисковъ за какимъ-нибудь дѣломъ, я рѣшилъ тогда поступить вольноопредѣляющимся, хотя до времени, когда я долженъ былъ бы тянуть жребій, оставался еще годъ. «Въ смыслѣ пропаганды—думалъ я,—будучи въ военной службѣ, можно также кое-что сдѣлать; къ тому же приобрѣтеніе знанія нѣкоторыхъ военныхъ приемовъ и правилъ можетъ оказаться бесполезнымъ для меня, какъ революціонера». Служить же мнѣ, по тогдашнимъ правиламъ для вольноопредѣляющихся второго разряда, нужно было только полгода, и я въ концѣ октября 1875 года поступилъ въ пѣхотный Херсонскій полкъ, расположенный въ Кіевѣ. Случилось, однако, такъ, что по прошествіи двухъ мѣсяцевъ, я долженъ былъ оставить военную службу.

Въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ содержался тогда мой товарищъ, студентъ мѣстнаго университета Семень Лурье, привлекавшійся по дѣлу 193-хъ¹⁾. Благодаря безвозвратнымъ денежнымъ «займамъ», которыми пользовался отъ его родителей все-сильный тогда въ Кіевѣ жандармскій адъютантъ баронъ Гейкинъ, Лурье не трудно было бѣжать изъ-подъ стражи. Въ устройствѣ этого побѣга я принималъ нѣкоторое участіе, а потому у меня произведенъ былъ жандармами обыскъ, въ моемъ отсутствіи. Опасаясь быть арестованнымъ и, какъ военно-служащій, подвергнуться очень тяжелому наказанію, я рѣшилъ скрыться, пока не выяснятся намѣренія кіевского жандармскаго правленія. Но, спустя нѣсколько дней, стало ясно, что баронъ Гейкинъ, изъ собственныхъ расчетовъ, старается затушить дѣло о побѣгѣ Лурье, такъ какъ въ возможности его осуществленія онъ самъ былъ виноватъ своими поблажками и попустительствомъ. Тогда я явился на службу, предполагая, что за пятидневную отлучку меня подвергнуть лишь дисциплинарному взысканію. Вышло, однако, иначе.

¹⁾ Разбиралось въ Петербургѣ особымъ присутствіемъ сената зимою 1877—78 гг.

Начальникомъ дивизіи, въ которой я служилъ, былъ тогда Ванновскій, впоследствии военный министръ, а затѣмъ народнаго просвѣщенія. Къ вольноопредѣляющимся онъ, вообще, относился почему-то непріязненно, ко мнѣ же, не обнаруживавшему никакой склонности къ субординаціи и дисциплинѣ,—въ особенностях. И вотъ какъ разъ въ тѣ дни, когда я не являлся на службу, онъ потребовалъ къ себѣ на квартиру вольноопредѣляющихся нашего баталіона. Когда же, вернувшись на службу, я былъ приведенъ къ нему, онъ велѣлъ отправить меня на гауптвахту, а затѣмъ отдалъ подѣ судѣ. Къ обвиненію меня за «побѣгъ» со службы, вскорѣ присоединилось еще другое—за оскорбленіе мною офицера при исполненіи имъ его служебныхъ обязанностей,—оскорбленіе, состоявшее въ томъ, что я не позволилъ дежурному по караулу офицеру грубо обращаться со мною и говорить «ты». Будучи отданнымъ подѣ судѣ за совокупность этихъ двухъ «преступленій», я рѣшилъ бѣжать, что мнѣ (19 февраля 1876 г.) и удалось осуществить, при содѣйствіи товарищей, которые принесли мнѣ въ баню штатское платье. Одѣвъ послѣднее, я прошелъ незнаннымъ мимо стоявшихъ у дверей бани часовыхъ. Съ этого момента я оставался на волѣ въ качествѣ «нелегальнаго»; затѣмъ, какъ выше было мною упомянуто, осенью 1877 г. я вновь былъ арестованъ, а весной слѣдующаго года вторично бѣжалъ.

На постановленіе слѣдователя о преданіи меня военному суду я подалъ двѣ жалобы; одну—предсѣдателю одесскаго окружнаго суда, а другую—министру юстиціи Набокову. Ссылаясь на свидѣтельство Богдановича, я доказывалъ, что баденское правительство выдало меня подѣ условіемъ, чтобы меня судили обыкновеннымъ гражданскимъ, а не военнымъ судомъ.

Какъ и можно было предвидѣть, жалобы мои не имѣли никакихъ послѣдствій, и вскорѣ мнѣ врученъ былъ обвинительный актъ, составленный военнымъ прокуроромъ, а, спустя нѣсколько дней, назначено было и разбирательство моего дѣла въ мѣстномъ военно-окружномъ судѣ.

По обвинительному акту можно было уже отчасти предвидѣть, каковъ будетъ судѣ. Излагая лишь обстоятельства,

сопровождаяшій самый актъ покушенія на жизнь Гориновича и тщательно умалчивая о мотивахъ, вызвавшихъ это преступленіе, прокуроръ подводилъ его подѣ самыя тяжкія статьи нашего уложенія о наказаніяхъ. Взявъ наивысшую мѣру—безсрочную каторгу, полагавшуюся только за убійство родителей и т. п. преступленія, прокуроръ требовалъ смягченія этого наказанія на одну степень, т. е. на 20 лѣтъ каторги, такъ какъ мое преступленіе закончилось не смертью, а лишь покушеніемъ и, наконецъ, на основаніи закона же необходимо было уменьшить послѣднее наказаніе еще на одну треть, въ виду того, что во время совершенія этого покушенія я былъ несовершеннолѣтнимъ: 13 лѣтъ и четыре мѣсяца каторжныхъ работъ были, такимъ образомъ, максимальнымъ наказаніемъ, къ которому можно было меня приговорить, согласно нашимъ законамъ и условіямъ, при которыхъ состоялась выдача меня изъ Баденскаго Герцогства.

Я нисколько не рассчитывалъ, чтобы военный судъ принялъ во вниманіе собственное мое сознаніе, что по закону въ значительной степени уменьшаетъ размѣръ наказанія, а также, чтобы онъ примѣнилъ ко мнѣ данный въ 1883 г., во время коронаванія императора Александра III манифестъ, смягчавшій наказанія, полагавшіяся за всѣ раньше совершенныя уголовныя преступленія. Поэтому, судебный процессъ мнѣ представлялся лишь простой формальностью, отъ которой рѣшительно ничего нельзя было ожидать. Зная это, я отказался отъ назначеннаго мнѣ судомъ защитника, кандидата на военно-судебную должность и сталъ готовиться къ предстоявшей мнѣ крайне непріятной процедурѣ.

Насталъ день суда. Въ тюремный дворъ вѣхала огромная крытая колымага съ желѣзными рѣшетками въ окошечкахъ, запряженная парой. Виѣтъ со мною внутри ея сѣлъ окошечный надзиратель, послѣ чего дверь колымаги заперли снаружи огромнымъ замкомъ. Рядомъ съ кучеромъ на козлахъ помѣстился бывший при мнѣ неотлучно жандармъ; колымагу оцѣпилъ взводъ вооруженныхъ солдатъ, которыхъ въ свою очередь окружали верховые казаки. Впереди этой процессіи вѣхалъ полиціймейстеръ города, а сзади нея—приставъ. Со стороны

можно было подумать, что подъ такой охраной везутъ, по крайней мѣрѣ, дюжину богатырей, которые въ состояннн помѣряются съ значительной военной силой. Завидѣвъ эту необыкновенную процессію, шагомъ двигавшуюся по многолюднымъ улицамъ Одессы, прохожіе съ любопытствомъ останавливались, и въ окнахъ домовъ повсюду высывались головы. Между тѣмъ, мы съ околочечнымъ разговорились, а, вемотрѣвшись въ его лицо, я узналъ въ немъ стараго знакомаго, бывшаго 20 лѣтъ передъ тѣмъ квартальнымъ въ Кіевѣ: онъ часто заходилъ въ нашъ домъ и зналъ мою семью.

— Кто бы могъ подумать, — сказалъ онъ, — что того самаго Дейча, котораго я зналъ маленькимъ мальчикомъ мнѣ придется встрѣтить при такихъ обстоятельствахъ!

Зала суда была наполнена избранной публикой: кромѣ военныхъ съ женами, было много лицъ разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ. Судебное слѣдствіе не представляло ни малѣйшаго интереса: немногіе свидѣтели, сохранившіеся въ живыхъ и бывшіе налицо, за истекшіе со времени покушенія восемь съ чѣмъ-то лѣтъ сбивчиво рассказывали объ извѣстныхъ имъ обстоятельствахъ, мотивируя это тѣмъ, что за отдаленностью времени забыли то, что знали по этому дѣлу; Гориновича же не было почему-то на судѣ, но читались его показанія. Для своей защиты я не пригласилъ ни одного свидѣтеля и, вообще, принималъ незначительное участіе въ судебномъ слѣдствіи. Разматривая публику, я искалъ, если не близкаго, то хотя бы знакомаго лица, но никого не нашелъ, кромѣ того прокурора суда, который велъ предварительное слѣдствіе.

Послѣ небольшого перерыва, смѣнившаго краткое судебное слѣдствіе, военный прокуроръ произнесъ свою обвинительную рѣчь, являвшуюся точнымъ повтореніемъ имъ же составленнаго обвинительнаго акта: такъ какъ мотивомъ къ совершенію мною покушенія на жизнь Гориновича, по его словамъ, не могла быть ни «корыстная цѣль», ни «личная вражда», то «остаеся, — сказалъ онъ, — предположить мечь». При этомъ онъ даже не указалъ, какого рода была эта мечь, чтобы избѣжать слова — «политическая».

Свою рѣчь я началъ съ заявленія, что рѣшительно не имѣю

въ виду смягчить свою участь, такъ какъ, въ послѣднемъ случаѣ, я могъ бы вовсе не заявлять, что намѣревался убить Гориновича ¹⁾. Заранѣе мирясь съ приговоромъ, я желалъ только, какъ во время дознанія и предварительнаго слѣдствія, представить дѣло на судѣ въ истинномъ его свѣтѣ. Поэтому, я рассчитывалъ подробно изложить обстоятельства, при которыхъ у меня съ товарищемъ возникла мысль объ убійствѣ Гориновича. Но, послѣ первыхъ же фразъ, лишь только я произнесъ: «въ Елисаветградѣ собрался кружокъ», какъ председатель суда, генераль Гродековъ, остановилъ меня замѣчаніемъ, что, въ виду условій суда надо мною, я не долженъ упоминать ни о чемъ, имѣющемъ какое-нибудь отношеніе къ политическимъ преступленіямъ. Такое требованіе лишило меня совершенно возможности не только правильно освѣтить это дѣло, но даже изложить сопровождавшія его обстоятельства. Я, напр., начинаю рассказывать: «Гориновичъ, сидя въ Кіевской тюрьмѣ»... какъ немедленно слѣдуетъ окрикъ председателя не касаться этого. Я былъ въ полнѣйшемъ затрудненіи, въ какой формѣ говорить? И, избѣгая даже названія мѣсть, лицъ, политическихъ условій, я все же подвергался не только замѣчаніямъ, но и прямымъ угрозамъ со стороны председателя, что онъ лишитъ меня слова и велитъ вывести изъ залы суда. При такихъ странныхъ ограниченіяхъ, дѣлавшихъ совершенно невозможной не только защиту, но даже голый рассказъ, я кое-какъ дотянулъ свою рѣчь до конца. Но прокуроръ почему-то и въ ней нашелъ чѣмъ возмутиться и, взявъ вторично слово, сталъ съ жаромъ уличать меня въ какихъ-то противорѣчійхъ. Я затѣмъ также что-то возразилъ ему, а отъ послѣдняго слова отказался.

Судъ, удалившись на непродолжительное время, вынесъ мнѣ то именно наказаніе, какое просилъ прокуроръ, т. е. 13 лѣтъ и четыре мѣсяца каторжныхъ работъ.

Возвращаясь затѣмъ обратно въ тюрьму съ той же процес-

¹⁾ За нанесеніе тяжкихъ увѣчій безъ намѣренія убить по старому Уложенію полагалась каторга отъ четырехъ до шести лѣтъ, а для несовершеннолѣтняго срокъ этотъ еще сокращался на одну треть.

себя, я чувствовалъ нѣкоторое облегченіе,—словно большая тяжесть спала съ моихъ плечъ.

Теперь оставалось только ждать, куда меня отправятъ на каторгу. Какъ осужденнаго въ качествѣ уголовного, меня могли послать въ Сибирь, на Кару, гдѣ условія заключенія считались наиболѣе сносными изъ всѣхъ мѣстъ ссылки каторжанъ; меня могли также отправить на о-въ Сахалинъ, пользовавшійся совсѣмъ незавидной репутаціей въ Россіи; но правительство, желая возмѣстить незначительное по его мнѣнію наказаніе, къ которому поневолѣ меня пришлось приговорить, въ силу договора съ Баденскимъ Герцогствомъ, могло заключить меня въ Шлиссельбургской крѣпости, режимъ въ которой, по слухамъ, былъ прямо убійственный.

По прошествіи семи дней послѣ процесса, въ тюрьму явился предсѣдатель военнаго суда для объявленія мнѣ приговора въ окончательномъ видѣ. Въ тюремной канцеляріи, куда меня ввели, позади длиннаго и широкаго стола стоялъ генералъ Гродковъ; но раньше, чѣмъ приступить къ чтенію, онъ распорядился, чтобы сопровождавшіе меня часовые стали между мною и столомъ, такъ какъ, повидимому, опасался, чтобы я не сдѣлалъ на него какого-либо нападенія. Такая чрезмѣрная со стороны военнаго предосторожность бросилась въ глаза даже находившимся тутъ помощнику смотрителя и жандарму.

— Ишь — какъ боится-то! — замѣтилъ кто-то изъ нихъ, когда мы возвращались обратно въ камеру. Такой «осторожности», хотя бы и по отношенію къ уже осужденному на каторгу, мнѣ больше не приходилось встрѣчать даже со стороны штатскихъ чиновъ.

Послѣ суда надо мною, меня снова начали водить въ контору на допросы, но уже въ качествѣ свидѣтеля. Сперва заявили жандармскій ротмистръ съ товарищемъ прокурора. Послѣдній обратился ко мнѣ съ такимъ заявленіемъ:

— У васъ при арестѣ во Фрейбургѣ отняли письмо, въ которомъ имѣется адресъ такого-то въ гор. Вильно; по этому ад-

ресу вы должны были сообщить объ отправкѣ какихъ-то книгъ; такъ не можете ли намъ сказать, о какихъ это книгахъ рѣчь въ письмѣ и кто авторъ его?

Я заявилъ, что никакихъ показаній не желаю давать.

— Имѣйте въ виду,—сказалъ тогда товарищъ прокурора,— что изъ-за этого адреса арестовали нѣсколько человѣкъ въ Вильно. Если же вы намъ сообщите кто авторъ письма, арестованные будутъ освобождены.

Хорошо зная этотъ пріемъ нашихъ прокуроровъ, я заявилъ:

— По вашимъ убѣжденіямъ, очевидно, дозволено называть на допросахъ имена лицъ, съ которыми находишься въ перепискѣ, а я на этотъ счетъ придерживаюсь иныхъ правилъ.

Молодой товарищъ прокурора сильно сконфузился. На этомъ и окончился допросъ. Уничтожая, вмѣстѣ съ проф. Туномъ, адреса изъ записной книжки, мы какъ то забыли про это письмо, а нѣмцы воспользовались этимъ, чтобы показать свою услужливость русскому правительству.

Въ другой разъ на допросъ явился слѣдователь и прочиталъ мнѣ бумагу изъ министерства юстиціи о томъ, чтобы допросить меня, въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу объ убійствѣ генерала Мезенцова. Затѣмъ онъ предъявилъ мнѣ слѣдующія показанія извѣстнаго ренегата Гольденберга.

«Однажды осенью 1879 г.,—показывалъ послѣдній,—мы съ Дейчемъ гуляли на Конной площади въ Харьковѣ, и у насъ зашла рѣчь объ убійствѣ шефа жандармовъ; при этомъ Дейчъ рассказалъ мнѣ, что убилъ Мезенцова С. Кравчинскій».

Мнѣ тогда пришло въ голову, что Кравчинскаго, въ то время находившагося за-границей, арестовали, но чтобы добиться согласія на выдачу его, недостаточны показанія Гольденберга, рассказывающаго со словъ другого; поэтому, желаютъ получить отъ меня подтвержденіе его показаній. Я счелъ наиболѣе дѣлесообразнымъ, въ данномъ случаѣ, не отказываться отъ показаній и не отрицать разговора съ Гольденбергомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно уничтожить всякое юридическое значеніе его ссылки на меня. Я, поэтому, показалъ, что, разговаривая съ Гольденбергомъ, я рассказывалъ ему циркулировавшіе лишь слухи, по которымъ убійство генерала Мезенцова приписыва-

лось разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Кравчинскому, и мнѣ, и другимъ.

Мои опасенія за Кравчинскаго, къ счастью, оказались напрасными: онъ жилъ тогда уже въ Лондонѣ и былъ внѣ всякой опасности.

Вскорѣ послѣ описанныхъ допросовъ въ одесской тюрьмѣ поднялась генеральная чистка и уборка,—ждали министра юстиціи, который въ то время ревизовалъ судебныя учрежденія. Изъ моей камеры, конечно, все вынесли, за исключеніемъ соломы и параша. Министръ явился въ сопровожденіи огромной свиты, въ числѣ которой былъ и градоначальникъ. Здороваясь, Набоковъ самъ назвалъ мою фамилію. Это, повидимому, возбудило удивленіе градоначальника.

— Ваше высокопревосходительство изволите знать Дейча?—спросилъ онъ.

— Да, я видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ,—отвѣтилъ Набоковъ такимъ тономъ, точно первая наша встрѣча происходила не въ тюрьмѣ, а гдѣ-либо въ салонѣ. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ сообщилъ, что докладывалъ о моей жалобѣ на неправильность преданія меня военному суду государю, но царь велѣлъ оставить ее безъ послѣдствій, такъ какъ я бывшій военно-служащій. Моя обстановка, повидимому, ему также не понравилась, потому что, оглядывая кругомъ камеру, онъ раза два спрашивалъ, удобно ли мнѣ здѣсь и не желаю-ли чего заявить?

Бесѣда министра со мною, повидимому, произвела большое впечатлѣніе на тюремную администрацію. Проводивъ его, ко мнѣ тотчасъ явился смотритель и предложилъ перейти въ новую, лучшую камеру, гдѣ имѣлись столъ, стулъ, койка и постель.

— Самому государю о васъ министръ докладывалъ!—наивно восклицалъ этотъ Бобчинскій и смотрѣлъ на меня такъ, словно я сразу выросъ на нѣсколько вершковъ.

Такимъ образомъ, будучи уже осужденнымъ на каторгу, я, благодаря этому обстоятельству, получилъ все то, чего, въ качествѣ подсѣдственнаго, не могъ никакъ добиться. Больше того: мнѣ дозволено было подписаться въ частной библіотекѣ.

Конечно, всѣ эти льготы исходили не отъ смотрителя, а вѣроятно отъ представителей тѣхъ трехъ вѣдомствъ, которыя до пріѣзда министра всячески старались прижать меня.

ГЛАВА XI.

На старомъ пепелищѣ.

Но не долго пользовался я новой обстановкой: недѣли двѣ спустя, мнѣ съ утра объявили, что вечеромъ меня, съ партией уголовныхъ арестантовъ, повезутъ въ Москву. Предстояла довольно сложная и непріятная процедура принятія каторжнаго вида.

Сперва меня повели въ специально для этого предназначенное помѣщеніе, въ которомъ находились всѣ необходимые для каторжанина атрибуты: на полу лежала груда цѣпей, на полкахъ расположены были арестантскія вещи,—платье, бѣлье, обувь и проч. Выбравъ для меня все, что по закону полагается, меня затѣмъ повели въ другое помѣщеніе. Здѣсь цирюльникъ сбрилъ у меня сплошь всю правую сторону головы до пробора, а слѣва состригъ волосы до корней. Я уже и раньше видалъ въ нашихъ тюрьмахъ выбритыхъ, такимъ образомъ, арестантовъ, и видъ ихъ всегда производилъ на меня, да и на всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось объ этомъ говорить, тяжелое впечатлѣніе. Посмотрѣвъ теперь на самого себя въ зеркало, я почувствовалъ крайне непріятное ощущеніе.

Тамъ же, гдѣ меня побрили, находился и кузнецъ-арестантъ съ кандалами, заклепками и проч. Меня посадили на низенькій табуретъ и поочередно ставили ноги на наковальню. Охвативъ ступни желѣзными кольцами, кузнецъ наглухо заклепалъ ихъ.

Кромѣ ощущенія приниженности, ношеніе кандаловъ причиняло и большія неудобства, какъ во время ходьбы, такъ и сна. Къ тому же нуженъ былъ навыкъ, чтобы умѣть сквозь кольца одѣть и раздѣть брюки и нижнее бѣлье, а также не натереть себѣ ногъ, противъ чего, при неопытности, не помо-

гали и получаемые от казны кожаные подкандалники. Тяжесть кандаловъ, имѣвшихъ 10—12 ф. вѣсу, также давала себя чувствовать. Но особенно неприятенъ былъ ихъ звонъ, который раздавался при малѣйшемъ движеніи.

Дополненіемъ къ бритью и кандаламъ являлся и специальный костюмъ, въ который наряжали осужденнаго: поверхъ бѣлья изъ суроваго холста на него надѣвали сдѣланные изъ грубаго сѣраго, и такъ называемаго — арестантскаго, сукна брюки и халатъ; на спинѣ послѣдняго у осужденнаго въ каторжныя работы были нашиты два квадратные туза изъ желтаго сукна; на ноги надѣвали портянки и «коты» — родъ туфель изъ кожи; все это платье, бѣлье и обувь, сдѣланныя по одному образцу и мѣркѣ, крайне неудобны, тяжелы и непропорціональны.

Я самъ съ трудомъ узналъ себя, когда въ полномъ каторжномъ облаченіи вновь посмотрѣлъ на себя въ зеркало, — до того этотъ нарядъ преображалъ.

«И много-много лѣтъ, — думалъ я, — предстоитъ тебѣ являться въ этомъ отталкивающемъ видѣ!»

Даже жандармъ, смотрѣвшій на меня съ грустью и сожалѣніемъ, громко выразилъ свое соболѣзнованіе:

— И чего только съ человѣкомъ не сдѣлаютъ! — произнесъ онъ, качая головой.

Всѣ свои вещи — платье, бѣлье и проч. — я роздалъ тутъ же въ тюрьмѣ, — оставивъ себѣ лишь книги; вмѣстѣ со смѣной казеннаго бѣлья я уложилъ ихъ въ полученный мною казенный мѣшокъ и, такимъ образомъ, былъ вполне готовъ къ предстоявшему далекому путешествію.

Наступилъ вечеръ. Въ тюремный замокъ явился конвойный офицеръ, въ сопровожденіи такихъ же нижнихъ чиновъ, и началась приемка арестантовъ въ партію. Меня для этого повели въ контору первымъ. При каждомъ перевозимомъ по этапу арестантѣ имѣется, такъ называемый, «статейный списокъ»: въ немъ, кромѣ имени, отчества и фамиліи пересыльнаго, обозначается еще родъ его наказанія, мѣсто ссылки и полученныя имъ казенныя вещи. Для политическаго арестанта существуетъ то лишь отличіе, что на внутренней сторонѣ обложки статейнаго списка наклеивается еще его фотографическая карточка.

Когда всѣхъ назначенныхъ къ отправкѣ арестантовъ офицеръ провѣрилъ и принялъ по спискамъ, насъ вывели за ворота тюрьмы и выстроили. Окруживъ партію со всѣхъ сторонъ живою цѣпью, конвойные солдаты и офицеры сняли шапки и перекрестились.

— Счастливаго пути! Благополучнаго исхода! — раздались затѣмъ пожеланія лицъ тюремной администраціи.

— Спасибо! До свиданія! — отвѣтилъ офицеръ и подалъ знакъ тронуться; и партія направилась на находившуюся вблизи тюрьмы желѣзно-дорожную станцію.

Соблюдая условія выдачи, меня до отправки въ путь, въ качествѣ каторжнаго, разсматривали отчасти, какъ политическаго, а отчасти, какъ уголовнаго. Съ момента же сдачи меня конвою, я сталъ только политическимъ. Поэтому, какъ и всѣхъ другихъ лицъ этой категоріи, отправляемыхъ по этапу, меня помѣстили не въ обще-арестантскомъ вагонѣ, а въ томъ, въ которомъ находились офицеръ и конвойные. Здѣсь было очень просторно, между тѣмъ какъ уголовныхъ набиваютъ въ вагонъ, какъ сельдей въ бочку; но за то и интереса было мало находиться въ обществѣ лишь солдатъ, къ тому же боящихся, въ присутствіи офицера, вступать въ разговоръ съ перевозимымъ политическимъ.

Черезъ сутки, по выѣздѣ изъ Одессы, поѣздъ утромъ прибылъ въ Кіевъ, гдѣ предстояла дневка. По выходѣ изъ вагоновъ на дебаркадеръ, партія снова выстроилась, и, снова отпивъ ее, конвойные повели по окраинамъ города, направляясь къ тюремному замку.

Передъ этимъ я не былъ въ Кіевѣ болѣе шести лѣтъ: въ послѣдній разъ, въ маѣ 1878 г., я бѣжалъ изъ мѣстнаго тюремнаго замка; затѣмъ скитался по Россіи и Западной Европѣ, и теперь я вновь возвращался въ родной городъ, но бритый, въ кандалахъ, съ бубновыми тузами на спинѣ.

— Иди, иди! Пошевеливай! — услышалъ я окрикъ, сопровождавшійся ударомъ приклада въ спину.

«Начинается!» подумалъ я, представляя себѣ мысленно всѣ тѣ многочисленныя оскорбленія и униженія, которыя предстоятъ

мнѣ еще впереди, какъ «лишенному всѣхъ правъ состоянія»

Оглянувшись назадъ, послѣ полученнаго удара, я увидѣлъ офицера, восплѣшившаго ко мнѣ: поровнявшись съ моимъ конвойнымъ, онъ накричалъ на него, приказывая не обращаться грубо.

По счету впустили насъ въ калитку тюремнаго замка. Меня первымъ ввели въ контору. Кругомъ было все новыя лица. Не было смотрителя—толстаго старика капитана Ковальскаго и двухъ его помощниковъ. Все ново, все чуждо мнѣ.

— Изъ этой самой тюрьмы вы бѣжали?—спросилъ меня высокій, атлетически сложенный человѣкъ, въ тюремной формѣ, оказавшійся новымъ смотрителемъ.

Я отвѣтилъ утвердительно. Какъ извѣстно, Стефановичъ, Бохановскій и я были уведены изъ киевскаго замка нашимъ товарищемъ Фроленко, который съ фальшивымъ паспортомъ поступилъ на службу въ тюрьму и, сдѣлавшись ключникомъ, вывелъ насъ, подъ видомъ коридорныхъ часовыхъ, такъ какъ смѣлой ихъ ночью завѣдывалъ дежурный по тюрьмѣ ключникъ¹⁾.

Камера, въ которую меня привели, оказалась большихъ размѣровъ и почти вся сплошь, за исключеніемъ небольшого прохода, занята была нарами, замѣнявшими всякую другую мебель. Находилась она на, такъ называемомъ, «пересыльномъ коридорѣ» и предназначалась для многихъ десятковъ, если не для цѣлой сотни проходившихъ по этапу уголовныхъ. Меня же одного помѣстили въ ней, очевидно, за тѣмъ, чтобы не смѣшивали съ уголовными.

Сразу чувствовалось, что хорошо знакомый мнѣ замок многое пережилъ за истекшіе годы. Тюрьма эта, какъ мѣсто заключенія политическихъ, имѣла свою длинную исторію, состоявшую въ многочисленныхъ и разнообразныхъ приключеніяхъ и событіяхъ, большею частью, конечно, грустнаго характера, и въ этомъ отношеніи немногія тюрьмы въ Россіи могли тогда сравниться съ нею. Прошлое ея знаменито побѣгами изъ нея

¹⁾ Подробности см. у Степняка въ «Подпольной Россіи»,—«Два побѣга», а также у Туна въ Ист. Рев. движенія, хотя въ обѣихъ этихъ книгахъ нашъ побѣгъ изложенъ не совсѣмъ точно.

политическихъ, такъ какъ кромѣ насъ троихъ «чигиринцевъ» въ томъ же году путемъ подкопа пытались бѣжать студентъ Избицкій и англійскій гражданинъ Беверлей. Но, находясь уже вѣт подкопа, они были замѣчены часовымъ; послѣдовалъ выстрѣлъ, и Беверлей упалъ за-мертво; Избицкій же, оставшись невредимымъ, былъ вновь водворенъ въ тюрьмѣ. Однако эта неудача и предпринятая начальствомъ мѣры предосторожности не прекратили побѣговъ изъ киевской тюрьмы. Прошло четыре года, и въ 1882 году изъ нея же удачно ушелъ заключенный политической студентъ Василій Ивановъ, которому помогъ въ этомъ находившійся въ караулѣ офицеръ Тихановичъ. Затѣмъ, сравнительно незадолго до моего прибытія, изъ этой же тюрьмы также удачно бѣжалъ Влад. Бычковъ¹⁾.

За сравнительно короткій промежутокъ времени, киевскій тюремный замок видѣлъ также массу трагическихъ происшествій,—большой контингентъ юношей, увезенныхъ изъ нея прямо на казнь²⁾; но еще значительно большее количество политическихъ ушло отсюда на каторгу, на поселеніе въ Сибирь и въ административную ссылку. Кромѣ Петропавловской крѣпости, въ этомъ отношеніи съ нею могутъ сравниться только одесская тюрьма и варшавская цитадель. За то по количеству пережитыхъ «бунтовъ», думаю, киевская тюрьма занимаетъ первое мѣсто въ Россіи. Въ отношеніи того, какъ держать себя съ начальствомъ, среди политическихъ заключенныхъ крѣпко хранились традиціи прошлаго, преданія «старинны глубокой», т. е. особенно бурныхъ 1877—1879 годовъ. Новымъ поколѣніямъ заключенныхъ хорошо былъ извѣстенъ этотъ богатый многочисленными бунтами «героическій періодъ», по устнымъ разсказамъ, какъ самой тюремной администраціи, такъ и старожилловъ изъ уголовныхъ. Поэтому, несмотря ни на какія ухищренія начальства, вольный духъ этой тюрьмы не могъ быть искорененъ изъ нея ко времени моего вторичнаго прибытія въ

¹⁾ Въ августѣ 1902 года, какъ извѣстно, изъ нея же бѣжали 11 человѣкъ, а въ январѣ 1903 года бѣжала еще одна политическая заключенная—Инна Леманъ.

²⁾ Въ 1879 г.—Антонова, Брантнера, Бильчанскаго, Горскаго и Оссинскаго, а въ 1880 г. Лозинскаго и Розовскаго.

нее, въ чемъ я убѣдился, лишь только за мною заперли дверь камеры.

— Политическіе просятъ васъ написать, кто вы, по какому дѣлу и гдѣ судились?—услыхалъ я раздавшійся со стороны двери голосъ. Подошедши къ ней ближе, я увидѣлъ, что это говорилъ какой-то уголовный въ продѣланное окошечко. На мое заявленіе, что мнѣ нечѣмъ писать, онъ тутъ же просунулъ мнѣ бумагу и карандашъ.

Сообщивъ въ нѣсколькихъ словахъ о себѣ, я просилъ товарищей также и мнѣ написать, сколько ихъ въ данное время находится здѣсь и по какимъ кто дѣламъ? Свой отвѣтъ я, конечно, передалъ этому же арестанту, а, спустя нѣкоторое время онъ просунулъ мнѣ записку, въ которой были краткіе отвѣты на мои вопросы и въ заключеніе говорилось: «подробности узнаете устно отъ нашихъ дамъ».

Дѣйствительно, я вскорѣ услышалъ женскіе голоса, которые приглашали меня влѣзть на окно. Послѣдовавъ ихъ предложенію, я увидѣлъ, что въ немъ не было форточки. Не долго думая, я разбилъ по стеклу въ двойной рамѣ. Такимъ образомъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ, я вновь могъ вдоволь наговориться со своими и узнать всякія новости.

То были жены тутъ же сидѣвшихъ двухъ политическихъ: Прасковья Шебалина и Витольда Рехневская. Отправившись на прогулку, онѣ подошли къ воротамъ, которыя соединяли ихъ дворъ съ мужскимъ; окно же моей камеры приходилось вблизи этихъ воротъ, и разговаривать намъ было удобно. Я узналъ о всѣхъ сидѣвшихъ въ то время въ кievской тюрьмѣ. Оказалось, что незадолго до моего прибытія, въ кievскомъ военномъ окружномъ судѣ состоялся политическій процессъ, по которому привлекались 12 человекъ; изъ нихъ четверо, въ томъ числѣ мужъ Шебалиной, были осуждены на каторгу, а она на поселеніе.

Но на одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ бесѣда наша была вдругъ прервана внезапно появившимся помощникомъ смотрителя. Увидѣвъ меня на окнѣ, онъ воскликнулъ:

— Какъ? Вы уже разбили стекла!

— Зачѣмъ же у васъ нѣтъ въ окнахъ форточекъ?—возразилъ я.

— Вамъ же хуже: будете ночью мерзнуть при разбитыхъ

окнахъ.—Обратившись затѣмъ къ разговаривавшимъ со мною дамамъ, онъ сталъ требовать, чтобы онѣ отошли отъ воротъ, такъ какъ это имъ запрещается. Но обѣ женщины энергично на него напустились, въ свою очередь требуя, чтобы онъ самъ убрался отсюда и не мѣшалъ нашей бесѣдѣ. Особенно горячо нападала Шебалина, живая, сангвиничная и крайне нервная женщина, доведенная тюрьмой до такого состоянія, что она не могла хладнокровно выносить одного лишь вида администраціи; поэтому, у нея съ послѣдней нерѣдко случались столкновенія.

Витольда Рехневская также находилась здѣсь вмѣстѣ съ мужемъ. Оба они были арестованы весной 1884 г. и въ описываемое время содержались въ качествѣ подсѣдственныхъ по извѣстному дѣлу польскаго социалистическаго общества «Пролетаріатъ», разбиравшемуся въ декабрѣ 1885 г. въ Варшавѣ.

Кромѣ десяти осужденныхъ и ожидавшихъ отправки въ Сибирь, а также нѣкоторыхъ подсѣдственныхъ, въ кievской тюрьмѣ тогда находились еще многіе высланные административнымъ порядкомъ, такъ какъ незадолго предъ тѣмъ, (въ сентябрѣ), въ мѣстномъ университетѣ произошли студенческія волненія, послѣ которыхъ университетъ былъ закрытъ, и многихъ учащихся высылали на родину.

Съ массой новыхъ впечатлѣній легъ я въ эту ночь спать на голыхъ нарахъ. Сквозь разбитыя стекла дулъ холодный вѣтеръ, и я долженъ былъ напялить на себя все полученное платье, чтобы не замерзнуть. Положенный подъ голову, вмѣсто подушки, мѣшокъ съ иностранными классиками, не вызывалъ особенной склонности ко сну. Я долго ворочался, но лишь только сталъ засыпать, какъ услышалъ ужасный крикъ, раздавшійся по всему коридору. Подбѣжавъ къ двери, я сталъ звать коридорнаго надзирателя. Когда онъ явился, я узналъ, что въ сосѣдней камерѣ уголовные арестанты, желая отнять у одного пересыльнаго нѣсколько спрятавшихся имъ рублей, стали душиить его, но ему какъ-то удалось вырваться и закричать.

— Это всегда такъ у нихъ, у «шпаны»,—замѣтилъ надзиратель равнодушнымъ тономъ и удалился дремать на свое мѣсто. Никакихъ другихъ послѣдствій кромѣ его окрика: «Я васъ! вы у меня смотрите!»—дѣло о покушеніи на ограбленіе

не имѣло, и едва-ли даже этотъ надзиратель доложилъ о немъ утромъ тюремной администраціи.

На слѣдующій день торопливо вѣжалъ смотритель и сообщилъ, что сейчасъ ко мнѣ зайдетъ жандармскій полковникъ Новицкій, о которомъ, какъ о крайне недалекомъ человѣкѣ, въ нашей средѣ издавна циркулировало много юмористическихъ анекдотовъ. Явившись ко мнѣ въ камеру, въ сопровожденіи своего адъютанта и смотрителя тюрьмы, Новицкій сперва предложилъ обычный вопросъ: не имѣю ли какихъ-нибудь заявленій? Но, повидимому, ему хотѣлось просто поговорить съ человѣкомъ, котораго онъ зналъ по-наслышкѣ. Особенно, помню, интересовало его, не встрѣчался-ли я за границей съ Дебагорій Мокривичемъ, который, какъ извѣстно, былъ арестованъ и осужденъ въ каторжные работы весною 1879 г. въ Кіевѣ, но по дорогѣ, въ Сибири «смѣнялся» съ уголовнымъ и убѣжалъ. Когда я сказалъ, что видался съ нимъ въ Швейцаріи, Новицкій чуть не засыпалъ меня вопросами: «Ну какъ же поживаетъ Владиміръ Карповичъ, что онъ подѣлываетъ?» говоря это такимъ тономъ, какъ будто Мокривичъ былъ, по крайней мѣрѣ, его хорошимъ знакомымъ. Подобно тому, какъ полковникъ Ивановъ въ Петербургѣ съ похвалой отзывался о моихъ казенныхъ и осужденныхъ на каторгу товарищахъ, Новицкій также расхваливалъ «Владиміра Карповича»; а между тѣмъ этотъ же жандармскій полковникъ содѣйствовалъ присужденію къ смертной казни и къ каторжнымъ работамъ, какъ самого Мокривича, такъ и многихъ его товарищей.

Передъ отправкой въ дальнѣйшій путь, меня снова повели въ контору. По окончаніи необходимыхъ формальностей, смотритель сказалъ мнѣ, указывая на дверь, которая вела въ другую комнату, что я могу туда пойти.

Со словъ бесѣдовавшихъ со мной Шебалиной и Рехневской я уже зналъ, что изъ Кіева я поѣду дальше вмѣстѣ съ ссыланными административнымъ порядкомъ въ Сибирь Вл. Малеваннымъ и Анной Пчелкиной. Хотя лично мы не были знакомы, но я, конечно, радъ былъ совместному путешествію съ ними.

Въ указанной смотрителемъ комнатѣ я увидѣлъ двухъ молодыхъ, очень прилично одѣтыхъ дѣвушекъ, одного военного

и господина лѣтъ подъ сорокъ. У самаго входа меня встрѣтила одна изъ этихъ дѣвушекъ. Проговоривъ свою фамилію, я протянулъ ей руку. Но она, очевидно, не разслышавъ меня, не рѣшалась взять ее и посмотрѣла на меня большими удивленными глазами. Я вновь повторилъ свою фамилію. Тогда молодая дѣвушка, оказавшаяся младшей Пчелкиной, пришедшей лишь проститься съ уѣзжавшей въ Сибирь сестрой, дружески пожала мою руку и съ радостной улыбкой на лицѣ стала горячо оправдываться:

— Я приняла васъ за уголовного и даже испугалась,— говорила она, и здоровое, полное лицо ея покрылось густой краской.

Сестра ея, наоборотъ, имѣла крайне болѣзненный видъ. Теперь она шла административно на три года въ Западную Сибирь. Штатскій оказался Малеваннымъ, шедшимъ на пять лѣтъ въ Восточную Сибирь, а офицеръ былъ конвойный начальникъ, принимавшій насъ въ партію.

Мы быстро перезнакомились. Бритый, въ кандалахъ и въ арестантскомъ костюмѣ, я далеко не гармонировалъ съ остальными, имѣвшими вполне цивилизованный видъ. Во взглядахъ сестеръ Пчелкиныхъ я читалъ искреннее чувство соболѣзнованія и сожалѣнія. Доставъ кусокъ бумаги, младшая попросила меня написать ей на память нѣсколько словъ. Я написалъ заглавія нѣкоторыхъ книгъ; она обѣщала мнѣ прислать ихъ на каторгу; но впоследствии, вѣроятно, забыла объ этомъ или потеряла мой «автографъ», такъ какъ книгъ этихъ я не получилъ.

ГЛАВА XII.

На зимовкѣ.

Бренча кандалами и съ непривычки неловко переступая ногами по снѣгу, я снова, въ толпѣ съ арестантами, проходилъ по улицамъ родного города, направляясь къ вокзалу; Малеванный и А. Пчелкина поѣхали на казенной подводѣ. Насъ тро-

ихъ помѣстили въ общемъ вагонѣ съ конвоемъ. Передъ этимъ я въ теченіе девяти мѣсяцевъ не видѣлъ почти никого, кромѣ полицейскихъ, жандармовъ, прокуроровъ и т. п. Не удивительно, поэтому, что, во время пути отъ Кіева до Москвы, продолжавшагося двое сутокъ, изъ того угла вагона, гдѣ мы сидѣли, шель неумолкаемый разговоръ и раздавался веселый смѣхъ.

На какой-то станціи къ намъ присоединили еще четырехъ административно-ссылныхъ, — двухъ молодыхъ дѣвушекъ и двухъ юношей, также шедшихъ въ Сибирь и, какъ и мы, принужденныхъ зимовать въ московской пересыльной тюрьмѣ.

Быль ранній утренній часъ, когда мы прибыли на станцію. Стоялъ здоровый, вѣтряній морозъ. Къ лязгу кандаловъ присоединился скрипъ санныхъ полозьевъ и хрустѣнье снѣга подъ ногами конвоя и арестантовъ, растянувшихся длинной линіей по улицамъ Москвы.

Хотя, въ общемъ, отзывы о Бутыркахъ были довольно благопріятнаго характера, но, когда насъ впустили подъ тяжелые своды этой тюрьмы, я все же испытывалъ непріятное ощущение: за сравнительно короткій промежутокъ, протекшій со времени моего ареста во Фрейбургѣ, кромѣ трехъ нѣмецкихъ тюремъ, я успѣлъ уже побывать въ шести русскихъ и убѣдился, что рѣшительно въ каждой изъ нихъ режимъ былъ иной. Какъ-бы человекъ ни былъ равнодушенъ къ житейскимъ удобствамъ, но его невольно охватываетъ непріятное, тревожное чувство, при приближеніи къ новому мѣсту заключенія: «Опять, быть можетъ, предстоитъ лишенія элементарнѣйшихъ удобствъ, вновь придется вести борьбу изъ-за койки, столика!» естественно приходиться въ голову, когда затворяются ворота новой тюрьмы...

Насъ, вновь прибывшихъ политическихъ, ввели въ довольно большую комнату, служившую конторой. Въ ней за столомъ сидѣлъ старикъ лѣтъ 55, съ длинной сѣдой бородой, въ очкахъ и въ старомъ вицъ-мундирѣ съ офицерскими погонами, — то былъ отставной капитанъ Мальчинскій, помощникъ смотрителя, специально завѣдывавшій политическими преступниками. Послѣ обычнаго осмотра насъ и нашихъ вещей, онъ распорядился, чтобы надзиратели развели насъ по разнымъ башнямъ.

Когда велѣдъ затѣмъ я очутился въ отведенной для меня камерѣ, то съ перваго взгляда она показалась мнѣ крайне невзрачной: узенькая, формы неправильнаго треугольника, камера эта была такъ мала, что по ней можно было сдѣлать лишь 2—3 шага; къ тому же сквозь небольшое окно съ рѣшетками проходило мало свѣта, но койка и другія необходимыя тюремныя принадлежности въ ней имѣлись. Не успѣлъ я сбросить съ себя верхнее платье, какъ услышалъ совѣтъ вблизи головы, которые звали меня подойти къ дверному окошечку. Оказалось, что рядомъ со мною помѣщались также привезенные въ Бутырки на зимовку двое осужденныхъ въ каторжныя работы по почти одновременно съ моимъ состоявшемуся въ Петербургѣ процессу 14-ти, извѣстному у насъ больше по имени главнаго въ немъ лица—Вѣры Фигнеръ. Сосѣди по камерамъ были моими ровесниками—28 и 30 лѣтъ. Старшій—Афанасій Спандони-Басманджи былъ приговоренъ къ 15 годамъ, а другой—Владиміръ Чуйковъ—къ 20 годамъ. Оба они довольно долгое время просидѣли въ Петропавловской крѣпости, что въ сильной степени повліяло на ихъ здоровье.

Обмѣну новостями и всевозможнымъ разсказамъ въ теченіе первыхъ дней не было у насъ конца. Мы свободно могли разговаривать не только во время совмѣстныхъ прогулокъ по небольшому дворику, примыкавшему къ нашей Пугачевской башнѣ, но также, когда находились въ камерахъ. Мои опасенія относительно суровости предстоящаго режима, такимъ образомъ, оказались совершенно напрасными.

Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ меня позвали въ контору. Тамъ я нашелъ принимавшаго насъ въ день прихода стараго капитана. Пригласивши меня сѣсть на стоявшій возлѣ стола свободный стулъ, капитанъ сказалъ, что желаетъ поговорить со мною вполне откровенно.

— Вы хотите бѣжать отсюда?—заявилъ онъ. —Но я считаю нужнымъ предупредить васъ, что это принесетъ большой вредъ вамъ и вашимъ товарищамъ. Мы здѣсь никого не стѣсняемъ. Если вамъ что нужно, напишите «черненькимъ по бѣленькому»¹⁾,

¹⁾ Какъ потомъ оказалось, это было любимымъ выраженіемъ старика, замѣнявшимъ у него слово „прошеніе“.

мы это пошлемъ губернатору, а онъ всегда удовлетворяетъ законныя желанія заключенныхъ.

Старый капитанъ, очевидно, понималъ людей нашей среды. Узнавъ, изъ моихъ-ли бумагъ или изъ другого источника о прежнихъ моихъ побѣгахъ, онъ пустилъ въ ходъ дипломатическую хитрость и прямо поставилъ вопросъ, стараясь напередъ задобрить меня общаніемъ разныхъ облегченій. Я заявилъ ему, что, конечно, всякій осужденный на каторгу не прочь бѣжать, но, насколько могу судить, изъ этой тюрьмы невозможно осуществить такое желаніе; сдѣлать же легкомысленную попытку,—на «авось»,—не въ моихъ интересахъ. Мы затѣмъ разстались съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Двѣ недѣли спустя, послѣ моего прихода въ Москву, изъ Кіева къ намъ, въ Бутырки, должны были привести еще восемь человѣкъ по уже упомянутому мною процессу Шебалина съ товарищами. Но въ день прихода арестантской партіи въ нашу башню привели только двухъ поселенцевъ—Макара Васильева и Петра Дашкевича, а въ женскую башню—Парасковью Шебалину и Варвару Шулепникову, осужденную на житье въ Сибирь. Всѣхъ же четырехъ мужчинъ каторжанъ¹⁾ по этому процессу, какъ вскорѣ оказалось, совершенно неожиданно отвезли въ Шлиссельбургскую крѣпость. Отъ вновь прибывшихъ поселенцевъ—Васильева и Дашкевича—мы узнали подробности печальной исторіи увоза ихъ товарищей—сопроцессниковъ въ Шлиссельбургъ.

Выше я уже сообщалъ, какое тяжелое впечатлѣніе производитъ бритые головы и заковываніе осужденныхъ. Когда предъ отправкой въ путь захотѣли подвергнуть этой варварской и совершенно ненужной процедурѣ Шебалина и его товарищей, то они энергично воспротивились ей. Ихъ протестъ поддержали и всѣ другіе политическіе заключенные въ кіевскомъ замкѣ; но это не помогло, и осужденныхъ на каторгу побрили и заковали насильно. Тогда всѣ заключенные устроили обычную въ Кіевѣ манифестацію съ разбиваніемъ оконъ, коекъ и проч. Обо всемъ этомъ сообщено было въ департаментъ полиціи, а оттуда послѣдовало распоряженіе отправить четырехъ каторжанъ въ

1) Шебалина, Панкратова, Караулова и Борисовича.

Шлиссельбургскую крѣпость, что было тогда равносильно осужденію на медленную смерть, сопровождающуюся продолжительными и тяжелыми мученіями,—на погребеніе заживо.

Между тѣмъ число заключенныхъ въ Бутыркахъ все увеличивалось: изъ разныхъ мѣстъ свозили въ эту тюрьму на зимовку лицъ, которымъ весной предстояло административнымъ порядкомъ отправиться въ Сибирь. Всѣ эти лица, за немногими исключеніями, принадлежали къ интеллигентной молодежи, но среди ссылаемыхъ было также нѣсколько человѣкъ болѣе пожилыхъ лѣтъ и два-три рабочихъ. Главное прегрѣшеніе административно-ссылаемыхъ,—какъ, увя! это еще происходитъ у насъ и теперь, 20 слишкомъ лѣтъ спустя!—состояло въ классическомъ обвиненіи въ «неблагонадежности». Хотя я подробно разспрашивалъ каждаго, за что его высылаютъ въ Сибирь, но въ памяти у меня не запечатлѣлось ни малѣйшаго намека на то, что въ цивилизованныхъ странахъ принято понимать подъ словомъ «преступленіе»: былъ «знакомъ» съ такимъ-то, при обыскѣ «нашли» то-то,— и молодыхъ людей, послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія, заочно приговариваютъ късылкѣ въ холодную и пустынную Сибирь на нѣсколько лѣтъ...

Въ описываемую мною зиму 1884—85 г. въ разныхъ концахъ Россіи происходили многочисленные аресты по, такъ называемому, «дѣлу Лопатина». Этотъ выдающійся у насъ революціонеръ, задаясь, какъ извѣстно, цѣлью возродить къ тому времени почти уже разрушенную, вслѣдствіе погромовъ, организацію «Исполнительнаго Комитета» партіи «Народной Воли». Пріѣхавъ съ этой цѣлью изъ-заграницы, Германъ Лопатинъ сталъ заводить обширныя знакомства, но, не полагаясь на свою память, записывалъ фамиліи новыхъ лицъ съ лаконичными ихъ характеристиками, безъ всякаго шифра. Къ несчастію, его увѣренность, что онъ всегда успеетъ уничтожить эту записку, не оправдалась: его неожиданно схватили сзади на улицѣ, не допустивъ проглотить бумажку съ неконспиративными записями.

Къ намъ, въ Бутырки, также привезли нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ вслѣдствіе указанной оплошности Г. Лопатина. То были преимущественно очень молодые люди, между которыми особенно выдѣлялся 19-ти лѣтній студентъ москов. унив. Рубинокъ. Это былъ очень способный и начитанный юноша; его

отправили на 3 года въ Восточную Сибирь; тамъ въ послѣдствіи онъ подвергся ужасному истязанію со стороны якутовъ, послѣ чего, говорили, онъ лишился разсудка.

Со времени вступленія на престолъ Императора Александра III прошло тогда уже болѣе трехъ лѣтъ и вполне опредѣлилась реакціонная политика новаго царя. Первые же годы его царствованія ознаменовались вистѣпками, поощреніями анти-еврейскихъ беспорядковъ, разразившихся во многихъ мѣстностяхъ юго-западной Россіи, назначеніемъ всѣми ненавистнаго бывшаго министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ II графа Дмитрія Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, введеніемъ новаго, крайне стѣснительнаго для студентовъ и профессоровъ университетскаго устава и т. п. мѣръ. Однако, многіе продолжали еще надѣяться, что такая волна продлится недолго, и либеральная часть общества рассчитывала, что правительство вскорѣ вступитъ на путь реформъ. Помню, какъ лица интеллигентныхъ профессій высказывали тогда надежду, что «шахшунъ чрезъ пять лѣтъ у насъ будетъ конституція».

Такая же надежда раздѣляла тогда и революціонная молодежь. Большинство ея было увѣрено, что «не сегодня — завтра террористы убьютъ Александра III, и тогда уже непременно дана будетъ конституція». По этому поводу заключались даже между нѣкоторыми пари. Такая увѣренность поддерживала во многихъ арестованныхъ бодрость и хорошее расположеніе духа. Но уже и въ то время все доказывало, что «Народная Воля» доживала свои послѣдніе дни и террористы не были уже страшны правительству. Всѣ наиболѣе способные и опытные члены этой организаціи были арестованы, казнены или заключены въ Шлиссельбургской крѣпости, а нарождавшіеся новые адепты не отличались всѣми необходимыми для террористической дѣятельности качествами; къ тому же изощрившаяся въ борьбѣ съ революціонерами полиція не давала молодымъ народовольцамъ возможности пріобрѣсти опытъ. Неумѣнье вести конспиративную дѣятельность была одной изъ главныхъ причинъ многочисленныхъ проваловъ, раньше чѣмъ молодые террористы еще приступали къ подготовкѣ какого-нибудь революціоннаго плана. Къ тому же, тогда не было уже того единства во взглядахъ,

которое до 1881 — 82 гг. отличало членовъ партіи «Народная Воля». Среди сторонниковъ этого направленія возникли уже разныя фракціи. Такъ, появились «молодые народовольцы», отстаивавшіе необходимость примѣненія, кромѣ политическаго, еще аграрнаго и фабрично-заводскаго террора; они желали, чтобы народовольцы занимались также убійствами помѣщиковъ, фабрикантовъ, кулаковъ и т. п. Рядомъ съ этой группой появились еще, такъ называемые, «бомбисты», сводившіе всю дѣятельность къ метанію бомбъ. Были еще и «милитаристы», мечтавшіе лишь о заговорахъ среди военныхъ. Тогда же, какъ извѣстно, впервые появились въ Россіи и социалдемократы, начавшіе издавать въ Петербургѣ газету для рабочихъ.

Между сторонниками всѣхъ этихъ направленій, имѣвшихъ своихъ представителей среди заключенныхъ въ Бутыркахъ, происходили, конечно, оживленные споры и дебаты, кончавшіеся въ большинствѣ случаевъ довольно миролюбиво: общія условія заключенія и оторванность отъ практической дѣятельности заставляли даже самыхъ непримиримыхъ терпимо относиться къ лицамъ, придерживавшимся иныхъ, чѣмъ они, взглядовъ.

У насъ были постоянныя сношенія не только между всѣми заключенными въ разныхъ башняхъ, но также съ волей, откуда мы получали всякія литературныя новинки. Для этого мы пользовались разными способами, но однимъ изъ главныхъ служилъ подкупленный нами надзиратель, о которомъ скажу здѣсь нѣсколько словъ.

Смирновъ — пусть будетъ такъ его фамилія — былъ очень проницательный и смѣлый молодой человекъ, готовый на всякое рискованное предпріятіе, не исключая и преступленія. Будучи самъ малограмотнымъ, онъ, однако, питалъ большое почтеніе къ людямъ образованнымъ и намъ, политическимъ, былъ преданъ не только вслѣдствіе щедро получаемаго отъ насъ вознагражденія, но и изъ непосредственнаго расположенія. На сознательный доносъ онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ пойти, въ чемъ я отчасти могъ убѣдиться по слѣдующему случаю.

Нѣкоторые товарищи надумали устроить побѣгъ изъ тюрьмы путемъ подкопа. Но, какъ тщательно они не скрывали отъ Смирнова свою затѣю, онъ, однако, вскорѣ замѣтилъ ихъ приготовл.

— Вы думаете, я не знаю, что ваши товарищи дѣлаютъ подкопъ?—сказалъ онъ мнѣ, зашедши въ камеру и затворивъ за собою дверь.—Только меня не подводите, а я не выдамъ.

Но, однажды, я самъ настоялъ, чтобы онъ донесъ на меня. Это было вскорѣ по прибытіи въ московскую центральную тюрьму. Мы знали, что уголовные каторжане тайкомъ скидаютъ кандалы, на что тюремное начальство смотрѣло сквозь пальцы, и я рѣшилъ послѣдовать ихъ примѣру, но только сбросить кандалы, болѣе или менѣе открыто. Вышедши изъ камеры на площадку, на которой находился надзиратель Смирновъ, я на его глазахъ, при помощи гвоздя и молотка, разбилъ заклепки,—кандалы спали съ ногъ.

— Что же вы сдѣлали? Вѣдь теперь я буду въ отвѣтъ!—воскликнулъ Смирновъ.

— Нисколько,—возразилъ я.—Идите къ смотрителю и сообщите, что я разбилъ кандалы.

Поколебавшись немного, онъ послѣдовалъ моему совѣту, а, вернувшись изъ конторы, сообщилъ, что меня зовутъ къ себѣ смотритель. Въмѣсто выбитыхъ заклепокъ, я связалъ кольца кандаловъ веревочками и, вновь одѣвъ ихъ, отправился въ контору.

— Вы разбили кандалы?—чуть не съ ужасомъ воскликнулъ старикъ-капитанъ. Я отвѣтилъ утвердительно.

— Значитъ, вы собираетесь бѣжать отсюда?—умозаключилъ онъ.

— Ну, подумайте, капитанъ, если бы я дѣйствительно собирался бѣжать, неужели я сталъ-бы открыто разбивать кандалы? Конечно, нѣтъ. Будь у меня такое намѣреніе, я, наоборотъ, постарался бы отвлечь отъ себя малѣйшее подозрѣніе. Я желаю лишь не имѣть на ногахъ излишней тяжести, причиняющей непріятныя ощущенія.

— Но не могу же я вамъ разрѣшить не носить кандаловъ?—недоумѣвалъ онъ.

— Этого вовсе и не требуется,—отвѣтилъ я.—Вы дѣлаете только видъ, что ничего не знаете, что «все обстоитъ благополучно».

— Ну, а если высшее начальство узнаетъ?—спросилъ онъ уже нѣсколько болѣе спокойнымъ тономъ.

— Какъ же оно узнать, если вы сами ему не доложите? Не придетъ же, напр., губернаторъ щупать у меня заклепки, чтобы убѣдиться желѣзные они или веревочные?

— Значитъ, при посѣщеніи тюрьмы высшимъ начальствомъ вы будете въ кандалахъ?—спросилъ онъ, очевидно, начиная сдаваться.

— Разумѣется! Видите, я и сюда пришелъ въ полномъ парадѣ.—отвѣтилъ я, показывая на завязанные кандалы.

На этомъ мы съ нимъ разстались, довольные заключенной сдѣлкой. Такимъ образомъ, я и Чуйковъ приобрѣли неофициальное право не носить кандаловъ,—Спандони же былъ освобожденъ отъ нихъ по болѣзни. Труднѣе нѣсколько было намъ добиться, чтобы насъ не брили. Мы, каторжане однажды рѣшили просто не позволить уродовать себя, и, когда явился въ нашу башню цирульникъ, мы наотрѣвъ отказались допустить его къ себѣ. Объ этомъ, конечно, доложено было старому капитану, который вскорѣ явился усовѣщевать насъ.

— Не отъ меня исходитъ распоряженіе брить васъ,—говорилъ онъ.—Что-же я могу сдѣлать?

— А вы сообщите губернатору, что мы не хотимъ добровольно подчиниться этому варварскому требованію,—пускай насильно ташутъ брить!—отвѣчали мы.

Мнѣ не извѣстно, довелъ ли онъ до свѣдѣнія высшихъ властей о нашемъ протестѣ, но насъ болѣе не брили до самаго увоза въ Сибирь.

Въ отношеніи режима существовала значительная разница между разными категоріями зимовавшихъ въ Бутыркахъ политическихъ ссыльныхъ. Тагъ, условія, заключенія и нѣкоторыя права административныхъ были нѣсколько лучшія, чѣмъ тѣ, какими пользовались поселенцы, а послѣдніе, въ свою очередь, имѣли кое-какія преимущества предъ каторжанами. Но мѣсяца два спустя почти всѣ различія въ режимѣ понемногу сгладились, и преимущества административныхъ, а также и поселенцевъ предъ каторжанами свелись лишь къ тому, что лица этихъ двухъ категорій носили свое платье и имѣли возможность ходить на свиданія съ нашими женщинами, помѣшавшимися въ особенной башнѣ. Разрѣшенія на такія свиданія получались

отъ губернатора, къ которому заинтересованныя лица должны были обращаться съ особыми прошениями.

Мѣстомъ для свиданій служила контора. Въ часы, когда они происходили, она имѣла довольно своеобразный видъ: старый капитанъ сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ за большимъ письменнымъ столомъ и что-то записываетъ въ одну изъ лежащихъ около него конторскихъ книгъ; у дверейъ стоитъ надзиратель въ тюремной формѣ съ большимъ револьверомъ въ кобурѣ и съ длинной шашкой на лѣвомъ боку; а вдоль стѣнъ на диванѣ и стульяхъ размѣстились группы лица, пришедшія на свиданія. Скучный свѣтъ, проходящій сквозь огражденные толстыми рѣшетками окна, придаетъ особенное выраженіе лицамъ бесѣдующихъ. Среди послѣднихъ можно встрѣтить людей разныхъ возрастовъ и социальныхъ слоевъ: вотъ адвокатъ или врачъ, пришедшій на свиданіе къ брату-студенту; тамъ старушка-хрестьянка, прѣхавшая издалека «по чугункѣ» провѣдать своего сына, рассказываетъ про свое тяжелое житіе. Рядомъ потомокъ стариннаго княжескаго рода вмѣстѣ съ женой весело бесѣдуютъ со своимъ дядей, идущимъ въ Сибирь. Въ конторѣ стоитъ шумъ, идетъ громкій говоръ; раздаются шутки, остроты, смѣхъ. И тутъ же какая-нибудь родственница, вздыхая и охая, утираетъ катящуюся по щекамъ слезу: ей тяжело смотрѣть на блѣдныя исхудалыя лица заключенныхъ въ тюрьмѣ юношей и молодыхъ дѣвушекъ. Какъ и всюду на землѣ, здѣсь горе и радость, смѣхъ и слезы существуютъ рядомъ, — только въ тюрьмѣ чувства и настроенія проявляются свободнѣе, непринужденнѣе; здѣсь скорѣе сглаживаются противоположности; все проще, откровеннѣе. Посѣтители быстро знакомятся другъ съ другомъ, а также и съ заключенными, приходящими на свиданія. Въ тюрьмѣ для политическихъ имѣтъ привилегированныхъ, она всехъ сравниваетъ и соединяетъ общимъ всемъ горемъ и страданіемъ.

Однажды, во время свиданія былъ такой случай: въ дверяхъ показался старикъ въ поддевкѣ, подпоясанный кушакомъ.

— Вамъ кого надо? — спросилъ его капитанъ.

— Здѣсь сидитъ Егоръ Лазаревъ, — мнѣ бы его повидать, — отвѣтилъ пришедшій.

— А разрѣшеніе имѣете?

— Вотъ оно.

Поправивъ сдвинувшіяся на кончикъ носа очки и взявъ въ руки протянутую пришедшимъ бумагу, капитанъ сталъ читать, но вскорѣ онъ вскочилъ со стула и сталъ извиняться:

— Простите, графъ, не узналъ! Вотъ стулъ, пожалуйста, садитесь! — Смирновъ! — обратился онъ къ дежурному надзирателю, — сбѣгай скорѣе за Лазаревымъ.

По тюрьмѣ поднялось движеніе, хлопанье дверьми и крики:

— Лазаревъ! Гдѣ Лазаревъ? Къ нему графъ Левъ Толстой пришелъ.

Сынъ крестьянина, но человекъ вполнѣ интеллигентный, Лазаревъ былъ знакомъ съ Львомъ Николаевичемъ по Самарской губерніи. Онъ привлекался по дѣлу 193-хъ и въ описываемое мною время его административнымъ порядкомъ отправляли въ Вост. Сибирь, рѣшительно безъ всякаго основанія.

Какъ нетрудно заранѣе себѣ представить, отпускавшаяся отъ казны пища была чрезвычайно плоха: даже мало приведенный человекъ, при сильномъ голодѣ, могъ проглотить лишь нѣсколько ложекъ той отвратительной похлебки, которая разносилась въ деревянныхъ бакахъ по камерамъ. Такія свойства этой пищи объяснялись, конечно, ничтожными размѣрами казенныхъ продуктовъ, которые къ тому же подвергались многочисленнымъ урѣзваніямъ въ разныхъ инстанціяхъ. Послѣ нѣсколькихъ пробъ этой пищи мы рѣшили устроить свой собственный столъ. Для этого нашъ староста, завѣдывавшій артельнымъ нашимъ хозяйствомъ, подрядилъ одного изъ арестантовъ, который долженъ былъ изъ нашихъ продуктовъ готовить для насъ отдѣльно отъ уголовныхъ. Но нельзя сказать, чтобы и собственная наша пища была особенно обильна и гастрономична, — причиной этого являлась крайняя ограниченность получаемыхъ нами въ общемъ средствъ. Въ цѣляхъ экономіи нѣкоторые изъ насъ предложили замѣнить обыкновенное скотское мясо кониной, хотя и первое въ то время стоило сравнительно очень дешево. Сдѣлана была проба. Оказалось, что, хотя конина жестка и не особенно вкусна, но ѣсть ее можно было безъ отвращенія. Нашлось, однако, два-три чело-

вѣка, которые утверждали, что ихъ тошнить отъ конины. Считая это утверженіе результатомъ вкоренившагося предубѣжденія, остальные члены нашей артели, сговорившись, заявили этимъ мнительнымъ лицамъ, что для нихъ будутъ готовить пищу изъ обыкновеннаго мяса. Въ дѣйствительности же имъ подавалась та же конина, только нѣсколько иначе приготовленная, напр., въ видѣ котлетъ, битковъ и т. п. Глядя на то, какъ мы открыто ѣли конину, иной изъ этихъ мнительныхъ людей говорилъ, что его тошнить отъ одного только внѣшняго вида нашей пищи, а мы, въ свою очередь, съ трудомъ удерживались отъ смѣха, наблюдая, съ какимъ аппетитомъ онъ самъ уплеталъ ту же конину. Когда же по прошествіи нѣкотораго времени этимъ мистифицируемымъ лицамъ кто-то сообщилъ, что они также питались кониной, то они заднимъ числомъ стали утверждать, что они всегда чувствовали нѣчто неприятное въ пищу и разстроили себѣ желудки.

Кромѣ родственниковъ и вообще близкихъ людей, заботившихся объ улучшеніи нашего матеріальнаго положенія, немало также дѣлали въ этомъ отношеніи нѣкоторые лица, не связанные съ заключенными въ тюрьмѣ узами родства. Я имѣю въ виду членовъ революціоннаго Краснаго Креста. Только очутившись въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ и не имѣя на волѣ близкихъ людей, многіе опѣнили значеніе этихъ безкорыстныхъ и скромныхъ дѣяательницъ, посвятившихъ себя задачѣ оказывать помощь лицамъ, преслѣдуемымъ правительствомъ за политическія преступленія. Мнѣ случалось видѣть выраженія удовольствія и благодарности на лицахъ такихъ одинокихъ людей, когда они получали съ воли ту или иную необходимую имъ вещь, заботливо приобрѣтенную и доставленную имъ совсѣмъ незнакомой женщиной, членомъ Краснаго Креста.

Нашей партіи, кажется, особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи. Задолго до наступленія времени отправки насъ въ Сибирь, мы получили съ воли предложеніе составить списокъ всего необходимаго для предстоящаго намъ далекаго путешествія. Нетрудно представить себѣ, какую массу мелкой хлопотливой заботы, а также труда, брали на себя великодушныя женщины—члены Краснаго Креста. Въ ихъ стараніяхъ помочь заключеннымъ и ссыльнымъ было много трогательнаго.

Хотя мы, какъ социалисты, совершенно не придерживаемся никакой религіи, тѣмъ не менѣе, насколько мнѣ извѣстно, во всѣхъ мѣстахъ заключенія, гдѣ только представлялась къ тому возможность, лица самыхъ различныхъ по происхожденію національностей—евреи, поляки, нѣмцы,—не отказывались принимать участіе въ большихъ русскихъ праздникахъ—Рождествѣ Христовомъ и Свѣтломъ Воскресенія. Участіе это, правда, выражалось лишь въ улучшеніи на эти дни пищи, такъ какъ родственники, знакомые и члены Краснаго Креста доставляли въ тюрьмы разные съѣстные продукты и даже лакомства.

Особенно весело отпраздновали мы въ Бутыркахъ ночь подъ Свѣтломъ Воскресенія. Губернаторъ разрѣшилъ намъ провести ее сообща въ башнѣ, гдѣ помѣщались административно-ссылаемые. Тамъ, подъ наблюденіемъ помощника смотрителя и надзирателей, мы оставались все вмѣстѣ—мужчины и женщины—съ наступленія вечера почти до разсвѣта, и предавались небывалому въ тюрьмѣ веселью: шутки и смѣхъ смѣшивались со звуками пѣсни, затѣмъ появилась откуда-то гармоника и развеселившаяся молодежь пустилась танцовать. Но я увѣренъ, что и во время этого веселья едва ли кто забывалъ, что онъ въ тюрьмѣ, за желѣзными рѣшетками...

У насъ, въ Россіи существуетъ сфера отношеній являющаяся привилегіей политическихъ заключенныхъ,— я имѣю въ виду признаніе всякаго рода начальствомъ, что политическаго нельзя третировать совершенно такъ, какъ уголовнаго. По крайней мѣрѣ, такъ было въ описываемые мною годы. Немалую роль въ такомъ отношеніи къ намъ властей играло сознание политическими своей правоты и присущее имъ чувство собственнаго достоинства. Оскорбленіе этого чувства со стороны кого-либо изъ администраціи вызывало, какъ и теперь это случается,—тюремныя исторіи. Какъ мы обучали начальство вѣжливости, можетъ показать слѣдующій случай:

Изъ Петербурга къ намъ пріѣхалъ начальникъ главнаго тюремнаго управленія Галкинъ-Врасскій. Онъ внушалъ всей зависѣвшей отъ него администраціи неимоверное благоговѣніе, смѣшанное со страхомъ. Въ сознаніи важности занимаемаго

имъ поста, а также, вѣроятно, и чина, Галкинъ-Врасскій держалъ себя чрезвычайно высокомерно. При посѣщеніи имъ нашей тюрьмы, среди насъ распространился слухъ, что онъ, заходя въ камеры, не снимаетъ съ головы шляпы. Мы немедленно рѣшили проучить его, условившись, что первый изъ насъ, къ которому онъ зайдетъ, преподастъ ему урокъ вѣжливости. Въ сопровожденіи большой свиты вошелъ Галкинъ-Врасскій въ первую камеру нашей Пугачевской башни, въ которой помѣщался, какъ я уже упоминалъ выше, осужденный въ Кіевѣ на поселеніе студентъ духовной академіи, Петръ Дашкевичъ. Лишь только, переступивъ порогъ, Галкинъ-Врасскій открылъ ротъ и задалъ обычный вопросъ: «Не имѣете ли чего заявить?»—какъ Дашкевичъ спокойнымъ тономъ замѣтилъ ему:

— Могу заявить вамъ, что вы очень не вѣжливы: заходите въ камеру, не снявъ шляпы.

Галкинъ-Врасскій быстро повернулся и вышелъ; свита, въ присутствіи которой онъ, важный сановникъ, выслушалъ поставленіе отъ юноши-арестанта, смущенно послѣдовала за нимъ.

— По какому онъ дѣлу?—спросилъ Галкинъ-Врасскій, имѣя въ виду Дашкевича, когда всѣ очутились на площадкѣ передъ нашими камерами.

— По Кіевскому,—отвѣтилъ кто-то.

— А, изъ тѣхъ, которые тамъ бунтовали!—воскликнулъ онъ и направился въ другія камеры, но уже держа цилиндръ въ рукѣ.

Галкинъ-Врасскій оплатилъ Дашкевичу за урокъ вѣжливости: хотя по суду послѣдній былъ приговоренъ на поселеніе въ Сибирь, «въ мѣста, не столь отдаленныя», но начальникъ тюремъ постарался, чтобы его сослали въ отдаленнѣйшія, а именно—въ с. Тунку, Иркутской губ.¹⁾

¹⁾ Оттуда Дашкевичу удалось вскорѣ бѣжать за границу.

ГЛАВА XIII.

Въ мѣстахъ, не столь отдаленныхъ.

Съ наступленіемъ весны мы стали готовиться къ предстоявшему намъ далекому путешествію. Самый важный для насъ вопросъ—количество багажа, какое мы, каторжане, сможемъ взять съ собою—разрѣшился въ благопріятномъ смыслѣ.

По инструкціи, лицамъ, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, разрѣшалось имѣть при себѣ не болѣе 25 фунт. на каждого, между тѣмъ одни только казенныя вещи имѣли этотъ вѣсъ, слѣдовательно, нельзя было бы везти съ собою книгъ, каковыхъ у насъ накопилось немало за время сидѣнія въ Бутыркахъ¹⁾.

Но передъ отправкой въ путь начальство сообщило намъ, что вѣсъ багажа будетъ распредѣляться на всѣхъ отправляемыхъ въ партіи, а такъ какъ административнымъ дозволялось имѣть по пяти пудовъ на каждого, у многихъ же изъ нихъ было очень мало вещей, то мы, каторжане, могли взять съ собою полученныя вещи и книги, которыя, раньше выдачи ихъ намъ, конечно, предварительно просматривались. Въ связи съ этимъ произошелъ такой курьезъ.

Студентъ Рубинокъ, о которомъ я упоминалъ выше, обратился къ вице-губернатору, кн. Голицыну, съ вопросомъ, можетъ ли онъ взять съ собою «Капиталь» Маркса?

— Какъ же вы возьмете чужой капиталъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ кн. Голицынъ, какъ сообщали, окончившій университетъ, но, очевидно, никогда не слыхавшій о такой книгѣ.

Предъ отъѣздомъ среди насъ возникъ вопросъ, не оставить ли старику-капитану какого-либо цѣннаго подарка на память. Но онъ какимъ-то образомъ узналъ объ этомъ намбреніи и энергично возсталъ противъ него, говоря, что деньги намъ самимъ очень пригодятся въ будущемъ. Не помню, было ли что-

¹⁾ Между прочимъ, гр. Л. Н. Толстой прислалъ намъ черезъ знакомаго, кромѣ экземпляра собранія его сочиненій, еще исторію Россіи С. Соловьева; но денегъ онъ „по принципу“ отказался дать уходящей въ Сибирь партіи политическихъ ссыльныхъ, среди которыхъ были женщины и дѣти, лишенныя всякихъ средствъ.

нибудь куплено ему? Однако, нѣсколько дней спустя, послѣ признанныхъ нами заслугъ и прекрасныхъ качествъ капитана Мальчинскаго, онъ возбудилъ въ насъ крайнее негодованіе и возмущеніе. Случилось это предъ самымъ нашимъ уходомъ изъ Москвы въ Сибирь.

Власти очевидно мирились съ тѣмъ фактомъ, что мы въ тюрьмѣ ходили раскованные и съ небритыми головами. Но передъ отправкой въ путь насъ вновь захотѣли побрить и заковать, такъ какъ, будто бы, конвойный офицеръ иначе не соглашался принять насъ въ партію. Мы, каторжане, наотрѣзъ отказались подчиниться этому требованію, и всѣ остальные товарищи выразили готовность поддержать нашъ протестъ, какія бы формы онъ ни принялъ. Утромъ, когда наступилъ часъ приема насъ въ партію, мы рѣшили не идти по-одиночкѣ въ то помѣщеніе, гдѣ происходила приемка и держались всѣ вмѣстѣ. Начальство видѣло, что, употреби оно насилие, выйдетъ крупный скандалъ; поэтому, оно пустило въ ходъ дипломатическую хитрость: оно сдѣлало видъ, что вовсе не настаиваетъ на томъ, чтобы насъ непременно побрили, и приемка насъ всѣхъ офицеромъ вскорѣ закончилась. Когда-же вся партія была готова къ отправкѣ, кто-то изъ тюремной администраціи сообщилъ намъ, каторжанамъ, что мы можемъ получить отъ доктора свидѣтельство на право пользоваться въ пути подводой,— по инструкціи каторжане должны слѣдовать пѣшкомъ. Ничего не подозревая, мы трое—Спандони, Чуйковъ и я—пожелали записаться такими свидѣтельствами и пошли къ доктору. Но едва только мы вышли изъ помѣщенія, въ которомъ находились вмѣстѣ со всѣми остальными членами нашей партіи, какъ со всѣхъ сторонъ были окружены приставами, и капитанъ приказалъ насъ побрить и заковать. Мы рѣшили сопротивляться: уцѣпившись за что попало, мы не давали себя стаскивать съ мѣста; при этомъ немало влетѣло подзатыльниковъ надзирателямъ. Въ концѣ концовъ, они, конечно, одержали надъ нами верхъ: каждаго изъ насъ они на рукахъ приносили и насильно держали на стулѣ, пока цирюльничъ брилъ полголовы; тоже дѣлали они и во время заковки.

Участіе капитана въ этомъ обманѣ и насиліи надъ нами было достаточной причиной, чтобы онъ потерялъ расположеніе,

которымъ раньше пользовался. Наше затѣмъ прощаніе съ нимъ было очень холодное.

Была середина мая. Погода стояла прекрасная; солнце уже довольно сильно грѣло; въ воздухѣ было тихо, спокойно. Но съ этой чудной погодой совсѣмъ не гармонировало наше настроеніе. Изъ тюрьмы на вокзалъ большинство изъ насъ предпочло отправиться пѣшкомъ. Мы представляли довольно значительныхъ размѣровъ толпу, имѣвшую очень оригинальный характеръ. Бритые арестанты съ кандалами на ногахъ и съ бубновыми тузами на сѣрыхъ эрестантскихъ халатахъ шли рядомъ съ мужчинами и женщинами, одѣтыми въ разнообразные европейскіе костюмы. Преобладающій элементъ этой пестрой кучки въ пятьдесятъ съ чѣмъ-то человекъ составляла, конечно, юная молодежь; было нѣсколько человекъ среднихъ лѣтъ, а также двѣнадцать женщинъ, изъ нихъ три добровольно слѣдовали за своими мужьями въ административную ссылку въ Сибирь.

Сцена насильственного бритья и заковыванія насъ, каторжанъ, повидимому, произвела на многихъ тяжелое впечатлѣніе. Молча двигались мы по направленію къ вокзалу. Когда затѣмъ мы размѣстились въ двухъ вагонахъ, на платформѣ появилось нѣсколько лицъ—родственники и знакомые, пришедшіе проводить насъ. Жандармы не допускали ихъ близко къ окнамъ вагоновъ. Поэтому мы громко выкрикивали другъ другу свои прощальныя привѣтствія и пожеланія.

— Будьте здоровы и счастливы! Не забывайте насъ!— раздавалось изъ вагоновъ.

— Не унывайте! Не теряйте бодрости! Возвращайтесь скорѣе изъ Сибири!—слышалось въ отвѣтъ со стороны провожавшихъ. Но вотъ раздался звонокъ.

— Запойте на прощанье!—послышались крики съ платформы, и стройный хоръ за зиму сѣвшихся голосовъ изъ нашего вагона затянулъ: «Ой, тамъ за Дунаемъ». При той обстановкѣ грустные звуки этой малорусской пѣсни производили особенно сильное впечатлѣніе. Провожавшіе не могли удержать подступившихъ слезъ, перешедшихъ у нѣкоторыхъ въ громкое рыданіе. Но шумъ колесъ отходившаго поѣзда вскорѣ заглушилъ и плачь, и звуки пѣсни.

На ближайшей станціи къ окну вагона, у котораго я сидѣлъ, подошла старуха-крестьянка и подала мнѣ копейку, сказала: «на, бери, помолиси!» Я сперва отказался, посоветовавъ ей дать эту монету другому, но затѣмъ взялъ ее на память и долго потомъ хранилъ.

Чѣмъ больше мы удалялись отъ Москвы, тѣмъ тоскливѣе становилось на душѣ, — словно въ этомъ городѣ я навсегда оставлялъ самыхъ близкихъ людей.

Утромъ слѣдующаго дня мы прибыли въ Нижній. Здѣсь намъ нужно было пересѣсть на арестантскую баржу, буксирную пароходомъ, чтобы по р. р. Волгѣ и Камѣ плыть до г. Перьми. Насъ помѣстили въ двухъ каютахъ, мужчинъ отдѣльно отъ женщинъ, но въ общемъ нашемъ распоряженіи была палуба, покрытая желѣзной сѣткою. Пищу мы готовили сами изъ покупаемой по-пути провизіи. На водѣ намъ предстояло пробыть нѣсколько дней, и это обстоятельство, послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія, доставляло намъ большое наслажденіе. Особенно хорошо бывало при солнечныхъ закатахъ. Все наша публика собиралась тогда на палубѣ, и отличный хоръ нашъ затягивалъ любимыя пѣсни. Сидишь гдѣ-нибудь въ сторонѣ, у борта, прислонившись головой къ сѣткѣ и, слушая знакомые, преимущественно грустные мотивы, смотришь на гладкую поверхность широкой рѣки. Движеніе баржи не производило ни малѣйшаго шума — словно она неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ. Появлявшіяся, съ наступленіемъ вечера, звѣзды, приобрѣтали какой-то особенно яркій цвѣтъ, отражаясь въ водѣ. Все кругомъ — рѣка, звѣздное небо и пѣніе невольно переносили меня на другую, также великую рѣку, — на широкій Днѣпръ, на берегахъ котораго я провелъ дѣтство и юность.

Въ Перьми мы вновь размѣстились въ двухъ вагонахъ, чтобы по желѣзной дорогѣ проѣхать въ Екатеринбургъ.

Теперь, съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги, перевозка арестантовъ совершается очень просто; въ описываемое же мною время это былъ очень длинный и сложный процессъ. Переночевавъ въ Екатеринбургской тюрьмѣ, мы утромъ должны были отправиться до перваго сибирскаго города — Тюмени на тройкахъ. На каждой телѣгѣ полагалось помѣститься четыремъ

политическимъ съ двумя конвойными солдатами, слѣдовательно, вмѣстѣ съ ямщикомъ по семи человекъ. Нѣкоторые изъ нашей партіи нашли такое количество людей слишкомъ большимъ и стали требовать, чтобы увеличили число телѣгъ. Сопровождавшій насъ конвойный офицеръ заявилъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать. Находя очень неудобнымъ и утомительнымъ трое сутокъ ѣхать при такомъ числѣ сѣдоковъ, протестанты наотрѣзъ отказались добровольно садиться въ телѣги. Время, между тѣмъ, шло, а наша партія не трогалась съ мѣста. Большинству изъ насъ этотъ вопросъ не казался столь важнымъ, чтобы изъ-за него стоило вызывать, быть можетъ, крупное столкновеніе, если бы офицеръ отдалъ солдатамъ приказаніе усаживать насъ насильно.

— Не имѣетъ смысла изъ-за этого вызывать исторію! — стали раздаваться голоса, но невозможно было убѣдить въ этомъ болѣе пылкихъ. Тогда кому-то пришла мысль сдѣлать пробу, насколько стѣснительно размѣститься въ телѣгахъ по шести человекъ. Явилось нѣсколько охотниковъ, которые, усѣвшись въ телѣгѣ, нашли, что вполне возможно ѣхать въ требуемомъ офицеромъ количествѣ людей. Ихъ примѣру послѣдовали другіе; протестанты поневолѣ подчинились большинству, хотя не безъ выраженія своего неудовольствія, и столкновеніе было, такимъ образомъ, устранено.

Еще когда мы ѣхали по Волгѣ и Камѣ, уже опредѣлились группы для ѣзды на тройкахъ. При этомъ кто-то предложилъ предоставить нашимъ женщинамъ право выбора кавалеровъ. Многіе изъ мужчинъ охотно приняли это предложеніе; но нашлось и нѣсколько «противниковъ женскаго пола», вовсе нежелавшихъ ѣхать въ обществѣ дамъ. Эти «женоненавистники» состояли преимущественно изъ наиболѣе юной молодежи.

За Ураломъ весна только начиналась тогда; деревья едва покрывались листвою; въ воздухѣ чувствовалась особенная легкость. Въ давно описанной ѣздѣ на тройкахъ для насъ было много привлекательнаго. Вытянувшись гуськомъ на большомъ пространствѣ, тройки наши быстро мчались впередъ. Съ гиканьемъ и свистомъ ямщики погоняли лошадей, заставляя ихъ нестись вскачь. Шутки, смѣхъ и пѣсни раздавались съ нѣко-

торыхъ телѣгъ; но далеко не у всѣхъ, приближавшихся къ Сибири, было весело на душѣ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней ѣзды на тройкахъ, не доѣзжая до мѣста перепряжки, ѣхавшіе впереди вдругъ остановились у какого-то столба. Всѣ стали вылѣзать изъ телѣгъ. Оказалось, что то былъ знаменитый столбъ, на одной сторонѣ котораго имѣется надпись «Европа», а на другой «Азія». Пятнадцать мѣсяцевъ прошло тогда, со времени моего ареста.— «Сколько же лѣтъ предстоитъ мнѣ провести въ Сибири?»— естественно являлся у меня вопросъ, когда я, вмѣстѣ съ другими, стоялъ у этого пограничнаго знака.

Въ г. Тюмени производилось распределение ссыльныхъ: отсюда ихъ отправляли въ разныя направленія,—однихъ на югъ, другихъ—на сѣверъ и востокъ. Нашей партіи также предстояло раздѣлиться въ этомъ городѣ. Но, за исключеніемъ насъ четырехъ каторжанъ, шедшихъ на Кару, многіе изъ ссыльныхъ остальныхъ категорій не знали не только губернію или область, въ какую ихъ пошлютъ, но имъ не было даже извѣстно, отправятъ-ли ихъ на сѣверъ или югъ. Между тѣмъ условія жизни въ столь противоположныхъ направленіяхъ, конечно, чрезвычайно различны. Естественно, поэтому, что большинство нашей партіи съ нетерпѣніемъ ожидало прихода въ Тюмень, гдѣ должна была рѣшиться судьба многихъ. Кромѣ того, въ Тюмени, какъ намъ было извѣстно, изъ году въ годъ происходили по разнымъ поводамъ столкновения между ссыльными и администраціей. Поэтому, не доѣзжая еще до Тюмени, мы стали обсуждать, какъ намъ вести себя тамъ съ начальствомъ. На этапахъ состоялось у насъ нѣсколько собраній, которыя, какъ часто бываетъ у насъ въ аналогичныхъ случаяхъ, ни къ чему не приводили: собранія происходили безъ предсѣдателя; поэтому, всѣ говорили одновременно и, конечно, ни до чего не договаривались.

Уже у воротъ тюменской тюрьмы произошла у насъ размолвка съ администраціею: она пожелала отдѣлить нашихъ женщинъ, помѣстивъ ихъ въ особомъ зданіи, мы же воспротивились этому, такъ какъ такое раздѣленіе было неудобно для

насъ въ хозяйственномъ отношеніи. Въ концѣ концовъ администрація уступила намъ. Не такъ просто окончилось другое столкновение.

Вскорѣ, по прибытіи въ Тюмень, мы узнали, что значительную часть административныхъ нашей партіи, назначенныхъ на югъ, намѣрены отправить туда этапнымъ порядкомъ. Такой способъ отправки сопряженъ былъ со многими неудобствами, а между тѣмъ ихъ легко было избѣгнуть, если-бы ссылаемыхъ на югъ везли не сухимъ путемъ, а по рѣкамъ на пароходѣ. Уже и раньше у каждой партіи происходили столкновения съ администраціей изъ-за этапнаго способа отправки. Наши административные, назначенные на югъ, также отказались добровольно подчиниться этому требованію начальства. Вновь состоялись у насъ бурныя собранія, въ результатѣ которыхъ рѣшено было послать телеграмму губернатору съ просьбой отправить лицъ, назначенныхъ на югъ, воднымъ путемъ.

Когда наступилъ день ухода этихъ административныхъ и ихъ по-одиночкѣ стали вызывать въ партію, мы всѣ рѣшительно воспротивились этому, и начальство вновь уступило намъ, но, вскорѣ оказалось, лишь на время.

Не знаю, случайно или нарочно, вмѣсто письменнаго отвѣта, губернаторъ самъ пріѣхалъ къ намъ изъ Тобольска и, на сколько могу теперь припомнить, въ бесѣдѣ съ нами общалъ исполнить общую просьбу нашей партіи объ отправкѣ южанъ воднымъ путемъ. Обнадеженные такимъ общаніемъ, мы успокоились и стали собираться въ дальнѣйшій путь, такъ какъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней предстоялъ отъѣздъ тѣхъ изъ нашей партіи, которыхъ отправляли на сѣверъ Тобольской губ. и въ Восточную Сибирь. Таковыхъ было около двадцати человекъ; кромѣ административныхъ, въ ихъ число входили мы, каторжане, и четверо поселенцевъ: Макаръ Васильевъ, П. Дашкевичъ, Л. Чемоданова и В. Шулепникова.

Между тѣмъ, послѣ нашего отъѣзда изъ Тюмени, какъ мы потомъ узнали, когда тамъ остались лишь административные, назначенные на югъ, власти объявили имъ, что ихъ просьба объ отправкѣ воднымъ путемъ не будетъ исполнена: не желая, очевидно, вызвать крупнаго столкновения, пока въ Тюмени находилась вся наша партія, начальство придумало отложить

свой отказ до ухода значительной части ея. Такой приемъ крайне возмутилъ оставшихся, и они наотрѣвъ отказались подчиниться требованію идти по этапу. Тогда солдатамъ приказано было насильно тащить ихъ изъ камеръ и усаживать въ телѣги. При этомъ происходили столкновения, къ счастью, не имѣвшія ни для кого тяжелыхъ послѣдствій.

Изъ Тюмени намъ, отправленнымъ на сѣверо-востокъ, предстояло въ описываемое время совершить продолжительное путешествіе воднымъ путемъ: по Турѣ, на которой стоитъ Тюмень, приходилось плыть до ея слиянія съ Тоболомъ, по послѣднему, до его впаденія въ Иртышъ, затѣмъ по Иртышу до Оби, повернувъ вверхъ по теченію которой, плыть до впаденія въ нее Томи, на каковой и находится г. Томскъ. Намъ, такимъ образомъ, нужно было сдѣлать болѣе 3000 верстъ и пробыть на водѣ около двухъ недѣль.

Какъ и во время путешествія по Волгѣ и Камѣ, мы вновь размѣстились въ двухъ каютахъ арестантской баржи, буксирюемой пароходомъ. Плаваніе по перечисленнымъ сибирскимъ рѣкамъ не представляло особеннаго интереса. Не смотря на іюнь мѣсяцъ, ничто кругомъ не напоминало наступленія весны, и мѣстами попадались еще плывшія внизъ льдины, а по вечерамъ бывало даже довольно холодно. Передъ нашими глазами разстилалась водная поверхность, нерѣдко скрывавшая берега, что обуславливалось весеннимъ разливомъ. Кругомъ все было пустынно и мертво; на громадныхъ пространствахъ часто не видно было ни малѣйшихъ признаковъ чловѣческаго существованія. Это отсутствіе жизни, въ связи съ все усиливавшимся холодомъ, по мѣрѣ нашего приближенія къ сѣверу, временами дѣйствовало самымъ удручающимъ образомъ на настроеніе.

«И здѣсь, гдѣ-то въ тундрахъ и тайгѣ живутъ люди!» — помню, приходило мнѣ въ голову, и я съ ужасомъ представлялъ себѣ, что лишь много, много лѣтъ спустя, по окончаніи каторги, я получу право поселиться въ подобномъ, а то и въ худшемъ мѣстѣ; но я къ тому же не буду пользоваться и той жалкой свободой, какою обладаетъ несчастный аборигенъ этихъ глухихъ лѣсовъ—самоѣдъ или остякъ.

Нѣсколько разъ пароходъ приставалъ къ берегу для нагрузки дровъ или къ двумъ-тремъ пристанямъ, бывшимъ на

всемъ нашемъ обширномъ пути. Тогда на жалеихъ своихъ яликахъ подплывали къ нашей баржѣ остяки и предлагали намъ за безцѣнокъ рыбу.

Кромѣ Тобольска, намъ на этомъ огромномъ пути встрѣтились еще два населенныхъ пункта, носившіе названія «городовъ»—Сургутъ и Нарымъ. Въ этихъ мѣстахъ, да еще въ находящемся чуть не на самомъ сѣверѣ материка—Березовѣ—должны были остаться нѣкоторые изъ шедшихъ съ нами административно-сылныхъ. Нетрудно представить себѣ, каковы были въ то время—да и теперь еще—условія жизни ссыльныхъ въ этихъ «городахъ», состоявшихъ изъ нѣсколькихъ десятковъ жалкихъ деревянныхъ избъ и населенныхъ полу-русскими полу-туземцами, которые сами еле перебивались, главнымъ образомъ, одной лишь рыбой. Между тѣмъ, въ такіе пункты ссылаютъ на продолжительные сроки даже несовершеннолѣтнихъ. Одну мою знакомую сослали въ Березовъ, когда ей было всего 17 лѣтъ, и она провела тамъ цѣлыхъ 12 лѣтъ!

Наконецъ, мы дотарились до Томска. Тамъ въ то время находилось нѣсколько политическихъ ссыльныхъ, и лишь только мы пристали къ берегу, какъ нѣкоторые изъ нихъ немедленно пришли къ намъ на баржу. Одна изъ явившихся оказалась моей старой знакомой, съ которой мы не видѣлись шесть лѣтъ. Бритаго, въ арестантскомъ нарядѣ, она меня совсемъ не могла узнать; когда же я назвалъ себя, она, съ грустью, покачивая головой долго повторяла: «совѣмъ, совѣмъ не тотъ!»

На баржу вскорѣ явились чины мѣстнаго тюремнаго вѣдомства и, слыхая каждаго изъ насъ съ имѣвшимися при статейныхъ спискахъ фотографическими карточками, стали производить приемку насъ отъ конвойнаго офицера. По окончаніи этой процедуры, насъ повели въ пересыльную тюрьму. По дорогѣ туда, несмотря на цѣпь конвойныхъ, къ намъ совершенно неожиданно протискались двѣ незнакомыя намъ молодя дѣвушки, вскорѣ оказавшіяся административно-сылными сестрами П. Замѣтивъ ихъ внезапное появленіе, солдаты потребовали, чтобы барышни удалились, но имъ нелегко было этого добиться. Быстро перебѣгая отъ одного къ другому и тутъ же наскоро рекомендуясь намъ, сестры П. были непреклонны въ своемъ

рѣшеніи познакомиться со всѣми, и только наскоро перецѣловавшись съ нами, онѣ, наконецъ, согласились выйти изъ круга; идя затѣмъ рядомъ съ нами внѣ цѣпи, эти дѣвушки проводили насъ до самой тюрьмы, находившейся далеко отъ пристани.

Такъ называемая, «пересыльная» состояла изъ нѣсколькихъ старыхъ деревянныхъ строеній и изъ наскоро сколоченныхъ изъ досокъ бараконъ, въ каковыхъ въ то время помѣщалось болѣе тысячи человекъ уголовныхъ разныхъ категорій, возрастовъ и сословій; они, такъ же, какъ и мы, политическіе, вполне свободно расхаживали по всѣмъ направленіямъ и закоулкамъ обширнаго двора, и мы, такимъ образомъ, имѣли возможность знакомиться другъ съ другомъ. До Томска мы, политическіе, ѣхали совершенно изолировано отъ уголовныхъ, и лишь отъ этого города въ тѣ времена начиналось наше совместное съ ними этапное путешествіе на востокъ. Мое непосредственное и близкое знакомство съ «міромъ отверженныхъ», въ сущности, началось съ этого пункта.

Однажды, когда я стоялъ по обширному тюремному двору, ко мнѣ подошелъ какой-то уголовный. Это былъ здоровый, съ рѣшительными чертами лица, рыжий мужчина, лѣтъ за тридцать на видѣ. По арестантскимъ понятіямъ онъ былъ одѣтъ франтомъ: изъ-подъ казеннаго халата, слегка накинутаго на его плечи, видна была связанная у ворота красной тесемкой чистая бѣлая рубаха, которую обхватывалъ шитый изъ яркой матеріи поясъ; къ последнему до того искусно были подвѣшены кандалы, что при ходьбѣ они почти не производили звона, изящно связанные ремнями подкандалники можно было принять за голенища сапогъ; нѣсколько на бокъ сдвинутая шапка безъ козырька также гармонировала со всѣми другими частями изысканнаго туалета, а закрученные усы не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ихъ обладатель принадлежитъ къ арестантской аристократіи.

— На много лѣтъ идете? — спросилъ онъ меня, послѣ обмена привѣтствіями.

Когда я отвѣтилъ на этотъ вопросъ, онъ продолжалъ: — И вы думаете идти?

— По неволѣ пойдешь! — сказалъ я.

— Можно не идти: мы устроимъ вамъ смѣнку ¹⁾.

Я зналъ, что онъ имѣлъ въ виду: такимъ способомъ, т. е. смѣнявшись съ уголовными, бѣжали въ 1879 г. Дебагорій-Мокривичъ, Павелъ Орловъ и Владиславъ Избицкій. Но, какъ только это открылось, начальство ввело нѣкоторые приемы, сдѣлавшіе смѣнки для политическихъ каторжанъ совершенно невозможными: кромѣ фотографическихъ карточекъ при статейныхъ спискахъ, насъ отъ города до города сопровождалъ специальный конвой; такимъ образомъ, каждого изъ насъ знали въ лицо приставленные къ намъ солдаты.

Когда я указалъ своему собесѣднику на всѣ эти обстоятельства, какъ на непреодолимые препятствія къ смѣнкѣ, онъ убѣжденнымъ тономъ заявилъ:

— Пустяки: мы обойдемъ всѣ помѣхи!

— Какимъ образомъ? — поинтересовался я.

— А вотъ видите этотъ колодезь: въ немъ каждую весну находятъ утопленника. Поняли?

Я не могъ сообразить, что онъ имѣлъ въ виду. Мое недоумѣніе онъ разъяснилъ слѣдующимъ образомъ. Мнѣ устроятъ «смѣнку» съ уголовнымъ арестантомъ, имѣющимъ подходящія къ моимъ примѣты. Но, чтобы, при сличеніи уголовного съ моей фотографической карточкой не могла открыться наша

¹⁾ Уголовные арестанты въ тюрьмахъ и въ пути на каторгу устраиваютъ такъ: осужденный въ каторжныя работы стоваривается съ другимъ, идущимъ въ Сибирь на поселеніе, помѣняясь фамиліями. За ничтожное вознагражденіе въ нѣсколько руб., подъ давленіемъ нужды и арестантской артели, проигравшійся поселенецъ беретъ на себя преступленіе каторжанина и при повѣркахъ отзывается на его фамилію, а каторжанинъ — на фамилію этого поселенца. Когда же партія приходитъ на мѣсто, откуда производится распределеніе пересылаемыхъ арестантовъ, то въ назначенномъ пунктѣ остается не поселенецъ, а каторжанинъ. Съ этого пункта послѣдній немедленно пускается «бродяжить» по Сибири, а то пробирается и на родину. Поселенецъ же, лишь по прошествіи нѣкотораго времени, пришедши уже на каторгу, объявляетъ начальству, что его фамилія иная, и что онъ обмѣнялся съ такимъ-то. За такую смѣнку поселенца приговариваютъ къ 4 годамъ каторжныхъ работъ и 100 плетямъ. Вожаки артели строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы лица, взявшія на себя такія обязательства, точно ихъ исполняли; въ противномъ случаѣ ихъ тѣмъ или инымъ способомъ убиваютъ.

сдѣлка, франтъ брался убить моего смѣнщика и, изуродовавъ его лицо, бросить трупъ въ колодезь. Начальство, не найдя меня среди полигическихъ, предположить, что я или бѣжалъ, или убить и брошенъ въ колодезь. Между тѣмъ, я выйду на поселеніе, откуда легко уже бѣжать. За выполненіе этого ужаснаго и вмѣстѣ фантастическаго плана мой собесѣдникъ просилъ какую-то ничтожную сумму—въ 20 или 30 руб., конечно, для себя и ему подобныхъ воровилъ артели, «Ивановъ», о которыхъ сообщу ниже. Онъ излагалъ мнѣ свое предложеніе съ такимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, словно рѣчь его касалась самой простой, обыденной сдѣлки, а не ужаснѣйшаго замысла противъ одного изъ ни въ чемъ неповинныхъ его же товарищей. Конечно, я отклонилъ это предложеніе.

Въ Томскѣ отъ насъ отдѣлилось еще трое, и всего политическихъ осталось четырнадцать человѣкъ. Но и этихъ начальство хотѣло раздѣлить на двѣ партіи, чтобы бывшія съ нами три молодыя дѣвушки — Марія Калюжная, Варвара Щулепникова и Любовь Чемоданова—пошли дальше при, такъ называемой, «семейной партіи», а мы, мужчины—при холостой. Опасаясь, что нашимъ женщинамъ придется перенести массу лишений, а то и страданій, если онѣ однѣ будутъ идти по этапамъ съ уголовной, хотя и «семейной» партіей, мы возстали противъ этого требованія. Но, такъ какъ мѣстные власти сами не могли его удовлетворить, намъ пришлось отправить телеграмму въ Петербургъ въ Главное Тюремное Управленіе, откуда пришелъ благопріятный отвѣтъ.

ГЛАВА XIV.

Этапнымъ порядкомъ.

Настоящія мытарства политическихъ ссыльныхъ начинались только съ выходомъ изъ Томска. До этого города, путь въ нѣсколько тысячъ верстъ отъ Москвы мы, какъ и уголовные, совершали, главнымъ образомъ, по усовершенствованнымъ средствамъ сообщенія—по желѣзнымъ дорогамъ и на баржахъ и

лишь небольшое пространство отъ Екатеринбургa до Тюмени—на перекладныхъ. Отъ Томска же начиналось тогда этапное, т. е. пѣшее хожденіе партій.

Въ невыносимую лѣтнюю жару, какъ и въ жестокіе сибирскіе морозы, въ дождь и бурю, несмотря на ужасное состояніе первобытныхъ дорогъ,—неизмѣнно въ опредѣленный день изъ Томска еженедѣльно выходили партіи въ нѣсколько сотъ человѣкъ каждая, чередуясь «семейная» съ «холостыми». Партія дѣлила по одному станку въ день, т. е. 25—30 верстъ, смотря по разстоянію отъ одного къ другому, съ дневками черезъ два дня въ третій. Это черепашье передвиженіе, во время котораго, въ среднемъ, приходилось менѣе 17 вер. въ день, длилось для многихъ нѣсколько мѣсяцевъ, при крайне тяжелыхъ условіяхъ.

Въ душной, пропитанной всевозможными миазмами камерѣ, на нарахъ, построенныхъ въ два яруса, и подъ ними на полу, плечо къ плечу лежали пересыльные, предоставляя свои изможденные тѣла мириадамъ паразитовъ, съ остервенѣніемъ набрасывавшимся на вновь пришедшихъ людей. Для насъ, политическихъ ссыльныхъ, отводились на этапахъ отдѣльныя отъ уголовныхъ камеры, но на общихъ съ ними коридорахъ. При помощи платковъ и простынь мы отгораживали часть помѣщенія для трехъ шедшихъ съ нами женщинъ, для которыхъ вѣчное пребываніе среди насъ мужчинъ, уголовныхъ арестантовъ и конвойныхъ солдатъ, было крайне стѣснительно и непріятно. Правда, насколько отъ насъ зависѣло, мы всячески старались облегчить ихъ положеніе, устраняя ихъ отъ тяжелыхъ работъ.

Съ первыми проблесками свѣта, за долго до восхода солнца, уголовные собирались на этапномъ дворѣ и, поминутно вздрагивая отъ предрасвѣтнаго холода, ждали повѣрки: они торопились по-раньше отправиться въ путь, чтобы поспѣть на слѣдующій этапъ до наступленія полуденнаго зноя. Когда они выстраивались въ двѣ шеренги, фельдфебель производилъ имъ повѣрку и послѣ даннаго сигнала партія трогалась въ путь. Впереди быстрой походкой шли старые, опытные бродяги—«Иваны», по много разъ уже ходившіе взадъ и впереди по этой же дорогѣ и потому знавшіе на ней чуть не каждый ручей и кустъ. За ними, растянувшись на большомъ пространствѣ, двигались остальные уголовные, въ хвостѣ на телѣгахъ помѣщались боль-

ные и слабосильные, затѣмъ тянулись подводы съ арестантскими пожитками, а позади всѣхъ, сидя по-двое и по-трое на однокопныхъ телѣгахъ, медленнымъ шагомъ плелись и мы, политическіе, окруженные своимъ специальнымъ конвоемъ.

Вся эта странная процессія подымала за собою огромные столбы пыли, которая покрывала въ особенности насъ, шедшихъ въ заднихъ рядахъ. Чрезвычайно неприятныя ощущенія причиняла еще сибирская мошка. Несясь кругомъ густой тучей, она забиралась подъ платье и вызывала сильный зудъ во всемъ тѣлѣ. Не спасала отъ этого надѣдливаго насѣкомаго и густая волосяная сѣтка, которой мы своевременно запаслись.

Приблизительно на полъ-пути партія дѣлала привалъ гдѣ-нибудь у пригорка, ручья или на лужайкѣ. Здѣсь впервые съ утра уголовные—да и то далеко не всѣ—закусывали кусками сухого хлѣба, такъ какъ выходили они въ путь натошакъ. Всѣмъ пересыльнымъ, и намъ въ томъ числѣ, выдавались на руки кормовыя деньги въ размѣрѣ отъ 5 до 15 коп. въ день на каждого, смотря по мѣстности, состоянію урожая и по соловью, къ которому принадлежалъ арестантъ. Этѣхъ средствъ въ лучшемъ случаѣ едва хватало на хлѣбъ и овощи. Но многіе уголовные проигрывали въ карты большую часть, а нерѣдко и все полученное отъ казны, почему часто въ буквальномъ смыслѣ слова голодали. Спасало такихъ лицъ отъ смерти подаваніе. Въ попадавшихся по пути деревняхъ постоянно отдѣлялось отъ партіи нѣсколько наиболѣе оборванныхъ и тощихъ арестантовъ, которые, въ сопровожденіи конвойныхъ, подходили къ избамъ и затягивали свою жалостливую пѣснь, известную подъ названіемъ «Милосердная». Сердобольныя сибирячки просовывали черезъ форточки ломти хлѣба и шавьги, каковыя просители опускали въ свои мѣшки. Случалось, что и проѣзжіи подавали кому-нибудь изъ арестантовъ мѣдную или серебрянную монету; все полученное поровну дѣлилось между членами арестантской артели.

Отдохнувъ на привалѣ, партія въ томъ же порядкѣ вновь пускалась въ дальнѣйшій путь. Вблизи этапа всѣ наиболѣе здоровые и сильные арестанты протискивались впередъ и, когда изнутри отворяли ворота, они стремглавъ пускались бѣжать, толкая и перегоня другъ друга, чтобы скорѣе занять

въ камерахъ наилучшія мѣста. Глядя на этотъ бѣшеный бѣгъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ по небольшому дворику, въ первое время многимъ изъ насъ становилось жутко, такъ какъ являлось естественное опасеніе, что нѣкоторыхъ могутъ смять и изуродовать. Вскорѣ, однако, оказалось, что эта дикая гошба за лучшимъ мѣстомъ всегда кончалась благополучно, но, конечно, она не обходилась безъ ссоръ и дракъ. Воротиламъ, здоровымъ бродягамъ—«Иванамъ», всегда доставались наилучшія мѣста, а стауикамъ, больнымъ и слабымъ оставались самыя худшія,—подъ нарами, въ темныхъ и сырыхъ углахъ, возлѣ вонючихъ парашъ и на сквозникахъ у проходвъ.

Въ камерахъ было тѣсно и грязно, воздухъ отчаянный; крики, ругань и шумъ почти не прекращались. За рѣдкими исключеніями, этапы и полуэтапы представляли собою почернѣвшія отъ времени и непогоды одно-этажныя сколоченныя изъ бревенъ избы съ рѣшетчатыми окнами, подѣленные на нѣсколько камеръ. На этапномъ же дворѣ находились квартира конвойнаго офицера, казарма для солдатъ и разныя служебныя зданія. Всѣ эти строенія были окружены высокими, въ 5—6 сажень, глубоко вкопанными въ землю и сверху заостренными бревнами—палями. Черезъ каждыя сутки партія приходила на новый этапъ, гдѣ смѣнялся конвой для уголовныхъ; наши же солдаты слѣдовали отъ города до города. Между двумя этапами находился одинъ полу-этапъ, въ каковомъ партіи только ночевали. По своимъ размѣрамъ, эти помѣщенія были значительно меньше этаповъ, и въ нихъ бывала еще большая тѣснота, чѣмъ въ послѣднихъ.

Размѣстившись, кому какъ пришлось, уголовные выходили изъ камеръ во дворъ. Тамъ къ этому времени мѣстныя крестьянки располагались съ разными съѣтными продуктами и начинался настоящій базаръ, во время котораго арестанты ловко надували, а то и обкрадывали проетоватыхъ бабъ. Замѣтивъ пронажу, послѣднія подымали крикъ и ругань, но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ уголовные дружно стояли одинъ за другимъ, и потерпѣвшая никогда не могла добиться своего. Во дворѣ же группы въ нѣсколько человѣкъ разводили костры, на которыхъ кипятили воду для чая и варили какую-нибудь жалкую пищу. Несмотря на то, что кругомъ было много деревянныхъ по-

строекъ, какъ я упоминалъ выше, никому не приходило въ голову опасаться пожара.

Для нѣкоторыхъ изъ насъ, политическихъ ссыльныхъ, однимъ нѣболѣе тяжелыхъ условій продолжительнаго этапнаго путешествія было то, что приходилось очень рано вставать и отправляться въ партію. Ворочаясь съ боку на бокъ, вслѣдствіе обилія насѣкомыхъ, иному только къ утру удавалось заснуть; а между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, еще до восхода солнца уголовные собирались на дворѣ для провѣрки. Изъ за времени отправки въ путь у насъ на первыхъ порахъ происходили съ ними довольно крупныя столкновения: они настаивали, чтобы партія отправлялась до разсвѣта, мы же старались оттянуть выходъ на часъ-два позже. Вступая въ переговоры съ каждымъ новымъ конвойнымъ офицеромъ, а также и съ уголовнымъ старостой, о времени выхода, мы назначили его, по совмѣстному соглашенію, кажется, въ 6 ч. утра. Но вскорѣ послѣ выхода изъ Томска у насъ произошелъ такой случай.

По приходѣ на этапы и полу-этапы, мы вообще мало пользовались общимъ дворомъ, такъ какъ до наступленія сумерекъ онъ былъ почти сплошь занятъ уголовными. Только послѣ провѣрки, когда ихъ запирали въ камерахъ, мы выходили погулять.

Однажды, въ чудный лѣтній вечеръ, на дворѣ появился конвойный офицеръ и повелительнымъ тономъ воскликнулъ, обратившись къ намъ:

— Ступай въ камеру!

— Почему? — изумились мы. — Мы только недавно вышли подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Ступайте, говорю вамъ, иначе вы отправитесь завтра въ 4 ч. утра.

— Но вы вѣдь условились съ нами, что мы выйдемъ въ 6 ч.? — сказали мы.

— А вотъ теперь я заявлю, что вы отправитесь въ 4 ч.!

— Нѣтъ, мы выйдемъ въ 6 ч.! — возразили мы.

— Посмотримъ! — воскликнулъ офицеръ, удаляясь.

Собразившись затѣмъ вмѣстѣ, мы рѣшили добровольно не отправляться въ путь раньше условленнаго часа.

Съ первыми проблесками свѣта начали выстраивать уго-

ловныхъ на провѣрку, и въ нашу камеру явились солдаты съ требованіемъ отъ имени офицера, чтобы мы собирались въ дорогу. Но мы не обратили на это никакого вниманія.

Проснувшись, вслѣдствіе поднявшейся кругомъ возни, нѣкоторые изъ насъ начали одѣваться, другіе же продолжали лежать на парахъ. Между тѣмъ уголовные давно уже были готовы къ отправкѣ и начали громко выражать свое неудовольствіе; изъ ихъ среды раздались, по нашему адресу, угрозы и площадная брань. Затѣмъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, въ нашу камеру вбѣжалъ взбѣшенный офицеръ и повелительнымъ тономъ приказалъ намъ немедленно собираться въ дорогу; но, видя, что никто изъ насъ не трогается съ мѣста, онъ пришелъ въ ярость и, указавъ на лежавшихъ неподвижно на парахъ, отдалъ команду: «подымай прикладами!»

Одно мгновеніе, и у насъ могла-бы разыгратъ исторія, которая, быть можетъ, имѣла-бы трагическій исходъ, такъ какъ на насиліе всѣ мы готовы были отвѣтить тѣмъ же.

По счастью солдаты поколебались пустить въ ходъ ружья.

— Что вы дѣлаете! — закричали въ это время нѣкоторые изъ насъ. — Мы стоимъ на законной почвѣ: въ инструкціи не сказано, чтобы партіи выходили въ 4 ч. утра, а должны лишь приходиться на ночьлегъ не позже сумерекъ.

Вдругъ вбѣгаетъ фельдфебель и кричитъ взволнованнымъ голосомъ:

— Ваше благородіе! Партія бунтуется!

«Пустите насъ: мы живо поднимемъ!» — слышатся крики въ огня.

— Вотъ что вы надѣлали! — накидываемся мы на офицера. — Вы вызываете бунтъ въ партіи, за это подъ судъ пойдете, отвѣтите своими погонами!

Подъ вліяніемъ угрозъ и крика, офицеръ совершенно теряется, повелительный тонъ у него пропадаетъ, и, хватаясь за голову, онъ съ мольбою восклицаетъ:

— Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Отправьте уголовныхъ впередъ съ фельдфебелемъ, а сами въ 6 ч. пойдете съ нами! — отвѣчаемъ мы.

Посрамленный офицеръ быстро уходитъ изъ камеры и дѣлаетъ такъ, какъ мы указали. Время отъ времени появляется

затѣмъ его деньщикъ и спрашиваетъ, не согласны-ли мы уже отправляться? Но, поглядывая на часы, мы отвѣчаемъ, что осталось еще столько-то минутъ, и лишь ровно въ 6 ч. садимся въ телѣги и догоняемъ уголовныхъ на привалѣ.

Этотъ случай привлекъ на нашу сторону симпатіи и уваженіе уголовныхъ: какъ и всѣмъ вообще людямъ, имъ понравилась настойчивость и рѣшимость небольшой кучки въ 14 человекъ, которые не побоялись возстать противъ офицера, хотя въ его распоряженіи имѣлось до сотни солдатъ и ихъ собственная партія. Послѣ этого у насъ съ уголовными установились самыя мирныя отношенія и въ теченіе продолжительнаго дальнѣйшаго пути у насъ больше не выходили съ ними недоразумѣнія.

До постройки сибирской желѣзной дороги, Московскій трактъ являлся единственнымъ путемъ по обширнѣйшему краю, къ тому же онъ былъ самаго примитивнаго характера: нешоссированная дорога весной, вслѣдствіе разлива рѣкъ и лѣтомъ послѣ дождей, приходила въ такое состояніе, что тройка лошадей съ трудомъ вытаскивала изъ грязи телѣжку. Вдоль этого тракта, тянувшася на тысячи верстъ, были расположены села и нѣсколько городовъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ другъ отъ друга разстояніи. Но на многія сотни, а то и тысячи верстъ, по направленію къ сѣверу и югу отъ тракта, за исключеніемъ нѣсколькихъ населенныхъ пунктовъ тянулась, глухая тайга, въ которой лишь мѣстами бродили незначительныя и быстро вымиравшія охотничьи и пастушескія племена.

Въ хорошую погоду нѣкоторые изъ насъ сворачивали съ дороги и заходили въ тайгу нарвать цвѣтвъ или собрать ягоды. Въ этомъ безконечномъ лѣсу, бывало испытываешь чувство полной безпомощности: невольно являлось сознаніе, что, удалившись въ глубь на нѣсколько десятковъ сажень, рискуешь совсѣмъ потеряться въ чащѣ. Къ этимъ прогулкамъ, предпринимавшимся нами, конечно, въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ, офицеры относились, повидимому, совершенно равнодушно, хотя по инструкціи «выходъ изъ дѣпи» строго воспрещался, но они, очевидно, не опасались, чтобы кто-либо

изъ насъ попытался бѣжать съ дороги. Правда, соблазнъ для нѣкоторыхъ былъ очень великъ: стоило, казалось, скрыться въ густой чащѣ и тебя уже не поймутъ, но за все время существованія этапнаго способа перевозки политическихъ ссыльныхъ была всего лишь одинъ разъ сдѣлана попытка бѣжать прямо съ пути въ тайгу Звонкевичемъ. Осужденный лѣтомъ 1883 г. на безсрочную каторгу, онъ, не доходя до Красноярска, на глазахъ конвоя бросился бѣжать по направленію къ чащѣ, но солдаты, пустивъ ему въ догонку пули, ранили его; затѣмъ, нагнавъ, принялись отчаянно бить чѣмъ попало—кулаками, ногами, прикладами. Не подоспѣвъ во-время офицеръ, озвѣрѣвшіе конвойные добились бы несчастнаго бѣглеца. Почти безъ всякихъ признаковъ жизни онъ былъ затѣмъ доставленъ въ тюремный лазаретъ. Только благодаря замѣчательному здоровью, Звонкевичъ поправился, но послѣдствія отъ полученныхъ имъ увѣчій остались у него на всю жизнь.

Не болѣе успѣшны были попытки нѣсколькихъ другихъ политическихъ ссыльныхъ, которымъ удалось во время пути удачно бѣжать изъ этапныхъ помѣщеній и сибирскихъ тюремъ. Въ тѣ времена въ мало населенной Сибири каждый новый человекъ, очутившійся на единственной дорогѣ, сразу бросался въ глаза мѣстнымъ жителямъ; властямъ поэтому почти всегда удавалось поймать даже успѣвшаго далеко уйти отъ мѣста побѣга политическаго ссыльнаго. Послѣдній иногда самъ принужденъ былъ отдаться въ руки начальства. При незнаніи таежныхъ тропинокъ, которыя хорошо извѣстны лишь уголовнымъ бродягамъ, политическій бѣглець, безцѣльно побродивъ нѣсколько дней по тайгѣ и перенесши массу всевозможныхъ лишеній и страданій, нерѣдко самъ бывалъ радъ, когда, пришедши уже въ отчаяніе выбраться изъ безпредѣльнаго лѣса, онъ, совсѣмъ обезсиленный, случайно попадалъ на трактъ. Въ такихъ случаяхъ мѣстные жители проявляли чрезвычайное усердіе: попавшагося на дорогѣ бѣглеца они задерживали и передавали въ руки властей.

Поэтому до послѣдняго времени вполнѣ оправдывалась характеристика Сибири, какъ огромной тюрьмы, имѣющей, благодаря естественнымъ своимъ условіямъ, болѣе надежную ограду, чѣмъ какую представляютъ всякія искусственныя стѣны и наемъ

ныя стражи. Но такой непреборимой тюрьмой Сибирь въ описываемое мною время являлась только для насъ, политическихъ ссыльныхъ, не знавшихъ условій тайги, уголовные же арестанты легко въ ней ориентировались. Естественно, поэтому, что у нѣкоторыхъ изъ насъ возникалъ планъ бѣжать изъ Сибири вмѣстѣ съ бродягами. Но такія попытки могли имѣть лишь самый трагическій исходъ: въ надеждѣ пожитья отъ политическаго деньгами, а то и однимъ лишь его платьемъ, уголовные не останутся передъ рѣшеніемъ убить его. Такимъ только образомъ, полагаютъ, погибъ въ Сибири въ 1880 г. Влад. Избицкій; онъ, какъ я уже упоминалъ, удачно «смѣнился» въ пути съ уголовнымъ арестантомъ, но затѣмъ, по всей вѣроятности, былъ убитъ въ тайгѣ его же сокомпаніонами—бродягами.

Но не только политическіе,—сами уголовные не довѣряютъ въ пути другъ другу. Въ этихъ случаяхъ они принимаютъ одинъ противъ другого всевозможныя предосторожности; такъ, каждый изъ нихъ предлагаетъ другому идти впередъ по таежной тропѣ изъ боязни быть убитымъ идущимъ сзади попутчикомъ.

Политическіе, рѣшавшіеся устроить побѣгъ въ пути, предпочитали поэтому самостоятельно пускаться въ тяжелое странствованіе и, такимъ образомъ, предоставляли свою судьбу всевозможнымъ случайностямъ.

«Однажды, рассказывалъ мнѣ Властопуло ¹⁾, одинъ изъ такихъ бѣглецовъ,—когда мы вдвоемъ съ Козыревымъ ²⁾ блуждали по тайгѣ, мы къ ужасу своему увидѣли, что прямо на насъ идетъ медвѣдь. Скрыться отъ него рѣшительно некуда было. Легко себѣ представить наше состояніе. Прислонившись къ дереву, мы ждали, что будетъ. Но «Мишка» прошелъ мимо, никого изъ насъ не тронувъ,—надо полагать, онъ былъ сытъ въ тотъ моментъ».

Зная по наслышкѣ о всѣхъ подобныхъ опасностяхъ большинство изъ насъ не строило никакихъ плановъ на счетъ побѣга съ пути. Но два лица—Марія Калюжная, осужденная на

¹⁾ Бывшій офицеръ, осужденный въ концѣ 70 г.г. на безсрочную каторгу. О немъ я ниже расскажу подробнѣе.

²⁾ Недавно умеръ въ Иркутскѣ.

20 л. каторжныхъ работъ и студентъ Иорданъ, сосланный въ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь на 5 л.,—собирались бѣжать, несмотря ни на какія препятствія. Молодые—каждому изъ нихъ было лишь по 20 л.—они страстно желали поскорѣе очутиться на свободѣ; но ни одна изъ многочисленныхъ, задуманныхъ ими попытокъ, не привела ни къ чему. Скажу уже здѣсь къ слову, что эти лица такъ и не дождались воли: оба они скончались въ Сибири. О трагической судьбѣ Калюжной мнѣ еще придется говорить ниже.

ГЛАВА XV.

Среди преступныхъ типовъ.

Отъ Томска до Кары, на огромномъ пространствѣ почти въ 3000 верстѣ, было около 40 человекъ конвойныхъ офицеровъ. Несмотря на то, что между ними, конечно, попадались люди съ самыми противоположными характерами, но всѣ они совершенно одинаково вели себя по отношенію къ уголовнымъ. Мнѣ не приходилось въ пути наблюдать, чтобы офицеръ злоупотреблялъ своею властью надъ уголовными: не случалось также слышать, чтобы онъ не выдалъ арестантамъ чего-либо полагавшася имъ по закону. Между тѣмъ, я зналъ случаи, когда конвойные офицеры попадали даже подъ судъ за разнаго рода злоупотребленія по отношенію къ подчиненнымъ имъ солдатамъ. Принимая во вниманіе совершенную изолированность этаповъ, расположенныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ вдали отъ какихъ-либо административныхъ мѣстъ, а, слѣдовательно, и отъ всякаго контроля, не трудно себѣ представить, какъ нѣкоторые офицеры пользовались исключительнымъ своимъ положеніемъ. По преимуществу люди съ крайне ограниченнымъ образованіемъ, полученнымъ въ юнкерскихъ училищахъ, они, конечно, находили главное развлеченіе въ водкѣ и картахъ. Неудивительно, поэтому, что нѣкоторые изъ нихъ совершали всевозможныя безобразія и беззаконія,—пропивали и

проигрывали солдатскія деньги, заставляли нижнихъ чиновъ чрезмѣрно работать на себя, жестоко наказывали ихъ и т. п.

Отсутствіе какихъ-либо злоупотребленій со стороны конвойныхъ офицеровъ по отношенію къ уголовнымъ объяснялось существовавшей среди послѣднихъ крѣпкой организаціей: за малѣйшее нарушеніе полагавшагося имъ по закону и по установившемуся обычаю, арестантская артель отомстила-бы, причинивъ офицеру массу непріятностей, а то и бѣдъ. Поэтому, въ собственныхъ интересахъ офицеровъ, да и всего конвоя было жить въ мирѣ и согласіи съ уголовными. Офицеры оставляли арестантовъ въ полномъ покоѣ, рѣшительно никогда не вмѣшиваясь въ ихъ внутреннюю жизнь и предоставляя имъ дѣлать все, что они хотятъ, за однимъ единственнымъ только исключеніемъ—побѣговъ. Офицеры смотрѣли сквозь пальцы на разныя нарушенія уголовными инструкціи. Такъ, отошедши нѣсколько станковъ отъ Томска, пересыльные не только шли безъ кандаловъ и не брились, но на этапахъ играли въ карты, пили водку и пр. За то можно было положительно удивляться, какъ огромная партія въ нѣсколько сотъ человѣкъ, среди которыхъ было немало и отчаянныхъ головъ, конвоировалась ничтожнымъ взводомъ солдатъ, которыхъ, казалось, арестантамъ ничего не стоило перебить. За весь огромный путь, длившійся много мѣсяцевъ, не было ни одного случая побѣга,—артель не допускала этого. Она-же слѣдила за внутреннимъ порядкомъ, чтобы не давать конвою повода вмѣшиваться въ ея жизнь. Хотя водка свободно распивалась, но я не знаю ни единого случая, чтобы пьяный или даже только подвыпившій арестантъ попался на глаза офицеру. Мало того, не случалось также между уголовными ни дракъ, ни ссоръ, которыя пришлось-бы разбирать конвою. Такимъ образомъ, происходило взаимное молчаливое соглашеніе между конвоемъ и уголовными.

Такъ какъ, во время продолжительнаго пути по Сибири, мы приходили въ самое близкое прикосновеніе съ уголовной партіей, то намъ не трудно было въ достаточной степени ознакомиться, какъ съ ихъ внутренней организаціей, ихъ обычаями и нравами, такъ и со многими отдѣльными лицами, и я могу здѣсь сказать, что эта среда, въ общемъ, произвела на меня значительно болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ я

заранѣе ожидалъ на основаніи литературныхъ произведеній и многочисленныхъ устныхъ разсказовъ. Конечно, многое въ этой средѣ было непріятнаго и даже отталкивающаго свойства, но это обуславливалось не испорченностью натуръ «преступныхъ типовъ», по выраженію Ломброзо, а, главнымъ образомъ, крайне неблагопріятной средой, въ которой приходилось жить этимъ людямъ.

Какъ я уже выше замѣтилъ, руководящій тонъ въ партіяхъ задавали «бродяги»—многочисленные «Иваны, непомняще родства». Это обстоятельство нерѣдко и вводило въ заблужденіе наблюдателей арестантской жизни: свойства и черты этого контингента лицъ, крайне ограниченнаго въ каждой партіи, переносились на всѣхъ или на большинство уголовныхъ.

Недостаточно пройти специальную школу, чтобы стать «Иваномъ», могущимъ играть роль въ партіи,—для этого необходимо еще обладать особенно выдающимися качествами: умомъ, рѣшительностью, большой физической силой и пр., чѣмъ, конечно, далеко не всякій бродяга обладаетъ. Въ описываемое мною время, рѣдко какой изъ арестантовъ, изъ приговоренныхъ къ сколько-нибудь значительному наказанію, доходилъ до мѣста его назначенія,—огромное большинство осужденныхъ устраивало «смѣнку» и пускалось «бродяжить». Когда мы шли по этапу, намъ непрерывно попадались по пути бродяги, шедшіе въ обратномъ направленіи, въ одиночку или парами, а то и группами въ нѣсколько человѣкъ.

Въ арестантскихъ халатахъ, съ котомками на плечахъ и желѣзными котелками въ рукахъ, они всегда держались края дороги, поближе къ тайгѣ. Среди арестантовъ нашей партіи они находили, повидимому, старыхъ знакомыхъ, съ которыми на ходу перекидывались немногими словами. Присутствіе конвоя ихъ нисколько не стѣсняло.

— Куда бредете?—спрашивалъ иной разъ офицеръ, отвѣтивъ на поклонъ такого бродяги.

— Да за казенными харчами, ваше в-дѣе, — неизмѣнно слышался отвѣтъ.

— Ну, идите съ Богомъ!—говорилъ добродушно офицеръ и затѣмъ сообщалъ намъ, что всего столько-то мѣсяцевъ, а то и

недѣль тому назадъ этотъ-же бродяга шелъ въ его партіи на востокъ, а теперь вотъ уже возвращается обратно.

«За казенными харчами» означало, что вскорѣ они вновь попадутъ въ тюрьму, что большей частью случается у бродягъ съ наступленіемъ зимы. Въ теченіе лѣта они перемещаются еще подаініями. Отчасти изъ религіознаго чувства, а также изъ боязни мести со стороны бродягъ, въ случаѣ отказа въ милостынѣ, сибирское населеніе въ описываемое мною время никогда имъ не отказывало въ пищѣ и пристанищѣ. Тогда существовалъ еще обычай выставлять на ночь на наружной сторонѣ подоконника ѣду,—молоко, хлѣбъ, шаньги, а также оставялась открытой баня, имѣвшаяся на дворѣ почти у каждаго сколько-нибудь зажиточнаго крестьянина, такъ какъ въ домъ на почлегъ ихъ не безъ основанія боялись пускать. По этому поводу мнѣ вспоминается слѣдующій случай.

Однажды, на какомъ-то этапѣ ко мнѣ подошелъ какой-то арестантъ, который, послѣ обмѣна привѣтствіями и обычными фразами, сообщилъ, что онъ лично зналъ Чернышевскаго. Легко представить себѣ, какъ я ему обрадовался: я засыпалъ его вопросами, гдѣ и когда встрѣчался онъ съ этимъ замѣчательнымъ писателемъ. Онъ рассказалъ, что одно время жилъ съ нимъ въ Вилюйскѣ, куда и онъ былъ отправленъ на поселеніе. Немного могъ онъ рассказать о жизни Чернышевскаго,—на сколько теперь припоминается, онъ сообщилъ, что Николай Гавриловичъ жилъ въ отдѣльномъ, специально для него выстроенномъ домикѣ, что при немъ неотлучно находился жандармъ, съ которымъ онъ занимался какими-то предметами, получалъ много газетъ и журналовъ, а также, что часто бывалъ у мѣстнаго священника. Но уже тотъ фактъ, что этотъ арестантъ лично встрѣчалъ одного изъ благороднѣйшихъ и лучшихъ нашихъ людей, дѣлалъ и его въ моихъ глазахъ незауряднымъ уголовнымъ. Поэтому, когда онъ изложилъ все, что зналъ о Чернышевскомъ, я спросилъ его, какимъ образомъ онъ вновь попался и куда теперь идетъ?

«Надоѣло мнѣ оставаться въ распроклятомъ Вилюйскѣ,—сказалъ онъ,—и надумалъ я весной пойти бродяжить. По дорогѣ попался мнѣ попутчикъ, тоже бродяга. Идемъ это, а тутъ дождь льетъ цѣлый день; наступилъ вечеръ, а онъ все

не унимается. Цѣльнаго мѣста на насъ не было; шли мы тропой по тайгѣ; согрѣться нельзя: сучья сырыя, огонь тухнетъ. Дай, думаемъ, выйдемъ на трактъ. Тамъ намъ деревенька попалась. Порѣшили съ товарищемъ проситься въ избу на ночь. Стучимся въ одну; старикъ открываетъ:

«Пусти, Христа ради, дѣдушка, переночевать,—просимъ мы,—нитки сухой нѣтъ на насъ, видишь, какая непогодь!»—«А не обидите насъ со старухой?»—спрашиваетъ онъ.

— «Что ты, дѣдушка, Господь съ тобой,—говоримъ,—вѣкъ молиться будемъ!» Пустилъ. Бабушка накормила насъ; потомъ на печь спать пустили. Ну, а ночью мы прикончили обоихъ, забрали что изъ лапоти (платья) и пошли. Да не далеко ушли: поймали насъ чалдоны (сибиряки): а тамъ, сами знаете: острогъ; присудили на каторгу; по дорогѣ смѣнился, а теперь иду на мѣсто «приписки».

Все это было рассказано самымъ спокойнымъ тономъ.

Но и сибирское населеніе не оставалось въ долгу у бродягъ: не только изъ мести за совершенныя послѣдними преступленія, но также, чтобы пожизниться ихъ жалкимъ платьемъ и обувью, мѣстные крестьяне устраивали на нихъ, какъ на пушнаго звѣря, охоту. Вполнѣ достовѣрныя лица рассказывали мнѣ, какъ несомнѣнный фактъ, слѣдующее.

У какого нибудь крестьянина живетъ въ теченіе всей зимы бродяга, работая за двоихъ, изъ-за харчей и ничтожнаго вознагражденія, какового онъ не получаетъ до наступленія дня ухода. Но вотъ появился «генераль Кукушкинъ» (весна), и потянуло бродягу на просторъ и волю. Беретъ онъ у хозяина причитающіеся ему нѣсколько рублей,—сибиряки отчаянно эксплуатировали такихъ безпаспортныхъ работниковъ,—прощается съ нимъ и пускается въ путь. Но хозяину жалко и тѣхъ ничтожныхъ денегъ, которые ему пришлось отдать работнику. Онъ, поэтому, зорко слѣдитъ, по какому направленію пошелъ тотъ и, спустя немного, взявъ ружье, отправляется «на охоту»,—сибиряки почти всѣ превосходные стрѣлки и въ тайгѣ они также хорошо ориентируются, какъ имѣющіеся въ ней звѣри. Крестьянинъ скоро нагоняетъ своего бывшего работника и пристрѣливаетъ его сзади; затѣмъ, обобравъ

убитого и оставивъ трупъ на съѣденіе звѣрямъ, онъ возвращается «съ охоты», для видимости подстрѣливъ по пути зайца или бѣлку.

Во время нашего передвиженія намъ постоянно приходилось слышать рассказы о найденныхъ то тамъ, то здѣсь трупахъ, повидимому, убитыхъ бродягъ, а также о многочисленныхъ убійствахъ и разныхъ преступленіяхъ, виновники которыхъ не были открыты. Въ описываемое время Сибирь представляла собою еще пустынную страну, безъ всякихъ признаковъ «культуры», цѣликомъ находившуюся въ управленіи подкупной администраціи, сосредоточивавшей въ своихъ рукахъ также судебную и другія функціи. Не удивительно, поэтому, что тамъ оставались безнаказанными самыя вопіющія преступленія. Человѣческая жизнь, какъ извѣстно, въ Россіи, вообще, не высоко цѣнится; въ Сибири-же, — въ чемъ неоднократно впослѣдствіи я самъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться, — она рѣшительно ни во что не ставилась.

Преобладающій контингентъ нашей партіи составляла обыкновенно сѣрая масса, — робкая, запуганная и покоровшаяся своей судьбѣ, каковой до послѣдняго времени являлась, вообще, трудящаяся масса нашего населенія. Значительную часть этого контингента нельзя было вовсе назвать преступниками, такъ какъ въ его составъ входили ссылавшіеся въ Сибирь по приговорамъ сельскихъ обществъ; а извѣстно, какъ составлялись у насъ такіе приговоры; два-три мѣстныхъ кулака, въ союзѣ съ волостными старшиной и писаремъ, могли любого неприяго имъ односельчанина переселить «въ мѣста не столь отдаленныя».

Мнѣ не разъ приходилось разговаривать съ нѣкоторыми изъ этихъ «общественниковъ» и слышать отъ нихъ о причинахъ ихъ выселенія; сколько вопіющихъ несправедливостей и ничѣмъ незаслуженныхъ страданій испытывали беззащитные, беспомощные и невѣжественные наши земледѣльцы! Но эти несчастные и въ пути подвергались отъ всѣхъ разнымъ униженіямъ и оскорбленіямъ, — всѣ помыкали ими, толкали,

били, оставляли имъ самыя худшія мѣста въ тюрьмахъ и на тапахъ.

Близкимъ къ «общественникамъ» слоємъ были въ партіи скопцы, ссылавшіеся въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, преимущественно въ Якутскую область. Ихъ также нельзя было причислить къ «преступникамъ», такъ какъ въ нравственномъ отношеніи они ни въ чемъ не уступали нашему земледѣльческому населенію. Наоборотъ, каждый, имѣвшій случай близко познакомиться съ ихъ жизнью въ мѣстахъ ихъ новаго поселенія, признавалъ, что по энергіи, трудолюбію и развитію они являлись тамъ наилучшимъ, наиболее культурнымъ слоємъ. Въ пути скопцы держались всегда вмѣстѣ, боясь какихъ-либо столкновеній съ остальными и уступаая поэтому всякому мѣсто; разныя обиды несправедливости со стороны другихъ они смиренно переносили, какъ наказаніе, ниспосланное имъ Всевышнимъ за ихъ грѣхи.

Столь-же пассивно и покорно велъ себя ссылавшійся на поселеніе, а то и на каторгу многочисленный слой случайныхъ преступниковъ, попавшихъ на скамью подсудимыхъ по несчастному стеченію обстоятельствъ или вслѣдствіе юридической ошибки. Среди этого слоя, по преимуществу, встрѣчались тѣ слабохарактерныя лица, которыя, какъ я уже упоминалъ, проигрывали за много дней впередъ, полагавшіяся имъ кормовыя деньги и вѣчно голодали затѣмъ; изъ нихъ — же за ничтожное вознагражденіе вербовались охотники пойти на «смѣнку». Въ партіи они пользовались всеобщимъ презрѣніемъ; ихъ называли очень подходившей къ нимъ кличкой «сухарники», такъ какъ вѣчно голодные, тощіе и блѣдные они, дѣйствительно, напоминали сухари. Страсть къ картамъ, повидимому, убивала въ нихъ рѣшительно всякую волю, что было причиной всевозможныхъ лишеній и невѣроятныхъ страданій, которыя имъ приходилось испытывать въ пути. Въ партіи «сухарники» буквально являлись паріями: они исполняли самыя тяжелыя и неприятыя функціи: чистили отхожія мѣста, убирали «параши» и т. п. Вѣчно голодный «сухарникъ» всегда не прочь былъ присвоить себѣ чужое, но если его ловили на мѣстѣ преступленія или уличали въ содѣянномъ, то, конечно, подвергали самому суровому тѣлесному

наказанію. Припоминаю, какъ однажды, молодой «сахарникъ» былъ пойманъ на цохщеніи ломтя хлѣба; артель постановила за это примѣрно постѣчь его, «чтобы впредь зналъ, какъ воровать у своего».

Вскорѣ послѣ прихода партіи на этапъ, на дворѣ и въ камерахъ можно было видѣть группы арестантовъ, расположившихся на землѣ, на полу или на нарахъ для игры въ карты. Здѣсь проигрывались кормовые, одежда, бѣлье и обувь: конечно впоследствии, проигравшій казенныя вещи, расплачивался за это своей спиной, но это наказаніе не останавливало его тотчасъ-же поставить на карту все имъ вновь полученное. Въ лохмотьяхъ, полуголые и голодные «сахарники» въ непогоду и съ наступленіемъ холодовъ, чтобы согрѣться, не шли, а буквально бѣгали, насколько хватало у нихъ силъ. Мнѣ совершенно непонятно было, какъ эти несчастные выживали зимой? Мы не разъ пытались помочь имъ; но наши собственные средства были крайне ограничены, къ тому-же при ближайшемъ случаѣ они проигрывали и все то, что получали отъ насъ. Иной разъ счастливый игрокъ, которому везло, швырялъ какую-нибудь монету голодному «сахарнику»; отчасти, вѣроятно, въ ожиданіи такой подачи, вокругъ игравшихъ толпились всегда «сахарники», слѣдившіе за ходомъ игры съ такимъ-же азартомъ, какъ и сами игроки. Существовалъ также обычай, что «майданщикъ» (маркитантъ), при окончаніи срока найма имъ артельного ларя, долженъ былъ угостить голытьбу «сахарниковъ». Поэтому, послѣдніе, задолго до наступленія такого торжества, говорили «вотъ уже майданщикъ насъ угоститъ, какъ смѣнитесь!»

Такое угощеніе стоило майданщику, конечно, пустяки, въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ самъ набралъ отъ этихъ несчастныхъ за время пользованія имъ правомъ торговли. За это право охотникъ взять майданъ платилъ артели относительно большую сумму, рублей 15—20. Кромѣ чая, сахару, табаку, спичекъ и т. п., майданщикъ имѣлъ водку и карты, дававшія ему наибольшій доходъ. Но рѣдко какой разбогатѣвшій отъ майдана арестантъ долго удерживалъ у себя приобрѣтенный имъ отъ голодавшихъ и мерзнувшихъ «сахарниковъ» капиталъ:

большинство изъ нихъ въ первый день или въ одинъ изъ слѣдующихъ послѣ переуступки своей профессіи новому лицу, спускало въ карты и на водку все до тла. Но когда у бывшего майданщика еще имѣлись деньги, онъ конечно, причислялся къ арестантской «аристократіи».

Хотя юридически всѣ уголовные являлись полноправными членами артели, но, какъ я уже упоминалъ, de facto воротилами были нѣсколько человекъ изъ наиболѣе выдающихся, умныхъ и опытныхъ бродягъ—«Ивановъ». Послѣдніе фактически являлись полными диктаторами, распорядившимися по своему усмотрѣнію и въ собственныхъ интересахъ. Безъ санкціи артели частныя сдѣлки между отдѣльными лицами не имѣли никакой силы и могли нарушаться. Только съ ея, напр., согласія состоявшійся между двумя арестантами договоръ о «смѣнѣ» уже не могъ быть расторгнутымъ. За эту санкцію извѣстная часть суммы договаривавшимися лицами вносилась въ пользу артели. Если-бы смѣнщикъ, получивъ, съ согласія артели условленную плату, отказался отъ заключеннаго имъ договора, онъ вступилъ-бы въ конфликтъ со всѣмъ «обществомъ». Измѣна и предательство наказывались самымъ жестокимъ образомъ, и власти не были въ состояніи укрыть провинившагося въ этомъ. Ни изолированіе его изъ партіи, ни заключеніе его въ какой-нибудь тюрьмѣ въ одиночной камерѣ не спасали предателя отъ мести артели: бродяги, «Иваны» непременно разузнавали о мѣстѣ его пребыванія и, если сами не могли добраться до него, то поручали другимъ, съ нимъ соприкасавшимся заключеннымъ, убить его.

Изъ среды-же «Ивановъ» выбирался всегда и артельный староста. Онъ являлся посредникомъ во всѣхъ сношеніяхъ уголовныхъ съ конвоемъ, офицерами и другими лицами изъ внѣшняго міра, ему же вручались кормовыя деньги для всей партіи и пр. По отношенію къ пассивной массѣ власть его была, конечно, значительна; но онъ, въ свою очередь, цѣлкомъ зависѣлъ отъ «Ивановъ», съ согласія которыхъ и могъ лишь попасть на столь важный постъ. Само собою разумѣется это было не только почетное званіе, но и довольно доходное мѣсто; поэтому, не мало являлось на него всегда охотниковъ, и воро-

тилы артели предоставляли его тому, который давал имъ соответственный кушъ за свое избраніе.

Еъ намъ, политическимъ ссыльнымъ, уголовные вообще относились съ большимъ уваженіемъ. Исключеніе составлялъ одинъ «Иванъ, непомнившій родства», который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ обнаруживалъ крайнюю къ намъ враждебность. То былъ старый бродяга, много разъ уже исколесившій Сибирь вдоль и поперекъ, неоднократно возвращавшійся въ Евр. Россію и снова оттуда отправлявшійся на поселеніе. Повидимому, онъ происходилъ изъ низшихъ сословій и, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ своихъ товарищей, имѣлъ большую страсть къ чтенію. Но попадались ему въ руки самыя реакціонныя произведенія,—изъ лагеря «Московскихъ Вѣдомостей», «Гражданина» и т. п. Неудивительно, поэтому, что онъ раздѣлялъ взгляды Каткова и кн. Мещерскаго. Относительно насъ у него сложилось особенно оригинальное мнѣніе: онъ былъ глубоко убѣжденъ, что все наше поведеніе обуславливалось лишь недовольствомъ за освобожденіе крестьянъ! Въ присутствіи другихъ уголовныхъ, онъ прямо бросалъ намъ въ лицо обвиненіе, что мы или обиженные дворяне или лица, подкупленные послѣдними. Обвиненіе это было до того комично, что рѣшительно никто изъ товарищей на него не обижался. Нѣкоторые изъ насъ пытались доказать ему всю нелѣпость его мнѣнія. Доводы товарищей и болѣе близкое его знакомство съ нами, мало-по-малу, поколебали его. Онъ сталъ затѣмъ просить у насъ «книжечекъ почитать»; и мы, конечно, охотно давали ихъ ему.

Меня этотъ «Иванъ, непомнившій родства», интересовалъ болѣе другихъ «Ивановъ», и я также иногда вступалъ въ бесѣду съ нимъ; но я больше разспрашивалъ его о жизни бродягъ, о томъ, что ему приходилось испытать, видѣть и т. д. Онъ обстоятельно и очень интересно рассказывалъ. Однажды, помню я спросилъ его какъ ему удавалось устраниваться въ Евр. Россіи, послѣ побѣговъ изъ Сибири.

«Что-же тутъ труднаго?—удивился онъ:—главное—перейти черезъ Уральскіе горы, а тамъ по желѣзной дорогѣ ѣдешь, куда вздумается. Я выбираю большіе города: Саратовъ, Нижній, Одессу, Кіевъ; снимаешь меблированную комнату и живешь

себѣ тихо—спокойно: одѣваюсь я всегда прилично, паспортъ у меня въ наилучшемъ порядкѣ,—мы ихъ сами фабрикуемъ,—никто меня и я никого не трогаю. Прежде всего абонируюсь въ библіотекѣ,—страсть люблю романы: всего Поль-де-Кока, Гобаріо, Александра Дюма перечиталъ. Обѣдаю въ кухмистерскихъ, вечеромъ иногда пойдешь въ театръ, такъ вотъ и живешь, пока полиція не словить».

Да, но откуда-же вы средства на жизнь берете?—спросилъ я, такъ какъ изъ его разсказа можно было-бы заключить, что онъ живетъ доходомъ отъ капитала.

—Средства? Берешь ихъ тамъ, гдѣ возможно—и въ отвѣтъ, на мою просьбу онъ разсказалъ мнѣ, что «работаетъ» въ одиночку, такъ какъ «самое опасное дѣло связываться съ другимъ, товарищемъ,—чуть что, «засыпешь» (выдастъ) тебя». Главнымъ занятіемъ этого «Ивана» было, понятно, воровство.

ГЛАВА XVI.

Въ Восточную Сибирь.

Во время продолжительнаго, черепашняго передвиженія по Сибири, мы имѣли не мало случаевъ отчасти познакомиться также и съ мѣстнымъ населеніемъ, жившимъ вдоль Московскаго тракта. Съ вѣшной стороны деревни и села производили довольно благопріятное впечатлѣніе: всюду бросалась въ глаза значительная зажиточность; дома, построенные изъ толстыхъ бревенъ, нерѣдко въ два этажа, съ разными украшеніями надъ большими окнами и на воротахъ, тянулись двумя правильными рядами, иногда въ нѣсколько верстъ; на окнахъ, снабженныхъ раскрашенными ставнями, можно было видѣть занавѣски и цвѣты въ горшкахъ; въ домахъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ встрѣчалась недурная мебель, а иногда и гнутые «вѣнские» стулья. Скотъ, орудіе и выѣздъ также не могли идти ни въ какое сравненіе съ хозяйствомъ крестьянъ Европейской Россіи.

Относительное благосостояніе сибирскихъ крестьянъ объ-

яснялось, конечно, большимъ, сравнительно, количествомъ имѣвшейся у нихъ земли, а также тѣмъ, что, какъ притрактовые жители, они получали немалый доходъ отъ извознаго промысла и торговли. Не говоря уже о безчисленныхъ обозахъ, постоянно двигавшихся въ Европейскую Россію и въ обратномъ направленіи, отъ которыхъ не мало перепало населенію, такъ какъ обозчикамъ нужно было покупать пищу себѣ и лошадямъ,—крестьяне имѣли значительный доходъ и отъ проѣзжавшихъ, для которыхъ не хватало почтовыхъ паръ, и имъ приходилось нанимать вольныхъ лошадей, платя за нихъ иногда большіе деньги. Жители при этомъ имѣли, конечно, еще и разные другіе доходы. Но кромѣ этихъ, законныхъ источниковъ наживы, нѣкоторые изъ нихъ прибѣгали и къ далеко непохвальнымъ средствамъ. Въ описываемое мною время за иными селами установилась слава воровскихъ, а то и разбойничьихъ гнѣздъ, такъ какъ рѣдкій обозъ проѣзжалъ мимо нихъ благополучно: то отрѣжутъ мѣсто съ чаемъ, то уведутъ лошадь и т. п.

По происхожденію притрактовое населеніе было чрезвычайно смѣшаннаго характера. Преобладали среди него великороссы; но не мало въ составъ его входило также малороссовъ, поляковъ, болгаръ, татаръ и др. Этому разнообразному составу соответствовалъ и внѣшній видъ тѣхъ или иныхъ населенныхъ пунктовъ. Встрѣчались намъ также деревни, сплошь населенныя сектантами самыхъ разнообразныхъ толковъ. Но особенно, помню, заинтересовали насъ тѣ, въ которыхъ жили «субботники» или «жидовствующіе». Глядя на этихъ типичныхъ представителей великорусскаго народа, не вѣрилось, чтобы они являлись строгими послѣдователями Моисеева закона. Въ высшей степени странно было слышать какъ эти великороссы расхваливали преимущества своей «еврейской» вѣры. По образу жизни и занятіямъ «субботники» ничѣмъ не отличались отъ другихъ крестьянъ, такъ какъ они были такими же, какъ и остальные, землевладѣльцами, но, по благоустройству, зажиточности и чистотѣ, ихъ деревни нѣсколько уступали селамъ, населеннымъ христианами.

Многіе уголовные, не разъ проходившіе уже раньше по этому тракту, прекрасно знали нравы, обычаи и характеръ си-

биряковъ, и ихъ рассказы о послѣднихъ полны были огромнаго интереса. Въ большинствѣ случаевъ сибиряки въ этихъ разсказахъ выступали далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ; бродяги ненавидѣли ихъ до глубины души, и не было того порока, котораго они не находили бы въ сибирякахъ. Въ нравственномъ отношеніи они считали тѣхъ значительно ниже себя стоявшими, хотя и о себѣ они далеко не были высокаго мнѣнія: «ужъ на что мы отпѣтый народъ, а «чалдоны» почише насъ будутъ»,—говорили бродяги. Своимъ недругамъ, сибирякамъ они давали всевозможныя клички, значенія которыхъ нельзя было понять, но прозвища эти доводили до бѣшенства мѣстныхъ жителей, платившихъ имъ тѣмъ же. Эта взаимная ненависть объяснялась, конечно, тѣмъ зломъ, которое они причиняли другъ другу, но обѣ стороны упускали изъ виду, что они оказывали одинъ другому также не мало добра.

Выше я сообщилъ, какъ конвойные офицеры относились къ уголовнымъ арестантамъ. Въ обращеніи съ нами большинство изъ нихъ было сухо-офиціальны, стараясь избѣгать какихъ-либо непріятностей и столкновеній. Но нѣкоторые офицеры не прочь были оказать намъ любезность и вниманіе,—предлагали газету, соглашались выѣзжать съ нами позже изъ этаповъ, съ тѣмъ, чтобы нагонять партію въ пути и т. п. Какъ отчасти видно изъ вышеописаннаго случая, попадались и самодуры, желавшіе показать свою власть надъ нами, что имъ, однако, никогда не удавалось. Между прочимъ, у меня съ однимъ изъ такихъ офицеровъ произошло слѣдующее столкновеніе.

Я только что вышелъ, однажды, передъ вечеромъ, погулять на этапный дворъ; въ это время уголовные выстроились для вечерней повѣрки. Замѣтивъ меня, офицеръ грубо приказалъ мнѣ идти обратно въ камеру, такъ какъ, молъ, мое присутствіе мѣшаетъ ему сосчитать арестантовъ. Требованіе это было совершенно неосновательно, и я отказался его исполнить. Но офицеръ накинулся на меня съ крикомъ, причемъ я замѣтилъ, что отъ него сильно разитъ водкой. Я посоветовалъ ему тогда, провѣривъ поскорѣе арестантовъ, отправиться на покой; но онъ не унимался и все стоялъ на своемъ. Не знаю, чѣмъ

окончилась бы эта исторія, но находившаяся также на дворѣ ссыльная Любовь Чемоданова ¹⁾, которую почему-то офицеръ оставилъ въ покоѣ, побѣжала звать на дворъ всѣхъ оставшихся въ камерѣ товарищей. Замѣтивъ это, офицеръ приказалъ запереть ихъ. Они подняли сильнѣйшій стукъ въ дверь; въ камерѣ начался шумъ и крикъ. Уголовные, продрогши отъ долгаго стоянія въ одномъ бѣльѣ, также начали громко выражать свое неудовольствіе, что ихъ не отпускаютъ, но по нашему адресу они на этотъ разъ послали уже похвалу и одобренія за то, что мы не подчиняемся неосновательному требованію. Въ концѣ концовъ офицеръ долженъ былъ уступить и произвести повѣрку во время моего пребыванія на дворѣ.

Но случались у насъ съ офицерами совсѣмъ неожиданные встрѣчи и эпизоды. Такъ, бывший съ нами ветеринарный врачъ Снѣгиревъ, сосланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь ²⁾, на одномъ этапѣ узналъ въ конвойномъ офицера своего школьнаго товарища. Въ теченіе двухъ сутокъ, проведенныхъ нами затѣмъ съ этимъ офицеромъ, онъ былъ къ намъ очень внимателенъ и оказывалъ намъ разныя мелкія услуги.

На другомъ этапѣ въ лицѣ конвойнаго офицера мы нашли, если не единомышленника, то вполне сочувствовавшаго социалистамъ человѣка. По его признанію, онъ читалъ многія запрещенныя произведенія и раньше близко стоялъ къ дѣйствовавшимъ въ его городѣ революціонерамъ. Съ нами онъ, насколько не маскируясь, велъ самыя откровенныя бесѣды политическаго характера. Странной и вмѣстѣ чрезвычайной пріятной неожиданностью была для насъ встрѣча на этапѣ съ такимъ конвойнымъ офицеромъ.

При продолжительномъ путешествіи для всякаго человѣка пріобрѣтаютъ большое значеніе разнаго рода мелочи, отсутствіе или, наоборотъ, наличность которыхъ доставляетъ ему удобства или же непріятности. Въ неизмѣрно большей еще степени имѣли значеніе разныя мелочи для насъ, политиче-

¹⁾ По процессу Вѣры Фигнеръ.

²⁾ Нынѣ онъ занимаетъ очень важный постъ въ чиновной іерархіи.

скихъ, которымъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ пришлось двигаться этапнымъ порядкомъ. Лица, сами не побывавшія въ аналогичныхъ условіяхъ, едва-ли могутъ реально представить себѣ, какія тяжелыя, даже трагическія послѣдствія могли для насъ имѣть тѣ или другія ничтожныя, въ сущности, обстоятельства. Выше я уже описалъ подобное происшествіе, которое случилось у насъ съ офицеромъ изъ-за времени выхода изъ этапа и могло окончиться жестокой расправой, военнымъ судомъ и т. д. Неудивительно, поэтому, что, при приходѣ на новый этапъ, у насъ постоянно появлялась нѣкоторая тревога относительно конвойнаго офицера: каковъ онъ? какъ онъ къ намъ отнесется? въ какомъ онъ настроеніи, состояніи? Однимъ изъ наиболѣе важныхъ обстоятельствъ, изъ-за котораго могло произойти у насъ столкновение съ офицеромъ, — какъ это ни покажется, быть можетъ, страннымъ, — былъ вопросъ о «парашѣ».

Отводившіяся для насъ на этапахъ и полу-этапахъ камеры на ночь запирались, причѣмъ въ нихъ полагалось ставить эту непріятную посудину. Не говоря уже объ издаваемомъ ею отвратительномъ запахѣ, на ея присутствіе мы не могли соглашаться въ виду того, что вмѣстѣ съ нами, какъ извѣстно, помѣщались три молодыя дѣвушки. Поэтому, первымъ дѣломъ, по приходѣ на новый этапъ, было уговорить офицера, чтобы на ночь въ нашу камеру не ставили «парашу»; вмѣсто этого, мы просили, чтобы по зову дежурный выпускалъ насъ на коридоръ, который, конечно, запирался и охранялся часовымъ. Въ большинствѣ случаевъ намъ удавалось мирными переговорами добиваться отъ офицеровъ согласія на наши требованія. Но, до чего простирался иногда ихъ произволъ, можетъ, кромѣ вышеописаннаго, отчасти показать слѣдующее происшествіе.

На какомъ-то этапѣ, вошедши въ отведенную намъ камеру, мы увидѣли просто одѣтаго человѣка лѣтъ 30, закованнаго въ ручныя кандалы. Оказалось, что то былъ возвращавшійся, вслѣдствіе примѣненія коронаціоннаго манифеста (1883 года), изъ г. Баргузина въ западную Сибирь политической ссыльный, фабричный рабочій Степанъ Агаповъ ¹⁾. За нимъ добровольно

¹⁾ Онъ судился по извѣстному процессу 50 пропагандистовъ

слѣдовала его жена, сибирская крестьянка. Они сообщили намъ, что конвойный офицеръ погребовалъ, чтобы они перешли изъ этой камеры въ другую, такъ какъ, молъ, скоро должна придти партія политическихъ, состоящая изъ «князей и графовъ», а такимъ важнымъ особамъ нельзя помѣщаться вмѣстѣ съ простыми людьми. Не находя этого довода убѣдительнымъ, супруги Агаповы отказались исполнить требованіе офицера. Изъ-за этого у нихъ вышелъ рѣзкій разговоръ съ офицеромъ, въ результатѣ котораго послѣдній приказалъ заковать Агапова въ ручные кандалы. Кромѣ того, онъ ограничилъ имѣвшійся у Агаповыхъ багажъ указаннымъ въ инструкціи ничтожнымъ размѣромъ; все же остальные ихъ вещи офицеръ за безцѣнокъ продалъ съ торговъ мѣстнымъ кулакамъ. Такая мѣра никогда не примѣнялась въ тѣ времена не только въ отношеніи лицъ, возвращавшихся съ поселенія на житье, а, слѣдовательно пользовавшихся разными льготами и облегченіями, но даже къ лицамъ, отправляемымъ на каторгу. Такимъ образомъ, супруги Агаповы, кромѣ перенесенныхъ личныхъ оскорбленій, лишились еще многихъ своихъ вещей, которыя они пріобрѣтали въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жизни на поселеніи и которыя были крайне нужны имъ, какъ въ дальнѣйшемъ пути, такъ и при устройствѣ на новомъ мѣстѣ въ Зап. Сибири.

Всеѣхъ насъ крайне возмутило поведеніе этого конвойнаго офицера, и мы потребовали, чтобы немедленно расковали Агапова, что тотчасъ же и было исполнено. Комическая сторона этого печальнаго инцидента состояла въ томъ, что «князьями и графами», съ которыми офицеръ не желалъ посадить вмѣстѣ простыхъ людей, оказывались мы, наша партія, хотя среди насъ не было ни единой титулованной особы! Такое заблужденіе со стороны офицера, вѣроятно, объяснялось тѣмъ, что нѣкоторые изъ нашей партіи отправляли съ предыдущихъ этаповъ чрезъ конвойныхъ офицеровъ письма своимъ родственникамъ или знакомымъ, адресуя ихъ иногда гр. Л. Толстому и кн. Волконскому. Отсюда, надо полагать, возникла предшествовавшая нашему приходу легенда, что въ ссылку ѣдутъ «князья, да графы».

(въ 1877 г.) и былъ приговоренъ къ 3 г. 8 м. каторжныхъ работъ, а въ 1880 г. вышелъ на поселеніе.

Но для бѣдныхъ супруговъ Агаповыхъ злоключенія не закончились вышеописаннымъ: конвойный офицеръ еще донесъ, куда слѣдовало, что Агаповъ будто-бы его оскорбилъ. Результатомъ этой жалобы было то, что Агаповыхъ отправили на самый сѣверъ Тобольской губ., въ одинъ изъ тѣхъ «городовъ», о которыхъ я выше упоминалъ, какъ объ ужасныхъ трупобазахъ. Мнѣ впоследствии приходилось слышать, что условія жизни Агаповыхъ въ новомъ мѣстѣ ихъ поселенія были худшія чѣмъ въ Забайкальѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе недѣлаго слуха о пріѣздѣ мнимыхъ князей и графовъ, вмѣсто ожидаемаго облегченія участи несчастной семьи, получилось для нея одно лишь ухудшеніе. Аналогичныя происшествія, изъ-за суеты ихъ пустяковъ и недоразумѣній, случались нерѣдко въ тѣ времена, да и теперь несомнѣнно не прекращаются.

На переходъ отъ Томска до Красноярска, находящіяся одинъ отъ другаго всего на разстояніи 500 вер., мы употребили ровно мѣсяць, при чемъ двадцать дней были въ пути, а десять провели на дневкахъ. Въ Красноярскѣ намъ предстояло пробыть недѣлю. Уголовныхъ помѣстили въ пересыльной тюрьмѣ, а насъ отправили въ тюремный замокъ.

На коридорѣ, куда насъ привели, былъ рядъ камеръ различныхъ размѣровъ: на одного, двухъ и большее число людей; на дверяхъ каждой камеры красовались надписи: «за убійство», «за грабежъ» и т. п. Смотритель тюрьмы предложилъ намъ размѣститься «по категоріямъ», т. е. каторжане отдѣльно въ одиночкахъ, поселенцы—по-двое, а административные—въ одной общей камерѣ; при этомъ онъ сообщилъ, что насъ заперуть и на прогулку будутъ пускать лишь на опредѣленное время. Такія условія мы нашли крайне для себя стѣснительными, къ тому же и незаконными, такъ какъ въ качествѣ пересыльныхъ мы вовсе не обязаны были подчиняться инструкціи, примѣнявшейся къ лицамъ, которыя содержались въ тюремномъ замкѣ, будучи подъ слѣдствіемъ или судомъ. У насъ у всехъ было одно общее хозяйство и багажъ, мы въ пути находились уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, и насъ нигдѣ не раздѣляли по категоріямъ. Не наша вина, что въ Красноярскѣ насъ не захотѣли почему-то помѣстить въ пересыльной тюрьмѣ. Мы поэтому настаивали, чтобы намъ предоставили право самимъ расположиться въ ка-

мерахъ такъ, какъ мы найдемъ для себя удобнымъ, а такъ, чтобы ни камеры, ни коридоры днемъ не запирались; словомъ, чтобы мы содержались такъ, какъ принято на этапахъ и въ пересыльныхъ тюрьмахъ. Смотритель заявилъ, что онъ не можетъ исполнить нашего требованія, а мы отказались зайти въ указанные намъ камеры и остались на коридорѣ.

Вскорѣ появился полиціймейстеръ, бурбонъ по внѣшности и невѣжественный верзило. Онъ также потребовалъ, чтобы мы размѣстились по камерамъ, а мы стояли на своемъ. Между прочимъ, въ разговорѣ съ нимъ одна изъ нашихъ спутницъ употребила слово «гуманность». Подобно гоголевскому мастеру, незнавшему, насколько обидно выраженіе «штетонъ», нашъ полиціймейстеръ также не могъ рѣшить, оскорбительно или нѣтъ это слово. Наши успокоили его, перевели это слово на русскій языкъ. Онъ также заявилъ, что не отъ него зависитъ удовлетвореніе нашего желанія и общалъ доложить объ этомъ губернатору. Велѣдъ за нимъ прибыли сперва прокуроръ, потомъ жандармскій полковникъ. Въ переговорахъ со всѣми этими лицами прошло много времени, а мы все оставались на коридорѣ, гдѣ не могли свободно расположиться и заняться приготовленіемъ пищи. Мы не ѣли съ самаго утра, и голодъ давалъ намъ себя сильно чувствовать. Отказавшись, безъ согласія губернатора, удовлетворить всѣ наши требованія, жандармскій полковникъ, однако, разрѣшилъ намъ, впредь до полученія отвѣта, расположиться какъ мы желали, чѣмъ мы немедленно и воспользовались.

Когда на слѣдующій день всѣ мы сидѣли за обѣдомъ въ наибольшей камерѣ, избранной нами столовой, появился полиціймейстеръ въ полной парадной формѣ и съ каской на головѣ.

— Я привезъ вамъ отвѣтъ отъ губернатора...— началъ онъ; но его прервалъ одинъ изъ товарищей, предложивши ему предварительно снять каску.

— Когда мы въ парадной формѣ, мы каски не снимаемъ,— возразилъ онъ.

— Для насъ безразлично, въ какой вы формѣ, настаивали наши.

— Нѣтъ, я не сниму каски!—заявилъ этотъ гоголевскій герой.

— Такъ мы не станемъ слушать губернаторскаго отвѣта.

Положеніе получилось затруднительное: помявшись немного, полиціймейстеръ таки снялъ свою каску, а затѣмъ сообщилъ, что губернаторъ удовлетворилъ всѣ наши требованія.

Въ Красноярскѣ отъ насъ вновь отдѣлились трое: упомянутый уже выше ветеринарный врачъ Снѣгиревъ и другой административно-ссылный, кievскій студентъ Корниенко, а также по болѣзни остался тамъ на время отдохнуть каторжанинъ Спандони-Басманджи. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшій путь до Иркутска насъ отправилось уже одиннадцать человѣкъ. На разстояніе до этого города въ 1000 вер., намъ нужно было употребить чѣлыхъ два мѣсяца!—Теперь съ трудомъ вѣрится, чтобы возможно было вооружиться терпѣніемъ, требовавшимся на такое невѣроятное медленное передвиженіе. А, между тѣмъ, на сколько могу припомнить, едва-ли кто изъ насъ особенно сильно тяготился именно этимъ обстоятельствомъ: впереди ничто привлекательное не ждало большинство изъ насъ, между тѣмъ въ пути, особенно лѣтомъ, въ общемъ, все же было сносно. Нѣкоторые за дорогу даже поправились, и всѣ выглядѣли куда лучше, чѣмъ при выѣздѣ изъ Москвы. Къ тому же, чѣмъ дальше мы двигались на востокъ, тѣмъ замѣтно ослабѣвалъ режимъ, и начальство на многое начинало смотрѣть сквозь пальцы. Такъ, арестанты открыто сбрасывали съ ногъ кандалы и не брились. Мы съ Чуйковымъ также сперва тайкомъ стали снимать оковы, а приближаясь къ Иркутску, уже явно не надѣвали ихъ, и ни съ чьей стороны не вызывали за это ни малѣйшихъ замѣчаній. То же подъ конецъ пути произошло и съ бритьемъ головъ.

ГЛАВА XVII.

Иркутскія узницы.

Наступила уже осень, когда мы прибыли въ Иркутскъ. Въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ, куда насъ привели, было довольноно

свободно и удобно. Всѣхъ мужчинъ помѣстили въ одной большой, общей камерѣ, дверь которой днемъ не запиралась, а нашимъ женщинамъ отвели отдѣльныя камеры, но мы могли съ ними видѣться и сноситься.

Въ то время въ Иркутской тюрьмѣ сидѣли на каторжномъ положеніи четыре политическія женщины, о которыхъ сообщу здѣсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ всѣ онѣ сыграли нѣкоторую роль въ движеніи 70-хъ г.г.

Изъ нихъ я наиболѣе близко зналъ Марью Павловну Ковалевскую. Мы познакомились въ 1875 г. и состояли затѣмъ членами извѣстнаго, уже упомянутаго мною, кievскаго бунтарскаго кружка, о которомъ подробно рассказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Дебагорій-Мокрѣвичъ. М. Ковалевская была тогда одной изъ наиболѣе выдающихся женщинъ въ нашемъ кружкѣ.

Урожденная Воронцова, Марья Павловна воспитывалась въ институтѣ, по окончаніи котораго вскорѣ вышла замужъ за учителя военной гимназіи Н. В. Ковалевскаго. Немного прожила она тихой, семейной жизнью. То было время всеобщаго увлеченія русской интеллигентной молодежи социалистическими идеями. Марья Павловна была захвачена общимъ потокомъ: оставивъ мужа и малолѣтнюю дочь свою Галю, она цѣликомъ отдалась революціонной дѣятельности.

Маленькаго роста, худощавая, со смуглымъ, цыганскаго типа, лицомъ, Ковалевская обладала сангвиническимъ темпераментомъ и большой энергіей. Крупный умъ соединялся у нея съ сильной логикой и даромъ слова, что давало ей возможность быть искусственной спорщицей: ей нерѣдко случалось не только опровергнуть, но и убѣдить болѣе ея образованнаго собесѣдника. Въ серьезные теоретическіе дебаты, какъ и въ незначительные практическіе вопросы, она вносила большую горячность, но при этомъ всегда была искренна, пряма и никогда не переходила ни на личную почву, ни въ оскорбительный тонъ. Несомнѣнно, при другихъ условіяхъ Ковалевская сыграла бы очень крупную роль. Но обстоятельства сложились такъ, что до суда и отправки на каторгу, она была извѣстна лишь тѣсному кругу революціонеровъ, и то, главнымъ образомъ, на югѣ. Въ февралѣ 1879 г. Марья Павловна, вмѣстѣ съ Вл. Де-

багорій-Мокрѣвичемъ, П. Орловымъ, Ивичевичами и др., была взята въ Кіевѣ, въ д. Косаговскаго на Жиланской ул., причемъ, какъ извѣстно, присутствовавшими оказано было жандармамъ вооруженное сопротивленіе. Состоявшійся весной указаннаго года военный судъ по этому дѣлу приговорилъ двоихъ— Антонова и Брантнера—къ казни, а 10 человекъ—къ многолѣтней каторгѣ. Въ числѣ другихъ, Ковалевская осуждена была на 14 л. 10 м. каторжныхъ работъ.

Съ этихъ поръ начинается ея непрерывный мученичество. Запертая въ теченіе многихъ лѣтъ въ стѣнахъ тюрьмы, гдѣ ей неизбѣжно приходилось сталкиваться съ массой злоупотребленій со стороны разныхъ должностныхъ лицъ, оторванная отъ всякой практической дѣятельности, Ковалевская перенесла всѣ свои способности и силы на защиту чести и человѣческаго достоинства заключенныхъ. Такого рода борьбу она считала чрезвычайно важной частью обще-революціонной дѣятельности. При разнаго рода тюремныхъ исторіяхъ, какъ бы незначительны ни были поводъ и какимъ бы мелкимъ чиномъ онъ ни былъ поданъ, Ковалевская не считала возможнымъ отступить отъ разъ принятаго рѣшенія. Она настаивала на необходимости давать рѣшительный, энергичный отвѣтъ на малѣйшую обиду, нанесенную кому-либо изъ заключенныхъ, чѣмъ бы столкновеніе ни кончилось.

Въ способахъ выраженія протеста она всегда оставалась вѣрной своимъ бунтарскимъ воззрѣніямъ. Она отстаивала наиболѣе крайніе и активныя пріемы: открытыя нападенія на должностныхъ лицъ, разбиваніе мебели, дверей и т. п. Но, будучи прекраснымъ товарищемъ, Марья Павловна, хотя и скрѣпя сердце, присоединялась къ избранному большинствомъ пассивнымъ пріемамъ протеста,—къ голодовкамъ, бойкотамъ и пр.

Съ момента ареста въ Кіевѣ, во все время пути по Сибири и по прибытіи на Кару, у Ковалевской нерѣдко происходили крупныя и мелкія столкновенія съ администраціею. За одну подобнаго рода тюремную исторію ее и еще трехъ ея подругъ— Елизавету Ковальскую, Софью Богомолецъ и Елену Россикову—перевели изъ Кары въ Иркутскій замокъ. Въ послѣднемъ незадолго до нашего прибытія всѣ онѣ изъ-за столкновенія съ полиціимейстеромъ выдержали многодневную голодовку, довед-

шую ихъ до полнаго почти истощенія. Только послѣ объявленія врача, что едва ли голодающія женщины проживутъ наступившія сутки, генераль-губернаторъ уступилъ просьбамъ представителей общества и приказалъ исполнить требованія женщинъ. Въ этой тюремной исторіи, какъ и въ другихъ, о которыхъ мнѣ придется ниже сообщать, Марья Павловна играла одну изъ первыхъ ролей.

Иркутскій тюремный замокъ въ описываемое время такъ же, какъ и Кіевскій, былъ знаменитъ разными трагическими происшествіями и побѣгами политическихъ ссыльныхъ. Путемъ подкопа изъ него бѣжали въ февралѣ 1880 г. восемь каторжанъ, шедшихъ на Кару: Березнюкъ—безсрочный, Волошенко, осужденный на 10 л., Иванченко—14 л. 10 м., Александръ Каложный—10 л., Ник. Позенъ на 14 л. 10 м., Попко—безсрочный, Фомичевъ—тоже и Николай Яцевичъ—на 10 л. Всѣ эти лица, вслѣдствіе плохой организаціи и ничтожной помощи, оказанной имъ находившимися на волѣ товарищами, были вскорѣ пойманы, и за эту неудачную попытку безсрочныхъ приковали къ тачкамъ, всѣмъ же остальнымъ значительно увеличили сроки пребыванія на каторгѣ. Кромѣ этихъ лицъ, изъ Иркутскаго же замка бѣжали Софья Богомолецъ и Елиз. Ковальская, но и онѣ также были вновь арестованы. Затѣмъ Е. Ковальской вторично удалось бѣжать оттуда же и, спустя мѣсяцъ или два, она снова была взята.

Видѣлъ иркутскій замокъ и двѣ казни: за нечаянное убійство въ запальчивости надзирателя въ 1881 году былъ казненъ шедшій чрезъ Иркутскъ административно-ссылный Легкій, а черезъ два года казненъ былъ сидѣвшій подлѣ слѣдствіемъ учителя мѣстной гимназіи Неустровъ за данную имъ поощину генераль-губернатору Анучину, при посѣщеніи послѣднимъ тюрьмы. Кромѣ того, безсрочнаго каторжанина Щедрина, также за поощину, нанесенную имъ тамъ же чиновнику Соловьеву, приговорили къ смертной казни, которую затѣмъ замѣнили прикованіемъ къ тачкѣ. Съ послѣдней его впоследствии повезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ, какъ извѣстно, онъ сошелъ съ ума.

Приведенными происшествіями далеко не исчерпывается печальная исторія иркутской тюрьмы. Но, какъ и въ кіевской,

несмотря на все прошлое, въ ней въ описываемое мною время было свободнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ тюрьмахъ. Такъ, лишь только мы очутились въ камерѣ, какъ я немедленно же могъ вступить въ переговоры съ сидѣвшими въ этомъ замкѣ перечисленными выше каторжанками. Для этого я влѣзъ на окно и позвалъ Ковалевскую, камера которой приходилась надъ нашей. Она тотчасъ откликнулась и съ этихъ поръ, въ теченіе недѣли, проведенной нами въ Иркутскѣ, мы часто и подолгу бесѣдовали съ нею и ея подругами. Днемъ намъ удавалось также и лично видѣться со всѣми во время прогулокъ.

До этого мы не видѣлись съ Марьей Павловной Ковалевской восемь лѣтъ. Все пережитое ею въ эти годы вызвало глубокое къ ней соболѣзнованіе. Одинъ внѣшній видъ ея, вполне напоминавшій поговорку: «краше въ гробъ кладутъ», внушалъ безконечную жалость. Крайне слабая и изнуренная многолѣтней тюрьмой, Ковалевская сумѣла, однако, сохранить ту же силу характера, тѣ же нравственныя качества, какими она видѣялась на волѣ. Это была та же рѣшительная, непреклонная, ни передъ чѣмъ неостанавливавшаяся женщина, какую мы знали въ южномъ нашемъ кружкѣ. Такая живучесть, постоянство и энергія, несмотря на все пережитое ею, внушали расположеніе и уваженіе къ ней даже должностнымъ лицамъ.

Перескакивая съ предмета на предметъ, какъ это всегда бываетъ при встрѣчахъ старыхъ знакомыхъ, прерывая воспоминанія теоретическими спорами и отъ грустныхъ темъ переходя къ добродушнымъ шуткамъ и острогамъ, мы оба какъ бы торопились вдоволь наговориться, зная, что впереди намъ предстоитъ разлука на многіе годы, а то и навсегда. Въ этихъ бесѣдахъ Марья Павловна проявлялась цѣликомъ, съ присущимъ ей кипучимъ темпераментомъ, серьезнымъ и развитымъ умомъ и удивительной отзывчивостью. Ее чрезвычайно интересовало все, происходившее на волѣ и касавшееся общественнаго движенія въ Россіи и на западѣ. При этомъ она умѣла распрашивать своего собесѣдника и извлекать изъ каждаго наиболѣе существенное и извѣстное ему. Меня она заставила подробно рассказать ей о европейскомъ рабочемъ движеніи и, вообще, изложить свои впечатлѣнія о западно-европейской жизни. При этомъ у насъ, конечно, завязывались продолжительныя и горячіе

споры, продолжавшіеся за полночь. Признавая, въ общемъ, преимущества европейскаго соціального строя, она, однако, находила въ немъ многое несимпатичнымъ, по сравненію съ Россіей, а тамошніе, напр., тюремные порядки вызывали въ ней глубокое возмущеніе. По своимъ воззрѣніямъ Ковалевская оставалась все той же бунтаркой, какой была на волѣ. Да оно и вполне понятно: все ея прошлое протекло въ тотъ именно періодъ нашего революціоннаго движенія, когда это направленіе было господствующимъ, по крайней мѣрѣ, на югѣ и не появлялось никакого намека на критику его. Кромѣ того, «бунтарство», задававшееся, какъ извѣстно, цѣлью возбуждать народъ, вѣрнѣе—крестьянство къ активнымъ протестамъ,—бунтамъ, на почвѣ мѣстнаго недовольства,—болѣе всего соответствовало выпучему, неподчинявшемуся никакимъ рамкамъ и дисциплинѣ характеру Ковалевской.

Очень много общаго съ Марьей Павловной имѣла сидѣвшая въ то время въ иркутскомъ замкѣ Софья Николаевна Богомолецъ. Дочь богатаго помѣщика Полтавской губ., урожденная Присѣцкая, Софья Николаевна, по окончаніи кievской гимназіи, поступила на медицинскіе курсы въ Петербургѣ; затѣмъ она вышла замужъ за врача и такъ же, какъ Ковалевская, примкнула къ революціонному движенію на югѣ. Въ 1880 г. она была арестована и привлечена къ дѣлу, такъ называемаго, южно-русскаго рабочаго союза. Въ числѣ другихъ обвиняемыхъ, военный судъ, состоявшійся въ Кіевѣ, приговорилъ С. Богомолецъ къ 10 г. каторжныхъ работъ. Сверхъ того, за упомянутый выше побѣгъ ей было прибавлено еще 5 лѣтъ, затѣмъ за столкнове- ніе съ администраціею она получила еще одинъ годъ, съ переводомъ въ разрядъ испытуемыхъ на весь срокъ, что, какъ я ниже объясню, значительно увеличивало время ея пребыванія на каторгѣ.

Какъ и Марья Павловна, С. Богомолецъ была яркой бунтаркой не только по убѣжденіямъ, но и по темпераменту: все время ея пребыванія на каторгѣ—около 10 л.—прошло не только въ непримиримой, но въ отчаянной борьбѣ со всякаго рода начальствомъ. Въ этомъ отношеніи С. Богомолецъ шла еще значительно дальше своей подруги: между тѣмъ какъ М. Ковалевская возставала лишь противъ всякаго рода насилій, Софья

Николаевна въ каждомъ чиновникѣ видѣла политическаго врага, простой разговоръ съ которымъ она считала уже непозволительнымъ опортунизмомъ. Она видѣла отступленіе отъ революціонныхъ принциповъ въ такихъ, напр., актахъ, какъ допущеніе обыскивать себя безъ сопротивленія. Малѣйшій компромисъ, на каковой поневолѣ принужденъ идти всякій заключенный, С. Богомолецъ считала малодушіемъ и преступленіемъ. Сама она ничему не подчинялась и ничего не боялась. Нисколько не заботясь не только о своемъ здоровьѣ, но и о жизни, Софья Николаевна рѣшительными приемами поведенія прямо держала въ страхѣ разнаго рода должностныхъ лицъ, такъ какъ они вполне убѣдились, что ее нельзя обуздать никакими наказаніями. Самымъ близкимъ, вѣрнѣе даже—единственнымъ ея другомъ была Елена Россикова, несмотря на большую разницу въ ихъ возрастахъ: С. Богомолецъ было тогда около 30 лѣтъ, а Россиковой далеко перевалило за сорокъ. Последняя въ концѣ 70-хъ гг. приобрѣла у насъ довольно большую извѣстность.

Весной 1879 г. въ г. Херсонѣ обнаружена была кража изъ мѣстнаго казначейства 1.500.000 руб., путемъ подкупа изъ сосѣдняго дома. Полиція вскорѣ нашла на слѣдъ, и по дорогѣ въ одну изъ окрестныхъ деревень нашла женщину, которая везла что-то въ мѣшкахъ, находившихся на крестьянской телѣгѣ. Женщина эта оказалась женой управляющаго однимъ крупнымъ имѣніемъ на югѣ, Еленой Россиковой, а въ мѣшкахъ полиція нашла 1.000.000 руб. Спустя нѣкоторое время найдены были, за вычетомъ 10 тыс. руб., и остальные деньги. Главными организаторами этого небывалаго у насъ предпріятія оказались Федоръ Юрковскій и Ел. Россикова. Они затѣяли похищеніе денегъ для революціонныхъ цѣлей. Состоявшійся въ Одессѣ военный судъ приговорилъ Россикову къ безсрочной каторгѣ, послѣ чего ее отправили на Кару. Но, какъ я уже упоминалъ за столкнове- ніе съ комендантомъ, ее, вмѣстѣ съ тремя подругами, въ видѣ наказанія, перевели оттуда въ иркутскій замокъ. На каторгѣ Россикова тоже все время вела безпощадную борьбу и, какъ Ковалевская и Богомолецъ, также ни предъ чѣмъ не останавливалась, никого и ничего не боялась.

Наконечъ, четвертой узницей въ иркутскомъ замкѣ была Марія Кутитонская. По окончаніи одесскаго института, она

также примкнула къ революціонному движенію на югѣ въ срединѣ 70-хъ годовъ, а лѣтомъ 1879 г. была арестована и привлечена по дѣлу Чубарова, Лизогуба и др. къ военному суду, который приговорилъ ее къ 4 г. каторжныхъ работъ. По окончаніи этого срока на Карѣ, Кутитонскую отправили на поселеніе въ городокъ Акшу (Забайк. Обл.). Но недолго пользовалась она относительной свободой. На Карѣ въ 1882 г. нѣкоторыми заключенными сдѣлана была попытка бѣжать изъ тюрьмы, что вызвало чрезвычайныя репрессіи, — объ этомъ подробнѣе сообщу ниже. Когда слухъ о всемъ перенесенномъ карійскими товарищами дошелъ до Кутитонской, она рѣшила отомстить главному виновнику расправы надъ заключенными, — забайкальскому губернатору Ильяшевичу. Безъ разрѣшенія она уѣхала изъ Акши въ Читу и здѣсь, явившись къ губернатору на квартиру, выстрѣлила въ него, но не причинила ему никакого вреда. Тѣмъ не менѣе, военный судъ приговорилъ ее къ смертной казни, которая затѣмъ замѣнена была безсрочной каторгой.

Стройная, изящная блондинка, съ мягкими, добрыми чертами лица, Марія Кутитонская располагала къ себѣ съ перваго взгляда. Массу физическихъ лишеній и нравственныхъ страданій пришлось ей перенести, пока она находилась въ предварительномъ заключеніи по дѣлу о покушеніи на губернатора: все время ее держали въ темномъ и сыромъ помѣщеніи на карцерномъ положеніи, т. е. на одномъ хлѣбѣ и водѣ. Уголовные арестанты, бывшіе въ той же тюрьмѣ, прониклись къ бѣдной узницѣ большой симпатіей; они, по ея разсказу, называли ее «Купидонской», что дѣйствительно шло къ ней. Съ большимъ для себя рискомъ, уголовные пробирались въ то зданіе, гдѣ ее содержали, и, урывая отъ своихъ скудныхъ средствъ, снабжали ее кое-чѣмъ съѣтнымъ. Если бы не эта помощь, Кутитонская, вѣроятно, не дожила бы и до суда. Ужасный режимъ крайне губительно отозвался на ея здоровьѣ: Кутитонская получила болѣзнь легкихъ, отъ которой и скончалась въ Иркутскомъ замкѣ (въ 1887 г.).

Отъ этихъ узницъ мы отчасти узнали о карійской жизни. Но онѣ знали, главнымъ образомъ, свою женскую тюрьму; къ тому же ихъ давно уже увезли съ Кары, а съ тѣхъ поръ тамъ

многое измѣнилось. Болѣе обстоятельно ознакомилъ насъ съ предстоявшей жизнью встрѣтившійся намъ тамъ же Фердинандъ Люстигъ. Когда-то онъ былъ артиллерійскимъ офицеромъ, но вышелъ въ отставку и поступилъ въ петербургскій технологическій институтъ; онъ былъ уже на IV курсѣ; применивъ къ народовольческому направленію, былъ арестованъ и привлеченъ по процессу 20-ти¹⁾; его приговорили къ 4 г. каторжныхъ работъ. Когда мы съ нимъ встрѣтились въ иркутской тюрьмѣ, онъ, отбывъ свой срокъ, шелъ на поселеніе. Его сообщенія о матеріальныхъ условіяхъ лицъ, находившихся на Карѣ, а также свѣдѣнія о комендантѣ, завѣдывавшемъ политическими каторжанами, жандармскомъ ротмистрѣ Николинѣ были очень не веселаго характера.

Въ Иркутскѣ отъ насъ отстали семь человекъ: Малеванный и Варвара Шулепникова, ушедшіе въ г. Киренскъ; Иорданъ и Рубинокъ, отправленные въ Якутскую область; Л. Чемоданова, Васильевъ и Дашкевичъ, поселенные въ деревнѣ Тункѣ (Иркут. губ.). Такимъ образомъ, за Байкаль насъ отправилось только четверо; я, Чуйковъ и М. Калужная, шедшіе на каторгу и административно-ссылавшіеся въ Забайкальскую область Е. Лазаревъ. Мы тронулись въ путь, вмѣстѣ съ уголовной партією въ концѣ сентября. До конечнаго пункта на Карѣ намъ, каторжанамъ, оставалось еще болѣе 1200 верстъ, и на этотъ переходъ нужно было употребить еще около двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Между тѣмъ уже наступали холода и изъ Лиственничной чрезъ два дня уходилъ послѣдній пароходъ, перевозившій арестантовъ чрезъ озеро Байкаль. Опоздай мы къ этому сроку, намъ пришлось бы зимовать въ иркутской тюрьмѣ.

ГЛАВА XVIII.

Отъ Байкала до Кары.

Была сухая осень. Бурный Байкаль отнесся къ намъ довольно благосклонно. На расположенной на противоположномъ

¹⁾ Проц. Михайлова, Александра Суханова и др. разбирался въ Петербургѣ лѣтомъ 1882 г.

берегу озера станціи Мысовой мы должны были переночевать. Когда камера наша была уже заперта на ночь, вдруг раздался шумъ отпиравшагося замка, и затѣмъ вошла молодая женщина, въ которой я вскорѣ узналъ Софью Иванову. Подобно Перовской, Фигнеръ и другимъ выдающимся женщинамъ 70 годовъ, Софья Иванова, послѣ распаденія общества «Земля и Воля», примкнула осенью 1879 г. къ вновь образовавшейся организации «Народная Воля». Съ этимъ интереснѣйшимъ моментомъ нашего революціоннаго движенія совпадаетъ и мое знакомство съ С. Ивановой, какъ и со многими другими сторонниками террористической фракціи. Въ январѣ 1880 г., какъ извѣстно, С. Иванова была арестована въ Петербургѣ въ тайной типографіи, въ которой печаталась газета «Народная Воля». Въ время ареста она и четверо ея товарищей оказали жандармамъ вооруженное сопротивление. Привлеченная къ суду въ 1880 г. по процессу Александра Квятковскаго, Прѣснякова, Зунделевича и др., С. Иванова была приговорена къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ. Въ описываемое мною время она, отбывъ свой срокъ, шла на поселеніе въ г. Киренскъ Иркутс. губ. Мы очень обрадовались этой неожиданной встрѣчѣ; но, къ сожалѣнію, наше свиданіе было непродолжительно, такъ какъ С. Ивановой нужно было отправиться черезъ Байкальскъ съ тѣмъ же пароходомъ, который насъ привезъ, а это должно было случиться черезъ полчаса. Наскорю передавъ другъ другу нѣкоторыя наиболѣе интересныя свѣдѣнія изъ собственной жизни и объ общихъ нашихъ друзьяхъ, мы надолго простились съ ней, — послѣ этого мимолетнаго свиданія на берегу Байкальскаго озера мы больше уже не видѣлись.

Спустя нѣсколько дней, по выходѣ изъ Иркутска, партія наша прибыла въ Верхнеудинскъ — первый городъ по ту сторону Байкала. Какъ и во всей Сибири, мѣстная тюрьма была тѣсна и вся переполнена уголовными арестантами. Зная это, сопровождавшій нашу партію фельдфебель¹⁾ провелъ насъ, четырехъ, въ полицейское правленіе. Время было уже послѣ присутствія, когда всѣ служащіе разошлись по домамъ. Тогда фельд-

¹⁾ Вездѣ за Байкаломъ партіи вели не офицеры, а фельдфебеля или унтеръ-офицеры.

фебель просто оставилъ насъ въ канцеляріи, а самъ отправился розыскивать кого-нибудь изъ начальства. Помѣщеніе, въ которомъ мы остались, никѣмъ не охранялось, къ тому же входная дверь была открыта, и въ окнахъ не было рѣшетокъ. Свободно расхаживая по улицѣ, мы сами удивлялись патриархальности такихъ нравовъ; не представляло ни малѣйшаго труда уйти изъ канцеляріи, не будучи никѣмъ замѣченнымъ. Но, какъ я уже выше сообщалъ, наибольшей трудностью въ описываемое время было скрыться отъ начинавшихся розысковъ послѣ побѣга политическаго ссыльнаго. Елиз. Ковальская дважды удачно убѣгала изъ Иркутской тюрьмы, и каждый разъ ее вновь арестовали. То же, какъ я сообщалъ, случалось со всѣми другими бѣглецами въ описываемое время. Если такъ трудно было скрыться, имѣя нѣкоторыя связи и помощь извнѣ, то совершенно нелѣпо было-бы бѣжать намъ, не имѣя ни средствъ, ни знакомыхъ въ Верхнеудинскѣ, небольшомъ городкѣ, всѣ жители котораго были на виду. Мнѣ пріятно было видѣть отсутствіе конвойныхъ и всякихъ заповорѣвъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось какъ-бы недовольство, зачѣмъ намъ предоставлена такая свобода, для чего подвергаютъ насъ соблазну.

Въ Верхнеудинскѣ мы нашли шедшаго съ Кары на поселеніе Стеблинъ-Каменскаго съ добровольно слѣдовавшей за нимъ женой. Какъ извѣстно, онъ судился въ Кіевѣ въ 1879 г. вмѣстѣ съ Маріей Ковалевской и другими лицами за оказанное при арестѣ вооруженное сопротивление и былъ приговоренъ къ десяти годамъ каторжныхъ работъ. Здѣсь скажу уже, что впоследствии, проживъ много лѣтъ въ Якутской области, Каменскій получилъ право поселиться въ г. Иркутскѣ, гдѣ покончилъ самоубійствомъ. Когда мы встрѣтили К. и его жену въ Верхнеудинскѣ, онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе вполне сохранившагося, нисколько не надломленнаго человѣка. Его рассказы о карійской жизни, о господствовавшихъ среди тамошнихъ нашихъ товарищей обычаяхъ и нравахъ были полны добродушнаго юмора. Отъ него, какъ и отъ другихъ встрѣчавшихся намъ затѣмъ лицъ, шедшихъ съ Кары на поселеніе, мы узнавали все болѣе и болѣе подробностей о характерѣ коменданта Николаина. По единодушному отзыву всѣхъ, это былъ злой и хитрый жандармъ,

вѣчно употреблявшій новыя приемы, чтобы повредить политическимъ и ухудшить ихъ положеніе.

Всего на пути отъ Иркутска до Кары мы встрѣтили десять человѣкъ, шедшихъ на поселеніе. Многие годы, проведенныя большинствомъ изъ нихъ въ стѣнахъ тюрьмы, много вынесшихъ, наложили на нихъ свой тяжелый отпечатокъ: въ голосахъ у нѣкоторыхъ слышались грустныя ноты, на лицахъ видны были складки морщинъ, а кое у кого имѣлась уже и значительныхъ размѣровъ лысина, хотя всѣ эти лица были лишь въ возрастѣ отъ 25 до 35 лѣтъ. Но, за исключеніемъ одного-двухъ изъ шедшихъ на поселеніе и обнаружившихъ въ разговорахъ съ нами нѣкоторую надломленность, всѣ остальные, наоборотъ, производили впечатлѣніе людей, хотя и много вынесшихъ, но бодрыхъ, не потерявшихъ вѣры въ общее дѣло, не разочаровавшихся ни въ немъ, ни въ людяхъ. Почти всѣ возвращавшіеся съ большой нѣжностью и грустью вспоминали о многихъ изъ оставшихся въ карійской тюрьмѣ товарищахъ и выражали сожалѣніе, что имъ, быть можетъ, пришлось навсегда разстаться съ ними. Рѣдко кто изъ этихъ лицъ обманывалъ себя надеждой на счетъ будущаго. Предвидя долгіе годы пребыванія въ какихъ-нибудь глухихъ, безлюдныхъ захолустьяхъ Сибири, съ предстоящими тамъ лишеніями и матеріальной нуждой, иной съ грустью высказывалъ опасеніе, что въ будущемъ ему придется пожалѣть и о времени, праведномъ въ тюрьмѣ. Но сколько привлекательной ни рисовалось имъ жизнь на поселеніи, многие изъ нихъ все же замѣтно рады были, что они идутъ «на волю». Ограниченная для политическихъ ссыльныхъ разными стѣсненіями и запрещеніями, эта «воля» представляла и нѣкоторыя преимущества предъ тюрьмой.

Наиболѣе бодрое впечатлѣніе произвелъ на меня Ив. Кашищевъ, бывшій студентъ харьковскаго университета. вмѣстѣ съ С. Богомолецъ онъ судился въ Кіевѣ по процессу южно-русскаго рабочаго союза и былъ приговоренъ къ десяти годамъ каторжныхъ работъ, но по манифесту 1883 г. срокъ этотъ былъ ему сокращенъ на одну треть, что не помѣшало, однако, сослать его на поселеніе въ Якутскую область. При встрѣчѣ на какомъ-то этапѣ, онъ передалъ мнѣ, что непремѣнно убѣ-

жить и, какъ впоследствии оказалось, дѣйствительно осуществилъ свое намѣреніе. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ за границей.

Какъ ни томительно долго длилось тогда шестіе лицъ, отправляемыхъ въ Сибирь, но еще неизмѣнно медленно двигались возвращавшіеся съ Кары на поселеніе. На каждомъ этапѣ имъ приходилось дожидаться по недѣлѣ конвоя; поэтому, въ среднемъ, на пути отъ Кары до Иркутска едва-ли они дѣлали тогда болѣе пяти-шести верстъ въ день!

Какъ я уже сообщалъ, чѣмъ далѣе мы двигались на востокъ, тѣмъ отношеніе всякаго рода начальства къ намъ, политическимъ и къ уголовнымъ, становилось все патріархальнѣе, и за строгимъ выполненіемъ инструкцій никто не слѣдилъ. Нагляднымъ доказательствомъ такого отношенія можетъ служить такой случай: на одномъ этапѣ въ Забайкальѣ у меня украли кандалы, которые лежали въ моемъ мѣшкѣ вмѣстѣ съ другими, отчасти казенными, отчасти своими вещами. Объ этой пропажѣ я счелъ нужнымъ заявить офицеру, предполагая, что онъ хоть чѣмъ-нибудь выразитъ свое отношеніе къ тому, что кандалы, вмѣсто того, чтобы находиться на моихъ ногахъ, перевозились мною въ мѣшкѣ; но офицеръ, оказалось, отнесся къ этому факту, какъ къ вполне нормальному: онъ больше сожалѣлъ объ украденныхъ сапогахъ и другихъ моихъ собственныхъ вещахъ, чѣмъ о кандалахъ и, вообще, казенномъ имуществѣ.

— Какъ же мнѣ теперь быть? — спросилъ я его: — вѣдь, когда я приду на Кару, у меня могутъ потребовать кандалы?

— Это вѣрно, — воскликнулъ онъ, — погодите, кажется, у меня гдѣ-то валяются кандалы, — вспомнилъ онъ затѣмъ и, позвавъ фельдфебеля, приказалъ ему розыскать ихъ.

— Теперь слѣдите же за ними внимательнѣе, — сказалъ онъ, когда, получивъ новые кандалы, я на его глазахъ опять спряталъ ихъ среди своихъ вещей.

Наступила зима, а съ нею пошли жестокіе сибирскіе морозы. Мы перевалили черезъ Яблоновыя хребты и приближались къ главному городу Забайкальской области — Читѣ. Вотъ мы на послѣднемъ полу-этапѣ. Въ камерѣ уголовныхъ всю ночь странное, необычайное движеніе: поминутно къ нимъ заходятъ фельдфебель и конвойные солдаты, они что-то вносятъ и выносятъ. На слѣдующій день разъяснилось, въ чемъ дѣло.

Несмотря на то, что оставшийся до Читы станокъ былъ громадный,—если память мнѣ не измѣняетъ, болѣе 40 верстъ,—партія вышла съ полэтапа позже обычнаго времени. На полдорогѣ стояла, такъ-называемая, въ Сибири «заимка», т. е. одинокая изба со службами. Изъ разсказовъ встрѣчавшихся намъ товарищей, шедшихъ съ Кары, мы знали, что «заимка» эта принадлежала какому-то старику, который выдавалъ себя за декабриста. Тамъ партія расположилась на отдыхъ. Насъ четырехъ ввели въ отдѣльную, чистую комнату, куда вскорѣ пришелъ высокій, плотный и еще очень бодрый старикъ представительной наружности. Онъ и намъ отрекомендовался декабристомъ Караваевымъ. По его словамъ, въ качествѣ корнета гвардейскаго кавалерійскаго полка, онъ привлекался по дѣлу 14 декабря и былъ приговоренъ на поселеніе въ Сибирь; ему, слѣдовательно, должно было быть около 80 лѣтъ, но на видъ нельзя было дать ему и 70. За угощеніе онъ отказался взять съ насъ плату. Между тѣмъ въ сосѣднемъ помѣщеніи шелъ какой-то торгъ и кутежъ. Не знаю, дѣйствительно-ли Караваевъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ декабристамъ. Сомнѣваюсь тѣмъ болѣе, что, насколько помню, такой фамиліи нѣтъ въ спискѣ привлекавшихся по дѣлу 14 декабря. Какъ бы тамъ ни было, но въ указанное мною время этотъ господинъ занимался совсемъ недостойнымъ дѣломъ.

Былъ уже вечеръ, когда наша партія столпилась у воротъ читинской тюрьмы. Медленно шелъ процессъ приѣма арестантовъ и провѣрка выданныхъ имъ казенныхъ вещей. Морозъ, между тѣмъ, все крѣпчалъ. Вездѣ по пути, на этапахъ и въ тюрьмахъ насъ, политическихъ, всегда принимали первыми, не провѣряя вещей, такъ какъ всѣ должностныя лица прекрасно знали, что мы не пропивали и не проигрывали казеннаго имущества. Но о смотрителѣ мѣстной тюрьмы среди нашихъ шла молва, что онъ ненавидитъ политическихъ ссыльныхъ и считаетъ ихъ хуже всякихъ закоренѣлыхъ уголовныхъ преступниковъ. Скоро и мы въ этомъ убѣдились: онъ продолжалъ приѣмку арестантовъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ насъ и заставляя насъ, такимъ образомъ, мерзнуть на улицѣ. Мы, наконецъ, обратились къ нему съ предложеніемъ, чтобы онъ насъ поскорѣе отпустилъ, такъ какъ насъ всего четверо и вещи у

насъ въ порядкѣ. Но онъ заявилъ, что приметъ сперва уголовныхъ, а это должно было закончиться очень не скоро. Мы рѣшительно запротестовали, и онъ принужденъ былъ уступить. Изъ ненависти къ политическимъ онъ старался также помѣщать ихъ въ самой северной, какая только имѣлась въ этой тюрьмѣ, камерѣ. Отведенная намъ камера оказалась невозможной, давно нетопленной и неимоვნю грязной. Мы отказались расположиться въ ней и вышли во дворъ, требуя, чтобы намъ дали лучшее помѣщеніе. Но смотритель не обратилъ на это никакого вниманія, хотя стоялъ жестокой морозъ. Только поздно ночью, убѣдившись, что мы не войдемъ въ камеру, онъ уступилъ нашему требованію и отвелъ намъ хорошую камеру.

Между тѣмъ, черезъ сутки, когда партія уголовныхъ вновь должна была отправиться въ дальнѣйшій путь, у большинства арестантовъ не оказалось казенныхъ вещей. Только тогда мы поняли, что означало замѣченное нами среди уголовныхъ и конвоя оживленіе, происходившее на послѣднемъ предъ Читой полу-этапѣ и чѣмъ объяснялся кутежъ на заимкѣ сомнительнаго «декабриста». Состоя, повидимому, въ сговорѣ съ конвоемъ, Караваевъ, конечно за безцѣнокъ, приобрѣталъ отъ арестантовъ казенныя вещи, а полученные послѣдними отъ него деньги тутъ же ими пропивались. Для предъявленія при провѣркѣ вещей въ Читѣ, фельдфебель, вѣроятно, при содѣйствіи Караваева, снабжалъ уголовныхъ разнымъ тряпьемъ, но, чтобы это не обнаружилось при приѣмѣ партіи, онъ и старался привести ее въ городъ вечеромъ, что казалось вполне естественнымъ въ виду большого разстоянія отъ послѣдняго полу-этапа. Вслѣдствіе холода и поздняго времени, тюремное начальство тщательно провѣряло вещи только у стоявшихъ первыми по списку, у остальныхъ же онѣ осматривались поверхностно. Словомъ, Караваевъ, повидимому, не просто поселился на тракту въ одинокой заимкѣ. Въ Читѣ арестантовъ за отсутствіе у нихъ одежды подвергли тѣлесному наказанію и затѣмъ имъ была выдана новая.

Я, Чуйковъ и Калюжная рѣшили остаться въ этомъ городѣ на двѣ недѣли, чтобы отдохнуть отъ продолжительнаго и тяжелаго путешествія: со времени выхода изъ Иркутска прошло уже около шести недѣль; морозы съ каждымъ днемъ все крѣп-

чали, и мы чувствовали большую усталость. Къ тому же, впереди насъ ждало заключеніе въ стѣнахъ тюрьмы въ теченіе многихъ лѣтъ, а въ Читѣ мы, какъ находившіеся въ пути, пользовались нѣкоторыми льготами. Тамъ въ то время жили, въ качествѣ поселенцевъ, наши товарищи, бывшіе карійцы, и отъ нихъ мы могли узнавать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Чтобы остаться въ Читѣ до слѣдующей партіи, требовалось разрѣшеніе врача, но намъ нетрудно было получить его, такъ какъ у каждаго оказался какой-нибудь недугъ.

Въ послѣднихъ числахъ ноября мы отправились въ дальнѣйшій путь, на этотъ разъ при семейной арестантской партіи. За городомъ насъ встрѣтили три товарища, жившіе въ Читѣ и проводившіе насъ нѣсколько верстъ. Зима была безснѣжная, поэтому весь путь по Забайкалью намъ пришлось ѣхать на немомѣрно тряской двуколескѣ. Члены коченѣли отъ жестокаго холода, несмотря на то, что мы натягивали на себя всю имѣвшуюся у насъ теплую, полученную отъ казны, одежду, такъ что съ трудомъ могли въ ней двигаться. Чтобы не замерзнуть, приходилось, соскакивая съ двуколески, пробѣжать нѣкоторое пространство. Тяжело было смотрѣть на несчастныхъ арестантовъ и ихъ женъ, а особенно на ребятшекъ, находившихся при родителяхъ. Немногимъ лучше бывало на этапахъ и полутапахъ, такъ какъ и тамъ не скоро по приходѣ удавалось согрѣться, потому что эти зданія мы, въ большинствѣ случаевъ, находили давно нетопленными. Въ этихъ случаяхъ голодные и утомленные арестанты принимались за рубку и колку дровъ. Затопленные печи, случалось, дымили. Жутко, холодно и неприятно бывало на этапахъ зимой, еще хуже, чѣмъ лѣтомъ. Въ описываемое время не вездѣ въ Забайкальѣ имѣлись достаточныхъ размѣровъ казенныя зданія для арестантовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не бывало таковыхъ. Въ этихъ случаяхъ насъ троицъ, а то и всю партію, размѣщали въ крестьянскихъ избахъ. Мы всегда бывали рады такимъ пристанищамъ,—даже самая простая хата казалась чуть не дворцомъ. Помню, мы вслухъ высказывали желаніе, чтобы и въ будущемъ мы могли пользоваться такимъ «комфортабельнымъ» жилищемъ. Оставаясь на ночь, а то и на двѣ у крестьянъ, мы

вступали въ бесѣды съ ними и приходившими къ нимъ сосѣдями; такимъ образомъ, мы знакомились съ мѣстными жителями и ихъ бытомъ.

Однажды, не доѣзжая Нерчинска—послѣдняго города, черезъ который намъ предстояло пройти, я увидѣлъ какъ молодой конвойный солдатъ жестоко бьетъ прикладомъ жалкаго на видъ старика-арестанта, примостившагося на двуколескѣ, на которой лежалъ багажъ. Остановивъ эту расправу, я изъ разспросовъ обоихъ узналъ, что солдатъ самъ хотѣлъ сѣсть на эту подводу. Я закричалъ на него и рассказалъ объ его расправѣ фельдфебелю, пригрозивъ послѣднему пожаловаться въ Нерчинскъ пачальству на распущенность конвоя. Проходя на слѣдующій день по городу, по направленію къ тюрьмѣ, я направился въ колбасную. Позади меня раздался окрикъ: «куда? зачѣмъ?» Оглянувшись, я увидѣлъ того самого солдата, который билъ арестанта. Онъ послѣдовалъ за мною въ колбасную. Фельдфебеля въ этотъ моментъ не было при партіи: я видѣлъ, какъ онъ уѣхалъ впередъ съ подрядчикомъ, доставлявшимъ подводы, и нагналъ онъ насъ уже у самыхъ воротъ тюрьмы,—надо полагать, что онъ въ это время угощался. Когда смотритель тюрьмы сталъ принимать насъ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ заявленіемъ, что на меня у него имѣется жалоба отъ «конвойнаго начальника», то-есть отъ фельдфебеля за то, что я «въ пути самовольно выходилъ изъ цѣпи и оскорбилъ конвопра». Я совсѣмъ, было, забылъ про свою угрозу пожаловаться на конвойнаго за избіеніе арестанта; фельдфебель же помнилъ это и самъ забѣжалъ впередъ съ своей жалобой на меня. Хотя въ пути совершались и не такія ничтожныя нарушенія инструкціи, какъ выходъ изъ цѣпи, но разъ до вышшаго начальства дошла бы жалоба на меня старшаго конвопра, могла бы выйти крайне неприятная для меня исторія. Поэтому, я на словахъ объявилъ смотрителю, какъ происходило дѣло и рѣшилъ письменно изложить все случившееся для отсылки губернатору.

Въ Нерчинскѣ меня съ Чуйковымъ помѣстили въ мужской тюрьмѣ, а для М. Калюжной смотритель отвелъ небольшую комнатку, находившуюся при кордегардіи. Въ описываемое мною время я прошелъ уже большую часть Сибири и успѣлъ

познакомиться въ ней со всевозможными мѣстами заключенія, но тюрьмы, аналогичной нерчинской, мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть. Слабо освѣщенный тускло горѣвшей лампой коридоръ сплошь былъ покрытъ людьми въ рубищахъ и совершенно голыми. Камеры, съ нарами въ два яруса, также были переполнены арестантами, лежавшими плечо къ плечу въ грязи и слякоти. Чтобы пройти въ предназначавшуюся намъ, сообщая съ «привилегированными» уголовными, камеру, находившуюся въ концѣ коридора, мы съ Чуйковымъ должны были буквально переступать черезъ покрывавшія полъ полуобнаженные и совѣмъ голыя тѣла. Тяжелый воздухъ, обусловливаемый чрезмѣрнымъ скопленіемъ людей, усиливался еще вонью, исходявшею изъ огромныхъ кадокъ-парашъ: онѣ стояли совершенно открытыми и кругомъ нихъ были лужи, въ которыя арестанты ступали босыми ногами и затѣмъ разносили вонючую жидкость по коридору и по камерамъ. При такой обстановкѣ въ разныхъ концахъ сидѣли на полу и на нарахъ кучки людей и, при тускломъ свѣтѣ огарковъ, съ азартомъ играли въ карты. Кругомъ стоялъ неимоверный шумъ. Все вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе ужаснаго вертепа.

Въ камерѣ «привилегированныхъ», куда мы добрались безъ нѣкоторыхъ усилій, была нѣсколько меньшая тѣснота. Тамъ мы нашли расположившимися на полу двухъ товарищей, шедшихъ съ Кары на поселеніе—Чикоидзе и Л. Цукермана. Потѣнившись, они дали возможность и мнѣ съ Чуйковымъ кое-какъ устроиться около нихъ. Встрѣчѣ съ Цукерманомъ я былъ особенно радъ. Я зналъ его еще на волѣ, въ Швейцаріи, куда, насколько помню, онъ пришелъ изъ Берлина пѣшкомъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Проработавъ въ Женевѣ въ типографіи «Общины», онъ лѣтомъ въ 1879 г. отправился нелегально въ Петербургъ. Это было въ періодъ происходившаго тогда раскола среди членовъ общества «Земля и Воля». Примкнувъ къ лицамъ, основавшимъ вскорѣ типографію «Народной Воли», Цукерманъ сталъ работать въ послѣдней. Но это длилось очень короткое время: уже въ январѣ 1880 г. онъ, вмѣстѣ съ Софіей Ивановой и другими лицами, былъ взятъ въ этой типографіи послѣ энергичнаго вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго арестованными. По рассказамъ сопроцессниковъ, Цу-

керманъ, во время ареста, слѣдствія и суда велъ себя самымъ мужественнымъ образомъ. Чтобы выгородить товарищей, онъ бралъ на себя вину другихъ и утверждалъ, что онъ одинъ стрѣлялъ при арестѣ, чего не было въ дѣйствительности. Приговоренный къ восьми годамъ каторжныхъ работъ, онъ былъ отправленъ на Кару, гдѣ приобрѣлъ общую симпатію товарищей своимъ мягкимъ характеромъ и всегда веселымъ настроеніемъ. Очень наблюдательный и надѣленный большимъ юморомъ, Цукерманъ своими шутками и остротами заставлялъ товарищей забывать о всемъ тяжеломъ, что имъ приходилось переживать. Безконечно добрый, простой и непритязательный, онъ все готовъ былъ сдѣлать для другого, совершенно забывая о себѣ. Во время нашей непродолжительной встрѣчи въ Нерчинской тюрьмѣ, онъ также смѣшилъ насъ своими остротами и въ юмористическомъ видѣ изображалъ свою будущую жизнь въ улуствѣ Якутской области. Къ несчастью, онъ не предвидѣлъ, что ожидаетъ его въ ближайшемъ будущемъ. Привыкшій ко всякимъ лишеніямъ, всегда веселый Цукерманъ не вынесъ, однако, ужасныхъ условій жизни въ безлюдномъ улуствѣ: въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ отъ тоски покончилъ съ собою.

Чикоидзе, вмѣстѣ съ нѣсколькими земляками, уроженцами Кавказа, въ началѣ семидесятыхъ годовъ примкнулъ къ, такъ называемому, московскому кружку пропагандистовъ. Въ 1875 г. онъ былъ арестованъ и по процессу пятидесяти приговоренъ былъ късылкѣ на поселеніе въ Сибирь. Оттуда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ бѣжалъ и въ качествѣ нелегальнаго присоединился къ «Народной Волѣ». Но недолго удалось ему пробыть на свободѣ: весной 1882 г. онъ вновь былъ арестованъ и за побѣгъ изъ Сибири приговоренъ къ тремъ годамъ каторжныхъ работъ. На меня Чикоидзе, при встрѣчѣ въ Нерчинскѣ, произвелъ впечатлѣніе человека дѣльнаго, практичнаго, обладающаго неутомимой энергіей. Казалось, куда бы ни забросила его судьба, онъ вездѣ найдетъ себѣ цѣлесообразное занятіе и никогда не падетъ духомъ. Житейскія невзгоды, дѣйствительно, не сломили его, но они подорвали его здоровье. Возвращенный, послѣ многихъ лѣтъ жизни въ Якутской области, въ Западную Сибирь, Чикоидзе скончался отъ болѣзни легкихъ въ г. Курганѣ (въ 1897 г.).

Прочитавъ въ Нерчинскѣ мою жалобу, онъ совѣтовалъ мнѣ прекратить это дѣло, такъ какъ, по его словамъ, и фельд-фебелю, и мнѣ можетъ нагорѣть. Съ моего согласія онъ взялся приличнымъ способомъ уладить его. Когда жалоба моя, въ его присутствіи, была въ конторѣ прочитана фельдфебелю, онъ сталъ доказывать послѣднему, что его отдадутъ подъ судъ, если жалоба моя пойдетъ къ губернатору. Фельдфебель струсилъ и охотно согласился взять назадъ свою жалобу, если я сдѣлаю тоже самое. Когда меня затѣмъ позвали въ контору, фельдфебель, въ присутствіи Чикоидзе, смотрителя и другихъ тюремныхъ служащихъ, общалъ по возвращеніи обратно на этапъ, наказать солдата, который билъ арестанта; послѣ этого я порывалъ полученную мною отъ смотрителя обратно мою жалобу и на этомъ окончился описанный инцидентъ.

Отъ Нерчинска до Кары—200 съ чѣмъ-то верстъ. Чѣмъ ближе мы подходили къ мѣсту назначенія, тѣмъ тревожнѣе становилось у меня на душѣ. Тревога эта усиливалась, благодаря сообщеніямъ разныхъ лицъ, встрѣчавшихся намъ на пути, о будущемъ нашемъ начальникѣ, жандармскомъ ротмистрѣ Николинѣ.

Въ полдень 12 декабря 1885 г. мы прибыли, наконецъ, на Усть-Кару, небольшое селеніе, въ которомъ, кромѣ уголовныхъ тюремъ, находилась тогда и женская политическая тюрьма. Тамъ мы разстались съ Маріей Калужной, съ которой больше никогда уже не видѣлись. Мнѣ же съ Чуйковымъ оставалось пройти еще 15 верстъ до, такъ называемой, Нижней Кары, гдѣ и была мужская политическая тюрьма. Только на слѣдующій день, по окончаніи всѣхъ формальностей, намъ представлена была одна двуколка, на которую мы уложили наши вещи и книги, а сами, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, отправились пѣшкомъ, предварительно для порядка напаяливъ на себя кандалы.

Стоялъ жестокой сибирскій морозъ. Дорога шла все въ гору. Несмотря на то, что на насъ была тяжелая одежда и кандалы, мы быстро шли впередъ, какъ бы торопясь поскорѣе попасть въ тюрьму. Мы знали, что то была наша послѣдняя прогулка, внѣ стѣнъ тюрьмы, хотя и подъ конвоемъ. Всю дорогу мы шли молча, а въ головѣ у меня, какъ вѣроятно и у моего спутника

Чуйкова, копошились вопросы: «что-то ждетъ тебя впереди? Придется-ли когда еще итти по этой дорогѣ?»

— Вотъ ваша тюрьма?—сказалъ одинъ изъ конвойныхъ, и мы увидѣли впереди себя рядъ высокихъ палъ, изъ-за которыхъ выдѣлялась крыша деревяннаго зданія. Вблизи этого забора, на встрѣчу намъ шла группа, состоявшая изъ двухъ женщинъ, казака и мужчины въ штатскомъ.

— Викторъ! воскликнулъ я, подошедши ближе и узнавъ въ послѣднемъ моего стараго товарища Костюрина, съ которымъ мы не видѣлись около девяти лѣтъ. Онъ привлекался по процессу 193-хъ, а затѣмъ по дѣлу о покушеніи на Гориновича и приговоренъ былъ къ 10 г. каторжныхъ работъ. Изъ рассказовъ встрѣчавшихся намъ товарищей, которые шли съ Кары, я уже зналъ, что Костюринъ въ эти дни также долженъ былъ уйти на поселеніе и потому я сразу узналъ его.

Мы поздоровались и стали знакомиться съ провожавшими его женщинами. Одна изъ нихъ оказалась Наталіей Армфельдъ, осужденной вмѣстѣ съ Маріей Ковальской и другими на 14 лѣтъ 10 мѣсяцевъ; другая была Раиса Прибылева, судившаяся въ 1883 г. въ Петербургѣ по процессу 16-ти и приговоренная къ 4 г. каторжныхъ работъ. Въ описываемое мною время обѣ онѣ находились въ, такъ называемой, «вольной командѣ».

Каждому изъ насъ о многомъ хотѣлось разспросить друга друга. Мы торопились наговориться, зная, что въ нашемъ распоряженіи всего нѣсколько минутъ, такъ какъ у нашихъ конвоировъ не могло быть большой охоты долго стоять въ легкихъ солдатскихъ шинеляхъ на жестокомъ морозѣ. Между прочимъ, помню, я сказалъ шутя:

— Не правда-ли, торжественная минута: два пріятели послѣ девятилѣтней разлуки встрѣчаются у воротъ каторжной тюрьмы, изъ которой одинъ уходитъ изъ нея на волю, а другой входитъ въ нее на многіе годы.

— А въ самомъ дѣлѣ, оригинальная встрѣча!—замѣтилъ это-то.

— Увидимся-ли еще когда?—спросилъ я, прощаясь со всѣми.

— Увидимся! Непремѣнно увидимся, въ Петербургѣ, послѣ торжества революціи!—воскликнули дамы.

Увы! Съ ними мы уже не можемъ свидѣться: Наталя Армфельдъ умерла на Карѣ (въ 1887 г.), а Прибылева, впоследствии Тютчева, также недавно скончалась; съ Костюринымъ мы до сихъ поръ еще не встрѣтились.

Меня съ Чуйковымъ сперва ввели въ кордегардію, помѣщавшуюся противъ воротъ тюрьмы. Вскорѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, появился смотритель тюрьмы и начался тщательный обыскъ. За исключеніемъ теплаго бѣлья и постилокъ, все остальное наше имущество было отобрано.

— Кандаловъ можете не надѣвать: у насъ этого не требуется, — сказалъ вахмистръ Голубцовъ, когда мы стали одѣваться.

Уже совершенно стемнѣло, когда мы, въ сопровожденіи жандармовъ, направились къ воротамъ тюрьмы. Со дня моего ареста прошло тогда около двухъ лѣтъ, и за это время я побывалъ въ 100 разныхъ мѣстахъ заключенія.

— Дежурный! — раздалось у воротъ. Изнутри загремѣлъ заковъ, открылась калитка, и мы зашли во дворъ карійской тюрьмы, которая отнынѣ должна была служить для насъ пристанищемъ на многіе годы.

ЧАСТЬ П.

На Карѣ.

ГЛАВА XIX.

Старые товарищи.

Длинный коридоръ слабо освѣщенъ двумя небольшими керосиновыми лампами. Вблизи входной двери, около огромнаго сундука, стоитъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25—26 на видѣ, въ сѣрой арестантской курткѣ.

— Здравствуйте, Мартыновскій! — произношу я, подошедши къ нему. Хотя мы съ нимъ никогда не встрѣчались, но изъ разказовъ возвращавшихся съ Кары товарищей я узналъ, что Мартыновскій состоитъ старостой и, въ качествѣ такового, съ утра до вечерней повѣрки, находится при ларѣ, въ которомъ хранились разные съѣстные припасы.

Мартыновскій посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но, когда затѣмъ я назвалъ себя, на его серьезномъ лицѣ показалась привѣтливая улыбка. Мы не успѣли обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами, какъ старшій жандармъ Голубцовъ заявилъ намъ:

— Вы Дейчъ, назначены во второй номеръ, а вы Чуйковъ — въ четвертый.

Дверь въ указанную мнѣ камеру находилась почти противъ входной въ коридоръ. Одинъ изъ жандармовъ съ шумомъ отперъ большой висячій замокъ, и я вошелъ въ камеру, слабо освѣщенную спускавшеюся съ потолка лампой съ темнымъ абажуромъ.

Вдоль трех стѣн тянулись нары,—ихъ не было лишь у наружной, въ которой имѣлось три большихъ окна съ толстыми желѣзными рѣшетками. Вблизи одной изъ стѣнъ, оставляя узкое пространство въ полъ аршина, помѣщалась огромныхъ размѣровъ печь, топившаяся изъ коридора; по срединѣ камеры, перпендикулярно къ наружной стѣнѣ, стоялъ длинный и узкій столъ, по обѣ стороны котораго были такой же длинны скамьи.

Несмотря на то, что было всего между 5 и 6 часами вечера, когда я вошелъ, нѣкоторые изъ обитателей этой камеры расположились уже спать на нарахъ, такъ какъ то были «сирисы»¹⁾; другіе сидѣли на скамьяхъ; а два три товарища расхаживали по камерѣ. Всего въ ней до моего прихода было 15 чел., изъ нихъ Зунделевичъ и Павелъ Орловъ оказались моими старыми знакомыми съ воли.

Ужинъ уже окончился; поэтому, хотя я изрядно проголодался, сдѣлавъ въ трескучій морозъ 15 верстъ пѣшкомъ, не долженъ былъ удовлетвориться однимъ чаемъ «въ прикуску» съ чернымъ арестантскимъ хлѣбомъ. Прежде всего возникъ вопросъ, гдѣ меня устроить на нарахъ? Это оказалось нелегкая задача: мнѣ хотѣлось лежать рядомъ съ З—чемъ, а онъ помѣщался на короткихъ нарахъ, на которыхъ не было свободного мѣста. Необходимо было кому-нибудь переселиться съ этихъ наръ на другія. Но заключенные до того свыкались со своимъ мѣстомъ, что имъ нелегко было разставаться съ нимъ. Послѣ обсуждения разныхъ комбинацій, сосѣдъ З—ча—Старынкевичъ рѣшилъ перейти на противоположныя, длинныя нары, на которыхъ, потѣшившись, товарищи освободили для него мѣсто. Со стороны Старынкевича это было особенно крупной жертвой, такъ какъ онъ, такимъ образомъ, раставался со своимъ alter ego—Мартыновскимъ. Лежаніе же на нарахъ рядомъ, при совмѣстной жизни со многими, доставляло близкимъ людямъ, большое удовольствие: они могли бесѣдовать шепотомъ, и имъ казалось, что они находятся какъ-бы наединѣ.

При приходѣ въ тюрьму новыхъ лицъ обыкновенно начинаются оживленныя бесѣды, безконечныя распросы и рассказы. Ничего подобнаго не было въ первый вечеръ моего появления

¹⁾ Смыслъ этого термина я объясню ниже.

во второмъ номерѣ. Всѣ чувствовали себя натянуто, неловко, смущенно. Улучивъ удобный моментъ, З—чъ отозвалъ меня въ сторону и шепотомъ сказалъ:

— Будьте осторожны, не рассказывайте ничего особеннаго, такъ какъ здѣсь въ камерѣ сидитъ Цыповъ.

Чтобы объяснить смыслъ этого предупрежденія, я долженъ сообщить кое-что объ этомъ лицѣ. Какъ извѣстно въ началѣ нашего движенія, если не всѣ, то очень многіе революціонеры, подъ вліяніемъ Бакунина, придавали большое значеніе пропагандѣ среди уголовныхъ преступниковъ. «Разбойникъ» въ Россіи, по мнѣнію Бакунина, являлся «настоящимъ и единственнымъ революціонеромъ»¹⁾. Поэтому, встрѣчаясь въ тюрьмахъ съ уголовными, мы не упускали случая заниматься пропагандой среди нихъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, такая пропаганда дала въ концѣ концовъ скорѣе отрицательные, чѣмъ положительные результаты.

«Распропагандированные», напримѣръ, въ кievской тюрьмѣ наилучшіе и наиболѣе выдающіеся уголовные—Рашко и Овчинниковъ и приговоренные въ каторжныя работы—первый за убійство политическаго шпіона, а второй—за участіе въ освобожденіи изъ харьковской тюрьмы революціонера Фомина—Медвѣдева,—оба сдѣлались ренегатами и выдавали всѣхъ своихъ товарищей.

Цыповъ принадлежалъ къ числу такихъ же лицъ. Онъ судился, если не ошибаюсь, за убійство въ одной изъ волжскихъ губерній, и процессъ его въ свое время обратилъ на себя вниманіе читающей публики. Когда присяжные вынесли ему обвинительный вердиктъ и судьи приговорили его къ многолѣтней каторгѣ, онъ воскликнулъ, обращаясь къ послѣднимъ: «Знайте,

¹⁾ „Разбойникъ это герой, защитникъ, мститель народный; непримиримый врагъ государства и всего общественнаго и гражданскаго строя, установленнаго государствомъ; боецъ на жизнь и на смерть противъ всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизаціи... Кто не сочувствуетъ разбою, тотъ не можетъ сочувствовать русской народной жизни, и нѣтъ въ немъ сердца для вѣковыхъ неизмѣнныхъ страданій народныхъ; тотъ принадлежитъ къ лагерю враговъ—государственниковъ“ (см. „Народная Расправа“, 1869—71 г.).

что и изъ Сибири можно бѣжать, я со всѣми вами разсчитаюсь¹⁾.

Дѣйствительно, несмотря на предпринятые послѣ этой угрозы предосторожности, Цыпловъ, настоящая фамилія котораго Гарный, «смѣнился» по дорогѣ на каторгу и, не помню уже какимъ образомъ, сошелся съ политическими ссыльными. Послѣдніе, по видимому, вполне вѣрили происшедшему въ немъ подъ влияніемъ ихъ пропаганды перерожденію и давали ему разныя конспиративнаго характера порученія. Во время исполненія одного изъ таковыхъ, онъ попался въ руки жандармамъ, затѣмъ подъ вымышленной фамиліей Цыплова былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, какъ политическій, и отправленъ на Кару въ государственную тюрьму. Здѣсь долгое время онъ велъ себя въ политическомъ отношеніи вполне безукоризненно, лишь изрѣдка вызывая улыбку у товарищей невпопадъ употребляемыми иностранными словами и разсказами изъ своего прошлаго. Такъ, между прочимъ, помню слѣдующее.

«Однажды», — разсказывалъ Цыпловъ товарищамъ — »бѣжалъ я это ночью въ вагонѣ съ купчиной, у котораго была полная кошма денегъ. Онъ заснулъ, и мнѣ совсѣмъ не трудно было обобрать его. Эхъ, подумалъ я, попадись ты мнѣ прежде!.. А теперь — «убѣжденія не позволяютъ!»

Послѣднія слова стали у насъ на Карѣ ходячимъ выраженіемъ. Не помню ужъ какимъ образомъ, начальство узнало, что онъ бывший уголовный, бродяга и за побѣгъ его приговорили къ наказанію розгами. Послѣ тюремныхъ волненій 1882 года, о которыхъ я разскажу ниже, Цыплова, несмотря на то, что онъ сидѣлъ на Карѣ, въ качествѣ политическаго, вызвали въ кордегардію и подвергли тѣлесному наказанію. Его, по видимому, нисколько не возмутило это обстоятельство. Между тѣмъ, какъ товарищи страшно негодовали за совершенное надъ нимъ издѣвательство, онъ лишь приставалъ къ нимъ съ неумѣстной шуткой: «ну скажите, почему сто одинъ ударъ, а не ровно сто мнѣ дали?»

Довольно долго крѣпился Цыпловъ. Но предъ моимъ приходомъ на Кару, онъ началъ вызываться къ коменданту Николину. Въ глазахъ товарищей это былъ очень дурной признакъ. Дѣй-

¹⁾ Объ этомъ можно прочесть въ книгѣ Ядринцева: «Сибирь, какъ колонія».

ствительно, вскорѣ оказалось, что Цыпловъ открылъ коменданту свою настоящую фамилію, раскаялся въ своемъ прошломъ и, чтобы добиться облегченія въ своей судьбѣ, выдалъ что зналъ, перемѣшивая правду съ ложью. Товарищи настаивали, чтобы его убрали изъ нашей тюрьмы, но это, очевидно, не входило въ интересы коменданта: Цыпловъ еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, послѣ этого, оставался въ нашей тюрьмѣ, хотя въ отдѣльной камерѣ, куда его помѣстили, дня два-три спустя послѣ нашего прихода. Чтобы уже закончить о немъ, скажу, что за тѣмъ его перевели въ уголовную тюрьму на Карѣ же гдѣ онъ щеголялъ своею образованностью, приобретенной отъ политическихъ. Это, однако, не мѣшало начальству подвергать его время отъ времени тѣлесному наказанію. Однажды, при посѣщеніи тюрьмы инспектора Каморскаго, извѣстнаго въ Сибири негодяя, Цыпловъ выступилъ съ жалобой на разнаго рода притѣсненія и заявилъ: «У насъ, ваше благородіе, такой «прилимъ»... На что Каморскій отвѣтилъ: «я вотъ велю расписать тебѣ «прилимъ» на спинѣ!»

Впослѣдствіи его выпустили въ вольную команду и, какъ мнѣ извѣстно, онъ былъ очень доволенъ своей судьбой, попавъ въ вполне соответствующую ему среду.

Послѣ путешествія, длившагося отъ Москвы болѣе семи мѣсяцевъ и подъ конецъ въ сильной степени мнѣ надоѣвшаго, я испытывалъ особенно пріятное ощущеніе, очутившись среди товарищей на Карѣ, несмотря на сознаніе, что мнѣ предстоитъ провести здѣсь многіе годы.

Рядомъ со мною въ сосѣдней камерѣ, въ первомъ номерѣ, помѣщался мой старый другъ Яковъ Стефановичъ. Съ нимъ мы не видѣлись болѣе 4-хъ л., такъ какъ мы разстались въ Швейцаріи въ августѣ 1881 г. Онъ вернулся тогда въ Россію, гдѣ сошелся съ организаціей «Народная Воля», но, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (въ февралѣ 1882 г.), былъ арестованъ въ Москвѣ и лѣтомъ слѣдующаго года, по процессу семнадцати въ Петербургѣ, осужденъ на восемь лѣтъ каторжныхъ работъ; на Кару онъ прибылъ за два года до меня.

Въ первый вечеръ мнѣ удалось перекинуться съ нимъ лишь нѣсколькими словами. Но на слѣдующее утро, какъ только прошла повѣрка, я высунулъ голову въ дверное окошечко и

велѣлъ жандарму выпустить меня. Затѣмъ, подошедши къ камерѣ № 1, вновь велѣлъ открыть дверь, что жандармъ также исполнилъ: днемъ переходъ изъ камеры въ камеру не былъ намъ запрещенъ, — права этого политическіе добились лишь путемъ долгой борьбы, между тѣмъ какъ находившихся въ Карійскихъ тюрьмахъ уголовныхъ преступниковъ отъ утренней до вечерней повѣрки вовсе не запирали. Въ камерѣ, въ которой помѣщался Стефановичъ, такъ же какъ и въ трехъ остальныхъ, было, послѣ нашего съ Чуйковымъ прихода, шестнадцать человѣкъ. Всего въ это время въ нашей тюрьмѣ находилось, слѣдовательно, 64 человѣка. Перезнакомившись и въ номерѣ первомъ со всеми новыми товарищами и побесѣдовавъ немного со своимъ другомъ, я отправился «дѣлать визиты» въ остальные камеры.

Приходъ новичковъ былъ, конечно, выдающимся событіемъ для заключенныхъ въ тюрьмѣ. По дошедшимъ до нихъ тѣмъ или инымъ способомъ слухамъ, они заранѣе уже знали о предстоящемъ прибытіи новичковъ. Поэтому всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали этого событія и на разные лады толковали о немъ. Приѣздъ новичковъ вносилъ на нѣсколько дней развлеченіе въ скучную и монотонную тюремную жизнь; отъ нихъ узнавали все, что было имъ извѣстно, какъ о положеніи революціоннаго дѣла въ Россіи, такъ и о жизни общихъ знакомыхъ. Тоже повторилось и со мной.

Переходя изъ камеры въ камеру, я въ первые дни всюду долженъ былъ рассказывать объ одномъ и томъ же. Начавъ съ того же, съ чего начинаются и настоящія мои записки, т. е. съ моего ареста во Фрейбургѣ, я затѣмъ передавалъ, что самъ зналъ и что по пути мнѣ приходилось отъ другихъ слышать новаго и интереснаго изъ разнообразныхъ областей, преимущественно же изъ социалистическаго міра. Въ одной камерѣ, въ номерѣ третьемъ, во время перваго моего посѣщенія, произошла, помню, слѣдующій небольшой курьезъ. Какъ и въ остальныхъ камерахъ, здѣсь также оказался у меня старый знакомый съ воли—В—ко. Онъ слылъ за очень умнаго человѣка, былъ большимъ оригиналомъ и спорщикомъ.

Когда, рассказывая о возникшихъ въ Россіи новыхъ революціонныхъ направленіяхъ, я упомянулъ о «Группѣ Освобожден-

ніе Труда» и сказалъ, что она раздѣляетъ социалдемократовъ, В—ко воскликнулъ, смѣясь особенно радъ, — Въ Россіи—социалдемократы! Да кто жъ алдемократа, по — Одно изъ нихъ вы видите передъ сѣ лѣтомъ 1878 г.

На лицахъ В—ко и остальныхъ товарища, Бохановъ—выраженіе крайняго изумленія. Казалось, съ тѣмъ у насъ съ я сталъ послѣдователемъ Магомета, они едва революціонной лись бы этому. Въ описываемое мною время иде террористу, вообще очень мало извѣстны въ Россіи. Правдой, такти-тали своимъ долгомъ ссылатъ на вышедшій кт! А З—чь I томъ «Капитала»; послѣдній, какъ говорили, бѣ „Земля и ной книгой у передовой интеллигенціи; но очность среди тогда понимали философскія и социалистическі завоевать Маркса. Въ Европейской Россіи принято было при же, какъ слуги Маркса въ политической экономіи. «Но», говокушенія и много лѣтъ спустя, а нѣкоторые повторяютъ еще въ Россіи «выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ наблюденій надъ быль европейской жизнью, у насъ въ Россіи непримѣнимы» этимъ же «авторитетныя и компетентныя лица» отрица. го строя Маркса даже въ политической экономіи; къ социализмъ саже и философскимъ его взглядамъ многіе относились хъ тер-глубокой враждебностью, хотя лица, толковавшія 1879 г. очень мало, если не сказать совсѣмъ не были знакомующа-произведеніями. Такое отношеніе къ основателю на о кото-циализма объяснялось господствомъ среди заключенн і казне-ническихъ воззрѣній и безграничнымъ довѣріемъ с послѣд-роны къ такимъ «авторитетамъ», какъ Михайловъ рингъ. Къ числу такихъ отрицателей Маркса пр прошлые и В—ко ¹⁾).

Мы съ Чуйковымъ не только устно подѣлили въ немъ рищами разными новостями, но, несмотря на самъразлично-ный обыскъ при нашемъ приходѣ, намъ удалось лицъ, но овъ, тѣмъ

¹⁾ Л. Шишко въ одной своей статьѣ, помѣщен въ прованное ошибаюсь, въ 1-й книжкѣ «Вѣстника Русской Революціи и близ-прочимъ сообщаетъ, что въ бытность его на Карѣ В—к нимъ во системъ. Повидимому, здѣсь какое-то недоразумѣніе, что В—ко не менѣе меня изумился, когда узналъ о та чь, какъ ристикъ его. высшей

особенно выдѣлялся практическимъ складомъ ума. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ революціонной дѣятельности онъ не имѣлъ себѣ равнаго и стоялъ вѣс всякой конкуренціи. Вполнѣ понятна, поэтому, была моя радость, когда я узналъ, что буду съ нимъ сидѣть въ одной тюрьмѣ. И теперь, лежа рядомъ на нарахъ, мы долго бесѣдовали шепотомъ: мы вспоминали старое, рассказывали другъ другу объ общихъ товарищахъ и пріятеляхъ, — я объ оставшихся на волѣ, а онъ — о казенныхъ и заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости. . .

Вращаясь въ теченіе нѣкотораго времени около воспоминаній, мы совершенно не касались теорій. Не знаю, какъ онъ, но я какъ-бы инстинктивно боялся чего-то. Дѣйствительно, вскорѣ оказалось, что мои надежды найти въ немъ единомышленника были тщетны: какъ и всѣ остальные заключенные на Карѣ, онъ, особенно въ первые годы моего пребыванія, являлся противникомъ взглядовъ Маркса, не исключая даже теоріи стоимости послѣдняго. Не трудно представить себѣ мое огорченіе. На почвѣ теоретическихъ разногласій у насъ происходили горячія схватки. Странная вещь! Для Германіи онъ по прежнему оставался социалдемократомъ, а для Россіи всѣ взгляды Маркса оказывались невѣрными.

Со С—чемъ первое время мнѣ мало приходилось бесѣдовать, въ особенности о теоретическихъ вопросахъ, такъ какъ пребываніе въ разныхъ камерахъ не благоприятствовало этому. Все же вскорѣ выяснилось различіе и въ нашихъ съ нимъ взглядахъ. Ему, какъ и другимъ моимъ старымъ знакомымъ и пріятелямъ, моя приверженность къ социалдемократизму казалась совершенно непонятной и вызвала въ немъ крайнее недоумѣніе. Когда мы разстались четыре съ половиной года передъ тѣмъ, между нами не было почти никакихъ разногласій. Всѣ послѣдующіе годы онъ провелъ въ тюрьмѣ, и въ его возрѣніяхъ едва-ли произошла какая-либо перемѣна: онъ продолжалъ быть полу-народникомъ, полу-террористомъ, какими мы оба были при послѣднемъ свиданіи. Я же въ истекшіе съ того времени годы сдѣлался послѣдователемъ взглядовъ Маркса и, какъ уже извѣстно, вмѣстѣ съ другими старыми членами бывшей организаціи «Черный Передѣлъ», участвовалъ въ основаніи социалдемократической «Группы Освобожденіе Труда». Объ этомъ

С—вичъ впервые только теперь узналъ отъ меня. Но отличіе его отношенія отъ другихъ къ произошедшей у насъ, старыхъ его товарищей, радикальной перемѣнѣ во взглядахъ, состояло въ томъ, что онъ, какъ умный, серьезный и вдумчивый человекъ, очень скоро уловилъ огромную важность вновь возникшаго направленія. Онъ понималъ, что идеи Маркса, впервые примѣненные Плехановымъ къ русскимъ условіямъ, представляютъ собою стройное и дѣльное міровоззрѣніе. Сомнѣваясь, найдетъ ли это ученіе благопріятную у насъ почву, С—ичъ не относился къ нему проницательно, а тѣмъ болѣе враждебно, какъ дѣлали тогда, да и теперь еще повторяютъ нѣкоторые легкомысленные люди, называющіе себя, однако, социалистами. С—ичъ, наоборотъ, старался понять новое теченіе, а также тотъ процессъ, благодаря которому мы, бывшіе народники, сдѣлали столь рѣшительный поворотъ отъ прежнихъ нашихъ взглядовъ къ теперешнимъ.

ГЛАВА XX.

«Дворянка».

Совмѣстной жизнью молодежи въ тюрьмѣ въ теченіе многихъ лѣтъ выработался своеобразный жаргонъ, въ которомъ имѣлась масса удачныхъ словечекъ и выраженій. На этомъ тюремномъ нашемъ языкѣ каждая камера носила особую кличку. Такъ первая называлась «Синедриономъ», вторая—«Дворянкой», третья—«Якуткой», четвертая—«Харчевкой», а пятая, въ которой сидѣлъ Цыповъ—«Волостью». Происхожденіе этихъ названій терялось въ сѣдой старинѣ, и теперь я въ точности не могу его возстановить.

Составъ «Дворянки», въ которую я попалъ, подобрался какъ то особенно удачный. За исключеніемъ двухъ пожилыхъ людей Березнюка, которому было 40 лѣтъ и Дзвонкевича—43 года,—всѣ остальные представляли собою молодежь въ возрастѣ отъ 24—30 лѣтъ. Большую часть населенія этой камеры составляли симпатичные, веселые и умные люди, и почти каждый являлся въ своемъ родѣ оригинальнымъ и интереснымъ

типомъ, а нѣкоторые изъ нихъ являлись безусловно талантливыми и крупными людьми. Первое мѣсто не только въ этой камерѣ, но и вообще въ тюрьмѣ, по общему признанію, занималъ Николай Я—чъ.

Сынъ священника Полтавской губ., Я—чъ 17 лѣтъ, въ качествѣ студента Харьковскаго ветеринарнаго института, былъ арестованъ за прикосновеніе къ попыткѣ освободить изъ мѣстной тюрьмы Алексѣя Омина Медвѣдева и вскорѣ затѣмъ приговоренъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. По дорогѣ на Кару онъ вмѣстѣ съ другими названными мною выше лицами, бѣжалъ изъ Иркутской тюрьмы, былъ вскорѣ пойманъ, вновь судимъ, и за эту попытку ему прибавили еще 14 лѣтъ. Прибывъ на Кару 19 лѣтъ, Я—чъ завоевалъ тамъ общую симпатію и глубокое уваженіе, благодаря замѣчательному характеру и выдающимся способностямъ. Скромный до застѣнчивости, молчаливый и сосредоточенный, онъ рѣшительно на всѣхъ безъ различія товарищей и постороннихъ лицъ имѣлъ самое благотворное вліяніе. Большею частью погруженный въ какія-нибудь занятія, онъ за время сидѣнія въ тюрьмахъ приобрѣлъ обширныя знанія въ разныхъ областяхъ, — въ точныхъ наукахъ, въ философіи и въ изящной литературѣ, — онъ свободно читалъ на пяти иностранныхъ языкахъ. Но на ряду съ умственными занятіями, Я—чъ чрезвычайно любилъ всякій физическій трудъ и упражненія, и въ этихъ областяхъ былъ также искусенъ и свѣдущъ, какъ и въ любой изъ интересовавшихъ его наукъ. Одинаково внимательный ко всѣмъ, въ высшей степени деликатный и всегда готовый помочь каждому, Я—чъ, несмотря на молодость, — ему не было еще 24 лѣтъ, когда мы съ нимъ познакомились, — по справедливости считался самымъ авторитетнымъ лицомъ въ тюрьмѣ по любому вопросу, касался ли послѣдній абстрактной области или какой-нибудь тюремной исторіи. Мнѣніе, высказанное Я—чемъ, сразу привлекало на свою сторону большинство обитателей тюрьмы. По складу ума онъ былъ метафизикомъ, эклектикомъ и такимъ же являлся въ философіи и въ общественныхъ наукахъ. Онъ раздѣлялъ воззрѣнія Дюринга, неокантіанцевъ и даже такихъ буржуазныхъ писателей, какъ Кери; само собою разумѣется, что онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ ученія Маркса.

Въ немъ нѣсколько родѣ представлялись закадычные друзья М—скій и С—ичъ, которыхъ называли общимъ именемъ «Ванички», хотя имя Ивана носилъ только послѣдній. С—ичъ также пользовался всеобщей симпатіей въ тюрьмѣ, онъ обладалъ иными, чѣмъ Я—чъ, чертами характера. Крайне сангвиничнаго темперамента, живой, веселый, бойкій «Ваничка», какъ звали его всѣ товарищи, былъ чрезвычайно находчивъ и остроуменъ; онъ вѣчно сыпалъ остротами, шутками, каламбурами, отъ которыхъ всѣ покатывались со смѣху, при чемъ громче всего раздавался его собственный звонкій хохотъ. Очень способный отъ природы С—ичъ, однако не отличался такой любознательностью и усидчивостью, какъ Я—чъ: онъ скорѣе хваталъ все на лету, насокомъ, быстро переходилъ отъ одного предмета къ другому и разбрасывался на всѣ стороны; въ немъ не было ни выдержки, ни постоянства. Рядомъ съ чисто женской нѣжностью и склонностью къ личной привязанности, С—ичъ могъ проявлять большую рѣзкость и вспыльчивость. Москвичъ по происхожденію и воспитанію, онъ также несовершеннолѣтнимъ попалъ на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ прямо съ университетской скамьи, лишь за то, что отказался сказать, кто далъ ему найденную у него прокламацію. Процессъ его, состоявшійся въ страшный 1881-й годъ, послѣ убійства Александра II, обратилъ на себя всеобщее вниманіе чудовищностью приговора. Когда я познакомился съ С—чемъ, онъ былъ ярымъ народо-вольцемъ и таковымъ остался.

Говорятъ, что друзьями являются лица, обладающія противоположными характерами. На нашихъ «Ваничкахъ» этотъ взглядъ вполне подтверждался. Насколько С—ичъ былъ всегда веселъ, игривъ и беззаботенъ, настолько же Мар—скій являлся молчаливымъ, серьезнымъ и угрюмымъ. На его лицѣ рѣдко появлялась улыбка, и я рѣшительно не могу припомнить его смѣха. Сосредоточенный и вдумчивый, Мар—скій производилъ впечатлѣніе чловѣка, обладающаго сильнымъ, настойчивымъ и энергичнымъ характеромъ. Казалось, что онъ неспособенъ поддаваться чужому вліянію, а, наоборотъ, другихъ умѣть подчинять себѣ. Говорилъ онъ мало, отрывисто, лаконично. Обладая довольно хорошими способностями и значительнымъ прилежаніемъ, Мар—скій скорѣе былъ реалистомъ, практикомъ; но его

также въ сильной степени занимали и теоретическіе вопросы, въ особенности политико-экономическіе. Въ тюрьмѣ онъ былъ чуть ли не однимъ изъ первыхъ, который серьезно принялся за изученіе сочиненій Маркса. Какъ и С—ичъ, москвичъ по рожденію и воспитанію, Мар—скій, будучи воспитанникомъ Межевого Института, также былъ арестованъ 20 лѣтнимъ юношей осенью 1879 г. въ Петербургѣ и въ слѣдующемъ году— по процессу Квятковскаго, Зунделевича и др.—приговоренъ къ 15 г. каторжныхъ работъ. По пути на Кару онъ также сдѣлалъ попытку къ побѣгу; ему счастливо удалось уйти съ этапа подъ видомъ караульнаго солдата, но, по прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ былъ пойманъ и приговоренъ еще къ шести годамъ каторжныхъ работъ. Въ тюрьмѣ онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, и какъ артельнымъ старостой имъ все были чрезвычайно довольны.

Напомню теперь о слѣдующемъ обстоятельстве. 25 марта 1879 г., по улицамъ Петербурга проѣзжалъ въ каретѣ генералъ Дрентельнъ, незадолго передъ этимъ назначенный шефомъ жандармовъ и начальникомъ страшнаго въ тѣ времена III отдѣленія, послѣ убійства генерала Мезенцева. Карету догонялъ всадникъ, быстро мчавшійся на прекрасномъ рысакѣ. Поровнявшись съ каретой, элегантный молодой человѣкъ произвелъ нѣсколько выстрѣловъ. Но шефъ жандармовъ остался невредимымъ и приказалъ кучеру догонять быстро умчавшагося всадника. Видя бѣшеный скачекъ по люднымъ улицамъ столицы изящно одѣтаго наѣздника и догоняющаго его въ каретѣ генерала, прохожіе въ недоумѣніи останавливались, спрашивая другъ друга, въ чемъ дѣло. Временами казалось, что карета вотъ-вотъ догонитъ всадника и перерѣжетъ ему дорогу. Но молодой наѣздникъ внезапно сворачивалъ въ боковую улицу и на время исчезалъ изъ виду. Однако, пара прекрасныхъ лошадей дѣлала тоже и быстро догоняла рысака. Всадникъ во всю мочь гонитъ свою лошадь и вновь оставляетъ позади себя карету. Но вдругъ рысакъ спотыкается, и молодой человѣкъ къ ужасу своему замѣчаетъ, что лошадь его начала хромать. Одна минута, и онъ будетъ нагнанъ генераломъ. Но отважный юноша не теряетъ: увидѣвъ на углу улицы полицейскаго, онъ соскакиваетъ и спокойнымъ тономъ говоритъ ему:

— Послушай, любезный, поддержи мою лошадь, она повредила себѣ ногу, сейчасъ пришло за ней кучера.

— Слушаюсь,—отвѣчаетъ блюститель порядка, принимая отъ элегантнаго барина поводъ. Завернувъ за уголъ и прошедши какой-то дворъ со сквозными воротами, молодой человѣкъ съѣлъ на извозчика и благополучно скрылся.

Вскорѣ шефъ жандармовъ, подѣхавъ къ полицейскому, узналъ, какимъ образомъ исчезъ преслѣдуемый имъ наѣздникъ. Затѣмъ начались розыски, и полиціи удалось открыть, что юноша, покушавшійся на генерала Дрентельна, былъ поднадзорный студентъ Леонъ Мирскій. Все поиски за нимъ въ Петербургѣ оказались тщетными, такъ какъ онъ уѣхалъ на югъ. Лѣтомъ того же года Мирскій скрывался въ Таганрогѣ у артиллерійскаго офицера Тархова и, казалось, былъ внѣ всякой опасности. Но знакомый послѣдняго, какой-то юнкеръ, сообразилъ почему то, что пріѣзжій должно быть разыскиваемый революціонеръ. Онъ донесъ, и полиція не замедлила явиться на квартиру Тархова. Домъ былъ оцѣпленъ, но Мирскій не желалъ отдаться добровольно: съ револьверомъ въ рукѣ онъ пытался прорваться. Былъ моментъ, когда онъ могъ перепрыгнуть черезъ заборъ въ сосѣдній дворъ, но преслѣдовавшіе его полицейскіе успѣли во-время схватить его. Въ концѣ ноября того же года въ Петербургѣ состоялся судъ надъ Мирскимъ и еще семью привлеченными вмѣстѣ съ нимъ лицами, въ числѣ которыхъ былъ Тарховъ, поэтъ Ольхинъ и др. Зная тѣ жестокія времена, когда казнили и совершенно не имѣвшихъ никакого отношенія къ террористическимъ актамъ лицъ (напр., Дробязгина, Майданскаго), никто изъ насъ революціонеровъ не сомнѣвался, что Мирскій будетъ повѣшенъ. Но онъ, кажется, былъ иного мнѣнія. Помню, какъ незадолго передъ судомъ, намъ, находившимся на волѣ, была передана просьба Мирскаго, чтобы ему доставили черную пару, въ которой онъ желалъ предстать передъ судомъ. Насъ немало удивила эта просьба, такъ какъ до того никто изъ революціонеровъ не интересовался костюмомъ, въ которомъ ему приходилось фигурировать на судѣ. Газеты потомъ сообщали, что главный подсудимый выглядѣлъ вполнѣ джентельменомъ. Произнесенную Мирскимъ на судѣ рѣчь, насколько помню, довольно— мирнаго, конституціоннаго характера,—нѣкоторыя европейскія га-

зеты чрезвычайно расхваливали. Его, конечно, приговорили къ смертной казни; но по счастливому стеченію обстоятельств онъ остался въ живыхъ. Какъ разъ въ тѣ дни, когда произнесенъ былъ надъ нимъ смертный приговоръ, на Александра II замыслилось покушеніе по желѣзной дорогѣ. Если бы взрывъ на станціи Александровскѣ дѣйствительно произошелъ, чему, какъ извѣстно, помѣшала случайность, или, если бы судъ надъ Мирскимъ окончился всего только на два дня позже, когда произведенъ былъ взрывъ царскаго поѣзда подъ Москвою, приговоръ несомнѣнно былъ бы исполненъ. Смертная казнь была замѣнена безсрочной каторгой, послѣ чего его заключили въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, гдѣ въ то время содержались самыя важные политическіе преступники—Нечаевъ и Ширяевъ. Но по прошествіи четырехъ лѣтъ (въ 1883 г.) его отправили на Кару.

Вмѣсто изящнаго, стройнаго юноши, какимъ судя по слухамъ, Мирскій былъ до суда, я увидѣлъ въ «Дворянкѣ», довольно плотнаго, хорошо сложеннаго и немного сутуловатаго молодого человѣка, лѣтъ 25—26 на видъ. Также измѣнился онъ, повидимому, и по характеру: то былъ уже не пылкій юноша, рвавшійся на удалое дѣло, а серьезный, многое испытавшій и передумавшій человѣкъ. Довольно умный отъ природы, Мирскій самъ дошелъ до многихъ, вполне правильныхъ взглядовъ: безъ всякой посторонней помощи онъ понялъ всю несостоятельность взглядовъ тогдашнихъ народниковъ и народоольцевъ и признавалъ необходимымъ добиваться прежде всего измѣненія политическаго строя Россіи; но, не вѣря въ террористическій способъ борьбы, онъ не представлялъ себѣ возможнымъ также рассчитывать и на рабочій классъ, который тогда почти ничѣмъ не проявлялъ еще своего существованія. Будучи на волѣ студентомъ медицинскаго факультета, Мирскій въ тюрьмѣ чрезвычайно пристрастился къ юридическимъ наукамъ. Послѣднія онъ изучалъ довольно хорошо, и въ тюрьмѣ слылъ по этой части въ большей степени снечалистомъ, чѣмъ лица, окончившія юридическій факультетъ. Хотя и полякъ по происхожденію, Мирскій по взглядамъ и привычкамъ являлся обще-русскимъ социалистомъ.

Выше я упомянулъ о Павлѣ Орловѣ. Мы встрѣчались съ нимъ лѣтомъ 1878 г. въ Петербургѣ, куда я прибылъ послѣ

побѣга изъ кievской тюрьмы, а онъ оправданный по процессу 193-хъ и сосланный административнымъ порядкомъ на сѣверъ, также вскорѣ бѣжалъ. То былъ одинъ изъ лучшихъ моментовъ въ нашемъ прошломъ революціонномъ движеніи, его расцвѣтъ періодъ надеждъ на блестящее будущее. Отсидѣвши нѣсколько лѣтъ въ предварительномъ заключеніи и, какъ многие другіе, привлеченные за «дѣло о пропагандѣ въ 33 губерніяхъ» П. Орловъ внезапно очутившись на волѣ былъ полонъ жизни, бодрости и энергіи. Его также захватила террористическая волна, начавшаяся именно лѣтомъ указанного года. Но выше всего, какъ извѣстно, эта волна поднялась на югъ Россіи, гдѣ въ то время дѣйствовали приобрѣвше вскорѣ большую извѣстность Валерьянъ Осинскій, Попко, Фроленко, братья Ивичевичи и др. Павла Орлова потянуло на югъ.

Хотя не столь активно, какъ перечисленные лица, онъ также принималъ кое-какое участіе въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ затѣвавшихся въ то время въ южныхъ университетскихъ городахъ и въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ арестованъ во время знаменитаго вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго въ Кіевѣ, въ одной изъ квартиръ на Жилинской улицѣ. Затѣмъ вмѣстѣ съ Дебагорій-Мокривичемъ, Маріей Ковалевской, и др., онъ приговоренъ былъ къ каторжнымъ работамъ и отправленъ на Кару. По пути, какъ извѣстно, онъ, Мокривичъ и Избицкій смѣнились съ уголовными арестантами-поселенцами. Но, прибывъ въ деревню, куда онъ былъ назначенъ, онъ по оплошности замѣшкался въ ней дольше, чѣмъ слѣдовало. Поэтому, когда кто-то изъ уголовныхъ выдалъ начальству про состоявшіяся три смѣнки, дано было знать въ ту деревню, куда П. Орловъ отправился и его нашли еще тамъ.

Въ немъ я почти сразу же встрѣтилъ наиболѣе рѣзкаго антониста и противника марксистскихъ воззрѣній. Очень неглупый отъ природы и довольно развитый человѣкъ, Орловъ стоялъ на точкѣ зрѣнія стараго народничества и все болѣе и болѣе склонялся къ «самобытности». Для него русскія соціальныя условія были наиболѣе обѣщающими успѣхъ для торжества социалистическихъ идей, русскій революционеръ являлся наилучшимъ типомъ общественнаго дѣятеля и т. п.

Онъ быстро прогрессировалъ въ этомъ направленіи и въ сво-

ихъ превозношеніяхъ всего русскаго въ спорахъ переходилъ нерѣдко границы, допустимыя для передоваго чоловѣка.

Къ числу молодежи «Дворянки» принадлежали еще: Моисей Диковскій, Филиппъ Давиденко, Иванъ Калужный, Никита Левченко и Баламезъ. Но здѣсь я останавлиюсь лишь на пожилыхъ обитателяхъ этой камеры.

Звонкевичъ или «Дѣдушка», какъ его всѣ звали, попалъ на каторгу за участіе въ приготовленіи бомбъ въ Одессѣ во времена Стрѣльникова и тамъ же былъ приговоренъ въ 1883 году къ смертной казни, которая замѣнена была ему вѣчной каторгой. Какъ мы уже знаемъ, онъ по дорогѣ на Кару, не доходя Красноярска, сдѣлалъ отчаянную попытку бѣжать, которая едва не стоила ему жизни. По возрасту, настроенію и характеру, «дѣдушка» мало подходилъ къ той веселой молодежи, которая составляла преобладающій контингентъ «Дворянки»: онъ проявлялъ склонности, присущія пожилому возрасту—любилъ поворчать и въ разсказахъ изъ старины, далеко не всегда интересныхъ, чертучуръ вдавался въ детали. Веселая молодежь «Дворянки» иногда отпускала шутки по поводу слабостей «дѣдушки» теребила и тормозила его, къ чему онъ относился добродушно. Въ молодости дѣдушка былъ студентомъ юридическаго факультета, но во время моего съ нимъ знакомства онъ мало проявлялъ склонности къ теоретическимъ дебатамъ, и я поэтому не знаю какихъ политическихъ воззрѣній онъ придерживался. Какъ южанинъ, онъ питалъ большую симпатію ко всему малорусскому и со своими земляками предпочиталъ говорить на родномъ языкѣ. Въ тюрьмѣ долгое время онъ исполнялъ обязанность „хлѣборѣза“, т. е. разрѣзалъ большія ковриги на мелкіе ломтики, которые три раза въ день разносилъ по камерамъ. Любимцамъ своимъ онъ раздавалъ горбушки, что служило нерѣдко поводомъ къ остроумамъ и шуткамъ. Тяжело было „дѣдушкѣ“ жить въ тюрьмѣ. На волѣ были у него жена и взрослая дочь—курсистка, письма отъ которыхъ являлись едва ли не единственнымъ утѣшеніемъ въ его жизни.

Совеѣмъ въ иномъ родѣ былъ Гаврило Березнюкъ, настоящая фамилія котораго—Тищенко. Матросъ Черноморскаго флота, чоловѣкъ малограмотный, Березнюкъ отличался выдающимися нравственными качествами. Добродушный, чрезвычайно снисходи-

тельный къ другимъ, „Гаврило“ или какъ нѣкоторые въ шутку называли его „Гаужембло“, пользовался почти всеобщимъ расположеніемъ. Привлеченный по дѣлу объ освобоженіи Медвѣдова лѣтомъ 1879 г. изъ Харьковской тюрьмы, куда онъ явился первоначально жандармомъ, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая замѣнена была ему безсрочной каторгой. Это было во время генераль-губернаторства либеральнаго гр. Лорисъ-Меликова. Въ тюрьмѣ Березнюкъ былъ однимъ изъ наиболее стойкихъ людей: онъ никогда не шелъ на компромиссы съ начальствомъ, всегда отличался веселымъ расположеніемъ духа. Одна только его слабость подчасъ раздражала нервныхъ сожителей его. Не обладая ни малѣйшимъ голосомъ, Березнюкъ любилъ, однако, распѣвать высокимъ дискантомъ одну и ту же мелодію въ теченіе многихъ часовъ. При совмѣстной жизни такая склонность не всегда удобна. „Гаврило, перемѣни валь“, просить кто-нибудь изъ товарищей, но Гаврило, лишь послѣ долгихъ повтореній этого восклицанія, затягиваетъ другую, столь же однообразную мелодію вновь на многіе часы. Березнюкъ также былъ „должностнымъ лицомъ—куроцапомъ“, такъ какъ онъ завѣдывалъ имѣвшимся у насъ въ тюрьмѣ курятникомъ; но временами онъ конкурировалъ съ „дѣдушкой“ на почвѣ болѣе искуснаго разрѣзанія ковригъ и замѣнялъ его въ этой почетной должности.

По русскому „Уложенію о наказаніяхъ“ лицамъ, осужденнымъ въ каторжные работы безъ срока и ссылавшимся въ Перчинскій районъ, двадцать лѣтъ пребыванія на Карѣ при безпорочномъ поведеніи давали право выйти на поселеніе. Но въ нашей тюрьмѣ было одно лицо, которое даже при безпорочномъ поведеніи должно было пробыть на каторгѣ вдвое больше, чѣмъ безпорочные. То былъ студентъ Кіевского университета Павелъ Ивановъ; онъ судился, вмѣстѣ съ Щедринымъ, Кашинымъ и др. (въ 1881 г.), по дѣлу Южно-Русскаго Рабочаго Союза и былъ приговоренъ къ двадцати годамъ каторжныхъ работъ. Рѣшительный, смѣлый и предприимчивый чоловѣкъ, Ивановъ, по пути на Кару, сдѣлалъ нѣсколько отважныхъ попытокъ къ бѣгству, и за каждую изъ нихъ ему прибавляли по десяти лѣтъ каторжныхъ работъ, такъ что въ совокупности онъ былъ приговоренъ къ 55 годамъ! Ивановъ также былъ типичнымъ малороссомъ, и, какъ и „дѣдушка“, не отличался особенной склонностью

теоріямъ, но за то онъ былъ очень искусенъ въ техническихъ и хозяйственныхъ работахъ.

Не трудно понять, что при такомъ разнообразномъ составѣ далеко не легко было предаваться серьезнымъ теоретическимъ занятіямъ. Днемъ это было почти совершенно невозможно; нѣсколько болѣе доступно было заниматься по вечерамъ, когда, послѣ повѣрки, производимой смотрителемъ тюрьмы въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ, двери запирались вплоть до утренней повѣрки. Какъ я уже сказалъ, съ потолка на середину стола спускалась по блоку лампа съ темнымъ абажуромъ,—приспособленія эти сдѣланы были самими заключенными. Но такъ какъ столы были очень длинные, то лицамъ, сидѣвшимъ по ихъ краямъ, трудно было изъ—за слабago освѣщенія чѣмъ либо заниматься, а зимнія ночи, и безъ того длинныя, становатся безконечными въ запертой камерѣ. Къ тому же, какъ бы чинно не вели себя насильно собранные въ одномъ помѣщеніи 16 человекъ, все же не будетъ тишины и спокойствія, необходимыхъ для серьезныхъ занятій. Составъ же лицъ, помѣщавшихся во всѣхъ камерахъ, былъ далеко не такой, чтобы кто либо могъ требовать отъ остальныхъ сидѣнія молча въ теченіе многихъ часовъ. Наоборотъ, когда послѣ ужина заключенные усаживались за столомъ,—кто съ книгой или тетрадью, а кто съ какой-нибудь работой,—подымались общіе разговоры, раздавались шутки, остроты, смѣхъ. Не до серьезныхъ было занятій при такихъ условіяхъ. Между тѣмъ въ каждой камерѣ имѣлось по нѣсколько человекъ, желавшихъ заниматься. Въ виду только этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ совместной жизни, они становились, какъ говорили на нашемъ діалектѣ, «сиріусами», т. е. ложились спать тотчасъ послѣ ужина, а въ полночь, когда остальные укладывались, они вставали и занимались до появленія на небѣ передъ разсвѣтомъ Сиріуса,—послѣ чего вновь ложились на часъ на два. Нужно было имѣть особенно страстное желаніе заниматься и очень большую настойчивость, чтобы долго пребывать «сиріусомъ»: съ вечера, когда въ камерѣ наступало оживленіе, такимъ лицамъ не скоро удавалось заснуть; затѣмъ сонъ ихъ, подъ говоръ, шумъ и смѣхъ далеко не могъ быть крѣпкимъ, когда же къ полуночи онъ становился таковымъ, ихъ

будили товарищи, и имъ надо было вставать. Къ тому же не легкимъ дѣломъ было привыкнуть къ разбиванію сна на части. Иные мученики — «сиріусы», послѣ нѣсколькихъ попытокъ, бросали эту затѣю. Немного лицъ было въ тюрьмѣ которыя все или почти все время своего пребыванія на Карѣ оставались «сиріусами».

Первые вечера моего пребыванія въ «дворянкѣ», послѣ того, какъ Цыцлова перевели въ отдѣльную камеру, проходили въ разговорахъ, шуткахъ, спорахъ. Между прочимъ, однажды, помню, Н. обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— А какъ вы думаете, Дейчъ, скоро убьютъ царя?

— Думаю, его совсѣмъ не убьютъ: онъ умретъ естественной смертью,—отвѣтилъ я.

Поднялся оживленный споръ, во время котораго собесѣдники старались доказать мнѣ, что Александръ III раздѣлитъ участь своего отца.

Въ описываемое мною время многіе вѣрили еще въ несокрушимую силу «партіи Народной Воли», „Исполнительнаго Комитета“ и „террора“, какъ единственно цѣлесообразнаго въ Россіи средства для борьбы съ правительствомъ. Мнѣ же положеніе революціоннаго дѣла у насъ представлялось совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Я принималъ участіе въ революціонномъ движеніи до возникновенія террористическаго направленія, при мнѣ начались первыя его попытки и развились въ господствующій исключительный способъ; мнѣ лично были хорошо извѣстны всѣ крупныя, средніе и маленькіе террористы, а потому для меня съ 1882 г. было вполне ясно, что «партія Народной Воли» и терроръ отжили свое время.

Достигнувъ перваго марта 1881 г. своего апогея, это направление, послѣ убійства Александра II, быстрыми шагами шло на убыль. Какъ я уже выше упоминалъ, рѣшительно всѣ старые и опытные террористы были изъяты, — одни казнены, другіе заключены въ Шлиссельбургскую крѣпость и у насъ на Карѣ; новыя же лица, молодые послѣдователи «Народной Воли», при возникшихъ въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ условіяхъ, не могли уже выработать въ себѣ той сноровки, ловкости и опытности, которыми отличались погибшіе террористы. Къ тому же революціонный подъемъ,

господствовавший въ Россіи во времена Желябова и Перовской, смѣнился упадкомъ; при этихъ условіяхъ «терроръ» былъ невозможенъ. Мнѣ, поэтому, казалось, что въ Россіи наступила реакція, которая можетъ тянуться многіе годы. Когда я высказалъ сокамерникамъ по «дворянкѣ» эти взгляды, Н. воскликнулъ:

— А не желаете ли подкрѣпить свое мнѣніе!

— Какъ понимать это?—спросилъ я.

— А это значитъ поддержать пари, — отвѣтилъ онъ: я утверждаю, что царя убьютъ, вы много мнѣнія; такъ вотъ поддержимъ пари.

— Извольте, давайте на пять лѣтъ: до 15 декабря 1890 г.

— Идетъ. А какая ставка?

Надо замѣтить, что въ нашей тюрьмѣ былъ чрезвычайно распространенъ обычай держать пари. Они заключались по самымъ разнообразнымъ поводамъ и случаямъ. Велся ли серьезный разговоръ объ овлеченнѣйшихъ вопросахъ или шелъ споръ о какомъ-нибудь пустякѣ, съ чьей-нибудь стороны вскорѣ раздавались восклицанія; а не желаете ли подкрѣпить свое мнѣніе? или лаконично: «на су», на плитку. И если спорившій отказывался отъ пари, то предложившій его или нѣкоторые изъ присутствовавшихъ при этомъ восклицали:—а, дѣлаете смыслъ!—что означало: отступаете? боитесь? Отсюда уклонявшійся отъ пари тутъ же получалъ кличку—«Смычинскій», каковая вовсе не считалась лестной, хотя она и произносилась добродушнымъ тономъ. Наиболѣе распространенными ставками были: кусокъ сахара на копейку (су) или заварка чаю на всю камеру. Последняго рода ставка, стоившая копейку 5, считалась уже большой и была пріятна не только лицу, выигравшему ее, но и его сокамерникамъ. Проигравшій «пнитку» заваривалъ чай въ желѣзномъ ведерномъ чайникѣ (кубышкѣ), и каждый самъ уже изъ него наливалъ себѣ въ стаканъ: при такомъ общемъ чаепитіи велись оживленные разговоры, раздавались шутки и смѣхъ, а внѣ этихъ, хотя и частыхъ случаевъ, каждый пившій чай, для себя одного или еще для своего ближняго товарища заваривалъ чай въ особомъ небольшомъ чайникѣ. Несмотря на шутливый характеръ нашихъ пари, они, въ нѣкоторомъ родѣ являлись уздой, сдерживавшей

любителей поспорить. Иногда, бывало, несеть невѣроятную околесицу,—а это,—чего грѣха таить?—у насъ, какъ и вездѣ на бѣломъ свѣтѣ, случалось перѣдко и съ очень многими; когда же спорщика нѣсколько разъ заставляли проигрывать пари,—что никому не бывало пріятно,—онъ становился осторожнѣе. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ ни многократно проигранный «су» и «пнитки», ни награжденіе ихъ эпитетомъ «Смычинскій» не дѣйствовали. Къ числу такихъ неисправимыхъ спорщиковъ принадлежалъ, между прочимъ, Я. П. Зуб—ий.

Въ виду важности и серьезности вопроса, по поводу котораго состоялась у меня пари съ Н, нужно было выбрать чрезвычайную ставку. Послѣ долгихъ обсужденій, рѣшено было, чтобъ проигравшій на свой счетъ угостилъ всѣхъ сидѣвшихъ въ Дворянкѣ пирогами. Это было огромное пари,—оно могло стоить нѣсколько рублей, а принимая во вниманіе ничтожные размѣры нашихъ доходовъ, это значило, что проигравшій въ теченіе многихъ мѣсяцевъ долженъ будетъ отказывать себѣ въ такихъ продуктахъ, какъ чай, сахаръ, табакъ и проч. Какъ показали дальнѣйшія событія, Н проигралъ, и въ концѣ 1890 г. хотѣлъ сдѣлать пироги, но я отговорилъ его отъ этого намѣренія, указавъ ему на то, что главное условіе нашего пари не можетъ быть выполнено, такъ какъ пирогами слѣдовало угостить тотъ именно составъ «Дворянки», который былъ въ ней при заключеніи пари; за истекшіе же годы составъ ея значительно перемѣнился.

ГЛАВА XXI.

Изъ исторіи Карійской тюрьмы.

Съ кѣмъ, бывало, изъ старыхъ обитателей тюрьмы ни говоришь,—лишь только вопросъ касался прошлыхъ временъ, неизмѣнно раздавалось: «это было до майскихъ дней», или: «случилось это послѣ 11 мая». И всѣ рѣшительно обитатели хорошо уже знали, какое событіе имѣлъ въ виду говорившій. «Майскіе дни» въ жизни заключенныхъ на Карѣ являлись таковой же эпохой, какъ, положимъ, «февральскіе» и «іюльскіе

дни въ исторіи Франціи или «мартовскіе» — Германіи. Отъ «майскихъ дней» карійцы вели, такъ сказать, свое лѣтосчисленіе, причѣмъ предшествовавшее время въ представленіи старожиловъ тюрьмы являлось какъ-бы золотымъ вѣкомъ, и, наоборотъ, послѣ «майскихъ дней» наступили тяжелые, мрачные годы, полные всякихъ бѣдъ и страданій. Необходимо, поэтому, коснуться происшествій, случившихся въ эти знаменательные дни, такъ какъ они повліяли на всю дальнѣйшую жизнь заключенныхъ.

Политическая тюрьма на Нижней Карѣ построена была въ 1880 г. Раньше этого политическіе содержались въ четырехъ верстахъ отъ Нижняго, на, такъ называемой, Средней Карѣ, но не въ специально для нихъ построенной, а въ одной изъ сооруженныхъ для уголовныхъ тюремъ, каковыхъ не мало было въ этомъ каторжномъ районѣ, въ которомъ на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга раскинуты вдоль рѣчки Кара золотые промысла «Кабинета Его Величества». Какъ и уголовные, политическіе также ходили на работы и добывали золото, шедшее въ личную собственность царя. Но работы эти не были особенно тяжелы, и политическіе охотно ими занимались, — куда же пріятнѣе и полезнѣе для организма провести нѣсколько часовъ на открытомъ воздухѣ, хотя и исполняя тяжелую работу, чѣмъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ за тюремной оградой. Къ тому же во время работы на золотыхъ цѣпскахъ политическіе пользовались тѣми же правами, какъ и уголовные, т. е. получали увеличенный «паекъ», а, по истеченіи установленнаго по закону срока, ихъ также выпускали въ «вольную команду» — на квартиру внѣ тюремной ограды; они также могли переписываться съ родными и пр. Такимъ уравненіемъ съ уголовными каторжанами политическіе были очень довольны. Но въ декабрѣ 1880 г. новый министръ внутреннихъ дѣлъ, объявившій «диктатуру сердца», извѣстный графъ Лорисъ-Меликовъ, запретилъ выпускать политическихъ заключенныхъ на Карѣ въ «вольную команду».

Слѣдствіемъ этого запрещенія тотчасъ же было самоубійство сосланнаго на каторгу помощника присяжнаго повѣреннаго Евгенія Семеновскаго, который въ оставленномъ имъ письмѣ къ отцу заявлялъ, что перспектива вновь вернуться въ тюрьму до того

тяжела для него, что онъ предпочитаетъ ей смерть. Въ то время въ Россіи, какъ извѣстно, господствовало чрезвычайное оживленіе, сопровождавшееся ожиданіями крупныхъ политическихъ реформъ. Хотя и съ большими запаздываніями, но слухи о всемъ происходившемъ на родинѣ доносились и до Кары и еще въ болѣе сильной степени, чѣмъ обыкновенно, увеличивали у заключенныхъ желаніе поскорѣе очутиться на волѣ. Эти-то обстоятельства побудили нѣкоторыхъ изъ долгосрочныхъ сдѣлать попытку бѣжать изъ Карійской тюрьмы. Для этого они воспользовались находившимися внѣ тюремной ограды мастерскими, въ которыя ихъ водили на работу. Рѣшено было, что каждую ночь попытается бѣжать два человѣка. По общему рѣшенію, право воспользоваться первою очередью было предоставлено извѣстному участнику процесса 193-хъ Мышкину, который за вооруженное сопротивленіе, оказанное имъ при попыткѣ освободить Чернышевскаго изъ г. Виллюйска, былъ приговоренъ къ 10 годамъ каторжныхъ работъ, да сверхъ того за рѣчь, произнесенную имъ надъ гробомъ умершаго товарища Дмоховскаго, въ Иркутской тюремной церкви, ему набавили еще 15 лѣтъ. Мышкину же товарищи по тюрьмѣ предоставили право выбрать себѣ компаньона для совмѣстнаго побѣга, и выборъ его палъ на рабочаго Николая Хрущева, судившагося въ Кіевскомъ Военно-окружномъ судѣ и приговореннаго къ 15 годамъ каторги. Побѣгъ этихъ двухъ лицъ, произошедшій въ началѣ мая 1882 года, сошелъ вполне удачно. Чтобы скрыть ихъ отсутствіе при повѣркахъ, товарищи искусно дѣлали чучела на занимаемыхъ ими въ камерахъ мѣстахъ. Въ это время пріѣхалъ на Кару для ревизіи начальникъ Главнаго Тюремнаго управленія Галкинъ-Врасскій съ губернаторомъ Забайкальской области Ильяшевичемъ. Отсутствіе Мышкина и Хрущева не было ими замѣчено. Переждавъ нѣсколько дней, тѣмъ же путемъ и такъ же удачно бѣжала слѣдующая пара, затѣмъ третья и, наконецъ, четвертая), но въ тотъ моментъ, когда выскочилъ послѣдній бѣглецъ, часовой затѣтилъ его и произвелъ выстрѣлъ, но неудачный. Не-

¹⁾ Моисей Диковскій, осужденный на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ; Левченко — тоже; Баламезъ — на 20 лѣтъ; Юрковскій, Крыжановскій и Минаковъ — безсрочные.

медленно поднялась тревога, и побѣгъ изъ политической тюрьмы восьми лицъ былъ открытъ. Это случилось 11 мая. Галкинъ-Врасскій и генераль Ильиневичъ находились въ это время еще въ Карійскомъ районѣ. Начались самые энергичные розыски, и спустя нѣсколько дней всѣ шесть человѣкъ, бѣжавшіе послѣ Мышкина и Хрущева, были пойманы. Послѣдніе же двое въ это время пробрались на востокъ къ Великому Океану.

Заключенные въ тюрьмѣ, ожидая репрессій, забаррикадировались и не сдавались въ теченіе нѣсколькихъ дней; когда же, наконецъ, начальству удалось на разсвѣтѣ захватить спящихъ, то началась настоящая оргія: заключенныхъ стаскивали съ кровати и били чѣмъ и куда попало; затѣмъ всѣхъ ихъ развели по разнымъ тюрьмамъ, причѣмъ по дорогѣ многихъ вновь жестоко били. Послѣ этого Карійскую тюрьму перестроили такъ, что изъ каждой камеры сдѣлали по три маленькія и до того тѣсныя, что въ нихъ совершенно невозможно было двигаться; на дворѣ за особой оградой построили новое зданіе со многими крошечными одиночными камерками, въ которыя посадили наиболѣе «опасныхъ», по мнѣнію начальства, лицъ; у всѣхъ заключенныхъ отняли ихъ собственныя вещи и книги, лишили ихъ права пользоваться собственными средствами для улучшенія пищи и проч. Доведенные всѣми этими мѣрами до крайности заключенные рѣшили уморить себя голодомъ. Голодовка продолжалась 11 дней. Только, когда голодавшіе уже окончательно обезсилѣли и были на краю могилы, начальство убѣдилось, что они не прекратятъ своего протеста и сдѣлало имъ нѣкоторыя уступки.

Между тѣмъ Мышкинъ и Хрущевъ, благополучно добравшись до Владивостока, собирались уже сѣсть на иностранное судно, какъ, вслѣдствіе какой-то случайности, ихъ арестовали и вновь препроводили на Кару.

Кромѣ перечисленныхъ репрессалій, въ режимѣ государственныхъ произошла еще одна радикальная перемѣна: вмѣсто бывшаго раньше общаго съ уголовными гражданскаго тюремнаго управленія, мужская и женская политическія тюрьмы на Карѣ подчинены были департаменту государственной полиціи. Изъ Петербурга назначень былъ специальный жандармскій штабъ-офицеръ, съ званіемъ коменданта, и въ его распоряженіе дано

было достаточное количество жандармскихъ унтеръ-офицеровъ въ качествѣ надзирателей. Съ этимъ нововведеніемъ рѣзко измѣнилась жизнь политическихъ заключенныхъ на Карѣ, и, конечно, къ худшему: были уничтожены мастерскія и вообще какія-либо работы за тюремной оградой, запрещена была переписка съ родными и, какъ я уже выше упоминалъ, 13 человѣкъ увезены были въ Петропавловскую крѣпость, изъ нихъ 10 человѣкъ перевезли затѣмъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ восемь умерли, вслѣдствіе господствовавшаго въ послѣдней ужаснаго режима ¹⁾.

За три съ чѣмъ то года, истекшіе отъ «майскихъ дней» до моего прихода на Кару, перемѣнилось четыре коменданта, изъ которыхъ одинъ, ротмистръ Манаевъ, за совершенную имъ растрату болѣе тысячи рублей, принадлежавшихъ заключеннымъ, былъ по суду съ лишеніемъ всѣхъ правъ отправленъ на поселеніе въ Якутскую область. Съ частыми перемѣнами комендантовъ отчасти измѣнялся на Карѣ и режимъ,—послѣдній, какъ извѣстно, находится у насъ, кромѣ «вѣяній», еще въ большой зависимости отъ исполнителей. До моего прихода уничтожены были перегородки въ камерахъ, дозволено было пользоваться книгами и матеріальными средствами, получаемыми отъ родныхъ и, вслѣдствіе жалобы одного частнаго лица, состоялось рѣшеніе сената, отмѣнившее, какъ незаконное, распоряженіе графа Лорисъ-Меликова о прекращеніи выпуска политическихъ въ вольную команду. Ниже я сообщу, какъ это право административнымъ порядкомъ было сокращено.

Въ описываемое мною время, по старому «Уложенію о наказаніяхъ», весь срокъ всякаго осужденнаго въ каторжныя работы дѣлился на двѣ части: первый годъ-два или больше, смотря по размѣру наказанія, считался «испытуемымъ» срокомъ; это время осужденный долженъ былъ провести въ тюрьмѣ и носить кандалы; остальные годы назывались «неправляющимся» срокомъ,—съ этого періода съ каждаго года сокращалось по два мѣсяца, иначе говоря, десять мѣсяцевъ пребыванія на

¹⁾ Въ настоящее время изъ нихъ въ живыхъ остались М. Р. Поповъ, выпущенный лишь осенью 1905 г. и Щедрицъ, до сихъ поръ находящійся въ казанской лечебницѣ для душевно-больныхъ.

каторгѣ считались за годъ; такимъ образомъ, мнѣ, напримѣръ, какъ осужденному на 13 лѣтъ и 4 мѣсяца, предстояло пробить на каторгѣ, вслѣдствіе этихъ сокращеній, одиннадцать лѣтъ и пять мѣсяцевъ. Кромѣ того, по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ «исправляющагося срока», смотря по всему сроку каторги, заключеннаго должны были выпускать въ «вольную команду», иначе говоря, ему разрѣшалось жить внѣ стѣнъ тюрьмы въ казенномъ или частномъ нанятомъ, или въ имъ самимъ выстроенномъ помѣщеніи, причемъ весь режимъ для «вольно-командца» оставался почти тѣмъ же, что и для заключеннаго въ стѣнахъ тюрьмы. Громадное преимущество жизни въ «вольной командѣ» состояло для каторжанина уже въ томъ, что онъ не долженъ былъ вѣчно находиться въ одномъ тѣсномъ помѣщеніи со многими другими, онъ не былъ подъ замкомъ, не находился постоянно на глазахъ у надзирателей, часовыхъ и проч.

Легко представить себѣ, поэтому, радость заключенныхъ на Карѣ, когда они узнали о полученномъ разъясненіи сената. Комендантъ Бурлей нашелъ среди бумагъ своего предшественника Манаева давно состоявшееся постановленіе сената о возстановленіи вольной команды; но, вслѣдствіе халатности Манаева, это постановленіе долго не приводилось въ исполненіе. По отзывамъ заключенныхъ, ротмистръ Бурлей былъ лучшимъ изъ карійскихъ комендантовъ: онъ немедленно сдѣлалъ губернатору представленіе о выпускѣ въ вольную команду всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя получили на это право. Но въ это время вновь смѣнили коменданта на Карѣ, и не успѣло получиться разрѣшеніе губернатора на выпускъ въ вольную команду, какъ на Кару пріѣхалъ ротмистръ Николинъ.

Хитрый и злой человѣкъ, вѣчно изобрѣтавшій поводы для ухудшенія положенія заключенныхъ, новый комендантъ донесъ губернатору, что, по его мнѣнію, нельзя выпускать въ вольную команду всѣхъ лицъ, получившихъ на то право. Онъ предлагалъ ограничить контингентъ выпускаемыхъ лишь 15 лицами, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что въ его распоряженіи нѣтъ достаточнаго числа жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, чтобы слѣдить за вольной командой. Эта его ссылка была чистѣйшимъ вздоромъ, такъ какъ для надзора за 15 лицами требовалось не меньшее число жандармовъ, чѣмъ при выпускѣ

всѣхъ получившихъ на то законное право; тѣмъ не менѣе просьба Николина была удовлетворена; такимъ образомъ, благодаря введенному ограниченію, выпускъ въ вольную команду сталъ для многихъ заключенныхъ совершенно невозможенъ. По много лѣтъ продолжали сидѣть въ тюрьмѣ лица, давно имѣвшія право выйти въ вольную команду, такъ какъ имъ приходилось ожидать, пока кто нибудь изъ 15-ти, окончивъ срокъ каторги, уйдетъ на поселеніе. На одно освобождавшееся такимъ путемъ мѣсто являлось по нѣсколько кандидатовъ изъ мужской и женской тюремъ. Между ними Николинъ самымъ произвольнымъ образомъ дѣлалъ свой выборъ и многихъ вовсе лишалъ возможности предъ уходомъ на поселеніе выйти въ вольную команду. Кромѣ этой возмутительной мѣры самаго жестокаго характера, Николинъ изобрѣлъ дѣлую массу другихъ стѣснительныхъ пріемовъ,—онъ лишалъ права получать деньги не отъ близкихъ родственниковъ, не пропускать дозволенные въ Россіи газеты, журналы и проч. Вполнѣ естественно, что всѣ заключенные относились къ нему съ ненавистью и дали ему очень къ нему подходившую и ставшую ему лично известной кличку—«котъ».

Дня черезъ два послѣ прибытія на Кару, я увидѣлъ этого господина,—въ первое время онъ довольно часто приходилъ въ тюрьму, вѣрнѣе на коридоръ, такъ какъ въ камеры онъ не рѣшался заглядывать. Лѣтъ 55 на видъ, средняго роста, плотный, съ изряднымъ брюшкомъ, этотъ субъектъ своимъ толстымъ лицомъ, сѣрыми хитрыми глазами и щетинистыми сѣдыми усами дѣйствительно напоминалъ стараго и злого кота. Испытующій взглядъ его глазъ производилъ впечатлѣніе, будто онъ выбираетъ моментъ, чтобы броситься на свою жертву и вонзить въ нее свои острые когти. Говорилъ этотъ откормленный «котъ» тихо и безконечно много, при этомъ непріятно присюсюкивалъ, высовывая кончикъ языка. Въ фигурѣ и манерахъ его было что то отталкивающее, гадливое. Онъ подходилъ къ нашему старостѣ, занятому чѣмъ-нибудь возлѣ ларя и заводилъ безконечные разговоры, нисколько не справляясь, интересны ли они и есть ли у его слушателя досугъ. При этомъ «котъ» обнаруживалъ большое сходство съ Хлестаковымъ: если вѣрить его рассказамъ, то онъ долженъ былъ бы состоять

жандармскимъ генераломъ, а то и шефомъ жандармовъ, такъ какъ онъ служилъ въ Западномъ краѣ еще при извѣстномъ Муравьевѣ-Вѣшателѣ, въ началѣ 60-хъ гг. и все, по его словамъ, чрезвычайно цѣнили его замѣчательныя способности и знанія, а между тѣмъ въ срединѣ 80-хъ гг. онъ былъ всего ротмистромъ. Вѣроятно, вездѣ на служебномъ его поприщѣ ему вредило чрезмѣрное его усердіе. По крайней мѣрѣ на Карѣ онъ, напримѣръ, самъ съ большимъ недоумѣніемъ рассказывалъ, какъ Забайкальскій губернаторъ отвѣтилъ на одно его отношеніе. Въ последнемъ онъ спрашивалъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, когда происходитъ мойка пола въ какой-нибудь камерѣ, такъ какъ въ это время она отперта, а между тѣмъ необходимо пускать на прогулки сидящихъ въ остальныхъ камерахъ. «Представьте себѣ», — восклицалъ «котъ» — «мнѣ отвѣтили: руководствуйтесь 13-ымъ параграфомъ инструкціи, — когда всего-то въ ней 12 параграфовъ». Онъ не догадывался, что своими постоянными доносами и вопросами о разныхъ пустякахъ вынудилъ губернатора на этотъ проницательскій отвѣтъ. Но «котъ» и послѣ того не унимался и продолжалъ отсылать разные доносы во всевозможныя инстанціи. Такъ какъ подвѣдомственные ему политическія тюрьмы представляли недостаточную для этого пищу, то онъ началъ посылать ихъ на совѣтъ ему неподчиненныя учрежденія, находившіяся въ Карійскомъ районѣ: на управленіе кабинетскими присками, на завѣдывающаго уголовными арестантами, на батальоннаго и конвойнаго командировъ и пр.

На счастье «кота», какъ разъ въ ту зиму, когда меня при везли, случилось на Карѣ довольно странное происшествіе: сгорѣлъ амбаръ, въ которомъ должно было храниться нѣсколько тысячъ пудовъ казенной муки, предназначавшейся для арестантовъ этого обширнаго района. Какъ извѣстно, мука не горитъ, а покрывается отъ огня лишь коркой, но на сей разъ вмѣстѣ съ амбаромъ исчезла и вся мука. Все открыто говорили, что въ амбарѣ ея вовсе и не было, такъ какъ завѣдывавшій райономъ, маборъ Потуловъ, вошелъ въ сдѣлку съ подрядчикомъ, который долженъ былъ доставить муку. Въ описываемое время недалеко отъ Кары открыты были хищниками на рѣкѣ Желтугѣ богатѣйшіе приски, извѣстные подъ названіемъ «Кали-

форнія». Туда повалила масса народа, сразу потребовалось огромное количество всевозможныхъ продуктовъ, и вотъ Потуловъ вмѣстѣ съ подрядчикомъ разсчитали, что значительно выгоднѣе доставить казенную муку на Желтугу, чѣмъ на Кару. Выдавъ подрядчику росписку въ полученіи муки для арестантовъ, Потуловъ, сообщая съ другими подчиненными ему лицами, устроилъ пожаръ, чтобы, такимъ образомъ, скрыть несуществовавшій запасъ. Какъ и масса другихъ аналогичныхъ у насъ хищній, дѣло это осталось бы нераскрытымъ, но ротмистръ Николинъ не могъ снести, что другіе поживились: онъ писалъ доносъ за доносомъ въ разныя инстанціи и, наконецъ, добился назначенія слѣдственной комиссіи, въ число членовъ которой и самъ попалъ. Тогда то онъ и развернулся во всю ширь и, дѣйствительно, обнаружилъ огромныя злоупотребленія и хищенія со стороны завѣдывающаго уголовными каторжанами. Гостепріимный хозяинъ и джентльменъ, какимъ Жоржъ Кенанъ описываетъ Потулова и какимъ онъ въ дѣйствительности былъ, насколько, какъ оказалось, не брезгалъ обкрадывать казну и несчастныхъ арестантовъ: сотни каторжанъ, ушедшіе на поселеніе, бывшіе въ бѣгахъ или давно умершіе значились по спискамъ находящимися на лицѣ; на нихъ выдавались «пайки», одежда, обувь и пр., стоимость же всего этого завѣдующій уголовными дѣлалъ съ подрядчиками. Несмотря на всевозможныя преступленія Потулова, открытыя комиссіей, онъ всего только былъ устраненъ отъ должности.

Когда я пришелъ на Кару, то засталъ среди товарищей вполне стройную и правильно функционировавшую организацію, которая была выработана общими усиліями заключенныхъ при совмѣстной жизни въ теченіе многихъ лѣтъ. Главнымъ ея принципомъ было — равныя права и обязанности. Въ экономическомъ отношеніи все заключенные составляли одну артель, при этомъ, насколько дозволяли тюремныя условія, удовлетворялись также и индивидуальныя вкусы, желанія и потребности. Каждый заключенный могъ вступить въ артель или остаться внѣ ея, но въ томъ и другомъ случаѣ онъ пользовался одинаковыми съ другими матеріальными условіями и лишь не принималъ участія въ дѣлахъ артели, если не вступалъ въ нее.

Отъ казны на каждаго заключеннаго отпускалось: 3 фунта чернаго хлѣба, треть фунта мяса и нѣсколько золотниковъ крупы и соли. Кромѣ того, отъ родныхъ и другихъ лицъ съ воли разрѣшалось получать деньги на улучшение пищи, и нѣкоторые лица, правда, очень немногія изъ всего числа заключенныхъ, получали ежемѣсячно или неперіодически небольшія суммы. Какъ казенные продукты, такъ и средства, получавшіяся съ воли, составляли общую собственность всѣхъ членовъ артели. Деньги распредѣлялись такимъ образомъ: одна часть ихъ шла на улучшение общей казенной пищи, главнымъ образомъ, на увеличеніе количества мяса и на покупку овощей или, какъ принято говорить въ тюрьмѣ, «на котель», потому что пища для всѣхъ здоровыхъ людей варилась въ огромномъ чугунномъ котлѣ. Другая часть собственныхъ нашихъ денегъ употреблялась на, такъ называемые, обще расходы: на помощь лицамъ, уходившимъ на поселеніе, на выписку дозволенныхъ намъ журналовъ и газетъ, на больничные расходы и проч.; а третья часть распредѣлялась между всѣми членами артели поровну и потому называлась мѣсячнымъ «эквивалентомъ». Послѣднимъ каждый заключенный могъ распорядиться по своему усмотрѣнію. «Эквивалентъ» преимущественно употреблялся на покупку чаю, сахару, табаку, масла, словомъ, какъ у насъ говорили, для предметовъ «второй необходимости»; но нѣкоторые отказывали себѣ въ такихъ предметахъ и путемъ экономіи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, а то и года или болѣе того, выписывали себѣ интересовавшую ихъ книгу или другую какую-нибудь нужную имъ вещь. До чего, однако, ничтожны были получавшіяся съ воли суммы, тому можетъ отчасти доказательствомъ служить слѣдующее: за все время моего многолѣтняго пребыванія на Карѣ никогда не отпускалось на котель больше трехъ-четырехъ копеекъ на человѣка, а «эквивалентъ», за рѣдкимъ исключеніемъ, не превышалъ одного рубля въ мѣсяцъ, но онъ часто бывалъ вдвое меньше этого; такъ, при прибытіи моемъ на Кару, онъ равнялся лишь 50 коп. Если принять во вниманіе, что въ то время, при отсутствіи путей сообщенія, всѣ привозные продукты были вдвое дороже, чѣмъ въ Европейской Россіи—фунтъ сахару, напр., стоилъ 35—40 коп., а временами и 60 к.,—то легко себѣ представить, какія матеріальныя

лишенія вообще испытывали заключенные. Многіе, напр., пили лишь плиточный или кирпичный чай безъ сахару, нѣкоторые даже и такой считали роскошью и довольствовались кипяткомъ, позволявшіе себѣ такую роскошь, какъ сахаръ, обходились однимъ кусочкомъ въ теченіе трехъ чаепитій въ день; это было питье «въ приглядку».

Конечно, денегъ на руки никто не получалъ, а вели только счетъ на деньги, въ тюрьму же онѣ не пропускались. Всѣ приходившія для насъ съ воли деньги оставались у коменданта, намъ же онъ черезъ старосту объявлялъ, что такому то пришлось столько то. Староста дѣлалъ на опредѣленные суммы общую выписку продуктовъ, каковыя, по полученіи ихъ въ тюрьму, хранились въ находившемся въ его вѣдѣніи ларѣ, о которомъ я упомянулъ выше; затѣмъ онъ расцѣпывалъ эти продукты сообразно ихъ стоимости. Отпуская заключеннымъ по ихъ требованіямъ тѣ или другіе изъ нихъ, онъ записывалъ эти заборы на счетъ заказчика, а въ концѣ мѣсяца подводилъ итоги заборамъ; при этомъ, если кто-нибудь переходилъ на нѣкоторое количество копеекъ мѣсячный «эквивалентъ», то этотъ перерасходъ обозначался минусомъ и, наоборотъ, если у члена артели получалась нѣкоторая экономія, то суммѣ ея предшествовалъ плюсъ. Лица, имѣвшія въ одномъ мѣсяцѣ минусъ, обыкновенно старались погашать его изъ слѣдующаго «эквивалента», но было не мало и такихъ, которые, несмотря на всѣ усилія и старанія, не могли соразмѣрить свои расходы съ «эквивалентами» или, выражаясь нашимъ жаргономъ, «не вылѣзали изъ минуса», поэтому ихъ величали «минусистами»; наоборотъ, имѣвшіе экономію, назывались «плюсистами». Хотя не считалось преступленіемъ или позоромъ быть «минусистомъ», но въ этомъ не видѣли и добродѣтели; поэтому каждый старался избѣгать перерасходовъ, «влѣзать въ минусъ», а разъ уже случился такой грѣхъ, то онъ стремился покрыть его при полученіи сверхъобыкновеннаго «эквивалента»; таковой отпускался предъ большими праздниками — Рождествомъ Христовымъ, Свѣтлымъ Воскресеньемъ или по какимъ либо крупнымъ революціоннымъ событіямъ, — годовщинамъ и юбилеямъ. Случалось, однако, что нѣкоторые, — правда, немногіе, — все же никакъ не могли «вылѣзть изъ минуса»; тогда староста или кто-либо изъ членовъ

артели, придравшись къ какому-нибудь торжественному случаю, радостному извѣстію, а то и безъ всякаго повода, вносили предложение «амнистировать минусистовъ», т. е. похерить, вычеркнуть переборъ, долги. И такія предложенія всегда принимались большинствомъ, противъ нихъ высказывались лишь сами «минусисты» или же они воздерживались отъ подачи своихъ голосовъ.

Ежедневно по утрамъ староста съ тетрадкой — дневникомъ въ рукахъ, переходя отъ камеры къ камерѣ и просовывая въ дверное окошечко голову, спрашивалъ: «что кому надо?» Иной заказывалъ сахару на «су» (копейку), другой — плитку чаю и т. д. При этомъ иногда нѣкоторые въ шутку заказывали бутылку портвейна и т. п. Всѣ заказы староста записывалъ въ дневникъ, откуда въ свободное время переносилъ въ общую книгу на счетъ cadaго. Сдѣланные утромъ заказы староста самъ же затѣмъ и исполнялъ, т. е. бралъ заказанную вещь въ ларѣ и черезъ дверное окошечко передавалъ въ камеру. Онъ же отпускалъ продукты дежурившимъ на кухнѣ поварамъ, согласно установленному артелью бюджету, на «котель» и больницу; онъ же получалъ отъ смотрителя причитавшіеся всѣмъ намъ продукты и вещи. Староста сносился по всѣмъ артельнымъ дѣламъ съ комендантомъ, смотрителемъ и другими должностными лицами; словомъ, онъ являлся представителемъ тюрьмы. Члены артели избирали изъ своей среды старосту закрытой баллотировкой срокомъ на полгода, но онъ могъ быть вновь переизбранъ, что нерѣдко и случалось. Каждый имѣлъ право отказываться отъ этой, хотя и почетной, но крайне хлопотливой и непріятной должности.

Какъ староста, такъ и каждый изъ членовъ артели имѣлъ право внести на общее обсужденіе любое предложеніе, безразлично, касалось ли оно измѣненія или дополненія дѣйствовавшей у насъ «конституціи», или совершенно посторонней этому области. Любое такое предложеніе, написанное на бумагѣ, переходило изъ камеры въ камеру, гдѣ оно подробно обсуждалось заключенными, а затѣмъ желавшіе принимать участіе въ этомъ вотѣ записывали свои голоса «за», «противъ» или писали «особыя мнѣнія». Когда данное предложеніе обходило всѣ камеры, внесшіи его или староста сосчитывалъ количество по-

данныхъ голосовъ и, просовывая голову въ дверное окошечко, объявлялъ результаты вота. Очень часто такія предложенія сопровождались горячими дебатами, образованиями разныхъ «партей», — словомъ у насъ происходило вполне, какъ въ любомъ парламентѣ, нерѣдко также инциденты улаживались выраженіемъ «довѣрія» нашему «министерству», такъ какъ, кромѣ старосты, у насъ имѣлись еще и другія должностныя лица.

Всѣ работы внутри тюремной ограды мы производили сами, за исключеніемъ такихъ, которыя сопряжены были съ выходомъ за ворота тюрьмы — вывозка нечистотъ, привозка воды, дровъ и проч., — это исполняли прикомандированныя къ нашей тюрьмѣ уголовные арестанты въ количествѣ семи-восьми человекъ. Последнимъ мы отпускали ту же пищу, какую мы сами ѣли, хотя къ этому мы и не были обязаны. Наши работы дѣлились на общія — дежурства по кухнѣ, по камерамъ и банѣ, и частныя — мойка своего бѣлья, шитье и проч. Отъ общихъ работъ, кромѣ должностныхъ лицъ, освобождались люди слабаго здоровья. Дежурства по кухнѣ происходили группами въ пять человекъ и продолжались въ теченіе недѣли, начиная съ воскреснаго утра. Всѣхъ группъ бывало отъ семи до девяти, и составляли онѣ по взаимному соглашенію безотносительно къ тому, въ какой камерѣ кто сидѣлъ. Въ каждой группѣ были: главный поваръ, его помощникъ, больничный поваръ и два чернорабочихъ. У всѣхъ этихъ лицъ бывало довольно много работы, и дежурство на кухнѣ считалось многими очень непріятнымъ занятіемъ: зимой оно начиналось въ шесть часовъ утра и продолжалось до пяти часовъ вечера, а лѣтомъ — съ пяти часовъ утра до семи-восьми вечера. Къ концу дня чувствовалась сильнѣйшая усталость, а съ середины недѣли бывало съ нетерпѣніемъ ждешь, когда окончится это дежурство. Но, съ другой стороны, оно являлось нѣкотораго рода развлеченіемъ въ нашей монотонной тюремной жизни. Къ тому же кухня нерѣдко служила какъ бы сборнымъ мѣстомъ, своего рода «клубомъ», куда заходили изъ камеръ или съ прогулки товарищи; въ свободные отъ спѣшныхъ работъ часы, а то и во время таковыхъ, здѣсь сообщались новости и подымались дебаты на самыя разнообразныя темы. Случались и разные курьезы: ради шутки, повара и старые каріицы нерѣдко заставляли неопыт-

ных новичковъ исполнять какия-нибудь бесполезныя работы, вызывавшія затѣмъ всеобщій смѣхъ. Такъ, помню, одному предложили вылавливать вилкой изъ огромнаго котла сварившуюся въ немъ картошку, другого заставили стоять съ палкой около щели, имѣвшейя въ печи, съ тѣмъ, чтобы убить таракана, если онъ вылѣзетъ оттуда; мнѣ предложили рубить пшено ножомъ и проч. Вообще, въ нашей жизни дѣло съ забавой, серьезное съ шуткой шли всегда рядомъ, и въ этомъ отношеніи наша тюрьма очень напоминала закрытыя учебныя заведенія, съ той, конечно, разницею, что шутки и забавы всегда носили у насъ лишь невинный и добродушный характеръ.

Задача старшихъ поваровъ нерѣдко бывала не изъ легкихъ: имъ нужно было извернуться со скудными средствами, при полномъ времени отсутствіи какихъ-либо овощей. Въ ту, напр., зиму, когда я прибылъ, не было даже картошки. А между тѣмъ, нужно было разнообразить «меню». Поэтому, какъ я уже упоминалъ мясо, варившееся въ котлѣ, передъ обѣдомъ вылавливалось и, въ полдень давалась только «баланда», а на ужинъ служило это мясо, срубленное и смѣшанное съ какой-нибудь крупой или же разрѣзанное на совершенно одинаковые ломтики. Такія порціи мяса, дававшіея вмѣстѣ съ какой-нибудь кашей, назывались на нашемъ жаргонѣ: «каждый имѣетъ», и большинству публики очень нравились тѣ ужины, когда подавалось это блюдо со столь оригинальнымъ названіемъ. Желая угодить публикѣ, повара старались раза три въ теченіе недѣли давать «каждый имѣетъ»; гурманы, любившіе покушать, часто навѣдывались на кухню и, возвращаясь затѣмъ въ камеру, объявляли: «господа, сегодня на ужинъ каждый имѣетъ». И на лицахъ у многихъ появлялась тогда веселая улыбка. Но болѣе всего повара старались угодить публикѣ въ послѣдній день дежурства — въ субботу. Неизмѣнно въ теченіе многихъ лѣтъ въ субботу на ужинъ каждый получалъ большой пирогъ изъ пшеничной муки съ начинкой изъ риса и рубленнаго мяса; последнее поваръ копилъ въ теченіе недѣли, собирая обрѣзки отъ «каждый имѣетъ». Эти пироги являлись единственнымъ блюдомъ на ужинъ, но они бывали такихъ внушительныхъ размѣровъ, что у нѣкоторыхъ лицъ небольшой кусокъ пирога оставался еще на утренній чай въ воскресенье. Вообще наша

пища была недостаточна по количеству и въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительна по качеству; многіе часто испытывали голодъ, который они не могли утолить ржанымъ арестантскимъ хлѣбомъ, такъ такъ онъ вызывалъ у нихъ изжогу. Хлѣба можно было брать въ неограниченномъ количествѣ, и отъ него еще оставалась экономія. Но въ большіе годичные праздники, да въ высокаторжественные дни, когда, наряду съ «эквивалентомъ» увеличивалась также и сумма, отпускавшаяся на «котель», всѣ мы наѣдались вдоволь. Въ эти дни повара старались поразить своимъ искусствомъ и изобрѣтательностью, почему на столъ появлялись такія рѣдкостныя для насъ кушанья, какъ котлеты, бифштексы, а также небольшія пшеничныя булочки.

Надо отдать справедливость поварамъ: между ними попадались настоящіе виртуозы или, говоря на нашемъ діалектѣ — «какъ въ лучшихъ домахъ».

Бюджетъ для больницы не былъ строго опредѣленъ, и больничный поваръ самъ соображалъ, сколько и какіе продукты ему нужно взять у старосты; при этомъ, конечно, онъ старался не слишкомъ много издерживать. Особенно опасныхъ больныхъ при мнѣ было человекъ 2—3, но удюченной пищей большей частью пользовались люди слабаго сложенія, страдавшіе хроническими недугами, а то и мнительные. Назначалъ больничную пишу одинъ изъ товарищей — Прибылевъ, отправлявшій среди насъ обязанность врача и достигшій въ медицинѣ большого совершенства, хотя по специальности онъ былъ ветеринаромъ. Слава о его врачебномъ искусствѣ распространилась далеко за предѣлы тюремной ограды, такъ что къ концу нашего пребыванія на Карѣ къ Прибылеву обращались и многія постороннія лица, хотя въ этомъ районѣ было три военныхъ врача.

Чернорабочими въ дежурившихъ на кухнѣ группахъ являлись преимущественно лица, неумѣвшія стряпать или предпочитавшія физическій трудъ. По объѣмъ этимъ причинамъ я все время пребывалъ чернорабочимъ. На нашей обязанности лежало таскать ушатами воду на кухню, приносить дрова на носилкахъ, разносить по камерамъ обѣды, ужины, кипятокъ, горячіе угли для самоваровъ, мыть кухонную посуду, топить печи, убирать кухню, выносить помой и пр. Работы эти были не изъ прият-

ныхъ, въ особенности мытье посуды; зато дежурные по кухнѣ питались въ эти недѣли нѣсколько лучше тѣхъ, которые находились въ камерахъ. Вместе съ ними на кухнѣ обѣдали староста и хлѣборѣзъ.

За чистотой бани, въ которой мылись разъ въ двѣ недѣли, по субботамъ, а въ остальные дни каждый могъ мыть свое бѣлье, наблюдали два человѣка, за это также освобождавшіеся отъ дежурствъ на кухнѣ. Приготовленія же къ банѣ, отнимавшія дня по два, производились по очереди всѣми здоровыми, но нѣрѣдко случалось, что для этой функціи находились добровольцы изъ любителей физическаго труда. Такъ, я и другой товарищъ—Нагорный въ теченіе очень долгаго времени состояли «банщиками», за что мы получили названіе «уфельмаповцы»,—кличка, произведенная отъ фамиліи автора «Дѣтской гігіены».

Кромѣ старосты, путемъ баллотировки и также на полгода избирался еще бібліотекаръ; всѣ же остальные перечисленные выше лица, были, такъ сказать, добровольцы, т. е. они сами себя предлагали на указанные функціи. За долгіе годы существованія тюрьмы у насъ понемногу составила довольно порядочная бібліотека, какъ изъ привезенныхъ нѣкоторыми съ собою на Кару, такъ и изъ присланныхъ туда съ воли книгъ. Онѣ имѣлись почти по всѣмъ отраслямъ знаній, въ особенности ихъ много было по исторіи, философіи, естественнымъ наукамъ и математикѣ; имѣлись у насъ руководства и учебники на всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ, а также и на древнихъ. Книги помѣщались въ двухъ большихъ шкафахъ, находившихся на коридорѣ, а также ихъ было много въ камерахъ на рукахъ у заключенныхъ. Бібліотекаръ завѣдывалъ выдачей, онъ же занимался переплетеніемъ вновь поступающихъ книгъ, въ чемъ ему помогали и другіе. Въ тюрьмѣ имѣлись шивальныя станки, тиски и обрѣзъ; но въ виду отсутствія картона, въ тюрьмѣ переплетчики сами его изготовляли, склеивая вмѣстѣ листы старой газетной бумаги. Пришедшій со мной на Кару Владиміръ Чуйковъ векорѣ былъ выбранъ бібліотекаремъ и прекрасно исполнялъ эту функцію; поэтому до самаго ухода съ Кары его непрерывно вновь избирали. Онъ зналъ наизусть, у кого на рукахъ находится требовавшаяся книга, онъ легко

умѣлъ отыскать, въ какомъ номерѣ журнала помѣщена нужная статья и пр.

За исключеніемъ должностныхъ лицъ, всѣмъ остальнымъ приходилось еще дежурить по камерамъ, т. е. подметать ее два раза въ теченіе дня, зимой топить огромную печь, на что требовалось принести нѣсколько носилокъ дровъ, по утрамъ выносить изъ камеры «парашу», а по вечерамъ заносить ее обратно и проч. Камеры содержались нами въ большой чистотѣ, полы въ нихъ мыли тщательно горячей водой разъ въ двѣ недѣли, и въ этой работѣ, за исключеніемъ должностныхъ лицъ, также участвовали только здоровые люди. Въ эти дни всѣ выносили на дворъ свои постилки и вещи, которыя тщательно вытрусивались, обтирались и обмывались. Камеры провѣтривались и вентилировались. Вообще, на сколько позволяла жизнь въ стѣнахъ тюрьмы, заключенные сами слѣдили за гигиеническими условіями обстановки. За исключеніемъ лишь одного Л. З—скаго, о которомъ я скажу ниже, всѣ остальные разъ въ двѣ недѣли аккуратно ходили въ баню, причемъ нѣкоторые жестоко въ ней парились. Бѣлье, какъ я уже сказалъ, каждый самъ мылъ, и это было однимъ изъ наименѣе пріятныхъ занятій.

Отъ казны каждому отпускалось въ годъ по двѣ пары бѣлья изъ грубаго холста, по одной парѣ брюкъ, по курткѣ, халату и шапкѣ изъ арестанскаго сукна и разъ въ два года по полушубку. Въ качествѣ обуви служили лѣтомъ „коты“, а зимою — валенки; кромѣ того отпускались еще хозшевыя и суконныя портянки. Такъ какъ всѣ эти вещи были далеко не одинакаго качества, то раньше чѣмъ раздать ихъ заключеннымъ, староста, получавшій ихъ сразу на всю тюрьму, наклеивалъ на каждую вещь номеръ и давалъ по камерамъ тянуть жребій; такимъ образомъ, никто не могъ быть въ претензіи на то, что ему досталась вещь худшаго качества.

Такова, въ общихъ чертахъ, была организація хозяйственной жизни нашей Карійской тюрьмы. Если принять во вниманіе, что большинство заключенныхъ въ ней принадлежало къ учащейся молодежи, взятой или со школьной скамьи или изъ революціонныхъ кружковъ, не имѣвшихъ ничего общаго со всякаго рода будничными заботами и интересами, а также, если

представить себѣ тюремныя условія и ничтожныя матеріальныя средства, находившіяся въ распоряженіи у заключенныхъ, то положительно можно удивляться стройности, практичности и справедливости созданной ими организаціи. Конечно, она не сразу возникла и всегда подвергалась исправленіямъ и улучшеніямъ, требовавшимся по мѣрѣ измѣненій тѣхъ или иныхъ условій. Но въ общемъ вышеуказанный мною принципъ остался непоколебимымъ до самаго прекращенія существованія карійской политической тюрьмы. Ни до моего прихода на Кару, ни послѣ ухода оттуда, ни среди русскихъ, ни—европейскихъ социалистовъ я не встрѣчалъ аналогичной по цѣлесообразности и справедливости организаціи, и я увѣренъ, что каждый побывавшій въ нашей тюрьмѣ, впослѣдствіи, съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этой сторонѣ карійской жизни,—о ея хозяйственной организаціи.

ГЛАВА XXII.

Рабочіе на Карѣ.

Какъ ни былъ симпатиченъ составъ лицъ, сидѣвшихъ въ „Дворянкѣ“, но я все же предпочиталъ попасть въ „Синедрионъ“, въ которомъ, какъ я уже упоминалъ, помѣщался Стефановичъ. О такомъ желаніи я заявилъ смотрителю, вскорѣ по приходѣ въ тюрьму, но оказалось, что добиться осуществленія его не легко было: на переходъ въ другую камеру требовалось разрѣшеніе „кота“; когда же я къ нему съ этимъ обратился, онъ заявилъ мнѣ, что самъ не можетъ мнѣ этого разрѣшить, безъ согласія губернатора. Все это, конечно, были лишь пустыя отговорки; вѣроятнѣе всего, что въ этомъ случаѣ злобное воображеніе „кота“ въ моемъ желаніи быть въ одной камерѣ съ Стефановичемъ увидѣло опасность въ смыслѣ побѣга. Подобныя опасенія съ его стороны, проявлявшіяся по любому ничтожному поводу, были ни съ чѣмъ не сообразны, такъ какъ при заведываніи тюрьмой жандармами побѣгъ изъ нея сталъ рѣшительно невозможенъ. Но подъ предлогомъ дѣйствительнаго или напускнаго опасенія побѣга изъ тюрьмы, „котъ“ вообще выду-

мывалъ разныя для насъ стѣсненія и мнимыя побѣгами мотивировалъ передъ высшимъ начальствомъ новыя ограниченія и безъ того незначительныхъ нашихъ правъ, а также свои отказы по поводу тѣхъ или другихъ мелочей, о которыхъ заявляли ему заключенные. Не знаю, дѣйствительно-ли онъ сносился съ губернаторомъ по поводу такого пустяка, какъ мое желаніе перейти въ другую камеру, но, спустя нѣсколько недѣль, мнѣ разрѣшено было перейти въ „Синедрионъ“. Такъ какъ заключенные строго слѣдили за тѣмъ, чтобы по возможности въ каждой камерѣ было по равному числу лицъ, то мнѣ пришлось помѣняться съ однимъ товарищемъ, сидѣвшимъ въ „Синедрионѣ“.

Въ новой камерѣ я помѣстился рядомъ съ Стефановичемъ, на краю наръ у наружной стѣны. Мѣсто это было сравнительно довольно уютное: мы со Стефановичемъ протягивали на высотѣ одного аршина надъ нарами спитыя изъ казенныхъ рубахъ занавѣски, что товарищи называли „петрушкой“ и, лежа за ней были хотя отчасти скрыты отъ взоровъ большинства, сокамерниковъ. Уголь этотъ имѣлъ и свои отрицательныя стороны: зимою стѣны насквозь промерзали и около изголовья у меня былъ довольно толстый слой льда. За то, лежа рядомъ на нарахъ за «петрушкой», мы могли предаваться иллюзіи, что находимся почти совсѣмъ наединѣ. Хотя Стефановичъ не былъ скупъ на письма, пока оставался на волѣ въ Россіи, а я за границей, и сообщенія его были очень обстоятельны, тѣмъ не менѣе устные его рассказы, при личной нашей встрѣчѣ на Карѣ, были мнѣ въ высшей степени интересны, и многіе изъ нихъ до сихъ поръ запечатлѣлись въ моей памяти.

Составъ «Синедриона» былъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ «Дворянкѣ». Между тѣмъ, какъ въ послѣдней преобладали интеллигентныя лица, въ «Синедрионѣ» было много рабочихъ, да и изъ интеллигентныхъ нѣкоторые имѣли большую склонность къ ремесламъ; поэтому камера въ общемъ носила, такъ сказать, техническо-учебный характеръ. При комендантѣ Николинѣ какого бы то ни было рода инструменты въ тюрьмѣ строго воспрещались. Тѣмъ не менѣе и при немъ кое-какіе самодѣльные инструменты имѣлись, и во время обысковъ, производившихся разъ въ недѣлю, ихъ у насъ не находили, такъ какъ, по вѣраженію жандармовъ, обыски эти дѣлались «тигательные, но

поверхностные», т. е. не личные, а лишь въ вещахъ. Когда предъ утренней повѣрой замѣчали появленіе на коридорѣ большаго, чѣмъ обыкновенно, количества жандармовъ, то немедленно все лишнее и запрещенное пряталось по карманамъ. Мастера среди рабочихъ у насъ попадались замѣчательные, но особеннымъ искусствомъ отличались уже упомянутый мною выше Николай Хрущовъ, сидѣвшій въ «Харчевнѣ», а также находившійся въ «Синедріонѣ» слесарь Бубновскій. Последний сдѣлалъ изъ кусочковъ желѣза и гвоздей, собранныхъ на тюремномъ дворѣ, замѣчательный токарный станочекъ, легко помѣщавшійся въ карманѣ; затѣмъ, при помощи этого станка, онъ приготовилъ рѣшительно всѣ составныя части стѣнныхъ часовъ и, не будучи часовыхъ дѣлъ мастеромъ, а лишь пользуясь руководствомъ, устроилъ очень хорошіе часы, которые впоследствии попали въ одинъ изъ сибирскихъ музеевъ. Бубновскій отличался альтруистическими чертами характера и во всемъ его обращеніи было нѣчто сектантское. Говорилъ онъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, никогда не вступалъ ни въ какіе споры и всегда отзывался на самыя гуманныя чувства. Впоследствии, будучи на поселеніи, онъ рѣзко измѣнился.

Вообще, почти не было ни одного ремесла, взявшись за которое кто-нибудь изъ заключенныхъ не добился бы въ немъ наилучшихъ результатовъ, лишь при помощи однихъ руководствъ. Въ этомъ отношеніи помогали настойчивость и терпѣніе, особенно въ сильной степени развивающіяся въ тюрьмѣ, а также и нѣкоторая теоретическая подготовка, приобретаемая совмѣстнымъ сидѣніемъ лицъ различныхъ степеней развитія. Многие изъ заключенныхъ, въ томъ числѣ и рабочіе, сами пополняли свои ограниченныя познанія путемъ чтенія и изученія разныхъ предметовъ и языковъ. Въ этомъ отношеніи менѣе подготовленнымъ не отказывали въ помощи болѣе интеллигентные ихъ товарищи. Такъ, Яцевичъ и Златопольскій приходили въ «Синедріонъ» преподавать нѣкоторымъ математическія науки, Өмичевъ обучалъ русскому языку и исторіи, Александръ Калужный—астрономіи; поэтому нашу камеру называли также «академіей». Одинъ рабочій—обрусѣвшій финляндецъ Карлъ Иванайнъ, былъ недурнымъ знатокомъ произведеній изящной литературы и страстнымъ поклонникомъ Льва

Толстого; онъ не могъ равнодушно слышать малѣйшаго неодобрительнаго отзыва относительно любимаго имъ писателя, какъ разъ въ описываемое время выступившаго съ проповѣдью «непротивленія злу насиліемъ». Иванайнъ былъ очень способный и находчивый человекъ, но меланхолическаго нрава. Будучи, вскорѣ послѣ нашего знакомства, выпущенъ въ вольную команду, онъ не ожилъ, не воспрялъ духомъ, а, наоборотъ, захандрилъ и вскорѣ кончилъ тамъ самоубійствомъ.

Наиболѣе интереснымъ изъ рабочихъ въ «Синедріонѣ» былъ Г. Б.—въ, или какъ его называли въ тюрьмѣ уменьшительнымъ его именемъ «Галась». Малороссъ по происхожденію и столяръ по ремеслу, Галась былъ добрымъ товарищемъ, довольно уживчиваго, покладистаго характера. Онъ страшно томился безсодержательностью тюремной жизни; поэтому большую часть времени проводилъ въ разговорахъ и спорахъ. Знанія его были крайне ограничены—онъ принадлежалъ къ числу «студентовъ» нашей «академіи», что не мѣшало ему, однако, вступать въ дебаты на самыя отвлеченныя и философскія темы. Но болѣе любимымъ предметомъ споровъ для него было преимущество Россіи во всѣхъ отношеніяхъ передъ Западной Европой. «Що ваша заграница, якъ перестанемъ доставлять ей хлѣбъ, она вся околѣе съ голоду»,—доказывалъ онъ, чуть, бывало, зайдетъ о чемъ-нибудь подобномъ споръ. Восхищаясь предприимчивостью, геройствомъ и воинственными способностями русскаго народа, онъ съ восторгомъ восклицалъ: «Смотрите, наши взяли Туркестанскій край! Тамъ, гдѣ только верблюды шагаль, теперь русскіе господствуютъ».

Его сопроцессникъ, рѣзчикъ по дереву, Моисей Поповъ, былъ приговоренъ къ смертной казни, которая, вслѣдствіе поданнаго имъ прошенія, была замѣнена ему безсрочной каторгой. Товарищи его утверждали, что онъ до суда велъ себя не безупречно. У насъ онъ склонялся къ монархистамъ, но не яримъ. Не особенно добрый отъ природы человекъ, нѣсколько озлобленный и вспыльчивый, Поповъ рѣшительно ни съ кѣмъ не былъ близокъ и симпатіей у насъ не пользовался. Отъ природы не глупый, но не одаренный особенными способностями, онъ въ тюрьмѣ всегда довольно усердно занимался разнообраз-

ными науками и любилъ вести бесѣды на философскія темы. Ниже мнѣ придется еще упомянуть о немъ.

Заводскій рабочій Б—ко былъ крайне нервнъ, раздражителенъ и вспыльчивъ. Не глупый отъ природы, онъ также приобрѣлъ въ тюрьмѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, но не путемъ занятій, а благодаря бесѣдамъ. Почти все время онъ проводилъ въ разговорахъ и въ расхаживаніи по камерамъ, по двору и кухнѣ; онъ всегда однимъ изъ первыхъ узнавалъ всѣ новости, какъ тюремныя, такъ и изъ внѣшняго міра. При этомъ онъ очень любилъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ за оградой, для чего часто подолгу простаивалъ около палы, сквозь щели которыхъ можно было видѣть, что дѣлается извнѣ. Непостоянный въ настроеніяхъ Б—ко быстро переходилъ отъ веселаго къ крайне мрачному, подозрительному, и въ послѣднемъ случаѣ способенъ былъ на рѣзкую выходку.

Столяръ Мечиславъ Маньковскій былъ совсѣмъ въ иномъ родѣ. Австріакъ по происхожденію, «Мечикъ», какъ мы всѣ называли его, въ началѣ 80-хъ годовъ пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ вскорѣ былъ арестованъ и по процессу «Пролетаріата» осужденъ на каторгу. У насъ Мечикъ быстро приобрѣлъ всеобщую симпатію. Молодой, прекрасно сложенный, Мечикъ обладалъ наилучшими душевными качествами; онъ былъ въ высшей степени отзывчивъ, добръ, справедливъ. Отличаясь большой любовью къ труду, Мечикъ очень усердно занимался. По убѣжденіямъ онъ примыкалъ къ террористамъ.

Маленькій, круглый, со степенной походкой петербургскій рабочій Хохловъ, которому вполне подходила данная ему товарищами кличка «кубышка», чувствовалъ себя, повидимому, въ тюрьмѣ недурно, несмотря на большой срокъ, къ которому онъ былъ осужденъ — 20 лѣтъ каторги. День у него былъ распределенъ самымъ точнымъ образомъ, каждый часъ имѣлъ у него свое назначеніе. Просыпаясь очень рано, онъ аккуратно складывалъ свою постилку и выносилъ ее на дворъ провѣтривать. Затѣмъ онъ дѣлалъ по двору прогулку въ теченіе опредѣленнаго времени и, возвратившись въ камеру, пилъ чай. Послѣ этого садился на краю стола и занимался математикой и французскимъ языкомъ. Для физическихъ упражненій онъ, какъ доброволецъ, зимою топилъ ежедневно печь, потомъ вновь за-

нимался, прогуливался и т. д. Характера онъ былъ уживчиваго, — не помню, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь ссорился, — въ споры никогда не вступалъ и, повидимому, мало интересовался какими-либо теоріями. Это былъ смысленный хозяйственный мужичекъ и большой патриотъ, въ красномъ духѣ, въ тюрьмѣ онъ въ 1881 г. применилъ къ террористамъ и вскорѣ попалъ на каторгу за участіе въ убійствѣ шпіона Прейна.

Заговоривъ о рабочихъ, сообщу уже и о другихъ, не сидѣвшихъ со мною въ одной камерѣ. Товарищемъ по процессу Хохлова былъ Евсѣевъ, приговоренный за убійство вышеупомянутаго же шпіона къ смертной казни, которая, вслѣдствіе поданаго имъ прошенія о помилованіи, была замѣнена ему безсрочной каторгой. У него то-же быстро смѣнялись настроенія, онъ также отличался раздражительностью, вспыльчивостью и отсутствіемъ склонности къ занятіямъ; по убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ патриотамъ.

Выше я уже говорилъ, что Николай Хрущовъ былъ самымъ способнымъ къ техническимъ занятіямъ рабочимъ. Слесарь по ремеслу, онъ изъ пустяковъ могъ сдѣлать до того искусно ту или иную вещь, что она годилась, чуть не на выставку, — все за что онъ ни брался, у него выходило художественно. Но за то, когда Хрущовъ былъ чѣмъ-либо занятъ, къ нему нельзя было уже подходить; онъ въ это время рвалъ и металъ, швыряя во всѣ стороны разные предметы и раздражаясь на окружающихъ. Это была широкая русская симпатичная натура, но въ чрезвычайной степени исковерканная и надломленная тюремными условіями. Несмотря на крайнюю свою раздражительность, Хрущовъ пользовался почти всеобщимъ расположеніемъ, и друзьями его были всѣ наиболѣе выдающіяся, авторитетныя лица. Къ сожалѣнію, какъ мы увидимъ ниже, онъ не оправдалъ мнѣнія о немъ товарищей.

Сопроцессникъ Маньковского — мыловаръ Генрихъ Дулембо также пользовался у насъ симпатіей. Онъ однимъ изъ первыхъ принялъ самое дѣятельное участіе при зарожденіи социалистическаго движенія въ Царствѣ Польскомъ въ концѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Маленькаго роста, чрезвычайно живой и разговорчивый, Дулембо былъ у насъ въ числѣ наиболѣе пожилыхъ, такъ какъ ему было лѣтъ уже подъ сорокъ.

Благодаря своему прекрасному характеру, онъ ужасно быстро освоился у насъ и, повидимому, чувствовалъ себя недурно: онъ рѣшительно никогда не жаловался на свою судьбу, всегда былъ въ бодромъ, веселомъ настроеніи, вѣчно острилъ, вызывая общій смѣхъ, въ чемъ отчасти ему помогала ужасный его диалектъ, въ которомъ самымъ причудливымъ образомъ сочетался русскій съ польскимъ языкомъ. Къ теоретическимъ занятіямъ былъ довольно равнодушенъ, но за то чрезвычайно любилъ всякія хозяйственныя работы и ремесла, въ которыхъ, однако, особенно большихъ талантовъ не обнаружилъ. По убѣжденіямъ Дулембо склонялся къ западно-европейскому социализму.

Къ молодымъ и симпатичнымъ рабочимъ принадлежалъ также наборщикъ Никита Левченко. Очень юнымъ познакомился онъ въ Кіевѣ съ революціонерами и сталъ участвовать въ смѣлыхъ предпріятіяхъ. Такъ, между прочимъ, въ дѣлѣ устройства побѣга изъ кіевской тюрьмы Стефановича, Бохановскаго и меня онъ игралъ однажды роль лакея, а также кучера при лошади, на которой мы втроемъ должны были уѣхать. Какъ и большинство южныхъ революціонеровъ конца 70-хъ годовъ, Левченко отличался непоколебимой отвагой и энергіей. Въ 1880 г. его приговорили судъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ, да за попытку бѣжать съ Кары ему прибавили еще 10 л. Несмотря на столь продолжительный срокъ каторги, Левченко всегда былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Его звонкій смѣхъ и распеваемая имъ прекраснымъ голосомъ мелодія заразительно и ободряюще дѣйствовали на другихъ. Вѣчно подвижной, живой, какъ ругать, Никита былъ мастеромъ на всѣ руки,—всякая работа у него спорилась. Онъ не чуждъ былъ также и умственныхъ интересовъ, придерживался крайнихъ воззрѣній и отъ слова способенъ былъ перейти къ дѣлу.

Самой неутомимой камерой, изъ которой раздавался крикъ и шумъ, была «якутка», составъ которой былъ наиболее разнообразенъ. Тамъ вѣчно шли споры, дебаты по самымъ разнообразнымъ вопросамъ. Главнымъ заводчикомъ споровъ являлся бывший желѣзно-дорожный рабочій Янъ Ивановичъ Зубрицкій. За участіе въ ограбленіи почты и вооруженное сопротивленіе при арестѣ, онъ, будучи 18-ти лѣтъ, приговоренъ былъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ. Благодаря настойчивости, обшир-

ной памяти и вообще недурнымъ способностямъ, онъ въ тюрьмѣ приобрѣлъ кое-какія свѣдѣнія въ разныхъ областяхъ. Но болѣе всего почему-то Янъ Ивановичъ пристрастился къ химіи и артиллеріи и, изучивъ ихъ по руководствамъ, считалъ себя специалистомъ. Это былъ одинъ изъ наиболее оригинальныхъ людей, въ характерѣ и поведеніи котораго была не малая доза комическаго элемента. Ярый революціонеръ по убѣжденіямъ, Зубрицкій возлагалъ, однако, всѣ свои надежды на военнаго диктатора—заговорщика и до небесъ превозносилъ Наполеона I, роль котораго въ Россіи считалъ себя способнымъ сыграть, манерами и даже походкой онъ старался походить на послѣдняго. Все его поведеніе и рѣчи вызывали, конечно, среди *товарищей* массу шутокъ и остротъ. Янъ Ивановичъ никогда не оставался въ долгу и, парирова ихъ насмѣшки, разражался упреками въ незнакомствѣ съ исторіей и вообще въ невѣжествѣ. Онъ пускался въ доказательства и сыпалъ цитатами, но его всегда ловили на невѣрныхъ ссылкахъ, отсюда вытекали многочисленныя пари съ нимъ, каковыя онъ почти всегда проигрывалъ, почему «не выѣзжалъ изъ минуса». Такъ какъ мнѣ не придется болѣе говорить о немъ, то сообщу здѣсь, что послѣдствіи Зубрицкій, вышедшій на волю, не осуществилъ своего обѣщанія на счетъ заговора и военнаго диктатора, а сталъ лишь очень предпримчивымъ подрядчикомъ, съ которымъ, какъ я слышалъ, товарищи прервали сношенія.

Когда весной 1879 г. въ домѣ Касаровскаго въ Кіевѣ произошло вооруженное сопротивленіе при арестѣ, то въ числѣ раненыхъ былъ одинъ, не открывшій своего имени ни во время слѣдствія и суда, ни послѣ этого, и подъ кличкой: «Неизвестный, раненый въ голову», отправленъ былъ на многолѣтнюю каторгу на Кару. То былъ рабочій Иванченко, лишь впоследствіи назвавшій свою фамилію. Среди рабочихъ, находившихся въ нашей тюрьмѣ, Иванченко былъ изъ числа наиболее серьезныхъ вдумчивыхъ и положительныхъ. Ровнаго характера, спокойный, терпѣливый Иванченко, казалось, вовсе не поддавался вліянію тюрьмы; какъ и Хохловъ, онъ также велъ довольно правильный образъ жизни и, повидимому, также берегъ свое здоровье для того, чтобы сохранить себя и дожидаться воли. Болѣе, чѣмъ другіе рабочіе, Иванченко не по наслышкѣ только, а пу-

темъ собственныхъ усилій выработалъ себѣ нѣкоторыя убѣжденія, состоявшія въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ его крайне революціоннымъ прошлымъ: Иванченко не только былъ патриотомъ, но, когда я его зналъ, онъ являлся яркимъ защитникомъ самодержавія. Тѣмъ не менѣе среди товарищей онъ пользовался уваженіемъ, и всѣ относились къ нему, какъ къ честному, справедливому и искреннему человѣку.

Общая нѣкоторымъ изъ указанныхъ рабочихъ склонность къ патриотизму и даже къ защитѣ самодержавія въ значительной степени, объяснялась той неудовлетворительной, поверхностной пропагандой социализма, которая, за немногими исключениями, велась въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ среди нихъ. Въ большинствѣ случаевъ въ описываемый періодъ на рабочихъ вовсе не смотрѣли, какъ на классъ, имѣющій самостоятельное историческое значеніе. Пропаганда среди нихъ ограничивалась поверхностнымъ сообщеніемъ имъ нѣсколькихъ общихъ истинъ: о господствующей эксплуатаціи, объ угнетеніи, несправедливостяхъ и о необходимости создать вполне совершенный социалистическій строй. Но никому изъ лицъ, дѣйствовавшихъ среди рабочихъ, не приходило въ голову, что необходимо развить у нихъ классовое сознаніе. Поддѣйствовавъ на чувство рабочихъ и не давъ имъ почти никакой теоретической подготовки, ихъ скоро привлекали къ тому или другому террористическому акту. Поэтому вполне естественно, что, будучи арестованнымъ и осужденнымъ на продолжительный срокъ каторжныхъ работъ, рабочій только въ тюрьмѣ начиналъ разбираться въ русскихъ социальныхъ условіяхъ; но, слыша отъ интеллигентныхъ лицъ самые разнообразные, нерѣдко вполне реакціонные взгляды, рабочій уже изъ одного чувства самосохраненія и изъ инстинктивной симпатіи къ своему, русскому, вполне естественно становился патриотомъ. Эта же недостаточная теоретическая подготовка и вытекавшая изъ нея шаткость убѣждений были вмѣстѣ съ тѣмъ причиной того обстоятельства, что, на сколько помню, почти всѣ, находившіеся въ Карійской тюрьмѣ рабочіе, рѣзко измѣняли свое мнѣніе объ интеллигенціи. Не знаю, какъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, будучи на волѣ, относился къ революціонерамъ изъ образованнаго слоя, — надо думать, что они считали интеллигенцію чѣмъ-то выше

себя стоящимъ. Она несомнѣнно въ значительной степени идеализировалась рабочими. Но вся эта идеализація, весь авторитетъ и престижъ, которыми въ глазахъ рабочихъ раньше пользовались интеллигентныя лица, при совмѣстной жизни, быстро исчезали у нихъ. Видя несогласія, споры и раздоры, замѣчая разные личные недостатки у интеллигентовъ, у рабочихъ чувство уваженія и идеализаціи очень часто смѣнялись, наоборотъ, крайнимъ пренебреженіемъ. А такъ какъ предшествовавшую жизнь интеллигенты были совершенно неподготовлены къ тяжелымъ тюремнымъ условіямъ и нерѣдко, въ особенности на первыхъ порахъ, обнаруживали крайнюю непрактичность, рабочіе же, наоборотъ, въ этихъ отношеніяхъ были значительно искуснѣе, то вполне естественно, что у нихъ развивалось даже высокомѣрное отношеніе къ своимъ недавнимъ учителямъ и руководителямъ. Неудивительно, что иногда въ тюрьмѣ приходилось слышать отъ рабочихъ подобныя характерныя замѣчанія: «и на какого черта вы годитесь, интеллигенты! Даже хлѣбъ спечь не можете, сапоги сшить, кубышку запааять: если нашъ братъ на васъ не будетъ работать или не научить васъ, то вы съ голоду помрете, босы и голы останетесь!»

Значительная доля правды была въ этихъ словахъ, — многие интеллигенты, попавшіе въ тюрьму, какъ я уже сказалъ, со школьной скамьи или изъ революціонныхъ кружковъ, дѣйствительно не знали не только никакого ремесла, но не умѣли даже картошку сварить ¹⁾ или камеру подмести. Но это не мѣшало огромному числу изъ нихъ при малѣйшемъ желаніи

¹⁾ Такъ, помню, одинъ вновь прибывшій, будучи дежурнымъ на кухнѣ, насыпалъ въ котелокъ до верха картошку, чтобы сварить ее себѣ и въ недоумѣніи спрашивалъ потомъ, куда же налить воду? Съ этимъ лицомъ, къ слову, окончившимъ университетъ, человѣкомъ, неглупымъ отъ природы, но, въ общемъ тогда, по крайней мѣрѣ, мало развитымъ и временами являвшимся чрезвычайно напвнымъ, — случалось не мало курьезовъ какъ въ тюрьмѣ, такъ, повидимому, и на волѣ. Онъ же самъ рассказывалъ, какъ однажды, во время загородной прогулки съ компаніей взялся поставить самоваръ. Наливъ въ него воды, но, забывъ про угли, онъ, по прошествіи нѣкотораго времени, вспомнилъ объ этомъ и, обращаясь къ товарищамъ, воскликнулъ съ испугомъ: «что я на дѣлалъ, угли забылъ всыпать: теперь самоваръ распаяется!»

приобрести всё знания и умъны во всякомъ хозяйственномъ дѣлѣ.

Нужно отмѣтить еще одну отличительную черту рабочихъ нашей тюрьмы: они въ значительно большей степени, чѣмъ интеллигентныя лица, томилась безцѣльной тюремной жизнью, она дѣйствовала на нихъ еще болѣе угнетающимъ образомъ, и это вполне понятно. Между тѣмъ какъ наши интеллигентныя лица, какъ бы мало они ни были склонны къ теоретическимъ занятіямъ, все же находили для себя извѣстное удовлетвореніе и развлеченіе въ чтеніи или хоть въ теоретическихъ дебатахъ, — рабочему, за рѣдкимъ исключеніемъ, вслѣдствіе непривычки, такія занятія на долгое время были не въ моготу. Кромѣ того, прямо на физическое ихъ состояніе продолжительное бездѣйствіе или ничтожныя усилія вліяли значительно болѣе вреднымъ образомъ, чѣмъ на интеллигентныхъ лицъ. Не говоря ужъ про то, что у большинства изъ нихъ въ очень сильной степени разстраивались нервы, ихъ организмы сильнѣе поддавались вліянію неблагоприятныхъ тюремныхъ условий. Нѣкоторые изъ нихъ, отличавшіеся на волѣ, повидимому, довольно хорошимъ здоровьемъ (Батаговъ, Хрущевъ, Бубновскій), выглядели худыми, желтыми, истомленными. ■

Изъ интеллигентныхъ людей, находившихся въ «Синедрионѣ», особенное расположеніе ко всякаго рода техникѣ питалъ бывшій мичманъ Черноморскаго флота, Александръ Калюжный. Въ этой области онъ отличался большими природными способностями. Человѣкъ, но не безъ нѣкоторыхъ знаній въ математикѣ и астрономіи, приобретенныхъ имъ въ морскомъ корпусѣ, Калюжный, или, какъ мы его называли, «мичманъ» обладалъ большою склонностью къ повѣствованію. Но рассказы его, почерпнутые изъ небогатаго прошествіями прошлаго, не отличались особеннымъ интересомъ. Въ личныхъ отношеніяхъ онъ былъ покладистъ, не дурной товарищъ, и также принадлежалъ въ тюрьмѣ къ «патріотамъ».

Наиболѣе усердно занимавшимися лицами въ «Синедрионѣ» были Ѳ—въ, Ѳомиинъ и Р—скій. Послѣдній, будучи студентомъ второго курса ветеринарнаго института, питалъ большую страсть къ медицинѣ и, прочитавъ нѣкоторое количество руководствъ, считалъ себя авторитетомъ въ этой области. Нельзя

было вскользь сдѣлать то или другое замѣчаніе, имѣвшее какое-либо отношеніе къ медицинѣ, чтобы Р—скій или, какъ мы его называли, Павелъ Ивановичъ (Чичиковъ), не увидѣлъ въ этомъ вторженіе въ принадлежащую ему специальность. На этой почвѣ выходили курьезы. Съ особенной страстью онъ рвался въ вольную команду, гдѣ надѣялся закончить свой курсъ обученія.

Ѳомиинъ былъ моимъ старымъ знакомымъ съ воли: мы познакомились съ нимъ въ Швейцаріи. Будучи пѣхотнымъ офицеромъ, онъ въ 1879 году былъ арестованъ за пропаганду среди солдатъ и заключенъ въ Виленскую тюрьму. Товарищи съ воли устроили ему отсюда побѣгъ и дали ему возможность уѣхать за границу. Тамъ онъ жилъ нѣкоторое время въ качествѣ наборщика въ подпольной русской типографіи; затѣмъ, вернувшись нелегально въ Россію, онъ вновь былъ арестованъ въ 1882 г. въ Петербургѣ и приговоренъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ. На Карѣ Ѳомиинъ усердно занимался естественными науками, въ частности геологіей и минералогіей, а также французскимъ и нѣмецкимъ языками. Довольно уживчиваго характера, хорошій товарищъ, Ѳомиинъ пріятно выдѣлялся изъ среды другихъ не только въ «Синедрионѣ», но и вообще въ тюрьмѣ, полнѣйшимъ отсутствіемъ патріотической закваски и очень здравыми взглядами относительно политическихъ задачъ въ Россіи. Въ этомъ отношеніи благотворнымъ образомъ поддѣйствовало на него пребываніе за границей. У насъ съ нимъ было много общихъ знакомыхъ съ воли, и мы иногда, въ особенности въ сумеркахъ, сидя въ сторонѣ, любили предаваться воспоминаніямъ, а также рисовали себѣ разныя перспективы насчетъ будущности Россіи.

Ѳ—въ одно время былъ очень популяренъ на югѣ, благодаря особенностямъ его процесса. Сынъ бѣднаго дьячка, Хома, какъ мы звали его, будучи студентомъ Новороссійскаго университета, былъ арестованъ въ 1877 г. за пропаганду среди нижнихъ чиновъ. Но даже военный судъ не могъ найти достаточно данныхъ для его осужденія, и Ѳ—чевъ былъ оправданъ къ великой радости собравшейся у зданіи Одесскаго суда многочисленной публики: ему и его искусному защитнику устроена была шумная демонстрація. Но въ слѣдующемъ

(1879) году онъ вновь былъ арестованъ въ Одессѣ же по извѣстному дѣлу Лизоуба, Чубарова и др. и на этотъ разъ приговоренъ былъ къ безсрочной каторгѣ. По дорогѣ на Кару, какъ я уже упомянулъ, онъ еще съ нѣсколькими товарищами, бѣжалъ изъ Иркутской тюрьмы, однако, вскорѣ былъ пойманъ, и за этотъ побѣгъ его приковали на годъ къ тачкѣ.

Наибольшій интересъ Хома питалъ къ исторіи вообще, и къ русской въ особенности. По этимъ отдѣламъ онъ перечиталъ такія многотомныя сочиненія, какъ Шлоссера, Вебера, Момзена, Соловьева, Костомарова и др. Но отчасти, надо полагать, подъ влияніемъ односторонняго чтенія, а также, конечно, вслѣдствіе общаго склада его ума, внѣшнихъ условій и тюремной обстановки, у него, раньше чѣмъ у кого бы то ни было другого изъ товарищей, сложились крайне патріотическія воззрѣнія. Добрый товарищъ и прекрасный работникъ, Ѳ—чевъ отличался настойчивымъ и упорнымъ характеромъ. Разъ надумавъ что-либо, онъ добивался опредѣленныхъ результатовъ и со страстью передавалъ свои убѣжденія окружающимъ. Ригористъ и въ высшей степени нравственный человекъ, онъ въ идейномъ отношеніи являлся совершенной аномаліей: Хома былъ не только ярымъ патріотомъ и руссофиломъ, но,—что всего удивительнѣе,— онъ былъ убѣжденнымъ монархистомъ и горячимъ сторонникомъ дома Романовыхъ! Сидѣть въ политической тюрьмѣ, въ качествѣ безсрочнаго каторжанина и быть фанатикомъ русскаго самодержавія,—что можетъ быть изумительнѣе и трагичнѣе этого? Ѳ—чеву, казалось бы, всего послѣдовательнѣе было покаяться и подать царю прошеніе о помилованіи; послѣднее онъ несомнѣнно получилъ бы, и никто изъ товарищей ни на минуту не заподозрилъ бы искренности такого его поступка. Но, нѣтъ! Хома находилъ, что онъ долженъ отбывать безсрочную каторгу, такъ какъ онъ осмѣлился возстать противъ царя, въ наилучшихъ стремленіяхъ котораго ко благу его подданныхъ онъ теперь глубоко былъ убѣжденъ. Едва ли среди своихъ приближенныхъ Александръ III имѣлъ такого искренняго, преданнаго, а тѣмъ болѣе—безкорытнаго сторонника и яраго защитника, какимъ былъ сидѣвшій въ политической тюрьмѣ на Карѣ безсрочный каторжанинъ Ѳ—чевъ. Самыя возмутительныя и же-

стокія распоряженія нашего правительства, во главѣ котораго, какъ извѣстно, стоялъ тогда графъ Дмитрій Толстой, Ѳ—чевъ находилъ вполне правильными и цѣлесообразными въ интересахъ народа, счастье котораго, несомнѣнно, было для него выше всего на свѣтѣ и, я увѣренъ, онъ, нисколько не задумываясь, охотно отдалъ бы за него свою жизнь. Малѣйшія нападки со стороны кого-либо изъ товарищей на царя и его министровъ вызывали въ Ѳмичевѣ такую нетерпимость и озлобленіе, что онъ нерѣдко прерывалъ всякія сношенія съ такимъ лицомъ.

Не мало повліяло въ этомъ направленіи на Ѳ—чева, кромѣ указанныхъ выше причинъ, начавшееся тогда разочарованіе въ террорѣ и возникшее легальное народничество съ извѣстнымъ В. В. во главѣ, также возложившимъ все свои упованія на самодержавное правительство. Хома находилъ подтвержденіе своихъ взглядовъ въ публицистическихъ произведеніяхъ тогдашняго періода,—въ статьяхъ, какъ упомянутого В. Воронцова, такъ и у Южакова, Кривенко, Пругавина и др. Онъ съ восторгомъ указывалъ на то, что «самые выдающіеся» русскіе писатели, такъ же, какъ и онъ, считаютъ бѣдствіемъ для Россіи развитіе капитализма и обращаются съ предложеніемъ къ Александру III всячески содѣйствовать «укрѣпленію общины». Въ предпринятыхъ тогда правительствомъ мѣрахъ—въ учрежденіи крестьянскаго банка, въ урегулированіи переселенческаго вопроса, въ устройствѣ складовъ земледѣльческихъ орудій и пр.,—Ѳ—чевъ видѣлъ приемы, которые несомнѣнно предохранятъ Россію отъ развитія въ ней капитализма. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно послѣдователенъ и считалъ возникновеніе конституціоннаго строя условіемъ благоприятнымъ для торжества буржуазіи и, наоборотъ, печальнымъ для трудящихся, земледѣльческихъ массъ. Онъ доказывалъ, поэтому, что такіе публицисты, какъ Михайловскій, являются крайне непослѣдовательными, связывая свое воззрѣніе на преимущество русскаго общиннаго строя предъ западно-европейскимъ, буржуазнымъ съ стремленіями къ конституціонному порядку. Конечно, Ѳ—чевъ являлся ярымъ противникомъ русскихъ марксистовъ: онъ видѣлъ въ нихъ враговъ народа, воззрѣнія ихъ онъ считалъ не только возмутительными, но прямо преступ-

ными и «подлыми». Таким образом, еще за много лѣтъ до выступленія русскихъ легальныхъ публицистовъ середины 90-хъ годовъ противъ нашихъ марксистовъ, Ѳ—чевъ высказывалъ тѣ же обвиненія. Онъ также считалъ неизбѣжнымъ для послѣдовательнаго русскаго социалдемократа содѣйствовать развитію капитализма, «разрушать общину», «заводить въ деревняхъ кабаки, лавочки и проч.»

Какъ я уже выше сообщалъ, въ большей или меньшей степени воззрѣнія Ѳ—чева, въ особенности его взгляды на превосходство русскихъ социальныхъ условій предъ западно-европейскими, раздѣляли и нѣкоторые другія лица, сидѣвшія въ Карійской тюрьмѣ. Дебаты о преимуществахъ Россіи, возникавшіе по любому поводу, велись при мнѣ бесконечно. По этому поводу заключали пари, происходили также размолвки, или какъ у насъ выражались, «возникали климатическія обстоятельства». Мой приходъ на Кару внесъ, конечно, не мало новыхъ темъ. Во мнѣ, не безъ основанія, товарищи видѣли западника и при малѣйшемъ поводѣ тыкали мнѣ тѣ или другія неблагоприятныя обстоятельства, явленія и случаи, о которыхъ узнавали изъ книгъ, журналовъ и газетъ. Не имѣя правильнаго міровоззрѣнія и исходя изъ русскаго самобытнаго народничества, нѣкоторые изъ моихъ оппонентовъ въ одну кучу валили самыя разнообразныя явленія. Мы часто говорили на разныхъ языкахъ и никогда, конечно, не могли придти къ соглашенію. Но, признаюсь, мнѣ нерѣдко невыносимо тяжело бывало слышать не только отъ Ѳ—чева, но и отъ лицъ, считавшихъ себя по убѣжденіямъ революціонерами, такіе взгляды, которые ничего общаго не имѣли ни съ революціей, ни съ социализмомъ.

Особенно этимъ отличался Н. П—нъ, котораго почти всѣ признавали однимъ изъ самыхъ умныхъ людей въ тюрьмѣ. Студентъ Кіевскаго университета и бывшій сельскій учитель, П—нъ на волѣ не принималъ почти никакого участія въ революціонныхъ дѣлахъ. Будучи случайно арестованнымъ во время вооруженнаго сопротивленія въ домѣ Косаровскаго, онъ приговоренъ былъ къ 14-ти годамъ и 10 мѣсяц. каторжныхъ работъ; изъ Иркутской тюрьмы онъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, также сдѣлалъ попытку бѣжать, и за это ему при-

бавили еще 14 лѣтъ и 2 мѣс. Очень остроумный человекъ, довольно развитый и не безъ дарованій, П—нъ не имѣлъ никакихъ политическихъ убѣжденій и, смотря по желанію и по себе-сѣднику, могъ защищать прямо противоположные взгляды. Выдѣляясь безграничной лѣнью, онъ цѣлые дни и ночи, за вычетомъ сна, проводилъ въ говореніи, для чего въ камерѣ всегда находился собесѣдникъ или слушатель. Ему совершенно безразлично было о чемъ ни говорить, — о философскихъ ли вопросахъ или о сущемъ пустякѣ. Читалъ онъ очень мало и своими бесконечными разглагольствованіями мѣшалъ другимъ заниматься. Утромъ просыпаясь, онъ немедленно «заводилъ волюнку», но наиболѣе любимой темой были у него разговоры о пищѣ.

— Давайте на пари, предлагалъ онъ кому-нибудь изъ сокамерниковъ: я утверждаю, что сегодня на ужинъ «каждый имѣетъ».

— А я полагаю, что рубленное мясо съ кашей, — отвѣчаетъ другой.

— А не желаете ли подкрѣпить свое мнѣніе?

— Извольте: на что?

— На спичку.

Общій хохотъ, и П—нъ доволенъ. Крайне самолюбивый, съ маленькими страстями, завистливый, вздорный человекъ, онъ для удовлетворенія своихъ плотскихъ потребностей, готовъ былъ пойти на всякія сдѣлки, но до поры до времени его удерживало отъ этого хорошее отношеніе къ нему товарищей, пользовавшихся въ тюрьмѣ уваженіемъ. При незначительной наблюдательности не трудно было раскусить его. Ниже я сообщу, какъ онъ воспользовался пустымъ случаемъ, чтобы доказать товарищамъ, что ихъ лестное о немъ мнѣніе было совершенно не заслужено имъ.

Г Л А В А XXIII.

Первые годы.

Неудовлетворительная пища вскорѣ оказала на меня свое дѣйствіе, хотя я вообще не былъ особенно разбадованъ въ

этомъ отношеніи и всегда отличался недурнымъ здоровьемъ. Но, уже по прошествіи 2—3 мѣсяцевъ, я почувствовалъ такую слабость въ ногахъ, что совсѣмъ не могъ ходить: на нихъ появились синіе кровоподтеки, изъ десенъ начала сочиться кровь, зубы стали шататься. Я обратился къ нашему лейбъ-медику Прибылеву.

— Э, да у васъ форменная цынга! — воскликнулъ онъ, осмотрѣвъ меня. — Скоро же васъ разобрало!

И Прибылевъ посадилъ меня на больничную порцію, — мнѣ стали давать котлеты съ большой примѣсью чеснока.

Въ первую весну моего пребыванія на Карѣ многіе заключенные переболѣли цынгой и, что всего страннѣе, она появилась у нѣкоторыхъ изъ наиболѣе здоровыхъ людей. Усиленное питаніе и предпринятое Прибылевымъ лѣченіе дали благоприятные результаты, — всѣ вскорѣ поправились, но у меня послѣдствія отъ этой болѣзни остались на многіе годы.

Особенно хорошо помню эту весну: какую-то ноющую, щемящую тоску испытывалъ я тогда. Это безцѣльное, бессмысленное существованіе въ стѣнахъ тюрьмы, когда все въ природѣ оживаетъ, дѣйствовало самымъ гнетущимъ образомъ на настроеніе. Чтеніе тоже не развлекало, не давало забыться: строки мелькали передъ глазами, не задѣвая мысли, не оставляя слѣда въ памяти. Вообще, въ такой обстановкѣ работаетъ только воображеніе, фантазія, и на умъ приходятъ одни лишь воспоминанія о невозвратномъ прошломъ. Умственные занятія, мало производительныя въ тюрьмѣ, по сравненію съ количествомъ затрачиваемыхъ на нихъ усилій и времени, — весной, когда все окружающее въ природѣ стремится къ жизни, становятся почти совершенно безрезультатными. Тюремная обстановка, а въ особенности настроенія заключенныхъ, мѣшаютъ имъ на чемъ-нибудь сосредоточиться. Память притупляется, мыслительныя способности ослабѣваютъ, и ясно чувствуешь, что, оставаясь тѣмъ же человѣкомъ, ты, однако, быстро поддаешься влиянію среды. Нерѣдко испытываешь состояніе, аналогичное тому, когда во снѣ что-нибудь тяжелое душитъ тебя. Но при этомъ нѣтъ даже стремленія устранить причины этого состоянія. За рѣдкими исключеніями, чувствуешь себя, какъ бы въ полуснѣ или въ просонкахъ: ты стараешься что-то припом-

нить, ловишь концы какихъ-то мыслей, но не можешь уцѣпиться за нихъ, задержать ихъ. Такъ бываетъ, когда, проснувшись, чувствуешь, что тебѣ что-то снилось, и ты хочешь, но не можешь припомнить что именно. Нельзя также сказать, чтобы особенно сильно жить хотѣлось: сознаніе ли невозможности очутиться на вольномъ воздухѣ, или общая подавленность тому причина, — только скорѣе чувствуешь равнодушіе къ жизни, даже болѣе того, — желаніе, чтобы безъ твоихъ усилій какъ-нибудь скорѣе наступилъ конецъ, чтобы, напр., заснувши, ужъ болѣе не просыпался бы. Такъ чувствуешь себя, возвращаясь съ похоронъ близкаго человѣка. «Зачѣмъ, зачѣмъ жить?» — не разъ задаешь себѣ въ тюрьмѣ вопросъ.

Тюрьма наша расположена была въ небольшой и узкой котловинѣ, окаймленной рядомъ невысокихъ сопокъ (холмовъ), которыя видны были со двора. Сопки эти покрыты жалкою растительностью, но весной онѣ издали казались намъ столь прекрасными и такъ манили къ себѣ! Кругомъ лишь хорошо утоптаннй дворъ, на которомъ ни кустика, ни малѣйшей травки, да почернѣвшія отъ времени и непогоды стѣны тюрьмы и высокія пали ограды. И смотреть съ грустью вдаль заключенный и думаетъ съ тоской: «не быть мнѣ тамъ на просторѣ, въ тѣни деревьевъ, на травѣ!»

Мало нужно узнику, чтобы чувствовать себя хорошо, но и это немного для него столь же неосуществимо, какъ желаніе приобрести крылья. Ужъ лучше бы быть больнымъ, разбитымъ физически, отягченнымъ многими годами жизни. Но нѣтъ, чувствуешь себя вполне здоровымъ, находящимся въ цвѣтущемъ возрастѣ. И не годъ, не два, а многіе, многіе годы проводишь за оградой, вдали отъ жизни, въ бездѣйствіи, безъ интересующаго тебя, цѣлесообразнаго занятія.

Пробовали заключенные просить «Кота», чтобы онъ разрѣшилъ устроить во дворѣ огородъ, — мѣста для этого было довольно, а такая работа была бы не только пріятна, но и полезна, такъ какъ доставила бы намъ кое-какія овощи, полное отсутствіе которыхъ столь вредно отражалось на нашемъ здоровьѣ. Злой «Котъ» отказалъ въ этомъ, потому, молъ, что для такой работы нужно было бы пропустить въ тюрьму лопаты, а при ихъ помощи, видите-ли, можно сдѣлать подкопъ и убѣ-

жать. И это при условіи, что на дворѣ постоянно присутствовали часовые и жандармы, на глазахъ которыхъ работали бы! Когда же одинъ изъ товарищей, получивъ съ воли нѣсколько штукъ цвѣточныхъ сѣмянъ, посылалъ ихъ въ ящикъ, наполненный землей, жестокій «Котъ» приказалъ жандарму унести и эту невиннѣйшую забаву, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ящикѣ съ землей можно спрятать что-нибудь незаконное. Подобнаго рода придирки и запрещенія выводили заключенныхъ изъ себя. Какъ ни были мы тогда миролюбиво настроены, но съ каждымъ мѣсяцемъ многимъ становилось все болѣе труднымъ сдерживать себя. Однажды, напр., «Котъ», какъ я уже говорилъ, никогда не рѣшавшійся заходить въ камеры, подошелъ къ дверному окошечку «Дворянки» и обратился къ сидѣвшему въ ней Моисею Диковскому съ какимъ-то вопросомъ. Последній, отвѣтивъ ему законническимъ и рѣзкимъ тономъ, хлопнулъ передъ самымъ носомъ «Кота» форточкой. Это произошло на глазахъ у жандармовъ. «Смотрите»,—обратился къ старостѣ «Котъ», еле сдерживая свое негодованіе: «я со всѣми вѣжливо, а мнѣ передъ носомъ хлопаютъ форточкой».

Къ лѣту слѣдующаго года раздраженіе наше готово было вылиться въ какой-нибудь рѣзкой формѣ. Подозрительный «Котъ» прекрасно чувствовалъ это, а потому совсѣмъ пересталъ показываться въ тюрьмѣ. Да и, вообще, онъ началъ остерегаться, такъ какъ зналъ, что нажилъ себѣ кругомъ враговъ. Совершенно одинокій «Котъ» сидѣлъ, запершись у себя, и, какъ передавали жандармы, ссорился съ своей кухаркой изъ-за излишнихъ расходовъ,—«Котъ» былъ неимоვნю скупъ и негостеприименъ. Онъ боялся выйти изъ дому, опасаясь нападенія съ чьей-либо стороны. Дѣйствительно, въ высшей степени странно, какъ его не убили,—такого рода актъ былъ бы вполне естественъ на Карѣ и вызвалъ бы всеобщее сочувствіе. Наконецъ, не въ моготу стала «Коту» такая жизнь, и онъ началъ бомбардировать начальство рапортами и телеграммами о переводѣ его на службу въ другое мѣсто, подъ предлогомъ разстройства здоровья. Весной 1887 г. просьба его была удовлетворена, и онъ уѣхалъ. Не мало людей на Карѣ, крестясь и не крестясь, напутствовали ненавистнаго «Кота» своими проклятіями. Мы вздохнули съ облегченіемъ.

Однообразно и тоскливо тянулась наша жизнь, особенно временами. Мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ проходили, не оставляя въ памяти почти никакого слѣда. День, походившій на другой, какъ двѣ капли воды, тянулся безконечно долго. Но вотъ минулъ годъ и, оглянувшись назадъ, рѣшительно нечего бывало вспомнить: прошлое безсодержательно, безцвѣтно, лишено сколько-нибудь крупныхъ, яркихъ фактовъ и происшествій. Нужно сдѣлать неимоверныя усилія надъ своей памятью, чтобы выжать изъ нея воспоминанія о такихъ событіяхъ, о которыхъ стоило бы подѣлиться съ другими. Не только, просыпаясь утромъ, каждый заранѣе зналъ, какъ у него самого и у его сокамерниковъ пройдетъ наступившій день, онъ отлично зналъ также, какъ пройдутъ всѣ слѣдующіе недѣли, мѣсяцы и годы. Лишь изрѣдка какое-нибудь незначительное, да и то въ большинствѣ случаевъ предвидѣнное, обстоятельство разнообразило эту убійственно монотонную и тоскливую жизнь. Давно изучены манеры, привычки и вкусы сокамерниковъ, заранѣе хорошо знаешь, что каждый изъ нихъ скажетъ или сдѣлаетъ по поводу того или другого обстоятельства или случая. Давно ты ему и онъ тебѣ надоѣлъ до чертиковъ и, кажется, не смотрѣлъ бы на него, убѣжалъ бы куда-нибудь, спрятался бы отъ всѣхъ. Но въ томъ-то и ужасъ совместной жизни заперти, что уйти-то нигуда нельзя. Годы, многіе годы подрядъ ты долженъ торчать всегда на виду у другихъ, не можешь, хотя бы на минуту, ни днемъ, ни ночью остаться одинъ. Заключенный въ общей камерѣ съ другими не только не имѣетъ своего уютнаго угла,—онъ не имѣетъ рѣшительно никакого. Присоедините къ этому тюремный режимъ, бритье половины головы, обязательно производившееся въ началѣ мѣсяца, вѣчный видъ жандармовъ, утреннія и вечернія повѣрки, еженедѣльные обыски, скудную, ограниченную пищу и проч.,—и вы поймете, какъ невыносимо съ годами становилось жить, какъ должны были разстраиваться нервы. Одинъ уже звукъ безпрестанно отпирываемаго и запираемаго тяжелаго замка и скрипъ дверей на ржавыхъ петляхъ доводили нѣкоторыхъ чуть ли не до изступленія. Раздражительность, вслѣдствіе нервнаго разстройства, доходила до невѣроятной степени, подчасъ совершенно непонятной и необъяснимой съ точки зрѣнія нор-

мальных, здоровых людей. У некоторых, правда, немногих, являлась неимоверная обидчивость и вспыльчивость, доходившая до бешенства. Из-за сущаго пустяка некоторые рвали отношения другъ съ другомъ и подымали скандалъ. Такъ, однажды, напр., два пріятеля, оба среднихъ лѣтъ и вполне интеллигентные люди, поссорились въ буквальномъ смыслѣ слова «изъ-за выѣденнаго яйца», такъ какъ споръ у нихъ зашелъ о химическомъ составѣ яичной скорлупы.

Такая раздражительность станетъ понятной, если вспомнимъ, что даже нѣжно любящія другъ друга лица, оставаясь долго одни, съ теченіемъ времени надоедаютъ одинъ другому. Что же должны были испытывать мы, не по личному желанію собравшіеся въ одно мѣсто, а насильно посаженные правительствомъ подъ замокъ, къ тому же, далеко не всѣ заслуживали симпатію и расположеніе.

Конечно, не все и далеко не всегда вызывало непріятности, огорченія и тяжелыя ощущенія, — бывали у насъ также хорошіе моменты, случались и радостныя происшествія. Наибольшее удовольствіе доставлялъ намъ приходъ почты, что зимою происходило разъ въ недѣлю, а лѣтомъ каждые десять дней. Не берусь описать, съ какимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ некоторые ожидали этого событія. Простаивая цѣлыми часами у ограды, такія лица высматривали сквозь щели отъѣздъ коменданта на почтовую станцію, находившуюся отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ, затѣмъ они также терпѣливо дожидались его возвращенія и немедленно оповѣщали остальныхъ о всемъ замѣчаемомъ ими. «Командантъ поѣхалъ на почту», — распространялось по тюрьмѣ. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время слѣдующая «телеграмма» сообщала о его возвращеніи и о томъ, что онъ привезъ много пакетовъ и посылокъ, или же, наоборотъ, мало того или другого. Съ почтой мы ждали полученія денегъ, писемъ, дозволенныхъ газетъ, журналовъ и книгъ. Но болѣе всего каждый въ душѣ лелѣялъ мысль, что, авось, на этотъ разъ почта принесетъ что-нибудь новое, неожиданное, радостное, что приблизитъ наступленіе дня нашего выхода изъ тюрьмы на волю. Всѣ такія ожиданія оказывались всегда тщетными, и надежды заключенныхъ разбивались, но мы тутъ же начинали возлагать ихъ на слѣдующія почты, — такъ смѣня-

лись ожиданія разочарованіями безъ конца. Иногда съ почтой приходили кому-нибудь подарки, гостинцы, лакомства, и, несмотря на разбитыя мечты, почта все же вносила большое разнообразіе въ монотонную тюремную жизнь. Рѣшительно всѣхъ, поэтому, интересовало содержаніе пришедшей почты. Отъ количества полученныхъ съ нею денегъ зависѣлъ нашъ бюджетъ и «эквивалентъ», а въ газетахъ и журналахъ попадались, хотя и скудные, но все же небезынтересныя извѣстія, касавшіеся русской и міровой жизни. По поводу всего узнаваемаго между некоторыми возникали споры и заключались пари. Но, какъ извѣстно, 80-ые годы были у насъ временемъ полнѣйшей реакціи, и извѣстія, вычитываемыя изъ газетъ, повергали многихъ заключенныхъ въ большое уныніе. Впрочемъ, далеко не всѣхъ; наши «патріоты» нерѣдко умилялись по поводу торжества политики царя-миротворца и возмущались, напр., «наглостью» Александра Баттенбергскаго, Стамбулова и всѣхъ «неблагодарныхъ братушекъ». Съ интересомъ слѣдили также за похождениями во Франціи авантюриста Буланже, нашедшаго себѣ среди заключенныхъ поклонника въ лицѣ Санковскаго, о которомъ я сообщу ниже. Въ общемъ, почти каждый разъ, послѣ прочтенія вновь полученныхъ періодическихъ изданій, оставалась полная неудовлетворенность, тяжелый и непріятный осадокъ. Намъ, какъ я уже упоминалъ, разрѣшены были лишь наименѣе интересныя и наиболѣе консервативныя органы печати, исключеніе почему-то составлялъ лишь либеральный «Вѣстникъ Европы». Нѣкоторые товарищи, прочитавъ отъ доски до доски вновь пришедшія газеты и книжки журналовъ, запоминали даже мелочи и пустяки; другихъ приходъ почты занималъ въ виду ожидаемыхъ ими извѣстій отъ родныхъ и близкихъ лицъ. Такимъ заключеннымъ много радости, но вмѣстѣ и горя, причиняла ихъ переписка съ родными: они находились въ постоянной тревогѣ и безпокойствѣ за своихъ близкихъ, такъ какъ письма съ родины шли безконечно долго, — около полутора или двухъ мѣсяцевъ, а во время весенней и осенней распутицъ, продолжающихся въ Сибири по нѣсколько недѣль, еще того дольше. Письма отъ близкихъ лицъ, конечно, не только предварительно прочитывались комендантомъ, но, сверхъ того, еще смазывались имъ по-

луторахлористымъ желѣзомъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь написаннаго химическими чернилами. Размѣръ и число писемъ отъ родныхъ не были ограничены. Но, что особенно огорчало насъ, это невозможность самимъ отвѣчать на письма отъ своего имени: намъ разрѣшалось только отъ имени коменданта на открыткахъ увѣдомлять отправителя о полученіи его письма, денегъ и пр., а также лишь о своемъ здоровьѣ и о присылкѣ дозволенной вещи или книги, въ такой приблизительно формѣ: «Сынъ Вашъ (или братъ, мужъ) здоровъ, присланные Вами столько-то рублей (или такія-то вещи, книги) получилъ и проситъ выслать ему то-то и то-то; затѣмъ слѣдовала подпись коменданта. Такимъ образомъ, по тексту этихъ извѣщеній, написанныхъ самими заключенными, отправители могли убѣдиться, что ихъ посылки дошли до адресата.

Какъ ни была подчасъ тяжела такая переписка, но и ей нерѣдко завидовали нѣкоторые изъ одинокихъ людей, вовсе никогда не получавшіе писемъ, а такихъ лицъ у насъ было не мало. Съ какимъ уныніемъ, бывало, иной изъ нихъ смотритъ на переданное его товарищу письмо. Случалось мнѣ слышать иногда грустнымъ тономъ произнесенное восклицаніе: «хоть бы мнѣ кто-нибудь написалъ когда!» Дѣйствительно, сидѣть въ теченіе многихъ лѣтъ въ тюрьмѣ, заброшенной на дальней окраинѣ Восточной Сибири, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины, сознавая, что нигдѣ нѣтъ близкой души, могущей вспомнить о тебѣ, невыносимо тяжело. А такихъ лицъ, повторяю, у насъ было не мало. Зато какая же являлась радость, когда случалось, что кто-нибудь изъ этихъ забытыхъ людей неожиданно получалъ откуда-нибудь письмо. Такой счастливецъ по этому поводу устраивалъ угощеніе на свою камеру, дѣлалъ общій чай. И долго потомъ рассказывалъ онъ другимъ объ этомъ радостномъ событіи, вычитывая наиболѣе близкимъ своимъ товарищамъ сообщенныя ему новости.

Угощенія сокамерникамъ устраивали нерѣдко также и лица, находившіяся въ постоянной перепискѣ съ родными, по полученіи особенно радостныхъ для нихъ извѣстій: таковъ уже былъ обычай. Содержаніе подобнаго письма облетало всѣ камеры, иногда же получатель дѣлалъ изъ него выписку вообще инте-

ресныхъ мѣстъ и пускалъ ее по тюрьмѣ. Хотя коменданты, въ особенности же «Котъ», самымъ тщательнымъ образомъ зачеркивали въ письмахъ все лишнее, но мы ухитрялись получать съ воли всякаго рода новости, — въ этомъ отношеніи наша изобрѣтательность была почти безгранична. Мало того, намъ иногда удавалось, несмотря на самый тщательный просмотръ всякой поступавшей въ тюрьму вещи, получать съ воли запрещенныя въ Россіи изданія, проходившія чрезъ руки самихъ комендантовъ. Такъ, однажды я написалъ за границу, чтобы книгоиздатель Дицъ изъ Штутгарта выслалъ мнѣ за нѣсколько лѣтъ «Neue Zeit», журналъ, конечно, запрещенный не только для каторжанъ, но и вообще русскимъ подданнымъ. Исключенія въ этомъ отношеніи дѣлаются у насъ, какъ извѣстно, только для лицъ «превосходительныхъ» и имѣющихъ на то особое разрѣшеніе. Зная объ этомъ правилѣ, я попросилъ адресовать названный журналъ такимъ образомъ: «Его превосходительству г-ну губернатору Забайкальской области для Льва Дейча». Я рассчитывалъ, что иностранная цензура пропуститъ этотъ журналъ, какъ адресованный столь высокопоставленному лицу, которое уже само знаетъ, можно или нельзя передать его мнѣ. Затѣмъ я предположилъ, что губернаторъ, получивъ этотъ журналъ, не станетъ его лично разсматривать и справляться, дозволенъ ли онъ или нѣтъ, а прямо отправитъ его коменданту съ предложеніемъ сдѣлать это. Мои предположенія оправдались: новый комендантъ, замѣнившій «Кота», однажды сообщилъ мнѣ, что на мое имя получился какой-то иностранный журналъ, но онъ не можетъ его мнѣ выдать, такъ какъ не въ состояніи рѣшить, дозволеннаго ли онъ (журналъ) характера.

— Возьмите русско-нѣмецкій словарь, — посоветовалъ я; тамъ вы найдете, что «Neue» значитъ «новое», а «Zeit» — «время». Этотъ журналъ почти то же самое, что наше «Новое Время». А вы, конечно, понимаете, что такого направленія журналъ намъ можетъ быть дозволенъ.

— Да? такъ это такой же журналъ, какъ и наше «Новое Время»? Тогда, конечно!

Не знаю, справлялся ли комендантъ съ нѣмецко-русскимъ словаремъ, но вскорѣ мнѣ доставлены были нумера «Neue Zeit»

за нѣсколько лѣтъ. Легко представить себѣ мою радость, да и нѣкоторыхъ другихъ товарищей, знавшихъ нѣмецкій языкъ и интересовавшихся социалистическимъ вопросомъ. Впрочемъ, даже и среди лицъ, равнодушныхъ къ послѣднему, этотъ журналъ вызвалъ не мало толковъ. Нѣкоторые изъ наиболее интересныхъ статей читались à livre ouvert или переводились на бумагѣ. Статьи эти дали не мало пищи вообще для толковъ и въ особенности для нападокъ на нѣмцевъ, на социалдемократовъ и на ихъ вожаковъ. Пускались въ сравненія и параллели между русскими и нѣмецкими писателями. При этомъ, конечно, первые — Михайловскій, В. В. и т. п. оказывались неизмѣримо выше стоящими «какихъ-нибудь» Каутскихъ, Либкнехтовъ и Меринговъ.

Мы получили также всѣ вышедшіе номера «Соціалдемократа», издававшегося Плехановымъ и товарищами, но, само собой разумѣется, здѣсь мнѣ неудобно передавать, какимъ способомъ. Помѣщенные въ этомъ органѣ статьи Плеханова по поводу беллетристовъ-народниковъ, а также о Чернышевскомъ, вызвали среди большинства заключенныхъ грома негодованія, и по его адресу сыпалась брань. Подобно бѣднымъ провинціаламъ, нѣкоторые заключенные «въ критикѣ» также видѣли только одно лишь «ругательство» и, часто не понимая смысла статей Плеханова, но видя, что онъ не превозноситъ до небесъ любимыхъ ими писателей, что онъ осмѣливается тѣ или другіе взгляды послѣднихъ не одобрять, находили такое его отношеніе «ужаснымъ, возмутительнымъ, преступнымъ». Мнѣ, какъ единомышленнику Плеханова, при сей okazji также, конечно, не мало доставалось. Но «капля долбитъ камень», говоритъ латинская пословица, и подъ вліяніемъ, какъ перечисленныхъ журналовъ, такъ и вызывавшихся ими споровъ, постепенно то тотъ, то другой начиналъ колебаться въ правильности народническихъ и террористическихъ взглядовъ.

Само собою разумѣется, что кромѣ officialнаго пути для полученія корреспонденціи съ воли, у насъ почти всегда имѣлся также и конспиративный способъ, устраивавшійся посредствомъ подкупа и всякаго рода ухищреній. Такой нелегальной почтой, большей частью функционировавшей довольно правильно, мы пользовались для сношеній съ женскою тюрьмой и съ

вольной командой. Благодаря этой почтѣ, мы почти всегда довольно хорошо знали, какъ живутъ заключенныя женщины и вольно-команды, а также получали свѣдѣнія о жизни политическихъ ссыльныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Какъ я уже упоминалъ, по полученіи почты комендантъ сообщалъ старостѣ, а послѣдній, подойдя къ двернымъ окошечкамъ, объявлялъ по всѣмъ камерамъ, кому сколько прислано было денегъ и общую сумму всей полочки, такъ какъ размѣръ ея былъ для насъ очень важенъ. Въ свою очередь и бібліотекарь также сообщалъ каждый разъ, что имъ получено съ почтой. Онъ велъ особыя очереди раздачамъ по камерамъ, какъ періодическихъ изданій, такъ и вновь пришедшихъ книгъ. Если кто-нибудь получалъ личный подарокъ, — бѣлье, обувь и пр., то, смотря по желанію получателя, такія вещи оставались имъ у себя или онъ оставлялъ ихъ въ распоряженіе старосты. Послѣдній въ этомъ случаѣ объявлялъ по камерамъ о поступившихъ къ нему вещахъ, и желавшіе получить ихъ записывались, а затѣмъ бросали жребій. Но приходившими съ почтами на чье бы то ни было имя лакомствами или колониальными продуктами распоряжался самъ староста. Онъ дѣлилъ такіе продукты на число сидящихъ въ каждой камерѣ и передавалъ въ послѣднюю причитающуюся ей часть: затѣмъ лицо, которое мы иногда называли «общимъ дѣлителемъ», съ аптекарской точностью распредѣляло полученный гостинецъ между всѣми сокамерниками, проявляя при этомъ подчасъ изумительную находчивость и сообразительность, чтобы достигнуть полного равенства и справедливости. Этотъ же «общій дѣлитель», имѣвшійся въ каждой камерѣ и бывший въ большинствѣ случаевъ, если не математикомъ по специальности, то во всякомъ случаѣ лицомъ, практически знавшимъ хорошо четыре правила ариѳметики, — разливалъ всѣмъ «баланду» и раскладывалъ «каждый имѣть» и другія кушанья въ чашки.

Стремленіе къ равенству доходило у нѣкоторыхъ чуть не до мании; иной чувствовалъ даже неловкость, что ему родные посылаютъ то ту, то другую вещь, когда другіе ничего не получаютъ. Но встрѣчались и мелко эгоистичные люди, которые, повидимому, неохотно дѣлились съ другими своими полочками. Такихъ лицъ было, правда, немного, и они далеко не пользо-

вались расположением остальных. Даже относительно новых книг некоторые из товарищей не считали себя вправе выписывать их по личному вкусу, — они предлагали, чтобы все заключенные принимали участие в составлении списка по индивидуальному желанію каждого. Чтобы и в этом отношении достигнуть полного равенства, Феликс Конь сообщил, что близкіе ему люди могут ежегодно жертвовать известную сумму и предоставил эти деньги в распоряжение желавших участвовать в выпискѣ новых книг; сумма эта затѣм номинально дѣлилась между всеми заключенными и, таким образом, каждый располагал правом выписать себѣ какую-нибудь книгу на определенное число рублей; при этом, если данное сочинение стоило больше причитавшейся на долю каждого суммы, то нѣсколько человекъ вступали между собою по этому поводу въ соглашение. Этимъ путемъ достигалось удовлетвореніе самыхъ разнообразныхъ вкусовъ, — и любителей легкаго чтенія и «мухоморовъ», какъ называли у насъ людей, читавшихъ такіа серьезные книги, отъ которыхъ распространялась убивавшая мухъ скука.

Кромѣ почты, немалое удовольствіе, какъ я уже вскользь упоминалъ, доставляла многимъ еще баня, въ особенности, если она приходилась въ тѣ субботы, когда, бывало, кончаешь дежурство на кухнѣ. Послѣ семидневнаго пребыванія въ грязи и всякаго рода непріятной возни, каждый дѣйствительно испытывалъ большое физическое наслажденіе отъ бани и отъ перемѣны до невозможности загрязненнаго на кухнѣ бѣлья. Затѣмъ, хорошо помывшись и одѣвши свѣжее бѣлье, съ наслажденіемъ, бывало, возвращаешься въ камеру, зная, что на нѣсколько недѣль освободился отъ тяжелой и непріятной обязанности. Растягиваешься на нарахъ, расправляя до нельзя уставшіе члены, съ удовольствіемъ попиваешь горячій чай и предаешься полному блаженству, — ничего, что грубое, толстое бѣлье, не богъ вѣсть какъ чисто тобою же вымытое, немного деретъ тѣло; не бѣда, что сѣрый арестантскій халатъ не отличается удобствомъ и изяществомъ, — ты все же чувствуешь себя превосходно въ этотъ вечеръ, а также и въ слѣдующее послѣ дежурства воскресенье, въ особенности, когда и пришедшая въ одинъ изъ этихъ дней почта, что иногда и случалось,

принесла письмо, а то и какой-нибудь неожиданный гостинецъ.

— Что, сибаритничаєте? Эхъ, вы, эшкуреецъ! — говоритъ, глядя на васъ, кто-нибудь изъ товарищей, по собственному опыту знающій, какъ пріятно въ такіе дни лежать, растянувшись на нарахъ, съ газетой или журналомъ въ рукахъ.

Иного рода удовольствіе доставляла многимъ очень распространенная у насъ въ тюрьмѣ игра въ шахматы. Она не была у насъ запрещена и нѣкоторые (Яцевичъ и Зубрицкій) достигли въ ней довольно большого совершенства. По примѣру великихъ шахматистовъ, у насъ также устраивались состязанія на определенное число мачей и, конечно, съ «крупными» преміями: на чай, сахаръ и т. п. Въ этихъ случаяхъ, даже и лица, неумѣвшія играть, заинтересовались ходомъ состязаній нашихъ знаменитостей, и о результатахъ каждой партіи немедленно распространялись по тюрьмѣ «телеграммы».

Былъ у насъ также хорошо спѣвшійся хоръ, имѣвшій довольно большой и разнообразный репертуаръ, начиная отъ оперныхъ арій и грустныхъ малороссійскихъ и кончая разухабистыми великорусскими пѣснями; пѣлись, конечно, также марсельеза и другіе революціонныя пѣсни. Съ отъездомъ Николина въ тюрьмѣ появились и самодѣльные скрипки, на которыхъ два-три товарища, къ немалому огорченію сокамерниковъ, упражнялись. И — нѣ же и еще кто-то въ «Синедрионѣ» предпочитали драть уши своихъ товарищей игрой на гребняхъ; отъ бездѣйствія онъ любилъ также развлекаться отгадываніемъ устныхъ шарадъ, чѣмъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ лишалъ другихъ возможности заниматься. При этомъ иной сочинялъ иногда такую чушь, что въ камерѣ раздавался громкій хохотъ.

— Угадайте, что будетъ: «быкъ» съ женскимъ окончаніемъ? — задастъ какой-нибудь неискусный изобрѣтатель шараду.

Но никто не можетъ отгадать ее. Оказывается, что сей странный «быкъ» ничто иное, какъ шахматная фигура — тура.

Съ пріѣздомъ какихъ то новичковъ распространилась и игра въ винтъ, впервые тогда появившійся у насъ въ Россіи. Нѣкоторые до того увлекались этой игрой, что проводили за ней безъ перерыва по нѣсколько дней. Иной изъ такихъ игроковъ

доходилъ до полного одурѣнія и, просовывая голову въ дверное окошко, кричалъ жандармамъ: «дежурный, пась!», вмѣсто—«откройте». Но большинство крайне отрицательно относились къ этому развлеченію въ однообразной, монотонной нашей жизни.

Зимою не малое удовольствіе любителямъ доставляло также катанье на салазкахъ съ ледяной горки. Катокъ устраивался на нашемъ, имѣвшемъ небольшой наклонъ, «бульварѣ», какъ мы называли то мѣсто на дворѣ, гдѣ обыкновенно гуляло большинство заключенныхъ. Съ этого мѣста съвозъ щели между палами видны были пробѣгая дорога и помѣщенія коменданта, зрителя и другихъ служащихъ.

Одинъ изъ преемниковъ Николина разрѣшилъ намъ, наконецъ, завести во дворѣ огороды, и съ наступленіемъ весны у насъ закипѣли работы. Нѣкоторые любители природы предавались этому занятію съ увлеченіемъ (Павло Ивановъ, Зунделевичъ, Звонкевичъ, Стефановичъ): они самымъ тщательнымъ образомъ воздѣлывали свои грядки, уваживали ихъ, поливали, полости и вообще ухаживали за каждымъ растеніемъ, какъ за любимымъ дѣтищемъ. Были между огородниками также и любители цвѣтовъ; мнѣ же особенно нравились подсолнухи, и я понатыкалъ ихъ сѣмена вдоль нашего «бульвара». Къ концу лѣта подсолнухи выросли большими и стояли на своихъ толстыхъ стебляхъ вытянувшись, какъ солдаты, на часахъ, по прямой линіи и какъ бы съ грустью покачивали иногда своими верхушками, когда мимо нихъ прогуливались заключенные.

Заканчивая перечень Карійскихъ развлеченій, я долженъ упомянуть и объ игрѣ въ городки. За этой забавой, особенно полезной въ тюрьмѣ, какъ физическое упражненіе, нѣкоторые любители проводили значительную часть лѣтняго дня; между ними также устраивались состязанія, результатами которыхъ интересовалось все населеніе нашей тюрьмы.

Всѣ такого рода развлеченія распространились при преемникахъ Николина. Первый изъ нихъ, ротмистръ Яковлевъ, назначенный къ намъ временно, въ значительной степени измѣнилъ къ лучшему существовавшій у насъ при «Котѣ» режимъ. Это, повидимому, былъ не дурной отъ природы человекъ. Исполняя существовавшую инструкцію, онъ не старался причинять намъ

излишнія непріятности и чрезмѣрными формальностями и придирками не ухудшалъ нашего положенія. Можетъ быть, такое его поведеніе объяснялось тѣмъ, что онъ присланъ былъ лишь на время до пріѣзда назначеннаго изъ Петербурга коменданта, жандармскаго подполковника Масюкова; возможно также, что нежеланіе Яковлева ухудшать наше положеніе обуславливалось бывшею у него, и вообще распространенной у насъ нерѣдко среди недурныхъ людей, слабостью къ алкоголю. Какъ бы то ни было, но при немъ мы вздохнули нѣсколько свободнѣе и не безъ сожалѣнія и тревоги, думали объ его отъѣздѣ и о пріѣздѣ подполковника Масюкова. «Каковъ то будетъ новый комендантъ?» — говорили мы, строя различныя предположенія. Спустя полгода, зимой 1887 года, пріѣхалъ Масюковъ и тотчасъ же, въ сопровожденіи Яковлева, обошелъ наши камеры.

Это былъ небольшого роста, бритый, съ сѣдыми усами и, волосами юркій человекъ, лѣтъ 50 съ чѣмъ то на видъ, производившій впечатлѣніе тощей, общипанной курицы. Говорилъ онъ жалобнымъ, пискливымъ голосомъ и, какъ вскорѣ оказалось, былъ совершенно безхарактернымъ, въ полномъ смыслѣ слова, тряпичнымъ человекомъ, къ большому нашему несчастью. Не злой и недалекій отъ природы человекъ, Масюковъ совсѣмъ не походилъ на жандармскаго офицера. Да онъ и не годился вовсе на выбранную имъ службу, — въ жандармы онъ попалъ по несчастному для него стеченію обстоятельствъ.

Нѣкогда гвардейскій офицеръ и состоятельный помѣщикъ Полтавской губерніи, Масюковъ, бросилъ службу, поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ задавалъ пиры и широко игралъ въ карты. Будучи затѣмъ выбранъ въ уѣздные предводители дворянства, онъ еще усерднѣе сталъ играть въ карты, спустил все до гла и влѣзъ въ долги. Тогда, для поправленія разстроенныхъ финансовъ и пріобрѣтенія средствъ къ существованію, онъ поступилъ въ жандармскіе офицеры, служба которыхъ вообще оплачивается у насъ лучше другой подобной же, въ особенности на крайнемъ востокѣ: комендантъ на Карѣ, не считая огромныхъ подъемныхъ и прогонныхъ, получалъ до 5000 руб. въ годъ, при готовой квартирѣ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, прислугой, выѣздными лошадьми и пр. Какъ бывшаго гвардейскаго офицера и предводителя дворянства, Масюкова произвели въ подполков-

ники, а такъ какъ у насъ на Карѣ сдѣлалась вакантною должность коменданта, то его и назначили къ намъ. Какъ въ послѣдствіи онъ самъ сообщалъ кому-то изъ товарищей, отправляясь къ намъ, онъ имѣлъ намѣреніе, поскольку отъ него зависѣло, облегчить наше положеніе. Но добрыми намѣреніями, извѣстно, адъ вымощенъ, и то, что всѣмъ политическимъ каторжанамъ пришлось перенести при Масюковѣ, не испытали они ни при комъ изъ его предшественниковъ.

При Масюковѣ намъ дѣйствительно стало значительно свободнѣе, чѣмъ было при «Котѣ»: наши камеры днемъ почти вовсе не запирались, мы могли свободно прогуливаться по коридору и по двору, могли переселяться въ любое время изъ одной камеры въ другую. Какъ я уже упоминалъ, у насъ имѣлась еще пустая камера, въ которой одно время помѣшался Цыпловъ; но съ переводомъ его въ уголовную тюрьму она оставалась совершенно пустой, подъ замкомъ, такъ какъ «Котъ» по какимъ-то своимъ таинственнымъ соображеніямъ не позволялъ намъ въ ней помѣщаться. Масюковъ же разрѣшилъ намъ занять и эту камеру, послѣ чего, понятно, во всѣхъ стало свободнѣе и удобнѣе. Мы получили отъ него также разрѣшеніе пользоваться въ лѣтніе мѣсяцы и находившимися въ отдѣльномъ зданіи на нашемъ же дворѣ одиночками и, что всего важнѣе, — Масюковъ же дозволилъ намъ завести вышеупомянутые огороды. Благодаря предоставленному въ наше распоряженіе зданію одиночекъ, многіе получили возможность пользоваться уединеніемъ въ теченіе лѣтняго дня. Въ этомъ же зданіи происходили общія чтенія вслухъ, устраивавшіяся лицами, нежелающими мѣшать другимъ; тамъ же, Прибылевъ читалъ лекціи по анатоміи и физиологіи для нѣсколькихъ охотниковъ. Но что было особенно важно, въ это же зданіе забирались со своими ужасными самодѣльными скрипками любители музыки, чтобы своей игрой не раздражать остальныхъ заключенныхъ.

Полученіе разнаго рода вещей съ воли было также въ значительной степени облегчено, и у насъ совершенно открыто, не таясь и не пряча инструментовъ, стали заниматься нѣкоторыми ремеслами. Въ тюрьму были пропущены верстаки и разные инструменты, и тогда имѣвшіеся у насъ мастера еще въ большей степени, чѣмъ раньше, стали проявлять свои дарованія

и искусство. Появился даже фотографъ-любитель: мѣстные наши мастера устроили для него камеръ-обскуры; луна получена была имъ съ воли, пластинки приготавливались въ тюрьмѣ, и нашъ фотографъ началъ упражняться въ сниманіи сценокъ изъ тюремной жизни. Много другихъ еще льготъ приобрѣли мы во время завѣдыванія тюрьмой Масюковымъ.

ГЛАВА XXIV.

Участники крупныхъ процессовъ.

Съ предоставленіемъ въ наше пользованіе пятой камеры, у насъ произошло «великое переселеніе народовъ». Такъ какъ изъ разныхъ камеръ явились охотники переселяться въ новую, то и вообще произошла нѣкоторая перетасовка во всѣхъ остальныхъ. Тогда и я со Стефановичемъ рѣшили перейти въ номеръ четвертый, или «больницу», въ которой вмѣсто наръ были койки и, кромѣ общаго стола посрединѣ, имѣлись еще маленькіе столики между каждыми двумя кроватями. Пребываніе въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ «Синдріонѣ» и необходимость слышать никогда непрекращавшуюся болтовню П—на, намъ со Стефановичемъ стало не въ ногу, и мы обрадовались возможности перемѣнить мѣсто жительства.

Въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ моего пребыванія въ тюрьмѣ контингентъ ея населенія очень мало измѣнился: въ вольную команду и на поселеніе вышло всего нѣсколько чловѣкъ, и почти столько же прибыло новичковъ. Кромѣ Спандони, оставшагося, какъ я уже сообщалъ, въ Красноярскѣ и пришедшаго на Кару весной 1886 г., зимою того же года къ намъ пріѣхали: осужденные по процессу «Пролетаріата» въ Варшавѣ пять чловѣкъ: Дулембо, рабочій пивоваръ, приговоренный къ 13 годамъ каторжныхъ работъ; Феликсъ Конъ, варшавскій студентъ — къ 8 годамъ; Николай Люри, военный инженеръ-капитанъ, которому смертная казнь была замѣнена 20-ю годами каторги; Маньковскій, рабочій изъ Австріи — къ 16 годамъ и Рехневскій, окончившій юридическій факультетъ въ Петербургѣ и осужденный на 14 лѣтъ каторжныхъ работъ. Зимою 1887—8 г.

въ нашу тюрьму прибыли: осужденный по процессу 1-го марта 1887 г. за покушеніе на Александра III — Пашковскій — на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ, а также, по самостоятельному дѣлу, за оскорбленіе въ прошеніи царя — рабочій Оссовскій, приговоренный къ 6-ти годамъ каторги. Затѣмъ, лѣтомъ и осенью 1888 г. прибыли еще: кандидатъ Петербургскаго университета поэтъ Петръ Якубовичъ, осужденный по процессу Лопатина на 18 лѣтъ каторжныхъ работъ, и его сопроцессникъ, Василій Сухомлинь, осужденный на 15 лѣтъ.

Разъ попавъ въ какую-нибудь камеру, многіе очень неохотно мѣняли ее на другую, — между заключенными развился своеобразный камерный патриотизмъ: каждый считалъ свою камеру наилучшей и, конечно, не давалъ ее въ обиду, — онъ всегда и во всемъ отстаивалъ сокамерниковъ, гордился ихъ успѣхами, выигранными ими пари и пр. Менѣ всего, кажется, заражены были этой чертой обитатели «больницы», вѣроятно потому, что, за исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, всѣ остальные были народъ кочевой, переселившійся изъ другихъ камеръ. Общимъ духомъ своимъ больница отличалась отъ «Дворянки» и «Синедриона». Да и вообще каждая камера имѣла свой специфическій характеръ. Обитатели «больницы» жили какъ-то изолированно, замкнуто; въ ней мало раздавалось шутокъ, смѣха, и, за небольшимъ исключеніемъ, каждый чѣмъ-нибудь былъ занятъ.

Наиболѣе оригинальнымъ человѣкомъ не только въ больницѣ, но и во всей тюрьмѣ, являлся Л. З—скій. Бывшій студентъ Петербургскаго технологическаго института, Л. З—скій судился по процессу 20-ти въ 1882 г., вмѣстѣ съ Александромъ Михайловымъ, Сухановымъ, Флоренко и др., и приговоренъ былъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ. Въ отличіе отъ своего брата, онъ никогда не былъ активнымъ революціонеромъ, но, обладалъ выдающимися математическими способностями, З—скій въ началѣ 80-хъ годовъ помогалъ террористамъ своими совѣтами по технической части. Въ тюрьму онъ попалъ уже въ пожиломъ возрастѣ и, когда мы съ нимъ встрѣтились на Карѣ, ему было лѣтъ подъ сорокъ. Еще на волѣ Л. З—скій былъ извѣстенъ многимъ, какъ прирожденный изобрѣтатель-неудачникъ. Въ тюрьмѣ же эта склонность дошла у него до мани. И чего только не изобрѣталъ онъ у насъ! Прежде всего онъ занялся проектомъ

«круглаго города». Въ этомъ своего рода «фаланстерѣ», гдѣ всѣ должны были, конечно, пользоваться одинаковыми правами и благами, — рѣшительно все, по проекту изобрѣтателя, должно было производиться путемъ электричества. Даже растенія должны были произрастать при посредствѣ послѣдняго, такъ какъ солнечный свѣтъ, а слѣдовательно, и теплота, какъ силы, не постоянно дѣйствующія, совершенно изгонялись нашимъ оригинальнымъ изобрѣтателемъ изъ его коммунистическаго государства. Но, не осуществивъ по «независящимъ обстоятельствамъ» этого плана, З—скій приступилъ къ другому. Услыхавъ о появленіи изобрѣтателей волапука, онъ рѣшилъ составить свой собственный. Но, какъ и во всемъ остальномъ, З—скій и въ этомъ изобрѣтеніи былъ чрезвычайно оригиналенъ. Его волапукъ былъ построенъ слѣдующимъ образомъ. Всѣ науки распредѣляются въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная отъ болѣе и переходя къ менѣе точнымъ, — по системѣ, напр., Конта или Спенсера; затѣмъ, каждая изъ нихъ съ ихъ подотдѣлами и разновидностями обозначается какими-нибудь опредѣленными звуками. «Напримѣръ», поясняетъ нашъ изобрѣтатель: «теперь приходится запоминать безконечное число словъ, которые сами по себѣ не даютъ никакихъ свѣдѣній; это бесполезно отягощаетъ память. Ну, что значать «Тула», «Чита»?! — Безсмысленные звуки! А между тѣмъ, по моей системѣ, названіе города или какого-нибудь другаго мѣста будетъ обозначаться звуками, которые покажутъ, въ какой долготѣ и на какой широтѣ находится данное поселеніе. Поэтому «Чита», напр., будетъ обозначена звуками, показывающими сперва мѣсто географіи въ системѣ наукъ, а затѣмъ уже и ея положеніе на земномъ шарѣ, и выйдетъ нѣчто въ такомъ родѣ: «ту-ка-по-ре-са-ви-ну-та-ди» и т. д.

Въ другой разъ нашъ изобрѣтатель носился съ планомъ постройки такого летательнаго снаряда, при помощи котораго мы, всѣ заключенные, не только сразу поднялись бы въ высь, но неслись бы тамъ со скоростью, превосходящей быстроту движенія земного шара... Не было почти ни одной области человѣческой мысли или дѣятельности, которую З—скій не удостоилъ бы своимъ вниманіемъ и не попытался бы перевернуть своими изобрѣтеніями или усовершенствованіями. Онъ создалъ свою теорію стоимости, медицину, гигиену; не игнорировалъ также

прозаическихъ занятій: кулинарное искусство, мойку бѣлья, чистку картофеля, шитье платья и обуви, постройку печей и проч. Даже развлечения и игры онъ не оставлялъ въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь производились,—словомъ, всюду Л. З—скій измышлялъ что-нибудь совершенно новое, переворачивавшее вверхъ дномъ всё наши понятія, привычки и вкусы. Какъ ранѣе, конечно, можно догадаться, рѣшительно всё безъ исключенія изобрѣтенія З—скаго страдали однимъ небольшимъ недостаткомъ,—полной непримѣнимостью, неосуществимостью. Онъ, конечно, этого нисколько не признавалъ и, оставаясь при убѣжденіи въ совершенствѣ своего изобрѣтенія, вскорѣ самъ его оставлялъ и съ прежнимъ пыломъ принимался за новый. Вообще въ характерѣ З. было много страннаго, ненормальнаго. Такъ, не будучи вовсе больнымъ и пользуясь значительной физической силой, онъ абсолютно отказывался принимать какое бы то ни было участіе въ общихъ работахъ. Превративъ день въ ночь и наоборотъ, онъ, заисключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда подавалась пища и когда онъ спалъ, расхаживалъ по камерѣ, крутя усь и обдумывая свои изобрѣтенія. Умственнымъ трудомъ онъ также не любилъ заниматься, и я едва ли ошибусь, если скажу, что З—скій за многіе годы пребыванія въ тюрьмѣ, быть можетъ, не дочиталъ до конца ни одной книжки. Въ журналы и газеты онъ рѣшительно никогда не заглядывалъ. Кромѣ изобрѣтательной маніи, была у него другая, не менѣе, если не болѣе еще въ немъ сильная, это—собираніе всякаго годнаго и негоднаго хлама. Въ этомъ отношеніи онъ положительно могъ бы конкурировать съ Плюшкинымъ. Собирая все, что ни подворачивалось и складывая въ мѣшки (гвозди, кусочки кожи, кувна и пр.), онъ набрасывался даже на всякую недофѣденную другими пищу, сливалъ жидкое въ свои чашки, а твердые остатки складывалъ въ особый мѣшочекъ; все это у него квасилось по много дней, а то и по нѣсколько недѣль, издавая неприятный запахъ; но онъ доказывалъ, что для его желудка пища именно тогда хороша, когда она уже подверглась сильному броженію. Въ баню онъ ходилъ не болѣе двухъ-трехъ разъ въ году, да и то мылся въ ней, когда она уже остывала, и лишь теплой водой,—тоже вслѣдствіе теоріи, что организмъ его не выноситъ ничего горячаго. Бѣлье онъ также крайне рѣдко

мѣнялъ и носилъ самый фантастическій костюмъ. Получить отъ него какую-нибудь изъ накопленныхъ имъ вещей было чѣмъ-то экстраординарнымъ. Легко представить себѣ, что о Л. З—скомъ по тюрьмѣ циркулировало всегда безконечное число анекдотовъ, одинъ другого юмористичнѣе. Несомнѣнно, однако, что онъ былъ очень умнымъ и способнымъ человѣкомъ; но у него чего-то не хватало,—у насъ его называли, по терминологіи Ломброзо,—«матондомъ», что было довольно вѣрно.

У всей революціонной молодежи есть много общаго въ нравахъ, обычаяхъ, пріемахъ, но особенно такая общность развивается, конечно, послѣ совмѣстнаго пребыванія въ тюрьмѣ. Въ этомъ отношеніи нѣсколько отличался отъ другихъ Л—и: онъ мало походилъ на русскаго революціонера, да въ сущности и не былъ имъ. Странно сложилась судьба его: честный, исполнительный и знающій свое дѣло инженеръ, онъ былъ строителемъ какого-то форта въ Царствѣ Польскомъ, когда познакомился съ мировымъ судьей Бардовскимъ, служившимъ въ Варшавѣ, и имѣвшимъ сношенія съ Гуницкимъ, Варынскимъ и другими членами польской организаціи «Пролетаріатъ». Объ этихъ сношеніяхъ узнала полиція, и Л—и былъ арестованъ; какъ военно-служащій, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая, вслѣдствіе поданнаго имъ прошенія, замѣнена была ему 20 лѣтней каторгой. Рѣшительно никто изъ лично знавшихъ «капитана», какъ мы его называли, не могъ поставить ему въ вину этотъ поступокъ. Наоборотъ, скорѣе надо было удивляться, что «капитанъ», нераздѣлявшій политическихъ взглядовъ революціонеровъ, мирился со своею участію и, будучи на Карѣ, ничего не предпринималъ для того, чтобы добиться полнаго помилованія. Умный отъ природы человѣкъ, довольно свѣдущій въ инженерной области, онъ и на Карѣ нисколько не стремился пріобрѣсти какія-либо политическія воззрѣнія. Его же собственныя симпатіи, привычки и традиціи склоняли его къ монархическимъ взглядамъ. Товарищемъ капитанъ оказался прекраснымъ; онъ всегда былъ готовъ исполнить любую работу и охотно брался за всякій физическій трудъ, но рѣзко возставалъ противъ какого-либо нарушенія принципа равенства, противъ всякихъ привилегій. Не имѣя ни малѣйшей склонности къ какимъ-либо социальнымъ вопросамъ и считая ихъ «философіей»,

что на его языкѣ означало нелѣпость, безсмыслица и т. п., онъ интересовался, кромѣ математики, только исторіей и беллетристикой. Не знаю, обладалъ ли капитанъ склонностью къ дебатамъ отъ природы или онъ заразился ею въ революціонной средѣ,—вѣроятно дѣйствовало то и другое, но Л—и вступалъ въ дебаты по поводу самыхъ отвлеченныхъ предметовъ и любимыхъ житейскихъ вопросовъ. Спорилъ онъ горячо, со страстью, не безъ остроумія и находчивости, поражая собесѣдника парадоксами. Благодаря честному и прямому характеру, капитанъ пользовался въ тюрьмѣ довольно большой симпатіей.

Его сопроцессникъ Феликсъ Конъ, также помѣщался съ нами одно время въ «Синедрионѣ». Это былъ совсѣмъ молодой юноша 21—22 лѣтъ, страстный патриотъ польскаго социалистическаго движенія, экспансивный и легко поддававшійся вліяніямъ другихъ, въ особенности, если послѣдніе отстаивали самые крайніе революціонные проекты. Въ тюрьмѣ онъ поддался вліянію Бобохова и Адриана Михайлова и желалъ перенести въ Царство Польское русское народничество, конечно, неимѣвшее тамъ ни малѣйшаго смысла.

Неизмѣннымъ жителемъ «больницы» со времени прихода на Кару и до выхода изъ нея былъ упомянутый мною уже выше «лейбъ-медикъ» Александръ Прибылевъ. Ветеринарный врачъ по профессіи, онъ, какъ извѣстно, лѣтомъ 1882 года былъ арестованъ, будучи выслѣженъ агентами Судейкина: въ квартирѣ занимаемой имъ вмѣстѣ съ женой, урожденной Раисой Гроссманъ, была динамитная мастерская. Еще на волѣ Александръ Васильевичъ пристрастился къ медицинѣ и не оставлялъ занятія ею во все время пребыванія на Карѣ. Около его постели находился небольшой шкафчикъ, въ которомъ помѣщались наиболѣе нужные медикаменты. Къ своимъ пациентамъ онъ относился въ высшей степени внимательно и участливо. Благодаря этому, а еще въ большей степени его предшественнику, доктору Веймару, на Карѣ и въ ея окрестностяхъ создалась въ высшей степени лестная для политическихъ врачей репутація. Прибылевъ отличался довольно уживчивымъ характеромъ, но подчасъ въ сильной степени раздражался, въ особенности, когда касались его спеціальной области. Его, впрочемъ, нельзя было причислить къ узкимъ специалистамъ и, хотя онъ не читалъ

«мухоморныхъ» книгъ по социальному вопросу, но не безъ интереса относился къ журнальнымъ статьямъ и устнымъ спорамъ. Закончу характеристики новыхъ моихъ сокамерниковъ разсказомъ о «докторѣ Панглосѣ», какъ мы называли Нагорнаго.

Вольнослушатель Петербургскаго университета, полтавскій «казакъ» Осипъ Нагорный судился вмѣстѣ съ Хохловымъ и Евсеевымъ за убійство шпіона и приговоренъ былъ къ смертной казни, которая замѣнена была ему безсрочной каторгой. Маленькаго роста, съ медленной походкой, онъ вполне заслужилъ данную ему кличку: ко всякому самому обыденному и несложному вопросу нашъ «д-ръ Панглосъ» подходилъ съ точки зрѣнія какой-нибудь философской теоріи. Въ общемъ же этотъ разсѣянный юноша, напоминавшій семинариста, глубокомысленно спрашивавшаго: «что есть веревка?»—былъ недурной товарищъ, съ которымъ можно было легко ужиться, но нельзя было договориться до чего-либо, разъ дѣло касалось области, имѣвшей отдаленнѣйшее отношеніе къ философіи.

Въ карійскихъ тюрьмахъ — мужской и женской, за время ихъ существованія, перебивали участники почти всѣхъ политическихъ процессовъ, бывшихъ въ Россіи, начиная съ Нечаевскаго дѣла, которое, какъ извѣстно, разбиралось въ 1871 году, и кончая процессами Лопатина и Сигиды, состоявшимися лѣтомъ 1887 года. Такъ какъ каждый заключенный охотно разсказывалъ своимъ товарищамъ о своемъ дѣлѣ и вообще обо всемъ, что ему было извѣстно изъ революціоннаго міра, то Кара являлась какъ бы живой исторіей русскаго революціоннаго движенія: въ теченіе многихъ лѣтъ это было единственное мѣсто, гдѣ можно было изучить его въ лицахъ. Но никто изъ насъ не думалъ тогда, что ему когда-нибудь придется воспользоваться слышанными разсказами; поэтому едва-ли все узнанное тогда запечатлѣлось у кого-нибудь въ памяти, и многія чрезвычайно интересныя подробности, къ сожалѣнію, навсегда исчезли. Ко времени моего прибытія на Кару уже не осталось никого изъ участниковъ движенія первой половины 70-хъ годовъ. При мнѣ же тамъ находились, главнымъ образомъ, лица, осужденныя по происходившимъ въ Россіи поли-

тическимъ процессамъ конца 70-ыхъ и начала 80-хъ г.г. Почти все они были террористическаго характера, состояли въ вооруженныхъ сопротивленіяхъ при арестахъ, въ освобожденіи заключенныхъ и въ убійствахъ разныхъ лицъ, начиная со шпионовъ и кончая Александромъ П. Самыхъ главныхъ участниковъ этихъ процессовъ или казнили, или заключили въ Шлиссбургскую крѣпость, но и на Карѣ бывали нѣкоторые видные участники.

Изъ наиболѣе крупныхъ представителей, такъ называемаго пропагандистическаго періода нашего движенія были мирные судьи Порфирій Войнаральскій и Сергій Коваликъ. Будучи арестованными въ 1874 году, они сдѣлали попытку бѣжать изъ Петербургскаго Дома Предварительнаго Заключенія, въ маѣ 1876 г.: имъ удалось выбраться изъ камеръ на коридоръ, а оттуда по веревкѣ спуститься на улицу; они, такимъ образомъ, были уже близки къ спасенію, какъ вдругъ, на ихъ несчастье, случайно въ это время проѣзжавшій мимо господинъ замѣтилъ ихъ и поднялъ тревогу. Сбѣжавшіеся дворяники и полицейскіе задержали бѣглецовъ и ихъ вновь водворили въ тюрьму. Какъ извѣстно, по процессу 193-хъ ихъ приговорили на каторгу и отправили въ центральныя тюрьмы, находившіяся въ Харьковск. губ. Когда два жандарма перевозили туда въ почтовой телѣжкѣ Войнаральскаго, на нихъ сдѣлали нападеніе нѣсколько вооруженныхъ людей, изъ которыхъ двое были верхами, другіе находились въ подводѣ. Произведенными напавшими выстрѣлами одинъ изъ жандармовъ былъ убитъ; но лошади, везшія Войнаральскаго, испугавшись, понесли; такимъ образомъ и эта попытка оказалась неудачной. При Лорисъ-Меликовѣ въ 1880 г. содержаніе политическихъ каторжанъ въ центральныхъ тюрьмахъ было уничтожено, и все заключенные въ нихъ были отправлены на Кару. Коваликъ, Войнаральскій и др., отбывъ тамъ свои сроки, пошли на поселеніе въ Якутскую область, гдѣ многіе нашли свою могилу, Коваликъ же и Войнаральскій дождался въ 1898—99 годы возвращенія на родину, но послѣдній вскорѣ скончался.

Указанная попытка вооруженнаго освобожденія подъ Харьковомъ повлекла за собой цѣлый рядъ событій. Вечеромъ 1 іюля 1878 года, когда она такъ неудачно окончилась, на

Харьковскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ арестовали одного изъ верховыхъ—Алексѣя Медвѣдева (онъ же Томинъ). Во время предварительнаго заключенія въ Харьковской тюрьмѣ ему удалось бѣжать изъ нея вмѣстѣ съ нѣсколькими уголовными арестантами черезъ сдѣланный ими подкопъ. Но, вслѣдствіе отсутствія внѣшней помощи, Медвѣдеву пришлось скрываться въ ближайшемъ лѣсу, гдѣ вскорѣ онъ, вмѣстѣ съ остальными бѣглецами, былъ взятъ и вновь посаженъ въ ту же тюрьму. Послѣ этого товарищи съ воли снова задумали его освободить. Березнюкъ и распропагандированный уголовный Рашико, о которыхъ я уже упоминалъ, переодѣвшись жандармскими унтер-офицерами, явились къ тюремному начальству съ поддѣльнымъ предписаніемъ, въ которомъ говорилось, чтобы Медвѣдева отпустили на допросъ въ мѣстное жандармское управленіе. Но, потому ли, что планъ этотъ былъ заранѣе кѣмъ-то выданъ начальству или потому, что смотритель тюрьмы заподозрилъ подлинность этихъ жандармовъ,—ихъ тутъ же арестовали. Въ это же время вблизи тюрьмы задержали Яцевича, который поджидалъ выхода Медвѣдева съ жандармами; въ городѣ начались аресты, взятъ былъ студентъ Ефремовъ и еще нѣсколько чловѣкъ. Назначенный вскорѣ затѣмъ въ Харьковъ генераль-губернаторомъ графъ Лорисъ-Меликовъ захотѣлъ показать, что и онъ энергично искореняетъ «крамолу»; поэтому двое изъ привлеченныхъ лицъ военнымъ судомъ, состоявшимся лѣтомъ 1879 г., приговорены были къ смертной казни. Однимъ изъ нихъ былъ Ефремовъ, все преступленіе котораго состояло лишь въ томъ, что у него нашли кусокъ бумаги съ подписью Харьковскаго жандармскаго полковника Ковалинскаго. Онъ навѣрно былъ бы казненъ, но товарищи уговорили его подать прошеніе о помилованіи; послѣ чего смертная казнь была замѣнена ему безсрочной каторгой, и его отправили на Кару.

Василій Степановичъ Ефремовъ былъ однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ людей на Карѣ. Сынъ дьячка, онъ, по окончаніи семинаріи, поступилъ въ ветеринарный институтъ въ Харьковѣ. Добрый, честный, очень неглупый отъ природы чловѣкъ, онъ отличался большою любознательностью и неменьшею застѣнчивостью. Тяжелый приговоръ, въ особенности совершенный имъ актъ униженія—подача прошенія о помилованіи,

дѣйствовали на него крайне угнетающимъ образомъ: онъ былъ чрезвычайно мраченъ и не могъ простить себѣ этого поступка. Но, повидимому, правительство вскорѣ само сознало совершенную имъ надъ Ефремовымъ жестокость; поэтому, по манифесту Александра III въ 1883 г., безсрочная каторга замѣнена была ему 12-ти лѣтней. Это обстоятельство нѣсколько примирило его со своей участью: Ефремовъ сталъ чувствовать себя значительно бодрѣе и началъ усиленно заниматься. Онъ интересовался, главнымъ образомъ, социальными вопросами, прочиталъ много сочиненій по политической экономіи, для чего изучилъ въ тюрьмѣ нѣмецкій и французскій языки. По возвращеніямъ онъ былъ народникомъ и считалъ бѣдствиемъ для Россіи развитіе въ ней капитализма.

Главнаго виновника процесса Ефремова и товарищей—Оомина-Медвѣдева судили отдѣльно отъ другихъ, въ Харьковѣ-же. Онъ также приговоренъ былъ къ смертной казни, которая тоже замѣнена была ему безсрочной каторгой. Но опасаясь, повидимому, чтобы товарищи вновь не устроили ему побѣга, его послѣ суда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ держали совершенно изолировано въ разныхъ центральныхъ тюрьмахъ Западной Сибири, тщательно скрывая мѣсто его заключенія; затѣмъ его повезли въ Петербургъ и посадили въ Алексѣевскій рavelинъ. Въ 1883 году къ нему примѣнили коронаціонный манифестъ, замѣнивъ безсрочную каторгу двадцатилѣтней, и отправили его на Кару.

На волѣ Медвѣдевъ слылъ за чрезвычайно смѣлаго, отважнаго человѣка, готоваго пойти на самое рискованное предпріятіе. Бывшій почтальонъ, Медвѣдевъ окончилъ лишь уѣздное училище, но отъ природы онъ обладалъ очень недурными способностями и, благодаря пребыванію среди интеллигентныхъ товарищей, кое что приобрѣлъ изъ ихъ споровъ и бесѣдъ. Личныя его склонности лежали исключительно къ техническимъ занятіямъ,—къ нимъ онъ имѣлъ огромныя способности. Такъ, сидя въ Алексѣевскомъ рavelинѣ, Медвѣдевъ, тайкомъ отъ жандармовъ, изъ хлѣба до того искусно сдѣлалъ какую-то фигуру, что когда ее затѣмъ у него нашли, то комендантъ крѣпости и другія должностныя лица открыто выразили ему свое

изумленіе. Этой-то фигуркѣ онъ приписывалъ фактъ примѣненія къ нему манифеста.

На Карѣ его техническія способности нашли себѣ еще болѣе широкое примѣненіе. За что, бывало Медвѣдевъ ни возьмется, всюду онъ проявлялъ удивительную ловкость, изящество, искусство: онъ одновременно былъ прекраснымъ портнымъ, сапожникомъ, граверомъ, скульпторомъ и пр., и очутившись въ послѣдствіи въ вольной командѣ, онъ сталъ отличнымъ золотыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеромъ. Съ освобожденіемъ изъ тюрьмы онъ женился на дочери мелкаго тюремнаго чиновника и могъ бы, казалось, зажечь спокойной семейной жизнью, но у него, къ несчастью, открылась наследственная болѣзнь, отъ которой ничто не могло его спасти.

Въ то самое почти время, когда подъ Харьковомъ произошло столь неудачное нападеніе на жандармовъ, лица, осужденныя по процессу 193-хъ и сидѣвшія въ ожиданіи отправки въ Сибирь и на Кару, въ Петропавловской крѣпости, въ отвѣтъ на разныя стѣненія со стороны властей, объявили голодовку. Тогда этотъ способъ протеста былъ вполне новъ. Неудивительно, поэтому, что извѣстіе, полученное объ этомъ на волѣ произвело чрезвычайно сильное впечатлѣніе на товарищей-революціонеровъ. Особенно близко къ сердцу принялъ это извѣстіе Сергѣй Кравчинскій (онъ же Степнякъ).

Бывшій артиллерійскій поручикъ Кравчинскій, какъ извѣстно, принадлежалъ къ самымъ крупнымъ революціонерамъ 70-хъ годовъ. Человѣкъ выдающихся способностей, настойчивый, рѣшительный, отважный, онъ отличался и большою физической силой. Одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей пропагандистическаго движенія, Кравчинскій, послѣ ареста большинства товарищей—«чайковцевъ», отправился за границу. Здѣсь онъ примкнулъ къ анархическому движенію въ Италіи и въ началѣ 1877 г. былъ за участіе въ Беневентскомъ возстаніи арестованъ, заключенъ въ тюрьму, и ему угрожала смертная казнь, но его спасла отъ нея амнистія, данная при восшествіи на итальянскій престолъ новаго короля Гумберта. Очутившись совершенно неожиданно на свободѣ въ началѣ 1878 г., Кравчинскій въ качествѣ нелегальнаго вернулся въ Петербургъ. Когда на волѣ случилось

извѣстіе о голодовкѣ, объявленной лицами и безъ того крайне изнуренными многолѣтнимъ пребываніемъ въ предварительномъ заключеніи въ тюрьмахъ, Кравчинскій тутъ же выразилъ намѣреніе убить шефа жандармовъ, генерала Мезенцева, какъ главнаго виновника всевозможныхъ преслѣдованій и издѣвательствъ надъ политическими преступниками. Онъ желалъ поступить такъ, какъ Вѣра Засуличъ, выстрѣлившая въ петербургскаго градоначальника Трепова, въ приемной комнатѣ послѣдняго. Но члены организациі «Земли и Воли», къ которой онъ принадлежалъ, возстали противъ его намѣренія, находя, что генералъ Мезенцевъ не стоитъ столь большой жертвы: Кравчинскаго всѣ чрезвычайно цѣнили и очень любили не только, какъ выдающагося революціонера, но и какъ замѣчательнаго товарища. Зная его рѣшительный и настойчивый характеръ, никто не сомнѣвался, что онъ приведетъ въ исполненіе задуманный имъ планъ. Поэтому, не считая возможнымъ совершенно отклонить его отъ его намѣренія, я внесъ предложеніе организовать это дѣло такъ, чтобы Кравчинскій имѣлъ шансы на спасеніе. Для этого нужно было выслѣдить всѣ выѣзды и выходы Мезенцева: затѣмъ, устроивъ нападеніе на него на улицѣ, имѣть по близости лошадь и на всякій случай также вооруженнаго товарища. Знаменитый рысакъ «Варваръ», уже не разъ сослужившій службу революціонерамъ, — при освобожденіи Петра Крапоткина изъ Николаевскаго госпиталя (въ 1876 году) и Прѣснякова изъ московскаго участка, — теперь вновь былъ запряженъ въ кабриолетъ. Какъ извѣстно, 4-го августа 1878 г. генералъ Мезенцевъ былъ убитъ днемъ на одной изъ центральныхъ улицъ столицы; Кравчинскій же, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его товарищемъ Баранниковымъ, спасся на «Варварѣ». Впослѣдствіи, по поводу этого, въ свое время надѣлавшаго много шума, предпріятія, арестовано было нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ былъ Адрианъ Михайловъ, исполнявшій обязанности кучера. Хотя роль его и не была доказана свидѣтельскими показаніями, онъ тѣмъ не менѣе былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной затѣмъ двадцатью годами каторжныхъ работъ.

Адрианъ Михайловъ былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей на Карѣ. Большая любознательность и трудолюбіе

соединялись у него съ обширной памятью. Студентъ-медикъ, онъ обладалъ большими познаніями, какъ по естественнымъ наукамъ, такъ и по другимъ областямъ знаній; поэтому, его справедливо называли «ходячей энциклопедіей». О чемъ бы ни зашла рѣчь, Адрианъ Михайловъ почти всегда могъ дать самый точный отвѣтъ: онъ зналъ всѣ мельчайшія обстоятельства, названія мѣстъ, лицъ и числа любого происшествія. Человѣкъ очень замкнутого характера, Адрианъ Михайловъ умѣлъ подчинять себѣ другихъ и въ тюрьмѣ онъ пользовался большимъ авторитетомъ и уваженіемъ.

Его сопроцессника, упомянутого мною выше доктора Веймара — я уже не засталъ въ живыхъ, — онъ умеръ въ вольной командѣ за нѣсколько дней до моего прихода на Кару. Какъ извѣстно, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ освобожденіи Крапоткина и вообще оказывалъ революціонерамъ разнообразную помощь, нисколько не останавливаясь передъ угрожающей ему опасностью. Человѣкъ совсѣмъ другой среды, большею частью вращавшійся въ высшемъ столичномъ обществѣ и лично извѣстный Маріи Федоровнѣ въ качествѣ выдающагося врача, участвовавшаго въ турецкой кампаніи 1878 г., — Веймаръ сочувствовалъ революціонерамъ и всегда готовъ былъ на самое смѣлое, отважное предпріятіе. Когда эта роль его была открыта, онъ былъ арестованъ и привлеченъ къ суду, который приговорилъ его къ десяти годамъ каторжныхъ работъ. По общему отзыву всѣхъ заключенныхъ на Карѣ, Веймаръ былъ замѣчательнымъ товарищемъ и выдающимся врачомъ; какъ я уже выше упоминалъ, слава о немъ распространилась далеко за предѣлы Карійскаго района. За оказываемую имъ окрестнымъ жителямъ медицинскую помощь онъ рѣшительно ни съ кого, не исключая и богатыхъ, не бралъ гонорара. Великосвѣтскіе его знакомые не забывали о немъ, и лично знавшій его тогдашній шефъ жандармовъ ген. Черевинъ старался о томъ, чтобы онъ могъ вернуться въ столицу: въ 1883 г. изъ Петербурга на Кару былъ командированъ полковникъ Нордъ, который предложилъ Веймару, чтобы онъ далъ только обѣщаніе не принимать участія въ революціонныхъ дѣлахъ, гарантируя ему полную амнистію и возвращеніе на родину. Но Веймаръ

считалъ невозможнымъ пойти на такую сдѣлку и предпочелъ умереть на каторгѣ.

На шефа жандармовъ Черевина также сдѣлано было покушение (въ 1881 г.). Авторомъ его былъ мелкій акцизный чиновникъ—Николай Санковскій, до Кары вовсе не знакомый съ революціонерами. Зная о террористическихъ предпріятіяхъ только по газетамъ, Санковскій увлекся этимъ движеніемъ и совершенно безъ всякихъ связей съ дѣйствовавшей тогда организаціей—«Народной Волей»,—но сообщая съ нѣкимъ Павломъ Мельниковымъ, лицомъ, тоже не причастнымъ къ революціонерамъ, рѣшилъ убить шефа жандармовъ. За совершенное имъ путемъ выстрѣла изъ револьвера покушение на генерала Черевина, С—ій приговоренъ былъ къ смертной казни, которая затѣмъ замѣнена ему была безсрочной каторгой.

На Карѣ онъ являлся самымъ непримиримымъ революціонеромъ: въ каждомъ должностномъ лицѣ онъ видѣлъ заклятаго врага, противъ котораго всѣ средства борьбы считалъ дозволенными. Держалъ онъ себя чрезвычайно независимо, рѣшительно и имѣлъ не мало стычекъ съ начальствомъ изъ-за разныхъ поводовъ, между прочимъ, изъ-за несниманія съ головы шапки при ихъ посѣщеніяхъ камеръ. Онъ также чрезвычайно тяготился тюремнымъ заключеніемъ. Любитель вести безконечные споры, при этомъ крайне раздражительный,—Санковскій принадлежалъ къ числу наиболѣе неуживчивыхъ лицъ въ тюрьмѣ, вслѣдствіе чего ему часто приходилось мѣнять камеры.

О его сопроцессникѣ Павлѣ Мельниковѣ затрудняюсь сказать что-нибудь положительное, хотя я и сидѣлъ съ нимъ нѣкоторое время въ одной камерѣ. Трудно понять, что побудило этого человѣка содѣйствовать террористическому акту. Впрочемъ, участие его въ дѣлѣ покушенія было крайне ничтожное.

Воспитанникъ коммерческаго училища, котораго онъ не кончилъ, Мельниковъ, будучи несовершеннолѣтнимъ, за какое то мелкое уголовное преступленіе былъ административнымъ порядкомъ высланъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній, откуда онъ какимъ то путемъ очутился вновь въ Петербургѣ, гдѣ случайно и встрѣтился съ Санковскимъ. Послѣднему, какъ я уже сказалъ, хотѣлось совершить какой-нибудь крупный революціонный фактъ, и кажется, Мельниковъ подалъ ему мысль объ

убійствѣ Черевина. Будучи затѣмъ арестованъ, онъ, насколько помню, во всемъ покаялся, но его все же приговорили къ 20-ти годамъ каторги. Мало развитый человѣкъ, безъ всякихъ убѣжденій, безконечно самолюбивый, съ мелкими житейскими страстями, озлобленный и мстительный, Мельниковъ своей прилизанной внѣшностью и въ тюрьмѣ напоминалъ парикмахера или приказчика галантерейнаго магазина. Какъ и Цыпловъ, онъ такъ же совсѣмъ не походилъ на политическаго каторжанина и скорѣе походилъ на тотъ сортъ мужчинъ, которыхъ именуютъ «Альфонсами»,—такая вличка за нимъ у насъ и привилась. На Карѣ онъ чувствовалъ себя совершенно чуждымъ, рѣшительно ни съ кѣмъ не только не былъ близокъ, но даже просто въ товарищескихъ отношеніяхъ. Наконецъ, въ 1887 г. онъ вновь подалъ прошеніе о помилованіи, вслѣдствіе чего былъ вскорѣ выпущенъ на волю; послѣ этого о немъ время отъ времени распространялись слухи, что онъ сталъ доносчикомъ.

Былъ у насъ также одинъ участникъ самаго крупнаго террористическаго акта, а именно убійства Александра II. Какъ извѣстно, царь умеръ вслѣдствіе ранъ, полученныхъ имъ отъ бомбы, брошенной Гриневицкимъ. Но, кромѣ этого юноши, а также казненнаго Рысакова третьимъ метальщикомъ былъ Емельяновъ. Ему не пришлось бросить бывшей у него наготовѣ бомбы, только потому, что царь оказался уже смертельно раненымъ, въ чемъ, говорятъ, Емельяновъ лично убѣдился, находясь въ толпѣ. Будучи вскорѣ послѣ этого арестованъ, вслѣдствіе оговоровъ Рысакова, Емельяновъ въ слѣдующемъ, 1882 г., по процессу 20-ти былъ приговоренъ къ смертной казни, которую замѣнили безсрочной каторгой. До отправки въ перестраивавшуюся для помѣщенія политическихъ преступниковъ, Шлиссельбургскую крѣпость, Емельянова, вмѣстѣ съ другими важными террористами, содержали въ Петропавловской крѣпости на каторжномъ положеніи. Режимъ, которому ихъ подвергли, былъ, какъ извѣстно, до того ужасенъ, что очень многіе вскорѣ опасно заболѣвали, а нѣкоторые умерли. Къ концу 1883 г., когда Емельяновъ получилъ цыгуну такой острой формы, что уже самъ не могъ двигаться, тѣло его покрылось язвами

и онъ быстро разлагался. — его рѣшили перевезти на Кару, куда онъ и прибылъ въ 1884 г.

Емельяновъ былъ сыномъ причетника; по окончаніи ремесленного училища цесаревича Николая въ Петербургѣ, его на казенный счетъ отправили для усовершенствованія въ токарномъ мастерствѣ въ Парижѣ. Тамъ же одно время онъ состоялъ псаломщикомъ при посольской церкви. По возвращеніи въ Россію, будучи 20—21-лѣтнимъ юношей, онъ сошелся съ террористами и принялъ на себя роль метальщика въ дѣлѣ 1-го марта. Отъ природы очень неглупый человѣкъ, но лишь въ тюрьмѣ путемъ чтенія приобрѣвшій нѣкоторое развитіе, Емельяновъ, когда я съ нимъ познакомился на Карѣ, уже представлялъ разочарованнаго скептика, проницески относящагося ко всему революціонному; онъ также принадлежалъ тогда къ «патріотамъ», восхищавшимся все́мъ русскимъ и превозносившимъ нашъ строй надъ западно-европейскимъ.

Со мной же вмѣстѣ въ „больницѣ“ находился бывшій офицеръ Николай Властопуло, приговоренный въ Одессѣ по дѣлу Геллиса въ 1880 году къ 15 годамъ каторжныхъ работъ, а за побѣгъ съ дороги переведенный въ безсрочные. Неглупый и довольно образованный человѣкъ, съ независимымъ характеромъ, но крайне самолюбивый, Властопуло производилъ на всѣхъ впечатлѣніе непоколебимо убѣжденнаго террориста: онъ всегда выказывался за самыя революціонныя мѣры и среди многихъ пользовался, поэтому, довольно большимъ престижемъ. Онъ былъ также исполнительнъ, аккуратенъ и практиченъ, почему дважды его избирали въ старосты. Но съ весны 1888 г. онъ почему-то сталъ уединяться, мало разговаривать съ другими, за исключеніемъ друга его — Емельянова. Никто не обращалъ особаго вниманія на настроеніе Властопуло, такъ какъ хандра случалась у многихъ и проходила безъ всякихъ послѣдствій. Не то вышло у Властопуло.

Какъ разъ въ это время къ намъ на Кару пріѣхалъ изъ департамента государственной полиціи штатскій „генералъ“ Русиновъ. Такіе пріѣзды изъ столицы важныхъ чиновниковъ случались у насъ и раньше, и они сопровождались раскаяніями и просьбами о помилованіи со стороны нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ, малодушныхъ людей изъ числа заключенныхъ въ

мужской тюрьмѣ, и — надо это особенно подчеркнуть — за все время между нашими женщинами не было ни одного такого случая. Пріѣздъ Русинова мы объяснили такими же дѣлями, но оказалось, что онъ никого къ себѣ не приглашалъ для разговоровъ наединѣ, очень торопился и быстро уѣхалъ обратно.

Въ эти то именно дни Властопуло, всегда очень сдержанный и замкнутый въ себѣ, видимо былъ въ сильномъ возбужденіи. Однажды, предъ вечеромъ, онъ вышелъ изъ камеры, вмѣстѣ съ производившими повѣрку жандармами и изъ коридора просунулъ въ дверное окошечко записку. Стали читать ее вслухъ: недоумѣніе и крайнее изумленіе охватило всѣхъ насъ, „больничниковъ“: Властопуло прощался съ нами, просилъ не осуждать его, сообщалъ, что онъ извѣрился въ революціонный способъ дѣятельности, а потому, молъ, допускалъ возможность, какъ онъ выражался, „припасть къ подножію трона“, иначе говоря, подать царю просьбу о помилованіи.

Слушая это посланіе, нѣкоторые не вѣрили своимъ ушамъ: они предполагали, что здѣсь скрывается какая-то тайна или недоразумѣніе. Зная Властопуло и еще такъ недавно слыша высказываемые имъ крайніе революціонныя взгляды, казалось вполне неправдоподобнымъ, чтобъ онъ могъ вдругъ искренно раскаяться. Уже и раньше, какъ я упоминалъ, случались аналогичные факты: кромѣ Цылова и Мельникова, при мнѣ подаль прошеніе о помилованіи еще Зубковскій, судившійся вмѣстѣ съ Зунделевичемъ, и Александромъ Квятковскимъ и за участіе въ убійствѣ Харьковскаго губернатора Крапоткина приговоренный къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ. Такіе же случаи были и до моего прихода на Кару. Но ни одно изъ прежнихъ раскаяній не производило на нашу тюрьму столь сильнаго, скажу больше — потрясающаго впечатлѣнія, какъ заявленіе Властопуло. Въ этомъ отношеніи, кромѣ личности Властопуло, пользовавшагося значительнымъ уваженіемъ, дѣйствовало еще то соображеніе, что, при существовавшихъ у нѣкоторыхъ заключенныхъ въ нашей тюрьмѣ взглядахъ и настроеніяхъ, можно было опасаться за появленіе немалаго числа подражателей.

Выше я уже не разъ упоминалъ, что въ Россіи въ описываемое время господствовала сильнѣйшая реакція и въ тюрьму почти не доносились слухи о сколько-нибудь серьезныхъ рево-

люціонныхъ попыткахъ. Вполнѣ естественно, поэтому, что даже столь неудачное предпріятіе, какимъ была попытка 1-го марта 1887 г., все же вызвала нѣкоторый подъемъ среди многихъ изъ насъ. Но послѣ этой попытки наступило еще большее затишье и реакція все болѣе и болѣе торжествовала въ Россіи, а съ ней все сильнѣе распространялись среди заключенныхъ сомнѣнія въ прежнихъ способахъ дѣятельности; отсюда для нѣкоторыхъ уже недалеко было и до полного разочарованія, раскаянія и подачи просьбы о помилованіи. Ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ и на помощь лицамъ, начавшимъ сомнѣваться и колебаться, пришло въ нашу тюрьму извѣстіе о ренегатствѣ самаго выдающагося вожака „партіи Народной Воли“—Льва Тихомирова.

Участникъ всѣхъ террористическихъ предпріятій конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, вдохновитель молодежи, среди которой его имя пользовалось необыкновеннымъ ореоломъ, лучший теоретикъ партіи, другъ погибшихъ героевъ Желябова, Перовской, Александра Михайлова и др.,—Левъ Тихомировъ сталъ защитникомъ самодержавія! Это извѣстіе долгое время казалось многимъ совершенно невѣроятнымъ. Въ своей извѣстной брошюрѣ: „Почему я пересталъ быть революціонеромъ“, онъ утверждаетъ, что въ сущности еще до 1-го марта извѣрился въ революціонный способъ дѣятельности и, если принималъ какое-нибудь участіе въ организаціи „Народной Воли“, то лишь по инерціи. На сколько я зналъ и понималъ характеръ Тихомирова, онъ никогда не былъ фанатично преданнымъ дѣлу революціонеромъ, безгранично вѣрующимъ въ цѣлесообразность террора. Колебанія и сомнѣнія, вѣроятно, всегда были ему присущи, но это не мѣшало ему писать пламенные, зажигательныя статьи въ защиту террористической дѣятельности и всякихъ народовольческихъ взглядовъ. Далеко не краснорѣчивый собесѣдникъ, съ вялой, тягучей рѣчью, онъ тѣмъ не менѣе импонирующимъ образомъ дѣйствовалъ на окружающихъ и всегда былъ однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ лицъ въ партіи. Уже будучи заграницей, куда онъ эмигрировалъ, однимъ изъ послѣднихъ въ 1882 году, онъ написалъ свою надблвную много шума статью—«Чего намъ ждать отъ революціи?»¹⁾.

¹⁾ «Вѣстникъ Народной Воли» № 2. 1884 г.

Какъ извѣстно, полемизируя въ этой статьѣ противъ макрестскихъ взглядовъ, высказанныхъ Плехановымъ, Тихомировъ доказывалъ возможность и необходимость захвата власти революціонерами. И этотъ человекъ, являвшійся однимъ изъ наиболѣе выдающихся инициаторовъ террора, осмѣливался утверждать, что онъ, будто бы, никогда не былъ активнымъ революціонеромъ. Подобнаго случая измѣны и ренегатства не знала исторія нашего революціоннаго движенія. Превращеніе Льва Тихомирова въ защитника русскаго самодержца, казалось столь-же неправдоподобнымъ, какъ переходъ Александра III-го въ ряды революціонеровъ.

Заключенные въ нашей тюрьмѣ, наконецъ, узнали, что Тихомирову, спасшемуся отъ казни, лишь благодаря бѣгству за границу, царь даровалъ полную свободу: ему позволено было вернуться на родину, гдѣ онъ примкнулъ къ стану ликующихъ и сталъ сотрудничать въ самыхъ реакціонныхъ органахъ печати—въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и т. п. Легко представить себѣ, какое дѣйствіе произвело раскаяніе Тихомирова на лицъ, колебавшихся и начинавшихъ разочаровываться въ революціонныхъ способахъ дѣятельности.

ГЛАВА XXV.

Женская политическая тюрьма.

Выше я упомянулъ, что у насъ при комендантѣ Масюковѣ произошли крайне трагическія происшествія. Чтобы они стали понятны, я долженъ на сколько возможно подробнѣе рассказать о женской политической тюрьмѣ. Жизнь нашихъ дамъ, хотя онѣ были совершенно изолированы отъ насъ, мнѣ хорошо извѣстна, какъ, благодаря обширной перепискѣ, которую мы вели со многими изъ нихъ, такъ и изъ устныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною впослѣдствіи отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Перенесемъ же на время за 15 верстъ отъ мужской тюрьмы на Усть-Кару, гдѣ политическія женщины-каторжанки помѣщались въ отдѣльномъ отъ уголовныхъ преступницъ зданіи.

Когда я прибылъ на Кару, въ женской тюрьмѣ было всего

10 политических каторжанок: изъ нихъ—Татьяна Лебедева—вскорѣ умерла. Самой старой, по возрасту—46 лѣтъ, а также и по времени пребыванія въ тюрьмахъ—13 лѣтъ, была Софья Лешернъ фонъ-Герцфельдъ. Генеральская дочь, имѣвшая въ числѣ родственниковъ лицъ, находившихся при дворѣ, она участвовала въ пропагандистическомъ движеніи начала 70-хъ годовъ и, будучи арестована въ 1873 г., просидѣла болѣе четырехъ лѣтъ въ предварительномъ заключеніи, а затѣмъ, по процессу 193-хъ, приговорена была къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Но, вслѣдствіе ходатайства какой-то родственницы-фрейлины, Лешернъ, совершенно неожиданно для себя, лѣтомъ 1878 г. была выпущена изъ тюрьмы на волю и оставлена въ Петербургѣ. Тогда я съ ней и познакомился тамъ. Лешернъ производила впечатлѣніе чрезвычайно скромной, застѣливой и замкнутой въ себѣ женщины. Недолго пробыла она на волѣ: спустя нѣсколько мѣсяцевъ она вновь была арестована въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Валеріаномъ Осинскимъ, причѣмъ ею сдѣлана была попытка оказать вооруженное сопротивленіе. Состоявшійся въ маѣ 1879 г. надъ нею и двумя ея товарищами—Осинскимъ и Волошенко—судъ вынесъ смертные приговоры ей и Валеріану Осинскому. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ казненъ, а Лешернъ отправили на безсрочную каторгу на Кару. Долгіе годы пребыванія въ тюрьмахъ положили свой тяжелый отпечатокъ на эту многострадальную женщину: она часто хворала и хандрила. Отъ ея писемъ, приходившихъ съ конспиративной почтой, вѣяло безконечной грустью. Но Лешернъ все же не теряла надежды на наступленіе лучшихъ временъ, на то, что хотя на склонѣ лѣтъ она еще поживетъ внѣ палъ, рѣшетокъ и замковъ. Въ письмахъ, съ мельчайшими подробностями изображавшихъ собственную жизнь и подругъ, она проявляла очень большую наблюдательность; въ нихъ она давала мѣткія характеристики сожительницъ и встрѣчавшихся ей вообще лицъ. Лешернъ умерла въ Забайкальѣ въ 1898 г.

Наиболѣе близкую ей подругу—Анну Павловну Корбу я также зналъ съ воли: мы познакомились осенью 1879 г. въ Петербургѣ. Происходя изъ обрусѣвшей нѣмецкой семьи Майнгартъ, нѣкоторые представители которой занимали довольно видныя положенія въ инженерномъ вѣдомствѣ, Анна Павловна

вышла замужъ за швейцарца Корба. Долгое время она горячо отдавалась благотворительной дѣятельности, доставившей ей большую популярность въ томъ провинціальномъ городѣ, въ которомъ она жила вмѣстѣ съ мужемъ; во время русско-турецкой войны Анна Павловна была сестрой милосердія; но затѣмъ она рѣзко разрываетъ со всѣмъ своимъ прошлымъ и цѣликомъ примыкаетъ къ восторжествовавшему тогда террористическому направленію. Ей пришлось пережить самый бурный, интересный и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе тяжелый періодъ нашего революціоннаго движенія—возникновеніе, расцвѣтъ и гибель «Народной Воли». Сперва она была свидѣтельницей, а затѣмъ и участницей единоборства кучки отчаянно-смѣлыхъ людей съ самодержавнымъ правительствомъ. Десятки арестованныхъ ея товарищей были приговорены къ смертной казни, къ безсрочнымъ и многолѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Близкіе люди всходили на эшафотъ и умирали въ Петропавловской крѣпости, а Анна Павловна счастливо ускользала отъ рукъ полиціи. Весной 1882 г. Судейкинъ произвелъ обширные аресты въ обѣихъ столицахъ,—Анна Корба и здѣсь уцѣлѣла. Послѣ этого погрома, она съ немногими могиканами энергично принимается за продолженіе отчаянной борьбы. При содѣйствіи ея и Грачевскаго въ Петербургѣ возникла динамитная мастерская въ квартирѣ Прибылевыхъ; но Судейкинъ вскорѣ открылъ мѣсто-пребываніе послѣдней и въ іюнѣ указанного года Корба съ товарищами была арестована. Весной слѣдующаго года состоялся надъ 17-ью лицами судъ, по которому Анна Корба приговорена была къ 20-ти годамъ каторжныхъ работъ.

Образованная, довольно начитанная женщина, Анна Павловна, когда я ее зналъ, отличалась ровнымъ, сдержаннымъ и вмѣстѣ настойчивымъ характеромъ. Неизмѣнно преданная революціонному дѣлу, Корба, несмотря на все пережитое и испытанное ею, осталась вѣрной избранному ею уже не въ молодыхъ годахъ пути.

Въ Усть-Карійской же тюрьмѣ помѣщались двѣ ея сопроцессницы—Прасковья Ивановская и Надежда Смирницкая. Послѣдней я лично вовсе не зналъ, а съ Ивановской мы встрѣтились лишь впоследствии, въ вольной командѣ. Но обѣ онѣ, по общему утверженію, были на волѣ и въ тюрьмѣ беззавѣтно пре-

даны тѣмъ идеямъ, за которыя попали на каторгу. Ради торжества избраннаго ими направленія никакая жертва не казалась имъ сколько-нибудь значительной. Ивановская приговорена была къ безсрочной каторгѣ, Смирницкая же—къ 15 г.

Но еще болѣе крупную роль, чѣмъ вышеупомянутыя лица, играла въ террористическомъ направленіи сидѣвшая вмѣстѣ съ ними въ тюрьмѣ Анна Васильевна Якимова. Напомню о касающихся ея обстоятельствахъ, въ свое время вызвавшихъ много толковъ, а теперь, вѣроятно, далеко не всѣмъ читателямъ извѣстныхъ.

Въ концѣ февраля 1881 г. столичная полиція обратила вниманіе на одну сырную лавку, помѣщавшуюся на Малой Садовой улицѣ, по которой направлялся Александръ II въ манежъ. Назначенная для изслѣдованія этой лавки комиссія со специалистомъ—военнымъ архитекторомъ во главѣ ничего подозрительнаго въ ней не открыла. Вскорѣ послѣ того произошло, какъ извѣстно, убійство царя, а затѣмъ сырная лавка оказалась покинутой ея жильцами. Тогда только полиція нашла въ оставленной квартирѣ подкопъ, сдѣланный на тотъ случай, если бы планъ убійства царя посредствомъ метательныхъ бомбъ почему либо не удался. Женщина, фигурировавшая подъ видомъ жены хозяина сырной лавки крестьянина Кобозева, оказалась впоследствии дочерью священника Анной Васильевной Якимовой.

Какъ и многія ея сверстницы, Якимова въ началѣ 70-хъ годовъ ходила въ народъ, была вскорѣ затѣмъ арестована и привлечена къ суду по процессу 193-хъ. Хотя и оправданная по суду, она все же выслана была административнымъ порядкомъ въ одно изъ захолустій сѣверныхъ губерній. Оттуда въ концѣ лѣта 1879 г. Якимова бѣжала въ Петербургъ, гдѣ мы съ ней и встрѣтились. Въ это именно время возникла партія «Народной Воли», среди членовъ которой у Якимовой было много старыхъ товарищей по Большому процессу. Она присоединилась къ новому направленію и приняла дѣятельное участіе въ организациі убійства царя. Арестованная въ Кіевѣ въ 1881 году Якимова привлечена была къ суду по процессу 20-ти и приговорена была къ смертной казни, которую затѣмъ замѣнили безсрочной каторгой. Излишне, думаю, прибавлять, что Якимова въ революціонномъ отношеніи отличалась тѣми же чертами, какія въ опи-

сываемое мною время общи были всѣмъ выдающимся женщинамъ, выдвинутымъ движеніемъ 70-хъ годовъ,—стойкостью убѣжденій, непреклонной рѣшимостью и безграничной готовностью къ самопожертвованію.

Перечисленные мною пять женщинъ, будучи почти всѣ знакомы другъ съ другомъ еще съ воли, составляли между собой тѣсную группу, такъ какъ ихъ связывало единство взглядовъ и общія воспоминанія. Но, кромѣ нихъ, въ Усть-Карійскую же тюрьму, незадолго до моего прихода на Кару, были также привезены изъ Иркутска: Елизавета Ковальская, Софья Богомолецъ и Елена Россикова, о которыхъ я уже раньше сообщалъ; сверхъ того, вмѣстѣ со мной и Чуйковымъ, прибыла на Кару еще Марія Калужная, самая молодая изъ всѣхъ нашихъ женщинъ-каторжанокъ. Такимъ образомъ, эта тюрьма особенно выделялась составомъ заключенныхъ въ ней лицъ. Между тѣмъ, какъ нѣкоторая часть мужской тюрьмы представляла изъ себя людей, случайно въ нее попавшихъ, нерѣдко юношей съ неустановившимися взглядами, осужденныхъ на каторгу лишь вслѣдствіе суровыхъ и жестокихъ исключительныхъ судовъ,— всѣ наши женщины являлись, наоборотъ, испытанными, стойкими, проникнутыми твердой рѣшимостью и глубокой вѣрой революціонерками, которыхъ ничто уже не могло свернуть съ разъ избраннаго ими пути. Только у насъ въ Россіи исторія выдвинула на арену политической борьбы такой большой контингентъ выдающихся женщинъ, истинныхъ героинь.

Въ матеріальномъ и въ другихъ отношеніяхъ условія жизни политическихъ женщинъ на Карѣ были нѣсколько лучшія, чѣмъ въ нашей мужской тюрьмѣ. Каждая изъ нихъ помѣщалась въ отдѣльной камерѣ, правда, крохотной, сырой, холодной и полутемной, но все же заключенныя могли оставаться однѣ и быть все вмѣстѣ, когда онѣ того хотѣли, такъ какъ камеры эти днемъ вовсе не запирались. Кромѣ того, въ ихъ распоряженіи была передняя, служившая имъ общей столовой и сборнымъ мѣстомъ. Денегъ, продуктовъ и всякихъ вещей съ воли наши женщины также получали, въ среднемъ, больше, чѣмъ мы, мужчины. Онѣ могли, поэтому, не только нѣсколько лучше насъ питаться, что имъ вполне и полагалось, но онѣ довольно регулярно переводили и намъ значительную часть своихъ средствъ.

Не было у нихъ, конечно, ни бритья головъ, ни обязательности носить исключительно казенное платье; излишними формальностями и придирками начальство тоже, за крайне рѣдкимъ исключеніемъ, не раздражало ихъ. Но тюремныя условія, свойства ихъ характеровъ, а также и взгляды нѣкоторыхъ изъ нихъ привели къ цѣлому ряду мелкихъ и крупныхъ столкновеній, какъ между ними самими, такъ особенно между ними и разнаго рода начальствомъ. Между тѣмъ, какъ Софья Богомолецъ и Елена Россикова считали своею обязанностью вести въ тюрьмѣ борьбу изъ-за разнаго рода поводовъ,—другія, наоборотъ, предпочитали, по возможности, избѣгать излишнія столкновенія. Отчасти на почвѣ такихъ разногласій среди заключенныхъ въ женской тюрьмѣ съ давнихъ временъ происходили конфликты, приводившіе къ крайне натянутымъ между нѣкоторыми изъ нихъ отношеніямъ. Въ видѣ иллюстраціи, сообщу слѣдующее. Всѣ, приходя на Кару, давали себя обыскивать, что тюремная надзирательница исполняла, какъ простую формальность. Но, когда Софью Богомолецъ и Елену Россикову привезли изъ Иркутска обратно на Кару, онѣ энергично воспротивились намѣренію обыскать ихъ. «Не насъ политическихъ, а васъ, казнокрадовъ, надо обыскивать»—кричали онѣ смотрителю, въ отвѣтъ на его убѣжденія подчиниться требованію инструкціи. «У васъ наполнены карманы краденымъ, вы—воры, поджигатели казенныхъ амбаровъ». Въ концѣ концовъ ихъ, конечно, обыскали насильно, при содѣйствіи жандармовъ. Такого рода безцѣльный протестъ не одобряли нѣкоторые изъ женщинъ.

Марья Павловна Ковалевская, съ которой я разстался осенью 1885 г. въ Иркутской тюрьмѣ, была также привезена на Кару весной 1887 г. Все почти время нашего заключенія въ разныхъ тюрьмахъ, послѣ описанной встрѣчи въ Иркутскѣ, мы съ ней переписывались, и часть этихъ писемъ, несмотря на всевозможныя перипетіи, сохранилась у меня. Въ виду крупной роли, которую М. Ковалевская играла въ трагическихъ событіяхъ на Карѣ и большого интереса, представляемаго ея письмами, я приведу нѣкоторыя изъ нихъ.

Почти годъ спустя, по прибытіи на Кару, я получилъ отъ нея изъ Иркутска письмо, въ которомъ она сообщала слѣду-

ющее: «Живу по старому, тоскую больше стараго. Такъ часто хочется быть съ близкими людьми и хоть немного отдохнуть... Я, право, разучилась говорить, такъ много молчу и наиболѣе молчу тогда, когда именно хочется говорить... Я чувствую, что моя обстановка убиваетъ меня физически, да и нравственно тоже,—я такъ состарилась за послѣдній годъ, такъ устала душевно, что часто сама себя не узнаю. Здоровьемъ не могу похвалиться: цѣлую зиму хворала, весной глаза болѣли, мѣсяца четыре провела поэтому въ полной праздности и чуть не кричала отъ скуки... Мнѣ необходимо проѣхаться, вздохнуть полной грудью, и, я увѣрена, воспряну опять. Какъ это скверно, когда самъ замѣчаешь въ себѣ вялость, апатію и какое-то равнодушіе, которое смѣняется временами такой тупой болью. Помню, Гейне гдѣ-то говоритъ, что у него «зубная боль въ сердцѣ». Какъ это вѣрно! Именно такую боль я очень часто испытываю. Лежу съ закрытыми глазами и пробѣгаю прошлую жизнь,—все кажется въ ней такимъ грустнымъ, мрачнымъ... Скажи Лизѣ ¹⁾, что мнѣ такъ не достаетъ ея, что я готова поѣхать въ самое гиблое мѣсто для того, чтобы повидаться съ нею. А боюсь, что этого еще долго не случится. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть съ нею!..»

Только весной 1887 г., какъ я уже упоминалъ, осуществилось желаніе Ковалевской: ее привезли на Кару. Какъ чувствовала она себя въ первое время по пріѣздѣ, можно видѣть изъ слѣдующей выдержки.

«Вотъ я и здѣсь, въ этой окаянной Карѣ,—писала она, тотчасъ по пріѣздѣ.—За дорогу я такъ поправилась, что сама себя не узнаю. Я, какъ кошка: стоитъ перетащить на другое мѣсто и опять воспряну... Пока не могу сказать, что скучаю или плохо настроена,—можетъ быть надежда, что черезъ года полтора избавлюсь отъ тюрьмы, не позволяеть хандрить, особенно въ виду того, что другимъ хуже во сто кратъ, чѣмъ мнѣ. Стыдно хандрить, если такъ мало осталось» ²⁾.

¹⁾ Это значило, чтобы я написалъ въ женскую тюрьму Елизаветѣ Ковальской, съ которой Марія Ковалевская была въ большой дружбѣ.

²⁾ Т. е. до выхода на поселеніе.

Кромѣ этого сознанія, а также дѣйствія совмѣстной жизни съ горячо любимой ею подругой, на ея сравнительно хорошее настроеніе не мало вліяла и переписка съ близкими людьми. Письма отъ родныхъ, въ частности отъ меньшаго поколѣнія, — дочери, племянника и племянницы — доставляли ей большое наслажденіе, и она нерѣдко дѣлилась ихъ содержаніемъ со мною.

«Гаяля моя въ этомъ году кончаетъ гимназію, — ей уже 16 лѣтъ минуло, — писала мнѣ Ковалевская, — а я, къ стыду моему, не приобрѣла еще соотвѣтственной солидности, — видно мнѣ и помереть придется «не солидной». Впрочемъ, я не печалюсь: за «солидностью» очень часто ничего не скрывается... Я такъ люблю безыскусственныя дѣтскія письма. Они не знаютъ, что своей симпатіей ко мнѣ много помогаютъ переносить эту каторгу: хочется оказаться достойной ихъ симпатіи, хочется сохраниться на столько, чтобы, если желанный часъ пробьется, быть въ уровень событій, быть годной дать что-нибудь этимъ молодымъ душамъ, если судьба столкнетъ насъ. Эта мысль, это желаніе, да злоба — вотъ что держитъ меня и не даетъ оупляющей обстановкѣ взять верхъ надо мною... Предъ ними (молодымъ поколѣніемъ) не хочется ударить лицомъ въ грязь, быть предметомъ только сожалѣнія, если вернусь развалиной».

Но Ковалевской не нужно было вовсе дѣлать надъ собою особенныхъ усилій, чтобы сохраниться. Натура ея была не изъ тѣхъ, которыя поддаются, сгибаются подъ тяжестью неблагоприятныхъ условій: ее они могли сломить или закалить.

Прошелъ годъ, и у Ковалевской совершенно исчезло то хорошее настроеніе, которое на первыхъ порахъ по пріѣздѣ на Кару охватило ее, влѣдствіе разнообразія отъ путешествія изъ Иркутска, встрѣчи съ любимой подругой и перемѣны мѣста. По разнымъ чисто мѣстнымъ и личнымъ причинамъ, о которыхъ слишкомъ долго распространяться, четверо изъ уже знакомыхъ намъ женщинъ — С. Лешернъ, А. Корба, А. Якимова и П. Ивановская, да кромѣ того вновь прибывшая Марія Анашкина, приговоренная по процессу 1 марта 1887 г., на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ, — потребовали отъ начальства, чтобы имъ дали особенное отъ остальныхъ помѣщеніе; Россикову и Богомолецъ, за разнаго рода столкновенія съ администраціей, перевели въ

лазаретъ. Въ женской политической тюрьмѣ на Усть-Барѣ, такимъ образомъ, нѣкоторое время оставались только: Ковалевская, Ковальская, Смирницкая и Калюжная.

Векоръ послѣ этого, т. е. 1 августа 1888 г. пріѣхалъ на Кару генераль-губернаторъ баронъ Корфъ. За нимъ въ Сибири упрочилась репутація либеральнаго правителя обширнѣйшимъ Пріамурскимъ краемъ, такъ какъ онъ устраивалъ въ своемъ главномъ городѣ — Хабаровскѣ съѣзды «свѣдущихъ людей» для выслушанія ихъ мнѣній о мѣстныхъ нуждахъ. На этихъ русскихъ «ландтагахъ», составлявшихся почти исключительно изъ Корфу же подчиненныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, высказывались пріятные этому сатрапу взгляды и принимались соотвѣтствующія рѣшенія; тѣмъ не менѣе сибирское «общество» было очень довольно имъ. И вотъ, при посѣщеніи барономъ Корфомъ женской политической тюрьмы произошло слѣдующее. Когда онъ со своей свитой, въ которой было два генерала, проходилъ по коридору, тамъ съ книгой въ рукахъ сидѣла Елизавета Ковальская. Увидѣвъ, что она не трогается съ мѣста, генераль-губернаторъ погребовалъ, чтобы она встала. Но Ковальская отказалась исполнить это требованіе.

Нѣкоторые утверждали тогда, что Е. Ковальская нарочно затѣяла этотъ инцидентъ, чтобы побудить начальство перевести ее въ другое мѣсто, до того невыносимо тяжело было ей оставаться на Карѣ. Когда извѣстіе объ этомъ происшествіи дошло до насъ, многіе — и я въ томъ числѣ, — не одобряли этого поступка Ковальской, такъ какъ, зная тогдашнее настроеніе мужской, а въ особенности, женской тюрьмы, предвидѣли, что изъ этого произойдутъ всякія печальныя послѣдствія. Дѣйствительность превзошла самыя мрачныя наши предположенія.

Векоръ послѣ отъѣзда Корфа, случилось отъ него распоряженіе о переводѣ Е. Ковальской въ центральную тюрьму въ г. Верхнеудинскъ, «въ виду вреднаго ея вліянія на другихъ политическихъ каторжанокъ», какъ гласила присланная генераль-губернаторомъ бумага.

Увозъ изъ тюрьмы Е. Ковальской произведенъ былъ столь возмутительнымъ образомъ, что онъ послужилъ причиной безконечнаго ряда протестовъ, закончившихся самымъ трагическимъ образомъ.

Въ 5 часовъ утра, когда всё еще спали, въ женскую политическую тюрьму ворвался смотритель уголовныхъ, извѣстный во всемъ округѣ звѣрь Бобровскій, въ сопровожденіи двухъ уголовныхъ арестантовъ. Вслѣдствіе поднявшагося шума всѣ женщины проснулись и выскочили въ коридоръ. Тогда М. Калужную, М. Ковалевскую и Н. Смирницкую, втолкнувъ обратно въ камеры, заперли, а Е. Ковальскую, накинувшую на себя лишь одѣяло, уголовные схватили и понесли въ избушку, расположенную на берегу рѣки Шилки. Тамъ надзирательница, при содѣйствіи уголовныхъ же, сняла съ нея собственное ея бѣлье и переодѣла въ казенное платье. Во время этого грубого насилія надъ Ковальской находились по близости комендантъ Масюковъ, есаулъ Архиповъ и смотритель Бобровскій, отпущавшіе на счетъ Ковальской неприличныя шутки и остроты. Когда же надзирательница попросила воды, чтобы вспрыснуть упавшую въ обморокъ Ковальскую, Бобровскій воспротивился этому.

Исторія эта произвела на оставшихся въ Усть-Карійской тюрьмѣ подругъ Ковальской такое впечатлѣніе, что онѣ рѣшили покончить съ собою, чтобы, такимъ образомъ, выразить свой протестъ противъ издѣвательствъ надъ беззащитной женщиной. Но, чтобы стала понятной причина ихъ самоубійства, онѣ надумали распространить на Карѣ прокламацію, написанную М. Калужной, копія которой была прислана намъ. Вотъ ея полный текстъ:

«Гнусное издѣвательство надъ государственной преступницей Е. Ковальской, совершенное 11 августа 1888 г. въ генеральской квартирѣ (?) на берегу рѣки Шилки, знаетъ вся Кара. Это издѣвательство тѣмъ болѣе омерзительно и возмутительно, что въ данномъ случаѣ не было никакой причины. Если бы Ковальской сказали, что пришли за ней, она и сама пошла бы. Но эта шайка вломила въ тюрьму въ 5 час. утра и, не говоря ни слова, расправилась съ сонными женщинами: заперли всѣ камеры, а Ковальскую схватили раздѣтую и унесли. Это еще не видано ни въ одной тюрьмѣ. Мы, три оставшіяся въ этой тюрьмѣ женщины: Марія Калужная, Марія Ковалевская и Надежда Смирницкая не имѣемъ возможности отомстить инымъ путемъ за это нашествіе и за гнусное поруганіе надъ нашей товаркой. Единственное средство у насъ остается — отомстить своею смертию. Мы рѣшили заморить себя голодомъ. Пусть

начальство знаетъ, что подобные его поступки не оканчиваются только его неистовствомъ, а ведутъ за собою смерть нашу. Пусть эти люди знаютъ, что заклеили себя не только безстыжими наглцами, но и именемъ убійцъ. Мы увѣрены, что рѣдкій каторжникъ изволилъ бы себѣ подобную гнусность. А это люди съ образованіемъ: Масюковъ — бывший предводитель дворянства позволилъ и самъ участвовалъ въ гнусныхъ издѣательствахъ сотеннаго Архипова и смотрителя Бобровскаго. Пусть же наша смерть ляжетъ вѣчнымъ проклятіемъ надъ этими лицами. Пусть всякій человѣкъ, у котораго есть стыдъ и совѣсть въ сердцѣ, броситъ свое презрѣніе этимъ лицамъ. До послѣдняго вздоха мы будемъ посылать проклятія всѣмъ, кто участвовалъ въ этомъ злодѣяніи и наше проклятіе будетъ преслѣдовать ихъ всюду. Если эти лица были орудіемъ въ рукахъ высшаго начальства, то пусть не надѣются, что они спасутся отъ мести и получатъ только награды и повышенія. За насъ отомстятъ, рано или поздно, какъ великимъ, такъ и малымъ. Пусть вспомнятъ губернатора Читы Ильяшевича и иркутскаго чиновника Соловьева. Поруганіе надъ Ковальской не простится никому. Пусть теперь и надъ нами тремя начальство совершаетъ свои жестокости, мы ожидаемъ это, но насъ ничто не страшитъ: кто идетъ на смерть, надъ тѣмъ безсильны людскія пытки. Мы отвѣтимъ молчаливымъ презрѣніемъ на все, чтобы начальство ни предприняло съ нами, и своею смертию наложимъ печать проклятія и клеймо позора на мѣдныхъ лбахъ этой шайки. Проклятіе же вамъ, три изверга: Масюковъ, Архиповъ и Бобровскій, позорящіе собою имя человѣка!»

Полученное въ нашей тюрьмѣ извѣстіе о томъ, что произошло на Усть-Карѣ, вызвало у насъ сильнѣйшее возбужденіе. Поднялись всевозможные толки, вносились разныя предложенія какъ намъ отнестись къ этой печальной исторіи. Но, какъ всегда это бываетъ, далеко не всѣ заключенные оказались солидарными. Между тѣмъ, какъ болѣе крайніе и рѣшительные обвиняли цѣликомъ Масюкова и предлагали расправиться съ нимъ непосредственно, путемъ нанесенія ему личнаго оскорбленія, другіе, болѣе миролюбивые, готовы были даже обвинять во всей этой исторіи самихъ женщинъ, такъ какъ онѣ своею склонностью къ протестамъ дали Масюкову основаніе опасаться

что прямое объявленіе Е. Ковальской объ увозѣ не обойдется безъ крупнаго столкновенія съ ними. Большинство, хотя и очень мирно настроенное, все же находило способъ увоза Елизаветы Ковальской возмутительнымъ, ничѣмъ съ ея стороны не вызваннымъ и считало необходимымъ тѣмъ или инымъ способомъ заявить начальству о нашемъ протестѣ противъ этого. Одни находили нужнымъ побудить Масюкова, чтобы онъ самъ постарался скорѣе убраться отъ насъ, такъ какъ своей слабохарактерностью, несообразительностью и трусостью онъ можетъ причинить себѣ и намъ много горя и бѣдъ. Другіе считали необходимымъ направить нашъ протестъ не противъ коменданта, а противъ генераль-губернатора, какъ главнаго виновника насильственнаго увоза Е. Ковальской. Затѣмъ среди насъ возникли разногласія относительно того, кому именно слѣдуетъ адресовать нашъ протестъ и въ какой формѣ слѣдуетъ составить его. Между тѣмъ какъ одни желали послать его самому же Корфу, другіе предлагали отправить его въ иркутское жандармское управленіе, третьи — тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Дм. Толстому, а четвертые — въ иностранныя газеты. Согласившіеся направить свой протестъ кому-нибудь изъ указанныхъ должностныхъ лицъ расходились относительно его формы: одни желали лишь изложить процессъ увоза Е. Ковальской и указать на то, что мы хотимъ мира и спокойствія, а начальство, прибѣгая къ ничѣмъ не вызванному съ нашей стороны насилію, само толкаетъ насъ на рѣзкій отпоръ. Болѣе крайніе изъ заключенныхъ, не удовлетворяясь этой формой, настаивали на необходимости письменно заявить генераль-губернатору, что, послѣ его возмутительнаго приѣма по отношенію Е. Ковальской, мы также не будемъ вставать при его посѣщеніяхъ нашей тюрьмы. Раздавались и совѣтъ много рода проекты: предлагали отказаться впредь отъ бритвы или заявить коменданту, чтобы онъ не смѣлъ показываться къ намъ въ тюрьму. Но подобнаго рода предложенія не встрѣчали у большинства сочувствія.

Въ тюрьмѣ господствовало сильнѣйшее возбужденіе. Всюду — въ камерахъ, на кухнѣ, во дворѣ, на огородѣ и въ зданіи съ одиночками громко обсуждались исторія увоза Е. Ковальской и проектировавшіяся мѣры протеста. Жандармы, конечно, ви-

дѣли и слышали, что происходитъ и тотчасъ же сообщили обо всемъ коменданту. Самъ онъ, послѣ описанной исторіи, къ намъ не показывался, боясь, какъ мы потомъ узнали, какого-нибудь скандала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не зная, какой найти выходъ изъ создававшегося для него положенія. На помощь къ нему явился вахмистръ Голубцовъ, о которомъ я вскользь уже упомянулъ. Объ этомъ замѣчательномъ жандармѣ необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Простой, малограмотный унтеръ-офицеръ, Голубцовъ въ средѣ разныхъ служащихъ положительно выдѣлялся большимъ природнымъ умомъ; онъ обладалъ тѣмъ, что называютъ, практическимъ здравымъ смысломъ и отличался удивительной выдержкой и тактомъ. Наблюдая, въ теченіе многихъ лѣтъ и при разныхъ комендантахъ, за заключенными политическими, Голубцовъ прекрасно изучилъ наши нравы, взгляды и привычки. Поэтому онъ всегда умѣлъ ладить съ нами и никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода къ какому-либо недоразумѣнію. При такихъ своихъ свойствахъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, будучи нижнимъ чиномъ, онъ вполне подчинилъ себѣ безхарактернаго и недалекаго своего начальника, подполковника Масюкова. Последній шагъ не дѣлалъ, не посовѣтовавшись съ Голубцовымъ. Только одинъ-единственный разъ комендантъ поступилъ противъ мнѣнія своего вахмистра, — въ исторіи увоза Ковальской, положившись на совѣты Архипова и Бобровскаго, — и вскорѣ долженъ былъ въ этомъ сильно раскаяться. Когда же въ женской тюрьмѣ начались печальныя происшествія, онъ снова обратился къ своему подчиненному. Голубцовъ посовѣтовалъ коменданту явиться въ мужскую тюрьму и, чистосердечно рассказавъ намъ обо всемъ происшедшемъ на Усть-Карѣ, положить на наше рѣшеніе. Но трусливый подполковникъ боялся пойти къ намъ, когда въ дѣйствительности ему не угрожала никакая опасность. Видя это, умный вахмистръ предложилъ своему безхарактерному начальнику другой планъ, за который тотъ и ухватился.

Въ третьемъ номерѣ, — въ «Явугкѣ», — сидѣлъ Иванъ Калужный, братъ Маріи Васильевны, прибывшей вмѣстѣ со мною и Чуйковымъ на Кару. Это былъ очень способный, — особенно къ языкамъ, — вѣчно веселый и остроумный человѣкъ, пре-

красный товарищ и любимецъ многихъ. По своимъ воззрѣнiямъ Иванъ Калюжный былъ народовольцемъ и въ 1883 году по процессу 16-ти приговоренъ былъ къ 15 г. каторги. вмѣстѣ съ нимъ и также на 15 лѣтъ осуждена была жена его, Надежда Смирницкая. Такимъ образомъ, двѣ самыя близкія Ив. Калюжному женщины присутствовали при насильственномъ увозѣ Е. Ковальской и, какъ мы уже знаемъ, затѣяли противъ Масюкова отчаянный протестъ. Зная объ этихъ родственныхъ отношенiяхъ Ив. Калюжнаго, Голубцовъ посоветовалъ коменданту обратиться къ нему.

Между тѣмъ, больше недѣли прошло уже со времени увоза Е. Ковальской, и продолжавшаяся неизвѣстность о томъ, что происходитъ въ женской тюрьмѣ на Усть-Карѣ въ сильнѣйшей степени томила многихъ изъ насъ, возбуждая всякія тревоги и опасенiя. Наконецъ, однажды вдругъ позвали Ив. Калюжнаго къ коменданту. До исторiи съ Е. Ковальской, Ив. Калюжный, въ слѣдствіе особеннаго разрѣшенiя генералъ-губернатора, имѣлъ свиданіе съ сестрой, для чего ее привозили на Нижнюю Кару. Теперь же комендантъ предложилъ Ив. Калюжному отправиться вмѣстѣ съ нимъ на Усть-Кару. Только поздно вечеромъ вернулся онъ обратно. Тогда всѣ заключенные, съ нетерпѣнiемъ ожидавшіе его возвращенiя, собрались въ «Якуткѣ» на общую сходку—событіе, небывалое въ нашей тюрьмѣ со времени введенiя на Карѣ жандармскаго управленiя. При гробовомъ молчанiи Ив. Калюжный сообщилъ, что его сестра, Смирницкая и Марiя Ковальская уже седьмой день голодаютъ; затѣмъ онъ передалъ намъ все, что узналъ отъ Масюкова. Послѣдній чистосердечно рассказалъ Калюжному, какъ произошелъ увозъ Е. Ковальской. Получивъ отъ губернатора предписаніе взять Е. Ковальскую «безъ скандала» и, переодѣвъ въ казенное платье, доставить въ Стрѣтенскъ, онъ не зналъ, какъ ему поступить: въ виду раньше уже происходившихъ въ женской тюрьмѣ «скандаловъ», онъ боялся, что Е. Ковальская и ея подруги рѣзко воспротивятся этому распоряженiю; поэтому онъ послѣдовалъ совѣту есаула Архипова и смотрителя уголовныхъ Бобровскаго, о чемъ теперь крайне жалѣеть. Передавая все это, Масюковъ клялся Калюжному всѣми святыми, что при увозѣ Е. Ковальской онъ умышленно не совершалъ никакихъ надъ ней издѣ-

вательствъ и по ея адресу оскорбительныхъ словъ не произносилъ. Въ заключеніе, онъ охотно отдавалъ себя на судъ заключенныхъ въ мужской тюрьмѣ, предлагая намъ произвести подробное разслѣдованіе о его поведенiи. При этомъ онъ обѣщаль сдѣлать все отъ него зависящее для облегченiя хода слѣдствiя.

По словамъ Ив. Калюжнаго, Масюковъ имѣлъ крайне убитый и жалкій видъ; онъ со слезами на глазахъ умолялъ уговорить женщинъ, чтобы онѣ отказались отъ голодовки. Когда затѣмъ Калюжный передалъ сестрѣ и Смирницкой обо всемъ этомъ, онѣ не повѣрили разсказу Масюкова и продолжали стоять на томъ, что уморятъ себя голодомъ. Онъ не въ силахъ былъ отклонить ихъ отъ этого рѣшенiя. Эта его неудача крайне огорчила Масюкова. Комендантъ попросилъ его передать все узнанное отъ него намъ, а также и другой женской тюрьмѣ, въ которой, какъ я уже упоминалъ, сидѣли Лешернъ, Ивановская, Якимова, Корба и Ананьица.

Сообщеніе Калюжнаго о происходившей въ то самое время голодовкѣ трехъ женщинъ произвело на собравшихся сильнѣйшее впечатлѣніе. Въ первый моментъ всѣ были какъ бы подавлены услышаннымъ, и на нѣкоторое время воцарилась полная тишина. Сходка эта не походила ни на одну изъ многочисленныхъ, на которыхъ мнѣ до того приходилось присутствовать: хотя и на этотъ разъ не былъ избранъ предсѣдатель, но все время господствовалъ образцовый порядокъ; не было ни громкихъ рѣчей, ни продолжительныхъ споровъ. Обыкновенно всегда молчаливый и при публикѣ крайне застѣнчивый Яцевичъ заговорилъ, помнится мнѣ, первый, дрожащимъ голосомъ. Единодушно принято было чье-то предложеніе не расходиться до тѣхъ поръ, пока не рѣшимъ, что намъ предпринять. Вопросъ о насилiи при увозѣ Е. Ковальской сперва отошелъ на второй планъ,—прежде всего надо было поскорѣе прекратить голодовку трехъ женщинъ. Рѣшено было предложить коменданту вновь предоставить свиданіе, на этотъ разъ со всѣми тремя голодающими и не одному Калюжному, но еще и другому выбранному тюрьмой представителю. Эти два лица отъ имени всѣхъ насъ должны были убѣдить женщинъ прекратить голодовку, съ тѣмъ условіемъ, что мы беремъ на себя разслѣдованіе поведенiя Ма-

сюкова и, соответственно результатам его, предпримемъ дальнѣйшіе шаги по отношенію къ комендату. Рѣшено было потребовать у него также свиданіе съ двумя товарищами, находившимися въ вольной командѣ,—Лозяновымъ и Осоловскимъ, для того, чтобы поручить имъ вести разслѣдованіе объ увозѣ Ковальской. Для переговоровъ обо всемъ вышесказанномъ съ Масюковымъ выбрали трехъ представителей и черезъ жандарма передали ему, чтобы онъ ихъ вызвалъ къ себѣ. Но трусливый комендантъ побоялся принять всѣхъ трехъ и попросилъ прислать лишь одного представителя. Выбрали Яцевича, поручивъ ему передать Масюкову, что лучше всего онъ сдѣлаетъ, если подастъ просьбу о переводѣ его въ другое мѣсто.

Былъ поздній часъ. Давно прошло время вечерней повѣрки, а между тѣмъ насъ все не запирали въ камерахъ: комендантъ, очевидно, не желалъ стѣснять наше совѣщаніе. Въ слабо освѣщенномъ коридорѣ мрачно расхаживали нѣкоторые изъ заключенныхъ, повидимому, мало или вовсе несочувствовавшіе затѣянному женщинами протесту, такъ какъ они опасались всякихъ для насъ усложненій и, быть можетъ, большихъ страданій. Видя, что происходитъ нѣчто очень важное и серьезное у насъ, жандармы столпились у своего столика и тихо перешептывались. Кругомъ чувствовалась какая-то особенная торжественность. По уходѣ Яцевича къ коменданту, нѣкоторые выражали опасеніе, что голодающія женщины не согласятся на наше предложеніе, а потому находили необходимымъ, чтобы наши два уполномоченные заявили имъ, что, разъ онѣ не откажутся отъ голодовки, то и мы приступимъ къ ней, хотя для насъ далеко еще не выяснены были всѣ обстоятельства увоза Ковальской. Другіе настаивали на томъ, что такое заявленіе можно сдѣлать, лишь имѣя увѣренность, что дѣйствительно вся наша тюрьма согласна прибѣгнуть къ голодовкѣ, но въ этомъ нельзя было тогда ручаться даже за большинство сидѣвшихъ у насъ.

Вернувшись отъ коменданта только въ 11 час. вечера, Яцевичъ сообщилъ намъ, что Масюковъ согласился на всѣ наши предложенія. Комендантъ тотчасъ же предоставилъ ему свиданіе съ вольнокомандцами,—Лозяновымъ и Осоловскимъ и обѣщавалъ распорядиться, чтобы всѣ подчиненныя ему лица давали

нашимъ «слѣдователямъ» правдивыя показанія; онъ также согласился передать намъ въ тюрьму результаты ихъ разслѣдованія въ запечатанныхъ конвертахъ безъ предварительнаго своего пересмотра. Осоловскій, негласно уже самъ занимавшійся разслѣдованіемъ исторіи увоза Ковальской, передалъ Яцевичу, что слухъ, будто бы Масюковъ вмѣстѣ съ Архиповымъ и Бобровскимъ отпускалъ шутки и сальности, никѣмъ не подтверждается. Повидимому, изъ присущей Яцевичу деликатности, онъ не рѣшился передать комендату нашъ совѣтъ хлопотать о переводѣ.

Выбравъ, кромѣ Ив. Калюжнаго, вторымъ уполномоченнымъ для переговоровъ съ голодающими Рехневскаго, мы разошлись по камерамъ послѣ полуночи. Съ тревогой ожидали мы, что принесетъ намъ слѣдующій день: согласятся-ли голодающія на наше предложеніе и прекратятъ-ли свой протестъ? Послѣ свиданія Яцевича съ комендантомъ и двумя вольнокомандцами, очень немногіе изъ насъ сочувственно относились къ затѣянному тремя женщинами протесту: безобразный характеръ увоза Ковальской не на столько возмущалъ большинство заключенныхъ, въ виду бывавшихъ у насъ въ прошломъ всевозможныхъ насилій надъ политическими, чтобы у многихъ являлась готовность ни предъ чѣмъ не останавливаться въ своемъ протестѣ. Къ тому же Масюковъ положительно былъ жалокъ и не возбуждалъ ни малѣйшей злобы. Кромѣ того, наша тюрьма, послѣ многочисленныхъ испытаній, перенесенныхъ ею въ предшествовавшіе годы, была рада, что, при этомъ комендантъ, можно было, наконецъ, мирно жить, не боясь никакихъ столкновеній и рѣзкихъ переворотовъ. Затѣянная же тремя женщинами голодовка выбивала всѣхъ насъ изъ колеи и заставляла опасаться, что она можетъ плохо окончиться. Зная характеръ голодающихъ и ихъ нервное состояніе, естественно было предвидѣть, что онѣ будутъ упорно стоять на своемъ, а это, даже противъ желанія большинства изъ насъ, неизбежно должно было втянуть и нашу тюрьму въ невыносимо тяжелое положеніе. Эти опасенія вполнѣ подтвердились.

Съ неимовернымъ нетерпѣніемъ ожидали мы на второй день возвращенія съ Усть-Кары нашихъ уполномоченныхъ. Только передъ вечеромъ вернулись они, и всѣ заключенные вновь со-

брались вмѣстѣ, на этотъ разъ въ нашей, Больничной, камерѣ. Три протестантки согласились приостановить голодовку, но лишь до тѣхъ поръ, пока Лозяновъ и Осмоловскій закончатъ свое разслѣдованіе. При этомъ онѣ заранѣе выражали увѣренность, что разслѣдованіе подтвердитъ правильность составившагося у нихъ представленія объ увозѣ Ел. Ковальской. Тогда онѣ отправятъ ген.-губернатору телеграмму съ требованіемъ удалить Масюкова, Архипова и Бобровскаго. Если, по прошествіи десяти дней, получится отказъ или вовсе не будетъ никакого отвѣта, онѣ снова начнутъ голодать, независимо отъ того или иного поведенія мужской тюрьмы. Рѣшеніе свое онѣ считали окончательнымъ и безповоротнымъ.

Такой результатъ переговоровъ съ голодавшими далеко не удовлетворилъ насъ, такъ какъ наступила лишь кратковременная отсрочка въ невыносимо тяжеломъ и напряженномъ нашемъ состояніи. Едва-ли кто-нибудь сомнѣвался, что, каковы бы ни были результаты слѣдствія, эти три протестантки останутся при своемъ мнѣніи о глумленіи Масюкова надъ Е. Ковальской, а, слѣдовательно, что онѣ пошлютъ барону Корфу требованіе объ удаленіи Масюкова. Нужно было быть крайне наивнымъ и легкомысленнымъ, чтобы хоть на минуту сомнѣваться, каковъ будетъ—если только будетъ,—отвѣтъ генераль-губернатора. Но мы утѣшали себя надеждой, что, быть можетъ до тѣхъ поръ что-нибудь неожиданное случится, что помѣшаетъ нашимъ женщинамъ вновь прибѣгнуть къ голодовкѣ. Утѣшительнымъ было уже то, что онѣ прекратили ее хотя на время.

Судя по разговорамъ нашихъ делегатовъ, особенно упорно и яро за самую рѣзкую и крайнюю борьбу съ Масюковымъ стояла М. Ковалевская. Въ ней, по ихъ словамъ, клокотала злоба и ненависть къ Масюкову и къ его двумъ помощникамъ: она, повидимому, рѣшила не отступать ни передъ чѣмъ и вести дѣло до конца. Своей непримиримостью оца заразила не только Калюжную и Смирницкую, но также и нашихъ уполномоченныхъ, чего особенно отъ Рехневскаго мы никакъ не ожидали. Возможно было еще допустить, что на Ив. Калюжнаго, жена и сестра котораго голодали, подѣйствуетъ непримиримость нашихъ женщинъ, но мы для того и избрали второго делегата, чтобы онъ постарался склонить протестантовъ къ

уступчивости, а не, наоборотъ, самъ отъ нихъ заражался склонностью къ яримъ протестамъ.

Не менѣе, чѣмъ мы, огорченъ былъ комендантъ отвѣтомъ женщинъ, дававшимъ и ему только отсрочку. Вызвавъ къ себѣ Рехневскаго, онъ и ему повторилъ свои увѣренія и клятвы, что онъ не хотѣлъ оскорбить Е. Ковальскую и что онъ не глумился надъ нею. Онъ умолялъ, чтобы наши уполномоченные поскорѣе закончили разслѣдованіе, такъ какъ и для него продолжительная неопредѣленность была тяжела. Но не скоро еще насталъ конецъ этой печальной исторіи.

Предпринятое Лозяновымъ и Осмоловскимъ разслѣдованіе было ими закончено черезъ нѣсколько дней. Опросивъ кого возможно было объ исторіи увоза Е. Ковальской, они передали намъ въ тюрьму подробный свой отчетъ. Въ немъ подтверждалось выше приведенное описаніе насильственнаго увоза Ковальской, за исключеніемъ лишь пункта объ участіи Масюкова въ глумленіи надъ нею,—относительно этого обстоятельства, особенно раздражавшаго нашихъ трехъ протестантокъ, рѣшительно никто изъ опрошенныхъ не могъ дать ясныхъ и опредѣленныхъ показаній. Было очевидно, что Бобровскій и Архиповъ отпускали какія-то шутки и остроты въ то время, когда Ковальскую переодѣвали, но что именно они говорили, а тѣмъ болѣе, принималъ-ли Масюковъ участіе въ этомъ, не удалось вполнѣ установить нашимъ слѣдователямъ.

Теперь необходимо было опредѣлить наше отношеніе къ даннымъ разслѣдованія, и всѣ заключенные вновь собрались на общую сходку. На ней обозначилось два направленія: одни находили обвиненіе Масюкова въ умышленномъ издѣвательствѣ надъ Ковальской недоказаннымъ, но считали его виновнымъ въ насильственномъ ея увозѣ безъ предупрежденія и въ переодѣваніи ея въ присутствіи и при содѣйствіи мужчинъ. Однако, униженное положеніе, въ которое поставилъ себя комендантъ, предоставившій заключеннымъ производить надъ его дѣйствіями разслѣдованіе, о чемъ знали всѣ мѣстные жители, а также тревоги, волненія и раскаяніе, проявленные Масюковымъ, служили по мнѣнію сторонниковъ этого взгляда достаточнымъ для него наказаніемъ. Принимая къ тому же во вниманіе его безхарактерность, несообразительность и трусость, они признавали возмож-

нымъ ограничиться однимъ лишь выговоромъ ему съ указаніемъ, чтобы впредь онъ былъ внимательнѣе въ аналогичныхъ случаяхъ. Такое заключеніе другіе находили чрезчуръ мягкимъ и настаивали на необходимости отправить генераль-губернатору заявленіе, въ которомъ, кромѣ изложенія безобразнаго характера увоза Ковальской, было бы еще указано на то, къ какому печальному результату можетъ привести слѣпое и торопливое принятіе низшими должностными лицами репрессивныхъ мѣръ, по ничтожному или даже безъ всякаго съ нашей стороны повода.

Встрѣтивъ сочувствіе среди немногихъ, это предложеніе вызвало горячія возраженія со стороны сторонниковъ первой резолюціи. Послѣдніе указывали, между прочимъ, на то, что начальство посмотритъ на такое заявленіе, какъ на угрозу съ нашей стороны и можетъ отвѣтить на нее репрессіями. Кромѣ того, нѣкоторые находили для себя нравственно недопустимымъ явиться обвинителями Масюкова передъ вышшимъ начальствомъ, когда по всему было очевидно, что умышленного оскорбленія онъ не желалъ никому причинить. Только одинъ Санковскій упорно продолжалъ считать коменданта кругомъ виноватымъ и за насиліе надъ Ковальской хотѣлъ нанести ему личное оскорбленіе; но, не встрѣтивъ ни въ комъ ни малѣйшаго сочувствія такого рода расправѣ съ жалкимъ Масюковымъ, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

Такъ какъ сторонники обоихъ заключеній энергично отстаивали ихъ цѣлесообразность и правильность, не будучи въ состояніи, послѣ очень продолжительныхъ дебатовъ, придти ни къ какому соглашенію, то въ концѣ концовъ рѣшено было отправить обѣ резолюціи вновь черезъ двухъ уполномоченныхъ отъ насъ на усмотрѣніе трехъ протестанокъ. Кромѣ Ивана Калюжнаго, являвшагося сторонникомъ предложенія о посылкѣ протеста генераль-губернатору, вторымъ уполномоченнымъ на этотъ разъ выбрали Позена, какъ человѣка, пользовавшагося уваженіемъ, считавшагося умнымъ и тактичнымъ и также стоявшаго лишь за выраженіе порицанія Масюкову. Остановливая свой выборъ на немъ, рассчитывали, что онъ, какъ «сильный діалектикъ», сможетъ склонить М. Ковалевскую къ уступчивости. Но уже тотъ фактъ, что даже мирная мужская тюрьма

не могла придти къ одному рѣшенію, являлся чрезвычайно неблагоприятнымъ обстоятельствомъ: расколъ среди насъ долженъ былъ укрѣпить трехъ протестанокъ въ ихъ непримиримости, неуступчивости, да и начальству онъ могъ лишь развязать руки, побудивъ его прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ репрессивнымъ мѣрамъ по отношенію ко всѣмъ намъ. Къ несчастію, эти соображенія очень немногимъ пришли своевременно на умъ.

Результатомъ переговоровъ нашихъ уполномоченныхъ съ тремя протестантками было то, что онѣ отказались отъ возобновленія голодовки, но рѣшили обратиться къ начальнику Иркутскаго жандармскаго правленія съ заявленіемъ, которое излагало обстоятельства, сопровождавшія насильственный увозъ Е. Ковальской и заканчивалось слѣдующимъ образомъ:

«Послѣ указанного здѣсь нарушенія комендантомъ Масюковымъ своихъ чисто юридическихъ обязанностей и того оскорбленія, которое онъ нанесъ намъ, какъ женщинамъ, позволивъ жандармамъ, смотрителю (не нашей тюрьмы) и уголовнымъ ворваться къ соннымъ женщинамъ, мы три, оставшіяся въ тюрьмѣ, не находимъ возможнымъ далѣе имѣть какія бы то ни было дѣла съ Масюковыхъ, какъ съ представителемъ власти. Мы не можемъ къ нему обращаться по нашимъ дѣламъ, и онъ не можетъ являться въ нашу тюрьму. Желая попробовать легальный путь, мы обращаемся къ Вамъ, какъ къ непосредственному контролеру г. Масюкова съ заявленіемъ о необходимости удалить его отъ занимаемаго имъ мѣста. Если Вы не можете этого сдѣлать на основаніи только нашего заявленія, то мы желали бы, чтобы Вы прибыли сюда лично или прислали довѣренное лицо для разслѣдованія дѣла».

По мнѣнію многихъ, наиболѣе благоразумныхъ изъ насъ, такое требованіе могло скорѣе побудить начальство оставить Масюкова въ должности коменданта, если бы даже оно само имѣло намѣреніе удалить его, въ виду проявленной имъ полной неспособности завѣдывать политическими заключенными. Поэтому они находили заявленіе трехъ женщинъ, не говоря уже про его стиль, крайне неудачнымъ и могущимъ привести къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Но оно все же казалось лучшимъ результатомъ, чѣмъ безцѣльное продолженіе

ими голодовки, и мы въ немъ видѣли нѣкоторое для себя облегченіе, такъ какъ развязка вновь отсрочивалась на время.

Въ присланныхъ одновременно съ копией этого заявленія письмахъ три протестантки довольно ясно выражали намъ свое неудовольствіе, по поводу принятыхъ нами резолюцій, въ особенности тѣми изъ насъ, которые подписали предложеніе о вынесеніи лишь выговора Масюкову. «Мы не только не требовали, но и не желали вмѣшательства вальшей тюрьмы»,— писали М. Калюжная и Н. Смирницкая. «Мы сдѣлали большую ошибку, принявъ путь голодной смерти, такъ какъ она слишкомъ медленна и рано или поздно вы должны были узнать о принятой нами мѣрѣ. Благодаря нашей неосмотрительности, намъ необходимо теперь переѣмнить политику, что мы и дѣлаемъ, отправляя заявленіе фонъ-Плотто¹⁾. Мы положительно не желаемъ, чтобы вы присоединились къ нему, если бы вы почему-либо нашли нужнымъ сдѣлать это, такъ какъ для большинства тюрьмы поднятіе этого дѣла является нравственной натяжкой. Конечно, мы не можемъ, да и не имѣемъ права, требовать полного невмѣшательства со стороны тюрьмы или, наконецъ, отдѣльныхъ лицъ. Но предоставляемъ имъ дѣлать это совершенно самостоятельно. Подымая этотъ вопросъ, мы сдѣлаемъ все, чтобы послѣдствія его обрушились только на насъ троихъ».

Было ясно, что три протестантки остались крайне недовольными отношеніемъ нашей тюрьмы къ исторіи увоза Е. Ковальской,—къ тому, какъ по нашему мнѣнію, надо было на нее реагировать. Дѣйствительно, преобладающее большинство у насъ считало возможнымъ удовлетвориться выраженіемъ порицанія коменданту и, лишь какъ уступку крайне возбужденнымъ и нервнымъ нашимъ женщинамъ допускало предложеніе, чтобы Масюковъ самъ хлопоталъ о переводѣ, такъ какъ при немъ намъ было лучше, вольнѣе, чѣмъ при комъ-либо изъ его предшественниковъ. Но, по полученіи вышеприведеннаго заявленія и писемъ трехъ женщинъ, большинство сдѣлало еще уступку, и безъ дебатовъ принято было предложеніе о подачѣ

¹⁾ Иркутскому жандармскому полковнику, являвшемуся ближайшимъ начальникомъ коменданта Масюкова.

начальству заявленія и отъ насъ. Изложивъ въ немъ исторію увоза Ковальской, какъ она выяснилась разслѣдованіемъ нашихъ уполномоченныхъ и не отвергалась самимъ Масюковымъ, мы указали на возмутительное поведеніе при этомъ исполнителей распоряженій высшихъ властей. Но мы не ставили никакихъ ультиматумовъ, не требовали убрать Масюкова.

Изъ всего числа—около пятидесяти—заключенныхъ въ то время въ нашей тюрьмѣ только 13 человекъ не захотѣли подписать это заявленіе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они «какъ арестанты, не считаютъ себя въ правѣ выражать начальству свое неудовольствіе по поводу его дѣйствій». То были наши «монархисты» съ Θ —вымъ во главѣ.

ГЛАВА XXVI.

Переселенія въ «колонию».

Примѣру Властопуло послѣдовали вскорѣ другіе. Каждый новый случай подачи прошенія о помилованіи производилъ въ большинство самое тяжелое, удручающее впечатлѣніе, хотя для насъ не всѣ они были неожиданны. Зная о произошедшемъ въ убѣжденіяхъ нѣкоторыхъ переломѣ, мы допускали возможность подачи прошенія тѣмъ или инымъ «патріотомъ» и «монархистомъ» и иногда даже выражали удивленіе, почему они такъ долго не дѣлаютъ этого. Такая нерѣшительность со стороны этихъ лицъ отчасти объяснялась тѣмъ, что они конфузились, стѣснялись передъ остальными заключенными. Только изъ-за такого рода робости иной тянулъ лямку, откладывая со дня на день свое намѣреніе. Несмотря, однако, на совершенно нѣтъмъ неожиданный случай съ Властопуло, который, казалось, долженъ былъ бы насъ ко всему подготовить, все-же было еще два-три большихъ сюрприза, если не для всѣхъ, то для очень многихъ изъ заключенныхъ. Не удивительно поэтому, что у нѣкоторыхъ развилась даже мнительность; являлось подчасъ совершенно несправедливое подозрѣніе относительно того или иного лица.

«Если такіе-то подали прошенія, то почему не могутъ по-

слѣдовать ихъ примѣру еще вотъ эти?»—естественно приходило въ голову, и въ большинствѣ случаевъ эти предположенія дѣйствительно оправдывались. Но не трудно себѣ представить, какъ подобныя заподозриванія другихъ въ политической порядочности должны были вліять на взаимныя отношенія.

Нѣкоторые изъ раскаявшихся поступали открыто, безъ лицемерія: они прямо заявляли остальнымъ о своемъ намѣреніи подать прошеніе. Но бывали между ними и малодушные, которые при этомъ маскировались, прибѣгая къ разнымъ неблагоприятнымъ уловкамъ и хватаясь за пустые, ничтожные поводы. Поступавшіе открыто укладывали свои вещи и заявляли коменданту черезъ дежурныхъ жандармовъ, чтобы онъ ихъ къ себѣ вызвалъ. Ихъ затѣмъ немедленно уводили отъ насъ въ особенное помѣщеніе, находившееся внѣ тюремной ограды. Пока поданныя ими прошенія шли въ Петербургъ и оттуда получались на нихъ резолюціи, проходило нѣсколько мѣсяцевъ, то время которыхъ раскаявшіеся пользовались разными льготами. Затѣмъ изъ Петербурга приходили распоряженія отправлять этихъ лицъ на поселеніе въ хорошія мѣста, гдѣ имъ предоставляли полную свободу. Уходя изъ тюрьмы, вслѣдствіе поданнаго прошенія, на нашемъ діалектѣ назывался переселеніемъ «въ колонію». Наименованіе «колонистъ», произносившееся съ брезгливостью, стало вскорѣ довольно популярнымъ и его считали позорнымъ не только всѣ политическіе ссыльные въ Сибирь, но также и наиболѣе порядочные мѣстные обыватели.

Уходящими «въ колонію», мы, заключенные въ тюрьмѣ и наши товарищи—вольнокомандцы, навсегда прерывали всякія сношенія,—объ этомъ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, у насъ состоялось особенное постановленіе. Такой исключительный приемъ относительно нихъ, въ общемъ, былъ необходимъ затѣмъ, чтобы всякаго рода начальство и мѣстное населеніе понимали различіе между «раскаявшимися» и нераскаявшимися политическими. Нѣкоторые изъ насъ считали совершенно невозможнымъ сколько-нибудь снисходительно относиться къ «колонистамъ», такъ какъ послѣдніе однимъ почеркомъ пера навсегда отрекались отъ всего своего прошлаго, одной бумажкой уничтожили все то, что еще недавно и имъ было дорого, за что и они перенесли столько лишеній и страданій. Кромѣ по-

литического и моральнаго значенія, эти отреченія нанесли остальнымъ заключеннымъ еще и прямой вредъ: облегчая положеніе раскаявшихся и, наоборотъ, усиливая репрессіи по отношенію къ остающимся вѣрными революціоннымъ взглядамъ, начальство расчитывало побудить и послѣднихъ подавать просьбы о помилованіи. Такимъ образомъ, колонисты, приобретая для себя всякія удобства и облегченія, тѣмъ самымъ являлись причиной ухудшенія и безъ того незавиднаго положенія своихъ вчерашнихъ товарищей. Можно, поэтому, понять, почему нѣкоторые, болѣе экспансивные изъ заключенныхъ питали къ «колонистамъ», не только презрѣніе, но и личную злобу. Мнѣ же казалось, что между ними слѣдовало отличать болѣе и менѣе виновныхъ. Помня пословицу, что, «снявши голову, по волосамъ не плачутъ», я находилъ вполне естественнымъ и даже неизбѣжнымъ актъ подачи прошеній со стороны лицъ, отказавшихся отъ революціонныхъ воззрѣній и склонившихся къ патриотизму. Отъ нихъ можно было требовать лишь искренности и правдивости. Къ тому же въ возникновеніи среди нѣкоторыхъ заключенныхъ разочарованія въ прошлой революціонной дѣятельности были лишь отчасти виноваты индивидуальныя, личныя ихъ качества,—главной причиной, какъ я уже неоднократно упоминалъ, являлись общія условія, какъ Россіи вообще, такъ нашей тюремной жизни—въ частности. Я, поэтому считалъ несправедливымъ рѣзко осуждать всѣхъ безъ различія «колонистовъ». По поводу отношенія къ нимъ между нѣкоторыми изъ насъ были крупныя разногласія и иногда происходили большія схватки. Верхъ одержали крайніе, настояшіе, какъ я уже сказалъ, на полномъ разрывѣ всякихъ сношеній со всѣми колонистами: даже расгланываться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ считалось уже предосудительнымъ.

За Властопуло первымъ послѣдовалъ въ «колонію» Евсѣевъ. Его уходъ изъ тюрьмы ни для кого не былъ неожиданнымъ и меньше всего огорчилъ насъ, такъ какъ онъ не пользовался среди насъ особенной симпатіей. Неразвитый, озлобленный противъ всѣхъ и крайне вспыльчивый, онъ раньше другихъ изъ яраго террориста превратился въ монархиста и, когда въ тюрьмѣ узнали о его переселеніи, то нѣкоторые говорили: «туда ему и дорога!»

Его сопроцессникъ Хохловъ крѣпился нѣкоторое время. Но, однажды, во время прогулки онъ обратился ко мнѣ съ просьбой подарить ему на память одну изъ принадлежавшихъ мнѣ книгъ, — нѣкоторыя изъ послѣднихъ считались у насъ частной собственностью, находившейся въ общемъ пользованіи. На мой вопросъ, собирается ли онъ уйти изъ тюрьмы, онъ заявилъ, что рѣшилъ подать прошеніе о помилованіи. Онъ прибавилъ затѣмъ, что такое намѣреніе давно уже явилось у него, но не хватало рѣшимости исполнить его. Изъ товарищескаго чувства онъ отказался бы отъ этого шага, если бы не былъ осужденъ на столь продолжительный срокъ (20 л.). Онъ говорилъ дальше, что разстается съ товарищами съ большимъ сожалѣніемъ и выноситъ къ нимъ глубокую благодарность за всю ту пользу, какую они ему оказали. Въ тотъ же день Хохловъ обратился къ нашему старостѣ съ просьбой объявить по всѣмъ камерамъ объ его уходѣ въ колонію.

Ярый монархистъ рабочій Иванченко за долго до подачи прошенія сообщилъ остальнымъ о такомъ своемъ намѣреніи. Но онъ рѣшилъ уйти въ колонію, когда минетъ ровно десять лѣтъ со дня его ареста (въ февралѣ 1879 г.). Въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ раскаявшихся, которые все же стыдились этого шага, Иванченко, наоборотъ, говорилъ о немъ съ полнымъ сознаніемъ своей правоты: «ничего нѣтъ унижительнаго въ томъ, во что вѣрятъ милліоны русскаго народа» (т. е. въ царя), — заявлялъ онъ.

Крѣпился также долго и мичманъ Александръ Колюжный, которому оставалось уже немного лѣтъ до окончанія срока каторги. Онъ, вѣроятно, дотянулъ бы до конца, если бы Властопуло не открылъ шествія, и не начались у насъ осложненія по поводу увоза Е. Ковальской. Намъ онъ мотивировалъ свой уходъ изъ тюрьмы тѣмъ, что не одобряетъ поведенія женщинъ и не сочувствуетъ нашему отношенію къ описанной мною исторіи. Все это, по его словамъ, ставило его въ тяжелое и фальшивое положеніе. На сколько было правды въ его словахъ, не берусь судить.

Эти четыре лица были болѣе или менѣе давно извѣстны, какъ ярые патриоты и монархисты; они не отличались развитіемъ и къ тому же поступили довольно открыто, когда надума-

ли уйти въ колонію. Совѣмъ иначе обстояло дѣло съ Андреемъ Баламезомъ. Объ этомъ господинѣ слѣдуетъ рассказать нѣсколько подробнѣе.

Онъ былъ болгаринномъ по происхожденію, обучался нѣкоторое время, въ одесскомъ реальномъ училищѣ и 18 лѣтъ былъ арестованъ (въ 1878 г.). Во время дознанія онъ не только оговаривалъ другихъ, но, разгуливая по улицамъ Одессы съ перодѣтыми жандармами, указывалъ имъ розыскиваемыхъ нелегальныхъ революціонеровъ. Такимъ то образомъ былъ взятъ Чубаровъ, который, какъ извѣстно, былъ затѣмъ казненъ. Но подъ чьимъ то вліяніемъ А. Баламезъ на судѣ отказался отъ всѣхъ своихъ показаній, и его приговорили къ 20 г. каторжныхъ работъ. Идя съ большой партией политическихъ, онъ по дорогѣ на Кару держалъ себя хорошо. Въ виду его молодости, раскаянія и полученнаго имъ огромнаго срока, товарищи рѣшили совершенно забыть о его гнусномъ поведеніи до суда. На Карѣ А. Баламезъ, въ теченіе 8—9 лѣтъ всегда являлся самымъ крайнимъ и рѣшительнымъ революціонеромъ. Онъ также сдѣлалъ въ маѣ 1882 г. попытку бѣжать изъ Карійской тюрьмы, за что получилъ надбавку срока еще въ 10 лѣтъ; все это вмѣстѣ взятое вполнѣ примирило съ нимъ многихъ, хотя далеко не всѣхъ, и у него имѣлись пріятели среди наилучшихъ людей въ тюрьмѣ.

Но подъ красивой, подкупающей внѣшностью, — Баламезъ былъ высокаго роста, прекрасно сложенъ, съ очень правильными и выразительными чертами лица, — скрывалась жалкая низменная душенка. Достаточно сказать, что, какъ потомъ оказалось, онъ тайкомъ похищалъ изъ общественнаго сундука чай, сахаръ и т. п. Наконецъ, по его заявленію, ему не въ моготу стало сидѣть, сложа руки въ тюрьмѣ: онъ хочетъ работать на революціонномъ поприщѣ, онъ можетъ совершить какой-нибудь террористическій фактъ, для этого ему нужно бѣжать. Такъ жить дальше онъ не можетъ, иначе онъ сойдетъ съ ума. Но бѣжать изъ карійской тюрьмы не возможно: ему, поэтому, необходимо добиться, чтобы его перевели въ какое-нибудь другое мѣсто, хотя бы въ Верхнеудинскую центральную тюрьму, а по дорогѣ туда онъ попытается убѣжать; ему это навѣрное удастся, а если нѣтъ, то лучше уже быть застрѣленнымъ конвоемъ, чѣмъ

такъ жить, оставаясь на Карѣ и т. д. въ этомъ родѣ. Баламезъ до того искусно разыгралъ эту роль, а пріятели его были на столько довѣрчивы, что, когда за нимъ явились жандармы, чтобы увести его, то въ тюрьмѣ происходили сцены трогательнаго съ нимъ прощанія. Долго еще дурачилъ онъ легковѣрныхъ, живя съ колонистами въ одномъ помѣщеніи, пока вахмистръ Голубцовъ въ разговорѣ съ кѣмъ то изъ заключенныхъ не воскликнулъ съ удивленіемъ: «Какъ? Вы развѣ не знаете: Баламезъ давно подалъ прошеніе!»

Впослѣдствіи до насъ дошелъ слухъ, что этотъ пройдоха получилъ полную свободу и уѣхалъ въ Болгарію, гдѣ Стамбуловъ сдѣлалъ его не то полиціймейстеромъ, не то смотрителемъ тюрьмы. Если этотъ слухъ былъ вѣренъ, то не трудно себя представить, какую роль долженъ былъ играть этотъ человекъ во время всевозможныхъ звѣрствъ, путемъ которыхъ, какъ извѣстно, Стамбуловъ удерживалъ въ своихъ рукахъ власть.

Близкимъ по духу Баламезу оказался Степанъ Оссовскій. Крестьянинъ Бессарабской губерніи, кузнецъ и земледѣлецъ, онъ окончилъ уѣздное училище и также какимъ-то образомъ затесался въ революционную среду. Затѣмъ, въ 1883 г. онъ былъ кievскимъ военнымъ судомъ приговоренъ въ Сибирь на поселеніе. Оттуда почему то послалъ онъ на имя царя заявленіе, переполненное бранными словами, за что сенатъ заочно приговорилъ его къ 6 годамъ каторжныхъ работъ. По дорогѣ онъ сдѣлалъ попытку бѣжать, и ему прибавили еще одинъ годъ. Къ намъ онъ прибылъ зимою 1887 г. и въ началѣ произвелъ недурное впечатлѣніе. Но вскорѣ онъ сталъ обнаруживать непріятныя черты характера, а осенью 1889 г. Оссовскій не только подалъ прошеніе о помилованіи, но сдѣлался еще донощикомъ: онъ выдалъ начальству способъ нашей конспиративной почты, которая, поэтому, на долго была прекращена; онъ сообщилъ, что въ тюрьмѣ имѣются запрещенныя изданія, почему по предписанію изъ департамента полиціи произведенъ былъ генеральный обыскъ, ничего, однако, не обнаружившій; Оссовскій также разсказалъ еще многое другое о заключенныхъ, чѣмъ причинилъ намъ и женской тюрьмѣ массу вреда.

Непріятно разсказывать о такихъ субъектахъ, какъ Цыпловъ, Мельниковъ, Баламезъ и Оссовскій: тяжело вспоминать,

что такіе господа сидѣли въ политической тюрьмѣ и считались нашими товарищами въ теченіе многихъ лѣтъ. Но что же дѣлать?

Въ другомъ родѣ, чѣмъ Баламезъ, также одурачилъ многихъ Николай Позенъ, который, какъ я уже говорилъ, считался однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ тюрьмѣ. Дѣло въ томъ, что, живя долгое время въ одной камерѣ съ Ѳомичевымъ, Позенъ вѣчно раздражалъ его своими спорами. Искренній и честный, хотя и не особенно умный монархистъ Хома, какъ мы уже знаемъ, не выносилъ нападокъ на царя, правительство и, вообще, на все русское. Позенъ же, которому совершенно безразлично было о чемъ ни спорить, нарочно заводилъ съ Ѳомичевымъ разговоры на самыя дорогія для послѣдняго темы и своими возраженіями доводилъ его до бѣшенства. Однажды въ припадкѣ болѣзненнаго, нервнаго возбужденія Ѳомичевъ прикоснулся рукой до спины Позена и воскликнулъ: «Позенъ, я васъ ударилъ!» хотя по собственнымъ словамъ послѣдняго никакого удара онъ не почувствовалъ. Въ другой разъ еще болѣе возбужденный больной Хома уже дѣйствительно хватилъ Позена по лицу мокрой тряпкой. Но обѣимъ этимъ выходкамъ ни самъ Позенъ, ни другой кто въ нашей тюрьмѣ не придавалъ никакого значенія, считая ихъ проявленіями болѣзненнаго состоянія Хома. Вскорѣ затѣмъ Ѳомичевъ былъ помѣщенъ въ тюремномъ лазаретѣ, но, совсѣмъ оправившись по прошествіи нѣкотораго времени, онъ вернулся къ намъ обратно въ тюрьму, противъ чего никто изъ заключенныхъ не выразилъ протеста. Тогда Позенъ разыгралъ роль оскорбленнаго невниманіемъ къ нему товарищей,—какъ, молъ, могли согласиться на возвращеніе Ѳомичева, не спросивъ его, Позена, котораго тотъ будто бы жестоко обидѣлъ! Такое отношеніе къ нему совершенно разстроило бѣднягу: онъ не можетъ оставаться въ тюрьмѣ, ему необходимо, хотя на время, уйти въ лазаретъ, чтобы успокоиться, привести въ порядокъ свои нервы. Пріятели Позена, конечно, повѣрили этой выдумкѣ и выражали ему свое соболѣзнованіе и сочувствіе. Гурьбой провожали они его до тюремной калитки, когда его уводили въ лазаретъ и, на прощанье, выражали ему пожеланія, поправивъ свое здоровье, вернуться обратно.

Не трудно представить себѣ, какъ очутившись за тюремной

оградой, онъ посмѣялся надъ ихъ легковѣріемъ. Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что Позень подалъ прошеніе о помилованіи.

И несмотря на такіе сюрпризы, какіе доставили намъ Властопуло и Позень,—многихъ все же удивилъ уходъ въ колонию Емельянова. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было представить себѣ, чтобы одинъ изъ метальщиковъ бомбъ перваго марта 1881 г. могъ припасть къ стопамъ трона Александра III, отца котораго онъ собирался убить. Но для меня и нѣкоторыхъ другихъ рѣшеніе Емельянова не было вовсе неожиданнымъ. Я хорошо помнилъ разговоръ, происходившій у меня съ нимъ, тотчасъ послѣ ухода въ колонию Властопуло, бывшаго лучшимъ его другомъ въ тюрьмѣ. Емельяновъ не только оправдывалъ поступокъ послѣдняго, но даже съ цинизмомъ утверждалъ, что вскорѣ его примѣру послѣдуютъ чуть ли не всѣ заключенные.

— Помяните мое слово, говорилъ онъ, не далеко тотъ день, когда гурьбой потянутся въ колонию. У калитки столпится столько желающихъ поскорѣе попасть туда, что жандармамъ трудно будетъ пересчитать ихъ.

При этомъ Емельяновъ изображалъ картину массоваго бѣгства къ подножію трона. Таково, по его мнѣнію, было настроеніе многихъ.

— Это вполне естественно,—помню, сказалъ онъ въ заключеніе: если Левъ Тихоміровъ раскаялся, то намъ, грѣшнымъ, и богъ велѣлъ!

Послѣ этого разговора прошло 6—7 мѣсяцевъ, другіе «монархисты» уходили въ колонию, но Емельяновъ оставался съ нами въ тюрьмѣ. Казалось, что онъ забылъ о своемъ предсказаніи. Онъ, правда, всегда защищалъ колонистовъ, когда на нихъ нападали заключенные, но ему никто не ставилъ этого въ вину, такъ какъ многіе считали его защиту лишь стремленіемъ къ справедливости, безпристрастію и миролюбію. Въ виду обмановъ и хитростей, къ которымъ прибѣгли Баламезъ и Позень, приходилось Емельянову поставить въ заслугу уже то, что онъ прямо заявилъ заключеннымъ о своемъ рѣшеніи уйти въ колонию. Я вновь имѣлъ съ нимъ разговоръ предъ самымъ его уходомъ. Онъ объяснилъ свое рѣшеніе не перемѣ-

ной убѣжденій, каковая, по его словамъ, не была у него столь радикальной, чтобы онъ не могъ жить съ нами, но тѣмъ, что ему невыносимо оставаться въ тюрьмѣ, въ виду возникшихъ у насъ исторій изъ-за Ковальской. Чтобы освободиться отъ тяжелой для него совмѣстной жизни, онъ будто бы черезъ родныхъ хлопоталъ о переводѣ его въ Шлиссельбургскую крѣпость, но, не добившись этого, принужденъ прибѣгнуть къ единственному остающемуся у него способу уйти изъ нашей тюрьмы — къ подачѣ прошенія о помилованіи.

Къ нему начальство оказалось почему-то особенно благоклоннымъ, такъ какъ ему дозволено было отправиться въ резиденцію генераль-губернатора Примурскаго края, въ г. Хабаровскъ, гдѣ не разрѣшалось тогда селиться никому изъ раскаявшихся политическихъ преступниковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, бывший цареубійца Емельяновъ, нѣкогда приговоренный къ смертной казни, сдѣлался мирнымъ обывателемъ, приобрѣлъ связи въ обществѣ и довольно большое состояніе. Ниже мнѣ, придется еще упомянуть о немъ.

Какъ мы уже знаемъ, нѣкоторые изъ колонистовъ мотивировали свой уходъ изъ нашей тюрьмы возбужденіемъ, которое возникло у насъ вслѣдствіе насильственнаго увоза Ковальской. Такая мотивировка не была лишь пустой придиркой съ ихъ стороны: при ихъ крайне мирномъ настроеніи, имъ дѣйствительно могло быть не по себѣ оставаться среди насъ и, такимъ образомъ, противъ собственныхъ убѣжденій и желаній, участвовать или даже только санкціонировать разные наши протесты противъ начальства. Но кромѣ того, ихъ недовольство волненіями въ женской и мужской тюрьмахъ объяснялось еще ихъ опасеніями всякаго рода репрессій. Такой именно характеръ имѣлъ въ особенности уходъ въ колонию рабочаго Николая Хруцова: онъ подалъ прошеніе въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ въ жизни заключенныхъ на Карѣ, когда начальство, чтобы напугать насъ, пригрозило намъ примѣненіемъ всякихъ наказаній, что вызвало чрезвычайное возбужденіе среди насъ,—объ этомъ въ своемъ мѣстѣ сообщу подробнѣе.

Рѣшеніе уйти въ колонию этого, едва-ли не наиболѣе выдающагося и способнаго рабочаго, бывшаго, несмотря на его кру-

той и своеобразный характеръ, чуть не всеобщимъ любимцемъ, ни для кого не явилось неожиданнымъ: нѣкогда ярый террористъ, Хрущевъ также перешелъ въ монархисты, когда въ нашей тюрьмѣ распространилось это повѣтріе. Но личныя симпатіи и дружба съ наилучшими людьми долго удерживали его отъ этого шага. Всѣ ясно видѣли, что компаніонъ знаменитаго Мышкина, которому, какъ я уже сообщалъ, въ 1882 году была предоставлена первая очередь для побѣга изъ тюрьмы, началъ особенно сильно «дурить», фыркать и нападать на интеллигенцію. Но при всемъ этомъ никто не предполагалъ, что Хрущевъ способенъ подать прошеніе въ столь неподходящій моментъ, могущій особенно сильно повредить остающимся въ тюрьмѣ, такъ какъ начальство должно было подумать, что его угроза прибѣгнуть къ наказаніямъ возымѣла свое дѣйствіе.

Большимъ сюрпризомъ для всѣхъ, несмотря на раскаяніе Властопуло, былъ еще уходъ въ колонію (весной 1900 г.) стараго, всѣми уважаемаго Николая Буха, и, что особенно замѣчательно въ этомъ случаѣ, его рѣшеніе было для него самого вполнѣ неожиданнымъ.

Бухъ принадлежалъ къ числу первыхъ пропагандистовъ начала 70-хъ гг. Скомпрометированный по процессу 193-хъ, онъ сталъ нелегальнымъ еще въ 1874 г. и съ тѣхъ поръ, въ теченіе шести лѣтъ, оставался въ Россіи, участвуя въ революціонномъ движеніи, сперва на югѣ, въ нашемъ бунтарскомъ кружкѣ, а за тѣмъ на сѣверѣ. Когда же въ 1879 г. общество «Земля и Воля» распалось, Бухъ примкнулъ къ «Народной Волѣ». Въ началѣ 1880 г. онъ вмѣстѣ съ Цукерманомъ и Софіей Ивановой, былъ взятъ въ типографіи этой организаціи, причемъ участвовалъ въ оказанномъ арестованными лицами вооруженномъ сопротивленіи; за это его приговорили къ 15 годамъ каторжныхъ работъ.

Молчаливый, крайне замкнутый и сосредоточенный въ себѣ, Н. Бухъ отличался прямою, искренностью и преданностью революціонному дѣлу. Одна его черта—чрезвычайная разсѣянность, какъ на волѣ, такъ и на Карѣ, служила неисчерпаемымъ источникомъ всевозможныхъ анекдотовъ, къ которымъ и онъ самъ относился съ добродушной насмѣшкой. Въ карійской тюрьмѣ, гдѣ мы встрѣтились, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ

разлуки, Бухъ все время проводилъ на нарахъ, уткнувши голову въ книгу, вполнѣ равнодушный къ тому, что кругомъ него происходило. Онъ отличался счастливымъ свойствомъ не слышать ничего, даже когда возлѣ него говорили о немъ самомъ: необходимо было окликнуть его, чтобы онъ, повернувъ голову, воскликнулъ: «а? что?» Онъ крайне рѣдко вступалъ въ какіе-либо разговоры, а тѣмъ болѣе споры; Бухъ также въ значительной степени побѣлѣлъ на Карѣ, но никто не допускалъ ни на минуту предположенія, чтобы онъ могъ подать просьбу о помилованіи. Не говоря уже о его революціонномъ прошломъ, являвшемся гарантіей въ этомъ отношеніи, для него не было и никакой практической надобности въ такомъ актѣ, такъ какъ его скоро должны были выпустить въ вольную команду, да и до выхода на поселеніе ему немного времени оставалось. Тѣмъ чрезмѣрнѣе было мое удивленіе, когда, однажды утромъ, Бухъ, подошедши ко мнѣ во время прогулки, сказалъ, что онъ рѣшилъ подать прошеніе. Я сперва подумалъ, что онъ шутитъ, но одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы убѣдиться въ противномъ. Всегда спокойный, Бухъ на этотъ разъ былъ крайне взволнованъ: голосъ его дрожалъ, въ глазахъ блеснули слезы.

— Когда ты надумалъ это?—спросилъ я съ изумленіемъ.

— Только сегодня на разсвѣтѣ,—отвѣтилъ онъ:—я получилъ вчера отъ брата письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что старикъ-отецъ передъ смертью хочетъ свидѣться со мною и умоляетъ меня сдѣлать это. Сперва я считалъ для себя невозможнымъ такой поступокъ, но вновь и вновь перечитывая письмо, сталъ склоняться къ этому предложенію. Я не спалъ всю ночь и къ утру рѣшилъ окончательно.

— Будешь сожалѣть впоследствии: вѣдь ты ставишь крестъ надъ всѣмъ своимъ прошлымъ,—сказалъ я.

— Можетъ быть и пожалѣю, но какой же я теперь революціонеръ?

Мы шли нѣкоторое время молча. Затѣмъ онъ замѣтилъ:

— Какъ странно вышло у меня: еще на дняхъ я подписалъ протестъ противъ Н. за пущенный имъ слухъ, что Д. перешелъ къ колонистамъ, а сегодня самъ присоединяюсь къ ихъ компаніи.

Отвернувъ голову нѣсколько въ сторону, онъ кулакомъ сталъ вытирать катившіяся по щекамъ слезы.

— Тяжело разставаться со всѣми вами: вѣдь столько пережито вмѣстѣ!.. Разговоръ не клеился, мы попрощались.

Внезапное рѣшеніе Н. Буха наглядно показываетъ, сколь небольшое нужно было въ тотъ мрачный періодъ нѣкоторымъ изъ заключенныхъ, чтобы склонить ихъ къ подачѣ прошенія. Изъ частныхъ разговоровъ съ нимъ я зналъ, что раньше онъ вовсе не питалъ особенной привязанности къ своему отцу, важному сановнику, бывшему одно время министромъ финансовъ въ Болгаріи. Едва ли, поэтому, просьба старика свидѣться побудила Н. Буха къ этому шагу, но на него несомнѣнно повлияли доводы старшаго его брата, котораго онъ очень уважалъ и цѣнилъ ¹⁾.

Н. Бухъ былъ, такимъ образомъ, тринадцатымъ человѣкомъ, подавшимъ прошеніе о помилованіи во время моего пребыванія въ карійской тюрьмѣ.

ГЛАВА XXVII.

Продолженіе протестовъ.

Разсказомъ о лицахъ, ушедшихъ въ колонію, я нѣсколько нарушилъ хронологическій порядокъ,—мнѣ необходимо вернуться назадъ къ богатому всевозможными событіями 1889 году.

Вольности, которыми мы стали пользоваться при комендантѣ Масюковѣ, дали намъ, между прочимъ, возможность

¹⁾ Левъ Бухъ нѣкогда даже былъ немного причастенъ къ революціи; скомпрометировавшись по какому-то обстоятельству, онъ вначалѣ 80-хъ годовъ бѣжалъ за границу, гдѣ считался народо-вольцемъ; затѣмъ, не знаю въ точности, какимъ образомъ и когда онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ сталъ печатать по политико-экономическимъ вопросамъ статьи, въ которыхъ опровергалъ теорію стойкости Маркса. Изданная имъ на эту же тему книга была переведена на нѣмецкій языкъ и удостоилась одобрительныхъ отзывовъ со стороны Э. Бернштейна и др. оппортунистовъ.

провести Рождественскіе праздники и встрѣтить Новый годъ необычнымъ въ нашей тюрьмѣ образомъ: несмотря на надзоръ жандармовъ, мы ухитрились получить къ этимъ днямъ немного водки. Для насъ, давно отвыкшихъ отъ какихъ бы то ни было крѣпкихъ напитковъ, 2—3 глотковъ живительной влаги было достаточно, чтобы придти въ веселое настроеніе: нѣкоторые пѣли, плясали, боролись. Жандармы, сообразивъ, вскорѣ, въ чемъ было дѣло, ограничились просьбами не очень шумѣть, чтобы не привлечь вниманія наружнаго караула. Такъ весело начавшійся годъ, былъ самымъ трагическимъ въ исторіи карійскихъ политическихъ тюремъ.

Вслѣдствіе поданнаго нами и женщинами заявленія по поводу насильственного увоза Е. Ковальской, въ концѣ февраля къ намъ пріѣхалъ изъ Иркутска начальникъ мѣстнаго жандармскаго правленія полковникъ фонъ-Плотто. Это былъ добродушный старикъ, непринимавшій намъ никакого вреда. При обходѣ нашихъ камеръ, онъ старался оправдать поведеніе коменданта, говоря, что Е. Ковальская давала основаніе опасаться сопротивленія: «если-бы ее предупредили, — сказалъ онъ, — вышло-бы еще хуже». Я возразилъ, что такія предположенія еще не давали права должностнымъ лицамъ поступать такъ, какъ они себѣ позволили. Выслушавъ меня молча, фонъ-Плотто со вздохомъ удалился. Въ «Синедрионѣ» вышла такая сцена. Увидавъ, что Санковскій въ шапкѣ, фонъ-Плотто замѣтилъ ему: «слѣдовало бы снять шапку».

— Если вы хотите по поводу этого поговорить со мною, то идемте на коридоръ, — отвѣтилъ Санковскій, имѣя въ виду не вмѣшиваться товарищамъ въ исторію, въ случаѣ неприятнаго для полковника окончанія такого объясненія. Но, вновь вздохнувъ, фонъ-Плотто молча вышелъ, не принявъ сдѣланнаго ему предложенія.

Въ женскую тюрьму фонъ-Плотто захотѣлъ явиться вмѣстѣ съ комендантомъ. Но Масюковъ, непосѣщавшій этой тюрьмы со времени увоза Ковальской, побоялся отправиться туда, говоря, что опасается личнаго себѣ оскорбленія со стороны какой-нибудь изъ заключенныхъ. Фонъ-Плотто убѣдилъ его не бояться этого. Однако, комендантъ все же не рѣшился прямо войти въ женскую тюрьму, а оставшись на крыльцѣ, пред-

варительно послалъ старшаго жандарма спросить заключенныхъ женщинъ, примутъ ли онѣ его? Услышавъ этотъ вопросъ, Марія Ковалевская закричала: «пусть-ка попробуетъ!». Масюковъ, постоявъ нѣсколько минутъ, удалился съ понуреной головой. Фонъ-Плотто затѣмъ одинъ зашелъ къ нашимъ женщинамъ и сказавъ имъ, что Масюковъ при всѣхъ жандармахъ извинится передъ ними, но они категорически отвергли это предложеніе, настаивая на удаленіи коменданта: «чтобы всѣ въ Сибири знали, что съ политическими женщинами нельзя безнаказанно такъ обращаться, какъ это было съ Ковальской». Фонъ-Плотто согласился, что комендантъ сдѣлалъ ошибку, но убѣждалъ женщинъ пожалѣть семью Масюкова, живущую его жалованьемъ. Когда же онѣ рѣшительно настаивали на его удаленіи, фонъ-Плотто общалъ имъ въ заключеніе перевести его на другую службу въ Сибири.

Къ описанному времени число заключенныхъ женщинъ увеличилось еще пять лицами: Саловой и Добрускиной—по процессу Лопатина, Тринитадской и Сигидой—по Таганрогскому процессу и Ананьиной—по дѣлу 1 марта 1887 г. Къ тому же всѣ политическія женщины были переведены съ Усть-Кары на такъ назыв. «Отрядъ», находившійся отъ нашей тюрьмы всего въ 4 верстахъ. Только Россикова и Богомолецъ помѣщались въ лазаретъ на Нижней Карѣ.

Когда до насъ дошелъ слухъ, что женщины отказались принять отъ Масюкова извиненіе, то многіе очень сожалѣли объ этомъ, такъ какъ находили, что это былъ бы для нихъ самый почетный выходъ изъ положенія. Поэтому нѣкоторые упрекали ихъ за упрямство и недалковидность, предвидя, что затѣванная ими борьба можетъ очень печально окончиться. На такую перспективу, кромѣ знакомства съ системой тогдашняго реакціоннаго правительства, наводила попавшая въ наши руки копія предписанія начальника главнаго тюремнаго управленія Галкина-Врасскаго завѣдующему политическими заключенными на о-въ Сахалинѣ. Въ этой бумагѣ говорилось, что за нарушеніе тюремной дисциплины этими каторжными допускаются наказанія ихъ розгами и плетью.

По поводу этого предписанія у насъ начались дебаты, какъ намъ къ нему отнестись,—не слѣдуетъ ли, въ предупрежденіе

появленія такого же распоряженія и по отношенію къ намъ, уже теперь такъ или иначе выразить свой протестъ. Но въ концѣ-концовъ большинство заключенныхъ согласилось промолчать объ этомъ фактѣ, чтобы своимъ протестомъ не предупредить событій. Только пылкій и ярый Санковскій остался недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и пустилъ по тюрьмѣ двѣ прокламаціи. Въ одной, озаглавленной «проснись, каріецъ!», онъ призывалъ насъ къ мести за нанесенное намъ правительствомъ оскорбленіе; въ другой онъ объявлялъ о возникновеніи «Тайнаго общества» для осуществленія этой мести. Одни изъ насъ считали эти прокламаціи лишь пустой мистификаціей, цѣлью которыхъ было побудить заключенныхъ къ какому-нибудь рѣшительнымъ мѣрамъ; другіе, видя крайнее возмущеніе Санковскаго, высказывали опасеніе, какъ бы онъ дѣйствительно не выкинулъ чего-либо. Не знаю, самъ ли Санковскій передумалъ или внѣшнія условія были тому причиной, но только никакого террористическаго факта не совершило тогда это «Тайное общество», единственнымъ членомъ котораго былъ лишь онъ.

Между тѣмъ въ женской тюрьмѣ снова началась голодовка, такъ какъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени посѣщенія фонъ-Плотто Кары, а отъ него все не было никакого распоряженія относительно перевода Масюкова въ другое мѣсто. Хотя большинство нашей тюрьмы рѣшительно не видѣло смысла въ требованіи женщинъ объ удаленіи Масюкова, но услышавъ о предпринятой ими второй голодовкѣ, мы также рѣшили отказаться отъ пищи, мотивируя для себя это рѣшеніе не протестомъ противъ Масюкова, котораго многіе находили достаточно уже наказаннымъ всѣмъ вынесеннымъ имъ, а чувствомъ симпатіи къ голодающимъ женщинамъ: принимать пищу въ то время, когда знаешь, что твои товарищи по судьбѣ голодаютъ, многіе находили физически невозможнымъ.

Совсѣмъ необычайный видъ приняла наша тюрьма въ послѣдовавшіе затѣмъ дни: всѣ занятія прекратились, на кухнѣ—ни души, ларь запертъ, по коридору и по двору расхаживаютъ голодные и тоскующіе отъ бездѣлья заключенные. Вслѣдствіе прекратившихся обѣдовъ и часпитій дни казались еще болѣе длинными, чѣмъ обыкновенно. Тихо было въ камерахъ, пре-

кратились громкіе разговоры и оживленные споры. Не без сильной внутренней тревоги многие думали, чѣмъ кончится вся эта исторія. Иные казались совсѣмъ спокойными, какъ будто ничего особеннаго не происходило въ тюрьмѣ. Жандармы сперва недоумѣвали, чѣмъ объяснить такую переѣну въ обиходѣ нашей жизни, такъ какъ мы рѣшили не объявлять коменданту о нашей голодовкѣ, пока онъ объ этомъ самъ не спроситъ. Только на четвертый день Масюковъ пригласилъ къ себѣ нашего старосту. Послѣдній объяснилъ ему смыслъ нашей голодовки и передалъ ему нашъ совѣтъ энергично хлопотать о своемъ переводѣ въ другое мѣсто.

По словамъ нашего старосты, комендантъ былъ разстроены до слезъ. Онъ клялся, что давно хлопочетъ о переводѣ, при этомъ показалъ копіи своихъ отношеній и телеграммъ, просилъ обо всемъ этомъ передать мужской и женской тюрьмамъ и умолялъ прекратить голодовку, увѣряя, что его скоро не будетъ болѣе на Карѣ.

На сходкѣ, собравшейся по возвращеніи старосты, рѣшено было послать въ женскую тюрьму коллективное письмо отъ насъ. Въ предложенномъ собранію проектѣ этого письма сперва говорилось о томъ, что, не раздѣляя цѣли голодовки, затѣянной женщинами, мы присоединились къ ней, такъ какъ не могли остаться равнодушными къ ихъ положенію и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись, такимъ образомъ, посодѣйствовать скорѣйшему наступленію развязки, которая ихъ удовлетворила бы. Затѣмъ въ письмѣ были переданы полученныя нашимъ старостой сообщенія отъ коменданта о его хлопотахъ относительно перевода въ другое мѣсто и въ заключеніе приводились общіе доводы и убѣжденія въ нецѣлесообразности и даже «ненормальности» дальнѣйшаго продолженія голодовки.

Хорошо зная характеръ М. Ковалевской, игравшей, какъ было уже мною упомянуто, чуть-ли не главнѣйшую роль въ затѣянныхъ женщинами протестахъ, я опасался, что на нее и на ея товарокъ произведетъ неблагоприятное впечатлѣніе конецъ нашего письма, заключавшій въ себѣ совѣты. Я предлагалъ, поэтому, ограничиться изложеніемъ однихъ лишь фактовъ, предоставивъ женщинамъ самимъ сдѣлать изъ нихъ соответствующій обстоятельствамъ выводъ. Но за исключеніемъ де-

вяти челоуѣкъ, остальные не согласились съ моимъ предложеніемъ, тогда мы, оставшіеся въ меньшинствѣ, за своими подписями послали отдѣльное письмо женщинамъ. Ковалевская и нѣкоторыя изъ ея товарокъ въ сильнѣйшей степени обидѣлись письмомъ большинства нашей тюрьмы; голодовку же онѣ согласились прекратить только подъ тѣмъ условіемъ, если имъ будетъ предъявлена телеграмма начальства о состоявшемся рѣшеніи перевести Масюкова. Большинство нашей тюрьмы приступило къ пищѣ, тотчасъ по полученіи отвѣта отъ женщинъ; онѣ же продолжали голодать еще двое сутокъ, пока комендантъ не переслалъ имъ копіи полученной изъ иркутскаго жандармскаго правленія телеграммы, въ которой сообщалось, что состоялось постановленіе о его переводѣ съ Кары. Всего же въ этотъ разъ женщины не принимали пищи втеченіе восьми дней. Но этимъ далеко еще не окончились ихъ страданія изъ-за несчастной исторіи увоза Е. Ковалевской. Согласившись прекратить голодовку, Ковалевская, Смирницкая, Калужная и присоединившіяся къ нимъ изъ вновь пріѣхавшихъ Добрускина, Салова и Сигида объявили «бойкотъ» до пріѣзда преемника Масюкова, — это значило, что перечисленные лица отказывались имѣть какія-либо отношенія съ комендантомъ; принимать шедшую черезъ его руки корреспонденцію, деньги и пр. Вслѣдствіе этого, какъ мы ниже увидимъ, онѣ сами подвергли себя чрезвычайнымъ лишениямъ.

На второй день, послѣ прекращенія голодовки, М. Ковалевская прислала слѣдующаго содержанія письмо, ясно показывавшее ея настроеніе и отношеніе къ большинству изъ насъ.

«Товарищескія чувства мужской тюрьмы, какъ цѣлаго, такъ блистательно доказаны, ваши совѣты пронизгнуты такимъ интересомъ къ намъ и нашему положенію, что я имѣю полное право сказать: «избави меня, боже, отъ такихъ друзей, а съ врагами я сама справлюсь». Въ связи съ прежними проявленіями мужской тюрьмой чувствъ и мыслей, послѣднее ея поведеніе окончательно порвало и ту ничтожную нить общественной и нравственной солидарности, которая у меня существовала до сихъ поръ. Теперь же съ моей стороны было-бы постыднымъ лицемѣриемъ поддерживать хотя и внѣшнюю чисто, но всетаки существующую, связь съ мужской тюрьмой, какъ цѣлымъ. Я же-

лаю получить, наконецъ, свободу дѣйствій и избавиться отъ вмѣшательства «товарищей» въ мои поступки подъ благовиднымъ предлогомъ ихъ «товарищескихъ чувствъ». Поэтому я абсолютно рву всякую связь и всѣ отношенія, существовавшія до сихъ поръ съ мужской тюрьмой, какъ цѣлымъ. Я прошу не считать меня своимъ товарищемъ, какъ я васъ не считаю своими. Я выхожу изъ кассы, я не буду пользоваться никакой собственностью, принадлежащей артели, не буду принимать никакихъ присылокъ изъ мужской тюрьмы; однимъ словомъ, для меня мужская тюрьма, какъ цѣлое, не существуетъ болѣе. У меня останутся отношенія только съ отдѣльными лицами, съ которыми у меня не порвана извѣстная степень нравственной солидарности... Письмо это не относится къ тѣмъ лицамъ, которыя вовсе не подписывались подъ присланнымъ намъ письмомъ, а также не относится къ подписывавшимся подъ маленькимъ» (т. е. къ девяти лицамъ, о которыхъ я выше сообщил и въ число которыхъ я входил!).

Этотъ полный разрывъ съ мужской тюрьмой и весь потокъ негодованія былъ вызванъ исключительно только нѣсколькими заключительными строками коллективнаго письма большинства, въ которыхъ, какъ я уже сказалъ, находились совѣты и убѣжденія прекратить бесполезную голодовку. Я, какъ не подписавшійся подъ этимъ письмомъ, исключался Ковалевской изъ числа опальныхъ. Наоборотъ, мнѣ она одновременно съ вышеприведеннымъ прислала очень доброе письмо, въ которомъ, между прочимъ, писала слѣдующее:

«Я безконечно рада, что ты не подписался подъ коллективнымъ письмомъ большинства съ милыми совѣтами и глупымъ менторскимъ тономъ. Это — *chef d'oeuvre* «товарищескихъ чувствъ». Я чувствую себя такъ легко послѣ разрыва съ тюрьмой: связь съ нею меня страшно тяготила—ты знаешь. Сегодня, на другой день послѣ разговора, я чувствую себя слабѣе, чѣмъ во время голодовки».

Мнѣ пришлось тотчасъ же разочаровать ее. Въ своемъ отвѣтѣ я сообщилъ ей, что во взглядѣ на затѣянную ими кампанию противъ Масюкова я солидаренъ съ большинствомъ нашей тюрьмы; не подписался же я подъ его письмомъ, лишь изъ психологическихъ соображеній, такъ какъ считался съ ея само-

любиемъ. У насъ съ нею завязалась по этому поводу оживленная переписка. Приведу изъ нея значительныя выдержки.

«Я прочла твое письмо три раза, и всякій разъ чувствовала такую грусть, какую ты, вѣроятно, не предполагалъ произвести имъ. Грусть эта объясняется отчасти тѣмъ, что почти сплошь на все письмо мнѣ хочется сказать: «не согласна, не то и т. д.» Очень можетъ быть, что причины (произошедшихъ фактовъ) захожу тѣ же, что и ты,—и все таки практически не стану держиваться пословицы «понять, значитъ простить!». Извѣстныхъ фактовъ, пока я въ тюрьмѣ, *никогда* не прощу... Называй это «узостью, деспотизмомъ», чѣмъ хочешь. Не прошу, потому что прощать нѣкоторые обстоятельства, это значитъ деморализовать самое себя.. Если на моихъ глазахъ совершается тотъ или другой фактъ, я не позволю себѣ благоразумно смолчать, а отнесусь къ нему непремѣнно такъ, какъ велитъ мнѣ совѣсть и мои взгляды: «моя хата съ краю»—мнѣ кажется нравственной тупостью, и дай Богъ, чтобы я до конца жизни не лишилась этой способности высказывать и словомъ, и дѣломъ свое отношеніе къ поступкамъ, имѣющимъ, съ моей точки зрѣнія, общественный характеръ. Называй, что я «караю», но я, конечно, не смотрю такъ на это: я просто спасаю себя отъ возможности молчаніемъ санкціонировать безобразіе, и только... Но довольно объ этомъ: тебя переубѣдить не имѣю надеждъ: эти вопросы не изъ такихъ, которые поддаются убѣжденіямъ,—они обусловлены всѣмъ организмомъ чловѣка и его міросозерцаніемъ: ни по темпераменту, ни по лѣтамъ, ни по развитію мы оба не изъ тѣхъ людей, убѣжденія которыхъ навѣяны вѣтромъ и легко могутъ поддаваться чужимъ влияніямъ. Одно скажу: я никогда не винила тебя въ томъ, что ты не согласенъ со мною въ отнѣнкѣ извѣстныхъ событій... Единомыслія у насъ нѣтъ съ тобою, мы чувствуемъ удары настоящей жизни очень и очень различно... Что же остается отъ нашей старой дружбы? О чемъ мы будемъ переписываться? Салонный разговоръ или просто болтовню я не могу, не хочу вести съ тобою... Теперь у меня такое чувство, будто я похоронила что то близкое, и меня одолеваетъ такая глубокая грусть: всѣ старыя связи рвутся, а ничто новое не замѣняетъ ихъ... Я говорю тебѣ искренно, что не оскорбленіе говоритъ во мнѣ, не самолюбіе, а просто чувствую,

что мы чужіе другъ другу: что-то легло между нами и умышленно не переступишь этого... Прежде я могла быть дружной съ человѣкомъ, хотя-бы и очень сильно расходилась съ нимъ во взглядахъ; теперь же чувствую, какъ трудно мнѣ сохранить личную дружбу, когда являются разногласія *по нѣкоторымъ* вопросамъ,—потому ли, что эти вопросы слишкомъ наболѣли, потому ли, что они слишкомъ глубоко затрагиваютъ мое *то*, что я называю своимъ достоинствомъ,—но разномысліе по поводу ихъ отзывается такою болью во мнѣ, что мнѣ тяжело, невыносимо тяжело встрѣчать такое несходство у друзей, а мы съ тобою со второго слова наталкиваемся на нихъ. Можетъ быть, это современемъ пройдетъ, можетъ быть, я притуплюсь, но теперь, говорю тебѣ, мнѣ плакать хочется надъ твоимъ письмомъ, надъ нашей дружбой... Повѣрь только, что ни капли злобы не говоритъ во мнѣ: напротивъ, я непривычно кротка, когда пишу это...»

Изъ-за разногласій по поводу тюремныхъ исторій, М. Ковалевская готова была рвать нашу дружбу, длившуюся около пятнадцати лѣтъ. Видя, какъ ей тяжело и желая ее хоть нѣсколько успокоить, я отправилъ ей обстоятельное письмо, въ отвѣтъ на которое получилъ слѣдующее, еще рельефнѣе рисующее ея состояніе.

«Я вѣрю до единого слова всему твоему письму,—писала она.—Нужно быть очень толстокожей, чтобы не вѣрить тебѣ или сомнѣваться. Еслибы я не жила на людяхъ, то навѣрное разревѣлась бы, когда читала твое письмо: я должна была сдѣлать большое усиліе надъ собою, такъ мнѣ хотѣлось плакать: я такъ давно не слыхала такой искренней бесѣды. Проклятая тюрьма отучаетъ человѣка быть откровеннымъ, пручаетъ его всегда прятаться и маскироваться. Поэтому твой тонъ, въ которомъ ясно видно, что человѣкъ забылъ самого себя и какъ-бы вслухъ думаетъ, тронулъ меня до слезъ. И то, что ты могъ такъ говорить со мною, лучше всякихъ словъ доказываетъ, что у тебя есть то, что необходимо для дружбы — внутренняя готовность быть съ другимъ самимъ собой «безъ размысленій, безъ пустыхъ сомнѣній»... Но есть такія чувства, разъединеніе въ которыхъ причиняетъ такую *боль*, что въ концѣ концовъ уменьшается и сама дружба. Обыкновенно эти чувства изъ ряда тѣхъ,

которыя называютъ основными чертами натуры, почти инстинктами. Можетъ быть другіе люди болѣе терпимы или менѣе эгоистичны, чѣмъ я, — не знаю. Но во мнѣ теперь чувства такъ сильны, что несозвучіе въ нихъ положительно терзаетъ меня, и я готова забѣжать даже отъ самаго близкаго человѣка. Съ годами эта черта все усиливается во мнѣ и, можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ тяжела для дружбы, можетъ быть у меня нелѣпныя требованія, но я иначе не могу,—я измѣнила бы самой себѣ... Разница въ чувствахъ у насъ громадна. Еслибы жизнь наша была иная, если бы внѣшнія впечатлѣнія были разнообразны, тогда, можетъ быть, не такъ исключительно были-бы натянуты однѣ струны, не такъ однообразно исключительно говорили только извѣстныя чувства. Но наша практическая жизнь толчетъ все въ одномъ направленіи и по неволѣ воспитываетъ однѣ и тѣ же чувства. Въ этой то дѣйствительности я не вижу единенія: *моя обида тебѣ не горька*. Я не буду разбираться, *почему* это такъ, но фактъ остается. Знаешь, какъ представляю себѣ, что *мой другъ* терпитъ приходъ Масюкова къ нему въ камеру, того Масюкова, который такъ надругался надъ женскимъ достоинствомъ,—мнѣ стыдно, что я считаю его своимъ другомъ, а себя его! Если это терпитъ посторонній человѣкъ,—здѣсь нѣтъ оскорбленія мнѣ лично; но, если это близкій человѣкъ, я чувствую себя оскорбленной уже не Масюковымъ, а этимъ близкимъ человѣкомъ. Я не берусь доказывать *законность* такого моего чувства,—я только констатирую. Я понимаю, что даже раздѣляющій мой взглядъ на поступокъ Масюкова съ Лизой и съ нами, условіями тюрьмы связанъ; но я знаю и то, что на его мѣстѣ не выдержала бы такой вынужденной пассивности и, какъ бы то ни было, а вышла бы изъ этого положенія... Понимаешь ли ты, что ваше допущеніе Масюкова приходитъ къ вамъ въ тюрьму есть нѣкоторая санкція его поступка съ Лизой, это пощечина намъ, женщинамъ, передъ всѣмъ начальствомъ или молчаливое осужденіе всѣхъ нашихъ требованій, насмѣшка и третированіе нашихъ оскорбленныхъ чувствъ... Я всѣмъ существомъ чувствую, ни разу въ жизни я не была такъ оскорблена и такъ унижена, какъ теперь... Я думаю, что, если ты отвлечешься отъ всей нашей атмосферы и представишь себѣ аналогичное оскорбленіе женщины

лицомъ, отъ котораго она какъ-нибудь *зависитъ*, то я не сомнѣваюсь, что непосредственное чувство подскажетъ аналогичный моему отвѣтъ, и я увѣрена, 3—4 года назадъ тебѣ-бы показалось невозможнымъ иначе чувствовать для человѣка гордаго... Можетъ быть, когда эта исторія какъ-нибудь окончится, перейдетъ въ историческій архивъ, я не буду такъ болѣзненно чувствительна... Я положительно истерзана этой исторіей; я не могу думать о Галѣ (дочери) безъ нѣкотораго стыда, что я болѣе полугода терплю Масюкова комендантомъ. Я чувствую, будто я украла что-то... Когда я слышу о комъ-нибудь изъ васъ, что онъ не раздѣляетъ и не понимаетъ нашихъ чувствъ въ этой исторіи, я буквально дрожу отъ злобы, хотя лично такой человѣкъ ничего для меня не представляетъ. Пойми же, что я чувствую, если такой человѣкъ—мой другъ! Тутъ самая дружба только большія страданія доставляетъ. Это все равно, какъ, если ты защищаешь баррикаду, а твой другъ ее осаждаетъ. Нѣтъ хуже! Тамъ, на баррикадѣ идея, убѣжденія, а здѣсь твое достоинство топчетъ другъ... Пойми, что здѣсь не философствовать нужно, а имѣть субъективное чувство, аналогичное моему; нѣтъ его, ничего не подѣлаешь, тутъ мы безъ вины виноваты оба и лучше помолчимъ... Если-бы ты зналъ, какъ я истерзана исторіей съ Лизой и этимъ выжидательнымъ положеніемъ. Хоть бы скорѣй кончилось!»

Мы съ Ковалевской, дѣйствительно, рѣзко расходились во взглядахъ и чувствахъ относительно всей этой исторіи. Что ее возмущало до глубины души, терзало ее на части, изъ-за чего она готова была забыть любимую дочь, стараго друга, всѣхъ и все на свѣтѣ,—я взвѣшивалъ, разсматривалъ, обсуждалъ. Не могу сказать, чтобы я въ этомъ случаѣ разсуждалъ совершенно спокойно, объективно, но все же я разсуждалъ тогда, когда она болѣзненно чувствовала, по поводу чего, какъ мы видѣли, хлопотало все ея нутро. Но было-бы фальшью, если бы я возмущался и негодовалъ, лишь по сознанию, изъ чувства дружбы къ ней, когда въ дѣйствительности не было у меня этихъ ощущеній. Всѣ обстоятельства и происшедшія событія представлялись мнѣ въ другомъ, чѣмъ ей, освѣщеніи; я, какъ мнѣ казалось, понималъ ихъ всестороннѣе, шире, чѣмъ она. Отчасти это различіе въ нашихъ съ нею отношеніяхъ къ происшед-

шему на Карѣ объяснялось тѣмъ, что мы жили въ разныхъ обстановкахъ, а также и тѣмъ, что мы, вообще, придерживались различныхъ возрѣній на многіе вопросы; отчасти, можетъ быть, наши разногласія происходили оттого, что я, какъ мужчина, не могъ понять этой женской психологіи во всей исторіи съ увозомъ Ковалевской. Я не видѣлъ со стороны Масюкова умышленнаго издѣвательства надъ женскимъ достоинствомъ, намѣренія оскорбить ее, а тѣмъ болѣе ея подругъ. Къ тому же онъ, какъ я уже упоминалъ, согласенъ былъ принести всяческія извиненія, что Ковалевская энергичнѣе всѣхъ остальныхъ отвергала. Я не сомнѣвался также и въ томъ, что Масюковъ просилъ высшее начальство о переводѣ его въ другое мѣсто, но его просьбу отклоняли. Несомнѣнно и то, что мы съ Ковалевской различно смотрѣли на Масюкова: она видѣла въ немъ поставленнаго надъ нами начальника и жандармскаго подполковника, оскорбившаго женщину и лучшаго ея друга; а мнѣ, какъ и большинству товарищей, знавшимъ коменданта лучше, чѣмъ она, онъ представлялся жалкой, ничтожной личностью, способной подчиняться всякому влиянію, готовой унижаться. Мы не могли питать къ нему негодованіе, возмущеніе,—онъ скорѣе внушалъ къ себѣ жалость, состраданіе, смѣшанное съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Онъ относился къ нему, какъ къ человѣку, мужчинѣ, имѣющему характеръ и убѣжденія; мы же видѣли въ немъ лишь ничтожное существо. Могли ли мы при такомъ о немъ мнѣніи вести противъ него упорную, ожесточенную борьбу, энергично добиваться его удаленія, наносить ему личныя оскорбленія? А М. Ковалевская и нѣкоторыя изъ ея подругъ всего этого именно и требовали отъ насъ.

ГЛАВА XXVIII.

Развязка.

Чувствуя себя уставшимъ отъ прошлой жизни, большинство заключенныхъ въ нашей тюрьмѣ желало лишь одного,—чтобы ничто экстравагантное не выводило насъ изъ обычной, мирной колеи. Жажда спокойствія у нѣкоторыхъ была до того ве-

лика, что иной громогласно заявлялъ: «я жить хочу!» Но, если другіе не высказывали такъ открыто своихъ желаній, то въ душѣ несомнѣнно были очень довольны, что установившійся при Масюковѣ режимъ предоставлялъ намъ возможность заниматься разными ремеслами или предаваться невиннымъ развлечениямъ и наслажденіямъ.

Въ числѣ послѣднихъ, какъ я уже упоминалъ, не малую роль лѣтомъ играли огородъ и «садъ». На дворикѣ, примыкавшемъ къ зданію одиночекъ, наши огородники развели грядки съ овощами и цвѣточными клумбами, пересадили небольшія березки и сосенки, и незначительное пространство, со всѣхъ сторонъ окруженное заборомъ, лѣтомъ превращалось въ уютный садикъ. Вдоль одной изъ стѣнъ зданія одиночекъ, натянувъ надъ заваленкой сшитыя вмѣстѣ полотнища изъ казенныхъ рубахъ, любители природы устраивали для себя крохотныя палатки, въ которыхъ проводили за какими-нибудь занятіями жаркіе дни, наслаждаясь при этомъ свѣжимъ, душистымъ воздухомъ.

При Масюковѣ вошло у насъ также въ обычай устраивать на большомъ дворѣ общія для всѣхъ заключенныхъ чаепитія по поводу какихъ-нибудь торжественныхъ случаевъ, и такія празднества тоже доставляли всѣмъ участникамъ большое удовольствіе. Изъ нихъ особенно запечатлѣлось въ моей памяти слѣдующее.

Въ то самое время, когда французскій народъ чествовалъ столѣтній юбилей своей Великой революціи, къ его торжеству присоединилась небольшая кучка людей, заброшенныхъ въ одну изъ отдаленнѣйшихъ окраинъ земного шара, такъ какъ мы, заключенные на Карѣ, также устроили у себя торжество по поводу этого историческаго событія. Само собой разумѣется, что оно носило чрезвычайно скромный характеръ: у насъ не провозглашались тосты, не произносились рѣчи, и наше празднество ограничилось лишь общимъ чаепитіемъ на тюремномъ дворѣ, подъ наблюденіемъ жандармовъ и часовыхъ. На артельный счетъ сдѣланы были какія-то печенія; выпесенные изъ камеръ столы были составлены вмѣстѣ, и, попивая чай, мы мирно бесѣдовали о великомъ торжествѣ Франціи и передовыхъ людей всего цивилизованнаго свѣта.

«Наступитъ же и у насъ день, когда возставшій народъ разрушитъ наши бастиліи—Шлиссельбургскую и Петропавловскую крѣпости»,—замѣтилъ кто-то.

«Конечно, наступитъ, но доживетъ-ли кто-нибудь изъ насъ до него?»—сказалъ другой.

«Къ началу XX столѣтія у насъ навѣрно будетъ уже политическая свобода!»—воскликнулъ третій.

Срокъ этотъ нѣкоторымъ показался черезчуръ большимъ. Поднялся споръ. Дѣйствительно, даже скептики и пессимисты считали невѣроятнымъ, что-бы черезъ 12—15 лѣтъ у насъ еще существовало самодержавіе. Увы! Нѣкоторыхъ изъ спорившихъ тогда нѣтъ уже въ живыхъ, другіе и до сихъ поръ еще въ Сибири, а самодержавіе все не прекращается!¹⁾

Но пока мы предавались столь мирнымъ развлечениямъ, время отъ времени лишь нарушавшимся уходами нѣкоторыхъ въ колонію, въ женской тюрьмѣ продолжались печальныя происшествія. Прекративъ вторую голодовку, наши протестантки, какъ я уже сообщилъ, объявили Масюкову «бойкотъ». Не желая получать корреспонденцію и деньги, приходившія съ почтой, женщины, предпринявшія бойкотъ, сидѣли на одномъ лишь казенномъ майкѣ, безъ писемъ отъ родныхъ, безъ журналовъ и газетъ. Поэтому положеніе ихъ съ каждымъ днемъ становилось для нихъ все болѣе и болѣе невыносимымъ. Какъ чувствовали онѣ себя, можно отчасти заключить изъ слѣдующей выдержки изъ письма Ковалевской:

«Меня ужасъ беретъ, что еще долго, долго продлится это мучительное положеніе,—писала она мнѣ лѣтомъ 1889 г. — Я чувствую, что у меня лопаются терпѣніе, и я могу по поводу пустяка сдѣлать большую исторію. У насъ нервы до того напряжены отъ напраснаго ожиданія, что, того и гляди кого-нибудь прорветъ. Я вижу теперь, что телеграмма была или подвохъ или ложь умышленная. У меня до того тревожное состояніе, что малѣйшій необычайный шумъ заставляетъ меня вздрагивать: все кажется, вотъ-вотъ какое-нибудь извѣстіе со-

¹⁾ Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я просматриваю эти записки для изданія ихъ въ Россіи, газеты сообщаютъ о распусcenіи Государственной Думы (9-го іюля 1906 г.).

общать. Ничего не могу дѣлать эти дни, да и не я одна. Ахъ, какое нелѣзное положеніе!»...

Столь же безотрадны были письма и другихъ женщинъ. Но особенно тяготилась положеніемъ, созданнымъ своеобразнымъ «бойкотомъ», одна изъ вновь прибывшихъ, послѣ увоза Е. Ковальской,—Надежда Сигида. Лично я никогда не встрѣчалъ ее, но по изображенію подругъ, это была чрезвычайно симпатичная молодая женщина. Безгранично добрая, нѣжная и отзывчивая на все хорошее, Сигида была горячо привязана къ своимъ роднымъ, жившимъ въ г. Таганрогѣ. До замужества она была учительницей въ городской школѣ и чрезвычайно любила свою профессію. Сама вовсе неприкосновенная къ революціонному дѣлу, Сигида была-бы осуждена на безсрочную каторгу за то, что при обыскѣ на ихъ квартирѣ были найдены тайная типографія и бомбы; но защитникъ склонилъ ее подать просьбу о смягченіи приговора: ее осудили на 8 л. каторжныхъ работъ. Мужу же ея смертная казнь была замѣнена безсрочной каторгой. Этотъ актъ малодушія крайне тяготилъ потомъ Сигиду и въ сильной степени повліялъ на дальнѣйшую ея судьбу.

Ударъ за ударомъ обрушивался на голову несчастной молодой женщины: мужъ ея, отправленный на о-въ Сахалинъ, по дорогѣ туда скончался, а она прибыла на Кару въ разгаръ начавшихся тамъ протестовъ, въ которыхъ ей пришлось принять участіе. Неполученіе отъ родныхъ писемъ, вслѣдствіе предпринятаго «бойкота», причиняло ей неизмѣримыя страданія. По словамъ товарокъ, Сигида сильно убивалась этимъ: тосковала и плакала на-единѣ; она рисовала себѣ всякіе ужасы, происходящіе дома, когда къ роднымъ приходили обратно ихъ письма къ ней, и они не получали отъ нея извѣстій. Между тѣмъ выхода изъ этого положенія никакого не предвидѣлось: годъ прошелъ уже со времени увоза Ковальской и первой голодовки въ женской тюрьмѣ, а Масюкова все не убирала съ Кары. Всѣ женщины чувствовали, что дальше невозможно такъ жить, что необходимъ какой-нибудь конецъ. Въ августѣ среди нихъ вновь поднялись горячіе толки о томъ, что предпринять и вновь рѣшено было начать голодовку. «Но поможетъ-ли она? Какой въ ней смыслъ, когда высшее начальство очевидно не

намѣрено уступить требованію женщинъ. Нѣтъ, надо на что-нибудь другое рѣшиться»,—говорили заключенныя женщины.

Однажды утромъ нѣкоторые товарищи, гуляя по двору нашей тюрьмы, увидѣли съвозъ щели между палъ, что къ дому коменданта подѣхала повозка, изъ которой вытѣзла молодая женщина и, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ ее жандармомъ, направилась въ комнаты. Но вслѣдъ затѣмъ Масюковъ безъ шапки, видимо чрезвычайно взволнованный, выскочилъ изъ окна на улицу. Недоумѣніе наблюдавшихъ изъ нашего двора еще болѣе увеличилось, когда они увидѣли, что молодая женщина, также вскорѣ вышедшая вмѣстѣ съ жандармами на крыльцо, спокойно, хотя и громко, съ ними разговаривала о какой-то телеграммѣ; потомъ она стала ласкать стоявшихъ тутъ-же дѣтей зрителя. Вообще, въ ея поведеніи, а также жандармовъ, не замѣтно было никакого волненія.

Въ описываемое время, вслѣдствіе предательства Оссовскаго, у насъ прекратилась переписка съ женской тюрьмой; поэтому смыслъ только что описанной загадочной сцены лишь потомъ для насъ разъяснился. Оказалось, что Сигида заявила черезъ старшаго жандарма о желаніи повидать коменданта. Узнавъ объ этомъ, Масюковъ, повидимому, предположилъ, что она также намѣрена «уйти въ колонію» и велѣлъ привезти ее на Нижнюю Кару. Приблизившись къ нему, Сигида со словами: «это вамъ, какъ коменданту»—замахнулась; но Масюковъ успѣлъ отклонить голову, и ударъ пришелся только по его волосамъ; тѣмъ не менѣе храбрый подполковникъ до того испугался, что бросился бѣжать, несмотря на присутствіе жандармовъ. Опасаясь, чтобы комендантъ не замаялъ этого происшествія, Сигида нарочно громко настаивала на крыльцѣ на требованіи немедленно отправить телеграмму о случившемся высшему начальству: она рассчитывала, что Масюкова, послѣ полученнаго имъ личнаго оскорбленія, уберутъ съ Кары, а ее приговорятъ къ смертной казни или къ безсрочной каторгѣ. Но предположенія несчастной женщины совершенно не оправдались.

Богатый печальными происшествіями 1889 г. ознаменовался еще извѣстной Якутской бойней. Къ намъ, заключеннымъ на Карѣ, сообщенія о ней дошли въ самый разгаръ происходи-

впихъ у насъ печальныхъ происшествій. Къ чувству невыразимой грусти по поводу участи невинныхъ молодыхъ людей и къ безконечной злобѣ противъ ихъ жестокихъ палачей, у насъ примѣшивались тревожныя опасенія относительно финала нашей собственной исторіи. Если власти не постѣснялись такъ расправиться съ совершенно невинными людьми, къ тому же нелишенными правъ состоянія, то, что могли ожидать мы, каторжане?

Одновременно съ поступкомъ Сигиды почти всѣ ея подруги приступили къ третьей и самой упорной голодовкѣ: она длилась цѣлыхъ *шестнадцать дней*, а Сигида не принимала пищи *двадцать два дня!* Когда же губернатору сообщено было, что врачъ не ручается за ея жизнь, то пришло приказаніе кормить ее искусственно. Было-ли оно исполнено, мнѣ неизвѣстно; по всей вѣроятности—нѣтъ. На Карѣ потомъ рассказывали, что, когда тюремный врачъ, зашедши въ камеру, приблизился къ постели, на которой лежала истощенная голодомъ Ковалевская, она дала ему пощечину. Въ общемъ, довольно порядочный человекъ, онъ отнесся къ ея поступку такъ, какъ подобало врачу: увидѣвъ въ этомъ проявленіе крайне нервно-разстроенной больной женщины, онъ сталъ ее успокаивать и убѣждать, что она вѣроятно ложно истолковала его посѣщеніе. Ковалевская, оказалось, предположила, что онъ пришелъ произвести искусственное кормленіе. Когда же врачъ заявилъ ей, что онъ вовсе не имѣлъ такого намѣренія, она извинилась, и у нихъ произошло мирное объясненіе. Онъ рассказывалъ потомъ, что никогда не встрѣчалъ такой замѣчательной женщины, обладающей столь сильнымъ характеромъ, умомъ и краснорѣчіемъ.

На этотъ разъ начальство, повидимому, убѣдилось, что ему не сломить рѣшимости голодающихъ женщинъ, но, не желая вмѣстѣ съ тѣмъ уступить ихъ требованію, оно прибѣгло къ такому компромиссу: отдано было распоряженіе, чтобы Калюжная, Ковалевская, Сигида и Смирницкая были изъяты изъ вѣдѣнія коменданта и переведены въ женскую уголовную тюрьму, гдѣ онѣ поступали въ распоряженіе обще-тюремной администраціи. Перечисленныя женщины приняли это предложеніе. Но этимъ

еще не окончились ихъ страданія, а также и многихъ изъ насъ: главная часть была еще впереди.

Въ концѣ октября къ намъ явился письмоводитель коменданта и сообщилъ, что отъ генераль-губернатора полученъ какой-то пакетъ, который предписывается вскрыть и прочесть намъ, въ присутствіи особо-назначенной имъ же комиссіи изъ коменданта, завѣдывающаго уголовными тюрьмами на Карѣ, начальника воинской команды и дежурнаго офицера. Затѣмъ онъ спросилъ насъ, желаемъ-ли мы выслушать содержаніе заключающейся въ пакетѣ бумаги по камерно, или предпочитаемъ собраться всѣ вмѣстѣ. Мы выбрали послѣднее.

«Что бы это означало? Уже не случилась ли въ Россіи революція и намъ объявятъ сейчасъ амнистію?»—спрашивали нѣкоторые другъ друга, по уходѣ письмоводителя. Старожилы же тюрьмы предсказывали, наоборотъ, какіе-нибудь скорпіоны.

Вскорѣ за тѣмъ на тюремномъ дворѣ появилась сотня солдатъ, часть которыхъ осталась на крыльцѣ, остальные вошли въ коридоръ; за ними выстроились всѣ ваши жандармы. Намъ велѣно было скучиться въ одномъ концѣ коридора, позади солдатъ. Потомъ пришла комиссія, которая, такимъ образомъ, отдѣлена была отъ насъ двумя шеренгами. Масюковъ, блѣдный, какъ мертвецъ, дрожащимъ голосомъ повторилъ то, что мы уже слышали отъ письмоводителя и, поднявъ надъ головами стражниковъ запечатанный пакетъ, передалъ его завѣдывавшему уголовными тюрьмами. Тотъ, вскрывъ его, сталъ читать, и вотъ что мы услышали.

Въ виду неоднократно повторявшихся въ послѣднее время разнаго рода беспорядковъ въ мужской и женской политическихъ тюрьмахъ на Карѣ, генераль-губернаторъ предписывалъ впредь, при повтореніи чего-либо подобнаго, подвергать заключенныхъ разнаго рода наказаніямъ, а въ случаѣ сопротивленій, «употреблять вооруженную силу, не стѣняясь послѣдствіями», а также «подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ, наравнѣ съ уголовными арестантами».

Выслушавъ эту бумагу, мы въ большомъ волненіи разошлись по камерамъ. Это было для насъ жестокимъ и вмѣстѣ вполнѣ несправедливымъ ударомъ. За время моего пребыванія въ карійской тюрьмѣ у насъ не было ни малѣйшаго беспорядка. Наобо-

ротъ, какъ я неоднократно упоминалъ уже, заключенные мужчины были настроены самымъ мирнымъ образомъ и всегда старались примирительно дѣйствовать на нашихъ женщинъ. Даже трехдневная наша голодовка имѣла цѣлью лишь побудить женщинъ прекратить голодовку. Наше поведеніе заслуживало только одобренія. И вдругъ такая возмутительная угроза! Если распоряженіе объ увозѣ Е. Ковальской съ Кары «безъ скандала», при исполненіи низшими служащими, привело къ столь печальнымъ послѣдствіямъ, то что оставалось ожидать отъ предоставленія имъ права, «не опасаясь послѣдствій, употреблять вооруженную силу и тѣлесныя наказанія, наравнѣ съ уголовными»? Было ясно, что генераль-губернаторъ готовилъ намъ какой-то сюрпризъ. Отдавая вышеприведенное распоряженіе, онъ прекрасно зналъ, что задѣваетъ у насъ самыя чувствительныя струны: мы все способны были вынести, но не тѣлесныя наказанія. Одну лишь угрозу примѣнять ихъ къ намъ многіе считали уже такимъ оскорбленіемъ, которое мы должны смыть нашей кровью. Заключенные заволновались; возбужденно обсуждался вопросъ, что намъ предпринять, въ виду угрозы генераль-губернатора? Наиболѣе мирно настроенные, въ числѣ которыхъ былъ и я, совѣтывали ничего пока не предпринимать, чтобы не провоцировать начальства. Дошедшая уже раньше до насъ копія предписанія начальника главнаго тюремнаго управленія объ уравнианіи политическихъ каторжанъ, находившихся на островѣ Сахалинѣ, съ уголовными преступниками, вызвала среди насъ опасенія, что и насъ могутъ такимъ же образомъ третировать. Теперь это предположеніе оправдалось скорѣе, чѣмъ мы допускали. Поэтому мы полагали, что не слѣдуетъ давать властямъ повода осуществить ихъ угрозу. Иной планъ дѣйствій предложилъ Бобоховъ. Но предварительно скажу нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, составлявшемъ украшеніе нашей тюрьмы.

Будучи студентомъ ветеринарнаго института въ Петербургѣ, Сергѣй Бобоховъ въ срединѣ 70-хъ годовъ былъ исключенъ изъ него за участіе въ студенческой демонстраціи, послѣ чего его административнымъ порядкомъ сослали въ Архангельскую губернію. Въ 1878 году онъ сдѣлалъ попытку бѣжать оттуда, но былъ пойманъ. Желая вызвать надъ собою судъ, на которомъ

можно было бы указать на произволъ, представляемый административными высылками, Бобоховъ при поимкѣ умышленно произвелъ изъ револьвера выстрѣлъ въ воздухъ, за что состоявшийся надъ нимъ въ 1879 году судъ приговорилъ его къ 20 г. каторжныхъ работъ.

За время моего болѣе 30-ти лѣтняго участія въ разныхъ русскихъ кружкахъ и организаціяхъ, мнѣ приходилось видѣть не мало крупныхъ, выдающихся революціонеровъ. Но столь чистаго въ нравственномъ отношеніи, какъ Бобоховъ я не встрѣчалъ ни у насъ, ни на Западѣ. Въ немъ сочетались рѣшительно все качества: искренность, скромность, прямота и безграничная преданность революціонному дѣлу. Требовательный къ себѣ, онъ никогда не произносилъ сколько-нибудь отрицательныхъ сужденій о другихъ. Дѣло у него всегда шло рядомъ со словомъ. Бобоховъ былъ самый послѣдовательный человѣкъ и самый строгій ригористъ изъ всехъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ революціонеровъ. Не удивительно, поэтому, что на Карѣ онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, хотя очень немногіе раздѣляли его политическія воззрѣнія. Попавъ въ ссылку и на каторгу еще несовершеннолѣтнимъ юношей и въ тотъ періодъ нашего движенія, когда, какъ я уже сообщалъ, у насъ господствовало народническо-бунтарское, т. е. анархическое направленіе, — Бобоховъ до самой смерти оставался приверженцемъ послѣдняго. Въ этомъ отношеніи тюрьма, такъ сказать, консервируетъ людей, замораживаетъ ихъ взгляды, сохраняя ихъ въ одинаковомъ состояніи въ теченіе многихъ лѣтъ. Довольно образованный и очень любознательный человѣкъ, Бобоховъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что имѣло общественный интересъ. Но, какъ и у многихъ другихъ интеллигентныхъ людей, находившихся въ нашей тюрьмѣ, каждая прочитанная имъ книга или статья только подтверждала еще на волѣ сложившіяся у него убѣжденія. По этой-то причинѣ Бобоховъ не могъ согласиться съ марксизмомъ, хотя онъ и читалъ о немъ все, что возможно было достать въ нашей библіотекѣ.

Я никогда не сидѣлъ съ нимъ въ одной камерѣ, но на прогулкахъ мнѣ не разъ случалось вступать съ нимъ въ теоретическіе споры. Всегда сдержанный и внимательный, Бобоховъ никогда не прибѣгалъ не только къ малѣйшимъ рѣзкостямъ,

по даже къ незначительнымъ повышеніямъ голоса. На личную почву онъ рѣшительно никогда не способенъ былъ переходить. При этомъ Бобоховъ отличался крайне рѣдко встрѣчающейся у спорщиковъ чертой: онъ всегда соглашался съ противникомъ, когда тому удавалось доказать ошибочность его мнѣнія или утверженія. Необыкновенно ровный, спокойный и серьезный, Бобоховъ по-ложительно какъ-бы перерождался и превращался въ краснорѣчиваго проповѣдника, когда вопросъ заходилъ о томъ, что онъ считалъ нашей обязанностью и долгомъ.

Больше, чѣмъ на кого-либо другого изъ заключенныхъ, по-дѣйствовала на него угроза генераль-губернатора подвергать насъ тѣлесному наказанію. Хотя по обычному выраженію его лица трудно было замѣтить его настроеніе, но несомѣнно внутренне онъ былъ сильно возмущенъ въ дни, послѣдовавшіе за объявленіемъ намъ бумаги барона Корфа. По тюрьмѣ началъ циркулировать слухъ, что Бобоховъ ведетъ агитацію за такой планъ: мы должны отправить министру внутреннихъ дѣлъ заявленіе, что тѣлесное наказаніе для насъ хуже смертной казни; поэтому, если не будетъ отмѣнена угроза, — мы всё покончимъ съ собою. Въ одинъ изъ этихъ дней у меня съ нимъ на прогулкѣ зашелъ разговоръ о его предложеніи. Развивая свой планъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы, въ случаѣ неисполненія министромъ нашего требованія, послѣ обозначеннаго нами ему срока, мы должны съ нѣкоторыми промежутками, по жребію, одинъ за другимъ кончать съ собою. Я старался доказать ему, что самоубійство по жребію не имѣетъ ни малѣйшаго смысла, такъ какъ въ этомъ видѣ оно являлось бы не добровольнымъ, а вынужденнымъ актомъ по отношенію тѣхъ лицъ, у которыхъ къ моменту наступленія ихъ очереди измѣнилось бы настроеніе и желаніе; между тѣмъ, заранее давши обѣщаніе покончить съ собою, они будутъ считать себя обязанными сдержать его. Я говорилъ также и о практической неосуществимости такого плана, послѣ предупрежденія о немъ властей.

Бобоховъ не видѣлъ этихъ неудобствъ, наоборотъ, стремленіе начальства воспрепятствовать нашимъ самоубійствамъ ясно доказывало-бы, что оно вѣритъ серьезности нашего заявленія и не желаетъ нашихъ смертей. Къ тому же, если одна лишь угроза примѣнять тѣлесныя наказанія вызвала у насъ такую

готовность покончить съ собою, чего начальство не хочетъ допустить, то ясно, что оно никогда не рѣшится осуществить ее, зная, что въ этомъ случаѣ уже никакими мѣрами нельзя будетъ помѣшать самоубійствамъ среди насъ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, во всякомъ случаѣ было цѣлесообразно въ заявленіи къ министру сообщить о нашемъ рѣшеніи покончить съ собою. Относительно же вынужденности самоубійства по жребію, онъ отвѣтилъ мнѣ приблизительно слѣдующее:

— Жить мнѣ хочется не меньше, чѣмъ другимъ; если же я соглашаюсь покончить съ собою, то за тѣмъ лишь, чтобы и другіе сдѣлали тоже самое, ради протеста. Но разъ, при измѣнившемся настроеніи, остальные откажутся отъ своего намѣренія, цѣль самоубійства не будетъ достигнута, и моя смерть окажется вполне напрасной. Жребій же обяжетъ человѣка сдержать обѣщаніе, данное умершимъ товарищамъ.

— Въ этихъ случаяхъ личный примѣръ дѣйствуетъ вѣрнѣе чѣмъ данное слово, — возразилъ я и сослался на нѣсколько историческихъ фактовъ.

Бобоховъ согласился съ этимъ доводомъ.

Изъ этого разговора я вывелъ заключеніе, что ему сильно жить хотѣлось: столь молодымъ попалъ онъ на каторгу, такъ мало видѣлъ на своемъ вѣку и такъ горячо интересовался всѣмъ происходившимъ на бѣломъ свѣтѣ. Поэтому, разставаясь съ нимъ, я подумалъ, что желаніе жить возьметъ у него верхъ надъ сознаніемъ долга, и я успокоился. Между тѣмъ въ эти дни судьба его и нѣкоторыхъ другихъ товарищей, была уже рѣшена...

Въ то самое время, когда у насъ шли толки о проектѣ Бобохова, къ намъ стали доходить сперва смутные, а затѣмъ все болѣе настойчивые и опредѣленные слухи, что отъ генераль-губернатора пришло распоряженіе подвергнуть Сигиду тѣлесному наказанію за нанесенное ею оскорбленіе коменданту Масюкову. Это извѣстіе казалось намъ неправдоподобнымъ: во всей исторіи нашего революціоннаго движенія не было ни одного случая примѣненія тѣлеснаго наказанія къ женщинѣ. Да и изъ мужчинъ, какъ извѣстно, такому оскорбленію подвергся одинъ Боголюбовъ, осужденный на 15 лѣтъ каторж. работъ за участіе въ демонстраціи на Казанской площади (6 дек. 1876 г.); но

послѣ выстрѣла, произведеннаго, въ отвѣтъ на эту расправу, Вѣрой Засулчъ въ петербургскаго градоначальника Трепова и оправданія ея присяжными засѣдателями, правительство очевидно не рѣшалось подобными приемами возбуждать противъ себя все общество. Въ теченіе десяти съ тѣмъ-то лѣтъ, истекшихъ съ того времени, политическихъ каторжанъ за побѣги, хотя и приговаривали къ тѣлесному наказанію, но всѣмъ имъ оно замѣнялось значительными удлиненіями сроковъ ихъ пребыванія на каторгѣ. Естественно было предполагать, что тѣмъ болѣе не рѣшатся произвести столь гнусное издѣвательство надъ женщиной. Но, съ другой стороны, незадолго предъ тѣмъ совершенное въ Якутскѣ жестокое избіеніе невинныхъ юношей и дѣвушекъ внушало опасеніе, что правительство «царя-миротворца» на все способно.

Наступили для насъ ужасные дни: мы жили между опасеніемъ, что примѣнять къ Сигидѣ позорное наказаніе, и надеждой, что не рѣшится на это. Но въ первыхъ числахъ ноября изъ вольной команды пришло письмо, въ которомъ сообщалось, что по распоряженію генералъ-губернатора Сигида была подвергнута 6 ноября тѣлесному наказанію. Завѣдующій уголовными тюрьмами, въ распоряженіи котораго, какъ я уже сообщалъ, она находилась, вмѣстѣ съ тремя подругами, не соглашался исполнить это приказаніе, врачъ также нашелъ невозможнымъ примѣнить его къ Сигидѣ, въ чемъ и выдалъ свидѣтельство. Но пріѣхавшій изъ другого района звѣръ Бобровскій, который присутствовалъ при увозѣ Е. Ковальской, призналъ Сигиду здоровой и распорядился о наказаніи ея. Возмущенный этимъ врачъ отказался присутствовать при экзекуціи Бобровскаго это не остановило, — онъ самъ все время оставался на мѣстѣ наказанія, наслаждаясь мученіями несчастной женщины. Распоряженіе о возмутительной расправѣ надъ Сигидой, повидимому, прибыло на Кару одновременно съ объявленной намъ угрозой генералъ-губернатора.

Не берусь описать охватившее насъ состояніе, по полученіи этого сообщенія: его нельзя назвать угнетеннымъ, придавленнымъ, — оно скорѣе было мрачно-возбужденное и рѣшительное. Наружно мы старались ничѣмъ не проявлять своего состоянія, чтобы не возбуждать въ жандармахъ какихъ-либо подозрѣній

и не дать имъ возможности помѣшать осуществленію задуманнаго многими заключенными плана.

Затѣмъ, на второй или третій день мы узнали, что Сигиду послѣ наказанія отправили не въ лазаретъ, а въ уголовную тюрьму, въ которой сидѣли Калюжная, Ковалевская и Смирницкая. Въ ту же ночь или въ одну изъ ближайшихъ, — точно не было установлено нами, — Сигида скончалась, неизвѣстно, отъ нервнаго-ли потрясенія или отъ принятаго ею яда. Вслѣдъ за ея смертью три ея подруги отравились, послѣ чего онѣ были переведены въ лазаретъ: Калюжная и Ковалевская въ состояніи агоніи, а Смирницкая — въ сознаніи. Подъ впечатлѣніемъ этихъ фактовъ одинъ изъ товарищей-вольнкомандцевъ, Наумъ Геккеръ, произвелъ два выстрѣла себѣ въ лобъ, но остался живъ.

Когда мы получили эти потрясающія извѣстія, у насъ не было уже болѣе споровъ о томъ, что слѣдуетъ предпринять: безъ всякаго предварительнаго сговора, многіе молча рѣшили послѣдовать примѣру подругъ Сигиды, — необходимый для этого ядъ былъ наготовѣ. Никто не справлялся у другого, думаетъ ли онъ также покончить съ собою, — каждый, желавшій это сдѣлать, самъ бралъ для себя изъ лежавшихъ на общихъ столахъ во всѣхъ пяти камерахъ пачекъ развѣшенную дозу опиума.

Особенное удивленіе въ тотъ день вызвалъ во многихъ Бобоховъ: онъ имѣлъ такой спокойный видъ, будто ничего чрезвычайнаго ему не предстояло сдѣлать черезъ нѣсколько часовъ. Лицо его сохраняло обычную серьезность, и, какъ всегда, онъ мало говорилъ. Для Ивана Калюжнаго вопросъ, очевидно, былъ давно безповоротно рѣшенъ. Еще до полученія извѣстія о смерти его жены и сестры, онъ казался крайне возбужденнымъ: былъ веселъ, суетливъ, много острилъ и, вообще, имѣлъ видъ человѣка, собирающагося, хотя въ далекое, но пріятное путешествіе. Особенно дружнымъ Бобоховъ ни съ кѣмъ въ тюрьмѣ не былъ, но съ возникновеніи исторій въ женской тюрьмѣ, между нимъ и Ив. Калюжнымъ установилась большая близость.

Въ тюрьмѣ было тогда только 39 человѣкъ; изъ нихъ 17 рѣшили покончить съ собою. Но даже изъ невыразившихъ

намѣренія отравиться многіе запаслись порціями яда, на всякій случай. Состояніе заключенныхъ въ этотъ день было такое, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ человекъ, всѣ остальные тоже могли прибѣгнуть къ самоубійству. Хотя общій порядокъ въ тюрьмѣ не нарушался, но всѣ были всецѣло поглощены мыслью о предстоящемъ массовомъ самоубійствѣ. Только двое изъ заключенныхъ съ возбужденіемъ громко доказывали, что нѣтъ смысла столькимъ лицамъ кончать съ собою и считали необходимымъ тѣмъ или инымъ способомъ воспрепятствовать этимъ смертямъ. Но лица, рѣшившія отравиться, и слушать ихъ не хотѣли, а остальные, при такомъ состояніи тюрьмы, видѣли полную невозможность что-либо предпринять: по ихъ мнѣнію, какое-нибудь рѣшительное вмѣшательство могло бы еще ухудшить общее положеніе.

Вечеромъ 12 ноября, вскорѣ послѣ повѣрки, изъ «Якутки» раздалось стройное пѣніе, какого давно уже не слышно было въ нашей тюрьмѣ. Въ этой камерѣ сидѣли Бобоховъ, Ив. Калужный и нѣкоторые другіе изъ рѣшившихъ покончить съ собою; кромѣ того, туда изъ другихъ камеръ собрались близкіе ихъ пріятели, также собиравшіеся отравиться. Пѣсня служила какъ бы общимъ сигналомъ для остальныхъ камеръ, въ которыхъ еще было по нѣсколько человекъ, обрѣкшихъ себя на смерть. Услышавъ пѣніе, эти лица начали прощаться съ несобиравшимися умереть и затѣмъ, на виду у всѣхъ, проглатывали дозы яда. Дрожь пробѣгала по тѣлу неучаствовавшихъ въ самоубійствѣ; они были блѣдны, какъ мертвецы; у нѣкоторыхъ по лицамъ катились слезы, кое-кто всхлипывалъ, уткнувъ голову въ подушку, чтобы заглушить рыданія и тѣмъ не разстраивать принявшихъ ядъ. Последніе, почувствовавъ, вскорѣ послѣ отравленія, сильную головную боль, ложились въ постели, въ увѣренности, что они никогда уже не встанутъ...

По аналогіи могу судить, какъ чувствовали себя въ это время другіе товарищи, нерѣшившіе покончить съ собою. Казалось, куда легче, взявъ порошокъ, высыпать его себѣ въ ротъ, чтобы немедленно затѣмъ забыться на вѣки, чѣмъ, оставаясь въ живыхъ, присутствовать, въ качествѣ зрителя, при смерти товарищей. Какое впечатлѣніе производилъ видъ этихъ самоубійствъ, можетъ отчасти показать тотъ фактъ, что поздно

ночью я вдругъ почувствовалъ сильнѣйшую головную боль; когда же я прилежъ, то меня стало тошнить. Я былъ самъ увѣренъ, что какъ-нибудь нечаянно отравился. Нашъ врачъ Прибылевъ, пославъ жандармовъ за льдомъ, началъ прикладывать мнѣ компрессы; затѣмъ появилась рвота, и мнѣ стало легче. По словамъ Прибылева, у меня были всѣ симптомы отравленія; а между тѣмъ я не принималъ яда. Когда слухъ о моемъ состояніи распространился по другимъ камерамъ, то товарищи думали, что и я, невыразившій раньше готовности принять участіе въ самоубійствахъ, не могъ устоять и молча проглотить ядъ.

Однако, и лицамъ, дѣйствительно его принявшимъ, не суждено было умереть въ ту ночь: опій оказался испорченнымъ, и утромъ всѣ они поднялись, чувствуя сильныя головныя боли и тошноту. Но эта неудача не измѣнила намѣренія нѣкоторыхъ изъ числа рѣшившихъ покончить съ собою,—она лишь отерочила его на однѣ сутки. На этотъ разъ рѣшено было прибѣгнуть къ морфію. Въ этотъ день, между прочимъ, случился слѣдующій курьезъ.

Утромъ 13 ноября, во время прогулки, подошелъ ко мнѣ Моисей Поповъ, о которомъ я выше сообщалъ, и завелъ разговоръ о происшедшемъ наканунѣ вечеромъ массовомъ отравленіи. При этомъ онъ сказалъ, что состояніе у него такое, что «въ пору уйти въ колонію». Вернувшись въ камеру, я услышалъ, что М. Поповъ вызвался къ коменданту. Нѣкоторые высказывали тогда предположеніе, что М. Поповъ навѣрно рѣшилъ подать просьбу о помилованіи и что онъ сообщитъ Масюкову о готовящемся въ тюрьмѣ вторично массовомъ самоубійствѣ; иные находили такое его разоблаченіе даже желательнымъ, такъ какъ комендантъ приметъ мѣры, чѣмъ предупредить неизбѣжныя на этотъ разъ смерти. Но лица, рѣшившія покончить съ собою, заволновались и, послѣ обсужденія, что предпринять, обратились къ Попову съ просьбой, чтобы онъ отложилъ свое намѣреніе уйти въ колонію всего на одинъ день.

— Съ чего вы взяли, что я хочу подать прошеніе?—спросилъ Поповъ съ негодованіемъ.

— А вы вѣдь обратились къ дежурному жандарму — отвѣтилъ ему разговоривавшій съ нимъ парламентаръ.

— Да, я просилъ его прислать лопату, чтобы отгрести снѣгъ.

Такимъ образомъ, вышло *qui pro quo*. Но Поповъ на меня обидѣлся, предположивъ, что это я передалъ другимъ его фразу о своевременности ухода въ колонію, каковую соединили съ его обращеніемъ къ жандарму и сдѣлали оскорбительное для него умозаключеніе. Я былъ въ этомъ неповиненъ, о чемъ мы съ нимъ и объяснились. Товарищи считая его кандидатомъ въ колонисты, говорили, что ему «и хочется, и колется». Но онъ долго крѣпился; лишь много, много лѣтъ спустя, уже вышедши, по окончаніи каторги, на поселеніе, онъ подтвердилъ правильность составившагося о немъ мнѣнія: онъ таки подалъ просьбу о помилованіи. Но вернемся къ трагическому ноябрьскому дню 1889 г.

День отсрочки смерти повліялъ на значительную часть рѣшившихъ покончить съ собою. У нѣкоторыхъ изъ нихъ за это время уже измѣнилось настроеніе, и желаніе не разставаться съ жизнью превозмогло чувство возмущенія противъ начальства. Къ вечеру во всѣхъ камерахъ только девять человѣкъ рѣшили повторить попытку самоубійства. Снова происходили сцены прощанія съ оставшимися въ живыхъ; но состояніе послѣднихъ не было уже столь ужаснымъ, — черезчуръ напряженные наканунѣ нервы нѣсколько притупились, и въ голову приходило: «будетъ ли этому когда конецъ?» Онъ былъ уже близокъ. Вновь принятый ядъ также оказался плохимъ, испорченнымъ, и у большинства отравившихся онъ вызвалъ лишь какіе-то незначительные болѣзненные припадки. Только Калюжный и Бобоховъ, опасаясь и на этотъ разъ неудачи, заранее приняли не ординарныя, а значительно увеличенныя дозы морфія. Однако и эта предосторожность не подѣйствовала: Бобоховъ лишь на время впалъ въ забытіе, но, проснувшись ночью, онъ услышалъ неестественную хрипоту, издаваемую Ив. Калюжнымъ. Онъ сталъ звать своего друга и, обнявъ, осыпалъ лицо его поцѣлуями; Калюжный не откликнулся. Понявъ, наконецъ, что ничто не въ силахъ уже разбудить его, Бобоховъ сразу принялъ еще нѣсколько дозъ морфія, затѣмъ

легъ рядомъ съ Калюжнымъ, и, крѣпко обнявъ его, уснулъ на вѣки.

Утромъ 14 ноября смотритель, явившійся на повѣрку въ сопровожденіи жандармовъ, нашелъ двухъ отравившихся въ безсознательномъ состояніи. Затѣмъ прибылъ тюремный врачъ, которому оставалось лишь констатировать давно начавшуюся агонію: Калюжный скончался къ вечеру, а Бобоховъ только утромъ 15 ноября. Послѣ произведеннаго въ тюремномъ лазаретѣ вскрытія, оба трупа были погребены, вмѣстѣ съ четырьмя раньше умершими женщинами, на Нижне-Карійскомъ кладбищѣ, въ общей могилѣ, на которой товарищи водрузили сдѣланный ими самими большой крестъ, вырѣзавъ на немъ евангельскія слова: «Никто же любви больше имать, да кто душу свою положить за други своя».

Начальство заволновалось. Въ тотъ же день комендантъ прислалъ жандарма спросить насъ, примемъ ли мы его? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Масюковъ явился въ сопровожденіи конвоя. Онъ былъ крайне жалокъ, — хныкалъ, лепеталъ, что не виноватъ въ происшедшемъ и объяснилъ случившееся несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Никто изъ насъ не отвѣчалъ ему ни слова. Въ заключеніе онъ обратился къ Прибылеву съ мольбой выдать ему аптечку, такъ какъ, послѣ отравленій, онъ не вправѣ оставлять ее въ тюрьмѣ. Прибылевъ удовлетворилъ его просьбу.

Нѣсколько дней спустя пріѣхали фонъ-Плотто и прокуроръ. Не рѣшаясь войти въ камеры, они оставались на порогѣ, окруженные конвоемъ. Въ отвѣтъ на ихъ вопросы о причинахъ происшедшихъ у насъ отравленій, одинъ изъ заключенныхъ указалъ на возмутительную расправу съ Сигидой, другой говорилъ о жестокости угрозы генераль-губернатора, представлявшаго коменданту право прибѣгать къ вооруженной силѣ, «не боясь послѣдствій». Онъ заявилъ также, что, пока это распоряженіе не будетъ отмѣнено, спокойствіе въ тюрьмѣ не установится. Наконецъ пріѣхалъ и губернаторъ.

Бывшій профессоръ Академіи генеральнаго штаба, генералъ Хорошкинъ былъ извѣстенъ, какъ грубый солдафонъ и бурбонъ. Приказавъ всѣмъ заключеннымъ выстроиться въ коридорѣ, онъ изъ-за плотной шеренги жандармовъ обратился къ намъ

съ рѣчью, въ которой старался доказать, что наши женщины сами виноваты въ случившемся. Изъ перехваченной нашей переписки, вслѣдствіе выдачи Оссовскаго, губернаторъ видѣлъ, что мы сами ожидали репрессій, послѣ «безумнаго», какъ онъ выразился, поступка Сигиды. Но безъ повода съ нашей стороны намъ, по его словамъ, ничто особенное не угрожаетъ, такъ какъ правительству «дорога жизнь каждаго» изъ насъ. Въ теченіе своей рѣчи онъ нѣсколько разъ повторялъ: «никакихъ опасеній и никакихъ надеждъ».

Безъ всякаго предварительнаго сговора заключенные молча выслушали эту рѣчь, и, несмотря на неоднократно повторенный губернаторомъ вопросъ: не имѣемъ-ли какихъ-нибудь заявленій?—никто изъ насъ не проронилъ ни слова.

Въ женскую тюрьму Хорошкинъ пришелъ въ сопровожденіи коменданта. Только одна Я—ва не захотѣла выйти изъ своей камеры, громко заявивъ, что она не хочетъ видѣть Масюкова. Но губернаторъ рѣшительнымъ тономъ потребовалъ, чтобы она вышла, и, поколебавшись немного, Я—ва уступила. На присутствовавшихъ при этомъ товарокъ ея сдана эта произвела очень тяжелое впечатлѣніе.

Вскорѣ затѣмъ назначено было слѣдствіе по поводу происшедшихъ отравленій. Нѣкоторыя изъ допрашиваемыхъ, лица, сами покушавшіяся на самоубійство, давали очень рѣзкія показанія, въ которыхъ называли генераль-губернатора «убійцей» и «палачемъ». Комендантъ не рѣшился отправить эти показанія высшему начальству и предложилъ допрашиваемымъ смягчить свои выраженія, но они отъ этого отказались.

Въ одинъ изъ дней, послѣдовавшихъ за отравленіемъ, Масюковъ пригласилъ къ себѣ старосту и, выславъ изъ комнаты жандарма, сообщилъ ему, что вслѣдствіе доноса Оссовскаго, изъ департамента государственной полиціи пришло распоряженіе произвести у насъ въ тюрьмѣ генеральный обыскъ, въ присутствіи специально назначенной для этого комиссіи изъ нѣсколькихъ должностныхъ лицъ. Комендантъ просилъ все лишнее и запрещенное уничтожить или спрятать, для чего предложилъ свои услуги. Предостереженіемъ этимъ мы, конечно, воспользовались; поэтому, обыскъ, длившійся почти цѣлый день, не далъ начальству никакихъ результатовъ.

Тяжелое настроеніе воцарилось въ тюрьмѣ послѣ ноябрьскихъ дней. Прекратились развлечения, пѣсни, игры. Всѣ чувствовали себя придавленными, удрученными. Къ тому же заключенные рѣзко подѣлились на двѣ «партіи»: миролюбивое, большинство, называвшееся жирондистами и крайніе, къ которымъ принадлежали нѣкоторые изъ покушавшихся на самоубійство. Разногласія между этими двумя партіями, почти цѣликомъ происходили на почвѣ отношенія къ протестамъ, имѣвшимъ мѣсто въ женской тюрьмѣ.

Ко всему вышеописанному въ тотъ тяжелый годъ присоединилось у насъ еще чрезвычайное безденежье. Матеріальныя наши условія, изъ года въ годъ все ухудшавшіяся, при Масюковѣ стали особенно плачевными. Отчасти вліяли здѣсь съ годами ослабѣвавшія привязанности и память о насъ лицъ, отдаленныхъ отъ Кары огромными пространствами; но виноватъ былъ въ этомъ и Масюковъ. Кромѣ другихъ отрицательныхъ чертъ, онъ обладалъ еще чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ картамъ, и, проигравшись въ пухъ, что съ нимъ, повидимому, нерѣдко случалось, онъ расплачивался, какъ мы подозревали, приходившими для насъ по почтѣ деньгами. Твердыхъ же данныхъ для его обличенія у насъ въ рукахъ не имѣлось. Какъ бы то ни было, зимою того года доходы наши были до того мизерны, что мы не могли даже ассигновать обычной суммы для улучшенія пищи на рождественскіе дни и въ новый, 1890-й годъ. Эти праздники прошли у насъ болѣе грустно и тоскливо, чѣмъ въ другіе годы.

ГЛАВА XXIX.

Финаль Карійской тюрьмы.

Наступила весна. Никакой рѣшительно перемѣны не произошло въ нашей тюрьмѣ. Но угроза барона Корфа, какъ Дамокловъ мечъ, продолжала висѣть надъ нами, не давая забыть, чему насъ могутъ подвергнуть при малѣйшемъ поводѣ. Двое товарищей изъ крайнихъ вновь рѣшили покончить съ собой,

чтобы тѣмъ доказать начальству, что мы не примирились съ циркуляромъ генераль-губернатора.

Когда извѣстіе объ этомъ распространилось въ тюрьмѣ, то опять всё заволновалось, готовясь къ тяжелымъ зрѣлищамъ самоубійствъ. Но многіе энергично возстали противъ такихъ экспериментовъ надъ нашими нервами. Къ тому же намъ было совершенно неизвѣстно, какъ отнеслось высшее начальство къ угрозѣ генераль-губернатора, послѣ происшедшихъ на Карѣ трагическихъ исторій. Путемъ этихъ доводовъ удалось убѣдить двухъ товарищей, собиравшихся покончить съ собой, чтобы они отложили свое намѣреніе до объясненія съ комендантомъ.

Оказалось, что у Масюкова уже имѣлось новое предписаніе, въ которомъ сообщалось, что тѣлесныя наказанія совершенно отмѣняются для всѣхъ женщинъ, осужденныхъ въ каторжныя работы; изъ мужчинъ же отъ нихъ избавлялись лица, принадлежавшія до осужденія къ привилегированнымъ сословіямъ, а также всѣ окончившіе высшія и среднія учебныя заведенія.

Такимъ образомъ, хотя шестью самоубійствами и пятнадцатью покушеніями на нихъ заключенные на Карѣ не добились полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, но можно было рассчитывать, что, какъ и послѣ дѣла Вѣры Засуличъ, правительство вновь, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не рѣшится совершать надъ политическими преступниками этой возмутительной расправы.

Для меня лично весна 1890 года памятна еще тѣмъ, что мой старый другъ, Яковъ Стефановичъ, кончивъ весь срокъ каторги, долженъ былъ уйти на поселеніе. Но такъ какъ въ апрѣлѣ была еще распутица, то комендантъ выпустилъ его въ вольную команду.

Къ лѣту жизнь наша вошла въ обычную колею,—словно за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ у насъ не произошли ужасныя событія. Какъ и въ предыдущіе годы, любители занялись огородами, и снова въ нашемъ уютномъ садикѣ многіе разбили свои палатки. Только въ описываемое лѣто чаще прежняго стали нами практиковаться общія чаепитія во дворѣ, во время которыхъ велись горячіе дебаты. Поводами къ нимъ послужили, между прочимъ, политическія событія въ Германіи.

Вызванное въ ней «новымъ курсомъ», объявленнымъ Вильгельмомъ II, сильное общественное возбужденіе нашло нѣкоторый откликъ и среди насъ, политическихъ каторжанъ на Карѣ. Мы съ жаромъ обсуждали отставку Бисмарка, отмѣну закона противъ социалистовъ и пр. Во время этихъ дебатовъ, конечно, сильно доставалось нѣмецкимъ социалдемократамъ отъ нашихъ самобытниковъ,—народниковъ и народовольцевъ. Каждый шагъ нѣмцевъ подвергался самой строгой критикѣ, успѣхи ихъ считались преувеличенными, раздутыми, а вся ихъ тактика признавалась отсталой, культустрегерской и крайне вредной для развитія революціонныхъ чувствъ. Отъ нѣмцевъ споры естественно переходили къ марксизму, матеріалистическому взгляду на исторію, діалектическому методу и гегелевской триадѣ. Въ этихъ спорахъ подчасъ принимали горячее участіе и лица, лишь впервые здѣсь услышавшія эти мудреные термины. Но какъ я уже выше упоминалъ, марксистское направленіе понемногу начало пробивать себѣ дорогу среди заключенныхъ. Наиболѣе выдающимся сторонникомъ его явился Фаддей Рехневскій, человѣкъ очень образованный, любознательный и дѣльный.

Въ концѣ лѣта въ нашей жизни произошли крупныя перемѣны. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже носились слухи, что верстахъ въ 300 отъ насъ, въ с. Акатуѣ строится новая, образцовая тюрьма, въ которую намѣрены перевести всѣхъ политическихъ каторжанъ, находившихся на Карѣ. Въ этомъ селеніи имѣлись давно заброшенные серебряные рудники, въ которыхъ нѣкогда работали декабристы. Режимъ для насъ въ этой новой тюрьмѣ предполагалось устроить какой-то особенный, небывалый даже въ Россіи, но опредѣленнаго никто не могъ намъ объ этомъ ничего сообщить. Каждую весну распространялся слухъ, что осенью насъ непременно перевезутъ въ Акатуѣ, а съ ея наступленіемъ переводъ откладывался до слѣдующаго года. Поэтому, многіе изъ насъ совершенно перестали придавать значеніе этимъ слухамъ.

Между тѣмъ, контингентъ заключенныхъ въ нашей тюрьмѣ быстро уменьшался, какъ, благодаря выходамъ на поселеніе и

въ вольную команду, такъ и вслѣдствіе уходовъ въ колонію; новыхъ же каторжанъ къ намъ на Кару болѣе не присылали, такъ какъ въ концѣ 80-хъ годовъ революціонное движеніе въ Россіи вообще ослабѣло; а тѣхъ сравнительно немногихъ молодыхъ людей, которыхъ арестовывали, правительство предпочиталосылать административнымъ порядкомъ на чрезвычайно продолжительные сроки,—на 10—12 лѣтъ не только въ отдаленные улусы Якутской области, но и на островъ Сахалинъ. Поэтому, къ концу лѣта 1890 г. въ нашей тюрьмѣ осталось только тридцать три человѣка; къ тому же, около двадцати изъ нихъ имѣли уже право выйти въ вольную команду, но ихъ не выпускали, какъ мы уже знаемъ, вслѣдствіе введеннаго комендантомъ Николѣвымъ ограниченія контингента вольнокомандцевъ пятнадцатю лицами.

Я также около года, какъ приобрѣлъ это фиктивное право на выходъ изъ тюрьмы. Но мнѣ никогда не приходило на мысль, что меня выпустятъ въ вольную команду. Наоборотъ, со дня прибытія на Кару, я всегда былъ увѣренъ, что пробуду въ тюрьмѣ до самаго окончанія срока каторги, и даже въ мечтахъ я никогда не рисовалъ себѣ возможности побывать въ вольной командѣ. Если я и уносился мысленно въ будущее, то рисовалъ себѣ жизнь на поселеніи. Она вовсе не представлялась мнѣ въ радужномъ свѣтѣ, и все же я съ ужаснымъ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія дня ухода изъ тюрьмы. Признаюсь, подобно герою «Записокъ изъ мертваго дома», я также во время прогулокъ, занимался нерѣдко высчитываніемъ, сколько мѣсяцевъ, недѣль, а то и дней мнѣ еще остается до выхода на поселеніе, и, чѣмъ болѣе приближался этотъ желанный часъ, тѣмъ, казалось, медленнѣе идетъ время, тѣмъ болѣе долгимъ представлялся остающійся еще срокъ.

Въ концѣ лѣта до насъ вновь дошелъ слухъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени состоится нашъ переводъ въ Акатуй. На этотъ разъ не оставалось болѣе никакихъ сомнѣній, что извѣстіе это вѣрно. Одновременно намъ сообщили, что на Кару прибылъ генераль-губернаторъ и вскорѣ явится къ намъ въ тюрьму. Всѣхъ насъ собрали на дворѣ, при чемъ мы заранѣе рѣшили, во избѣжаніе скандала, выйти безъ шапокъ. Вслѣдъ затѣмъ появился баронъ Корфъ, въ сопровожденіи большой

свиты и окруженный жандармами и конвоемъ. Онъ обратился къ намъ съ просьбой выслушать его внимательно.

— Изъ Петербурга,—сообщилъ онъ,—отъ высшаго начальства пришло распоряженіе перевести васъ въ Акатуй. Новый вашъ режимъ будетъ состоять въ томъ, что вы во всемъ рѣшительно приравниваетесь къ уголовнымъ преступникамъ: вы будете жить съ ними въ общихъ камерахъ, вмѣстѣ съ ними работать въ рудникахъ, пользоваться одной и той же пищей, и васъ будутъ подвергать одинаковымъ съ ними наказаніямъ. Словомъ,—закончилъ онъ,—ни въ ту, ни въ другую сторону для васъ не станутъ дѣлать уклоненій отъ строго выработанной инструкціи.

Рѣчь генераль-губернатора лилась довольно гладко, но все же замѣтно было, что онъ чувствовалъ себя не совѣмъ ловко. Нѣсколько разъ повторялъ онъ, что распоряженіе это не отъ него исходитъ, и что оно не имѣетъ никакого отношенія къ происходившимъ у насъ недавно происшествіямъ. На насъ же сообщеніе произвело потрясающее впечатлѣніе: хотя мы и опасались предстоявшаго режима въ новой тюрьмѣ, но никому изъ насъ не приходило на умъ,—особенно, послѣ всего нами пережитаго,—что вновь вздумаютъ насъ сравнить съ уголовными въ отношеніи примѣненій къ намъ тѣлесныхъ наказаній. Казалось невѣроятной жестокостью, чтобы правительство рѣшилось такъ глумиться надъ людьми, большинство которыхъ мирно просидѣло въ тюрьмѣ въ теченіе десяти и болѣе лѣтъ, не давъ нималѣйшаго повода къ какимъ-либо недоразумѣніямъ съ начальствомъ.

На повторенный бар. Корфомъ нѣсколько разъ вопросъ, не имѣемъ-ли какихъ-нибудь заявленій, мы отвѣчали гробовымъ молчаніемъ, такъ какъ никто не хотѣлъ вступать въ разговоръ съ человѣкомъ, отдавшимъ возмутительное распоряженіе о наказаніи женщины. Ему же, видимо, чрезвычайно хотѣлось, чтобы кто-нибудь заговорилъ съ нимъ. Чувствовалось крайне напряженное состояніе. Не дождавшись ни отъ кого изъ насъ ни слова, генераль-губернаторъ собрался было уже уходить, когда М—скій совѣмъ неожиданно нарушилъ общее молчаніе. Въ очень вѣжливой формѣ обратился онъ къ барону Корфу съ вопросомъ, какъ понимать его слова, что ни въ какую сторону

не будутъ дѣлаться для насъ отступленія отъ инструкціи? Онъ указалъ при этомъ на то, что уголовныхъ безъ ограниченія выпускаютъ въ вольную команду, между тѣмъ какъ по отношенію къ намъ это правило всегда нарушается. Генераль-губернаторъ съ большимъ оживленіемъ началъ объяснять, что и по отношенію къ намъ впредь не будетъ никакихъ ограниченій при выпускѣ въ вольную команду. Мирскій обмѣнялся съ нимъ еще нѣсколькими фразами, когда въ ихъ разговоръ вмѣшался Я—ичъ. Волнуясь и жестикулируя, онъ заявилъ, что политическіе никогда не дадутъ сравнять себя съ уголовными въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній, и что они всегда предпочитаютъ смерть позору. Генераль-губернаторъ довольно сбивчиво сталъ доказывать, что, какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ насъ не будутъ наказывать.

Я не намѣревался вступать въ этотъ разговоръ, но, услышавъ послѣднюю фразу, у меня невольно сорвалось съ языка: «а Сигиду, женщину!».

Эта была самая щекотливая и тяжелая тема. Баронъ Корфъ, повидимому, обрадовался случаю высказаться по этому поводу.

— Что же намъ было дѣлать?—воскликнулъ онъ:—насъ бьютъ, а мы должны молчать?

— Вы могли казнить ее, но не издѣваться,—отвѣтилъ я.

Генераль-губернаторъ продолжалъ доказывать, что не онъ первый прибѣгъ къ личному оскорбленію, а Сигида, и въ заключеніе замѣтилъ, что прошлаго не исправишь.

Мы вернулись въ камеры въ самомъ тяжеломъ настроеніи. Всѣ чувствовали себя униженными и оскорбленными сообщеніемъ барона Корфа. Но нѣсколько часовъ спустя, начальство получило возможность убѣдиться, какъ мы будемъ реагировать на третированіе насъ, какъ уголовныхъ.

Съ наступленіемъ вечерней повѣрки смотритель тюрьмы, чиновникъ Пахоруковъ сталъ вмѣстѣ съ дежурными жандармами обходить по порядку камеры. Я въ это время былъ на коридорѣ и намѣревался зайти въ свою камеру одновременно съ лицами, производившими повѣрку. Тамъ же находился Омичевъ, повидимому, имѣвшій въ виду сдѣлать тоже самое. Но лишь

только жандармъ, всунувъ ключъ въ замокъ, началъ отпирать его, какъ вдругъ въ воздухѣ что-то блеснуло, раздался сильный ударъ тѣмъ-то тяжелымъ, и смотритель повалился на землю. Жандармы въ паническомъ страхѣ бросились бѣжать вонъ изъ коридора. Посмотрѣвъ на лицо Омичева, покрытое смертельной блѣдностью, мнѣ не трудно было понять, что это онъ тѣмъ-то ошарашилъ Пахорукова. Послѣдній, между тѣмъ, лежалъ на полу въ безсознательномъ состояніи.

Устремившись вслѣдъ за убѣжавшими жандармами, я сталъ успокаивать ихъ, что имъ не угрожаетъ никакая опасность, тѣмъ болѣе, что они всѣ вооружены; но не скоро удалось мнѣ убѣдить ихъ вернуться обратно, чтобы оказать помощь смотрителю.

Надо замѣтить, что умный и находчивый вахмистръ Голубцевъ, лишь только начались у насъ волненія, перешелъ на службу въ тюремное вѣдомство, мотивируя свой уходъ тѣмъ, что затѣянная Масюковымъ исторія, при увозѣ Ковальской, добромъ не окончится; преемникъ же его оказался не особенно храбрымъ и сообразительнымъ жандармомъ. Послѣ паденія Пахорукова, онъ первый опрометью бросился бѣжать. Уступая моимъ настояніямъ, онъ согласился выпустить изъ запертой камеры на коридоръ нашего врача Прибылева для оказанія первой помощи раненному. Голова у послѣдняго оказалась пробитой тяжелой палкой, отчего произошло сотрясеніе мозга.

Между тѣмъ комендантъ уѣхалъ провожать генераль-губернатора; а такъ какъ смотритель лежалъ въ безсознательномъ состояніи въ нашей большой камерѣ, то намъ, заключеннымъ, поневолѣ пришлось самимъ взять на себя роль начальствующихъ лицъ. Напуганные и растерявшіеся жандармы безпрекословно исполняли наши приказанія. Прежде всего необходимо было перенести раненнаго на его квартиру. Въ сопровожденіи Прибылева, жандармы понесли его, вмѣстѣ съ койкой. Не трудно представить себѣ ужасъ жены и дѣтей Пахорукова, когда они увидѣли эту печальную процессію. Прибылевъ постарался ихъ успокоить, на сколько это было возможно.

Нужно было также что-нибудь предпринять съ Омичевымъ, настаивавшимъ на томъ, чтобы его немедленно отъ насъ изоли-

ровали. Новый вахмистръ, по нашему указанію, согласился запереть его въ одной изъ одиночныхъ камеръ.

Поступокъ Өмичева мы объяснили себѣ внезапнымъ психическимъ разстройствомъ, что и раньше уже случалось у него. Но на другой день онъ разсказалъ намъ слѣдующее.

За нѣсколько мѣсяцевъ до описанной расправы, когда Ө-въ сидѣлъ въ тюремномъ лазаретѣ, смотрителемъ котораго былъ тогда Пахоруковъ, онъ однажды былъ очевидцемъ такой сцены. Два уголовныхъ арестанта подметали дворъ; явившійся туда смотритель нашель, что они плохо исполняли эту работу и распорядился, чтобы ихъ тутъ же подвергли тѣлесному наказанію. Уже тогда запала въ душу Ө-ва злоба противъ Пахорукова. Но онъ не сталъ бы мстить ему, если бы сообщеніе генераль-губернатора объ уравниніи насъ съ уголовными не напомнило бы ему живо произведенную на его глазахъ возмутительную расправу. Теперь начальство будетъ знать, чего оно можетъ ждать отъ насъ, въ случаѣ примѣненія къ намъ тѣлесныхъ наказаній.

Снова наступили тревожные дни: естественно было опасаться, что генераль-губернаторъ въ расправѣ Өмичева съ Пахоруковымъ увидитъ проявленія общаго сговора и обрушится противъ всѣхъ насъ новыми репрессіями. Но вскорѣ мы узнали, что комендантъ, на основаніи отзыва тюремнаго врача, представилъ генераль-губернатору поступокъ Өмичева, какъ выходку психически-больного, вызванную крайне поразившимъ его извѣстіемъ объ уравниніи политическихъ съ уголовными арестантами. Затѣмъ рана у Пахорукова оказалась неопасной и, проболѣвъ нѣкоторое время, онъ почти вполне оправился. Наконецъ, сообщали, генераль-губернатору очень понравилось проявленное заключенными участіе къ пострадавшему. По этимъ ли причинамъ или потому, что баронъ Корфъ былъ вообще въ хорошемъ расположеніи духа, только онъ очень снисходительно отнесся къ этому происшествію. Назначенный для разслѣдованія послѣдняго чиновникъ особыхъ порученій при ген.-губернаторѣ представилъ ему описанную расправу такъ, какъ объяснялъ ее врачъ, а потому, продержавъ Өмичева нѣкоторое время въ тюремномъ лазаретѣ, его перевели въ Акагуй и лишь на годъ или два позже выпустили изъ тюрьмы въ вольную команду.

Вслѣдствіе сдѣланнаго генераль-губернаторомъ заявленія, можно было разсчитывать, что лица, получившія право на выходъ въ вольную команду, не будутъ отправлены въ Акагуй. Но многіе изъ насъ, — и я въ томъ числѣ, — сильно сомнѣвались, дѣйствительно-ли начальство рѣшится сразу выпустить изъ тюрьмы двадцать человѣкъ. Проученный постигшей меня во Фрейбургѣ неудачей, я не поддавался болѣе радужной надеждѣ; наоборотъ, я рисовалъ себѣ самыя мрачныя картины предстоящей вскорѣ совмѣстной жизни съ уголовными, при ужасномъ новомъ режимѣ.

Но, вскорѣ послѣ отъѣзда генераль-губернатора, стали доходить до насъ слухи, что дѣйствительно составляются списки всѣхъ лицъ, подлежащихъ выпуску въ вольную команду. Затѣмъ, однажды, въ срединѣ сентября совершенно неожиданно освободили изъ тюрьмы семейныхъ: Люри, Рехневскаго и Сухомлина, за которыми добровольно послѣдовали на Кару ихъ жены. А черезъ два-три дня послѣ этого въ тюрьму пришелъ Масюковъ, въ сопровожденіи его преемника, начальника Нерчинской каторги, капитана Томила, и прочиталъ намъ списокъ семнадцати человѣкъ, которыхъ выпускали въ вольную команду; въ ихъ числѣ былъ и я ¹⁾.

Мы наскоро сложили свои вещи и съ большой грустью простились съ тринадцатью товарищами, оставшимися въ тюрьмѣ, въ ожиданіи предстоящей имъ черезъ два дня отправки въ Акагуй. Сознаніе, что ихъ положеніе чрезвычайно ухудшилось, ослабляло радость по поводу собственнаго освобожденія. Представлявшійся раньше безконечно отраднымъ моментъ ухода изъ тюрьмы, теперь, когда онъ, наконецъ, наступилъ, вызвалъ у насъ неимоверную грусть, — словно мы покидали родной домъ. Не съ высоко поднятыми головами, а удрученные и печальные направились мы къ тюремнымъ воротамъ. Открыли калитку, и дотолѣ еще небывалая по количеству кучка политическихъ каторжанъ сразу очутилась за тюремной отрадой.

¹⁾ Бойченко, Волошенко, Диковскій, Сергѣй, Златопольскій, Козыревъ, Конъ, Мейеръ, Мартыновскій, Мирскій, Михайловъ, Пашковскій, Преображенскій, Прибылевъ, Поповъ, Старынкевичъ, Өминъ и я.

ГЛАВА XXX.

Въ вольной командѣ.

Быль ясный осенній день. Намъ нужно было пройти всего съ полъ-версты; но, потому-ли, что мы отвыкли отъ движенія на вольномъ вѣдухѣ, или вслѣдствіе наступившей послѣ нервнаго возбужденія реакціи, только всѣ мы на полъ-пути до поселка почувствовали вдругъ такой упадокъ силъ, что рѣшили сдѣлать привалъ. Мы расположились на землѣ и, закуривъ папиросы, перекидывались отрывочными фразами. Всѣ, видимо, находились въ придавленномъ состояніи.

Въ расположенной на окраинѣ поселка жалкой черной избушкѣ, раньше бывшей кузницей, жили Рехневскіе. Мы ввалились къ нимъ гурьбой, наполнивъ крохотную, съ низкимъ потолкомъ, но довольно чистенькую и уютную комнату. Нѣкоторые остались пить чай, другіе вскорѣ отправились разыскивать остальныхъ вольнокомандцевъ. Я также пошелъ къ Стефановичу, который все еще находился на Карѣ, оттягивая, подъ разными предлогами, день своего ухода на поселеніе въ Якутскую область.

Его я не засталъ дома, но мнѣ не хотѣлось уходить, и я остался ждать его. Только поздно вечеромъ онъ вернулся домой и сообщилъ, что «въ куткѣ»¹⁾ по случаю нашего освобожденія изъ тюрьмы устроена общая попойка, и предложилъ мнѣ отправиться туда.

Всѣ вольнокомандцы, числомъ болѣе тридцати человекъ, собрались въ маленькую тѣсную избушкѣ, въ которой негдѣ было повернуться. Пили, ѣли и пѣли, но, повидимому, никому не было весело. Потолкавшись немного, мы со Стефановичемъ вскорѣ ушли домой дѣлиться впечатлѣніями о пережитомъ за истекшіе со времени нашей разлуки пять мѣсяцевъ.

¹⁾ Такъ называлась та часть поселка, гдѣ жили старые вольнокомандцы. Къ нашему выходу тамъ находились: семейные—Люри, мужъ и жена, Медвѣдевъ, Рехневскіе и Сухомлины; холостые—Ботаговъ, Геккеръ, Давиденко, Колтоновскій, Лозяновъ и Яцевичъ.

На слѣдующее утро мы отправились съ нимъ къ женской тюрьмѣ, изъ которой въ этотъ день должны были выпустить въ вольную команду Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, Корбу, Ивановскую и Добрускину. Намъ нужно было пройти четыре версты, при этомъ я имѣлъ возможность увидѣть весь нашъ поселокъ—Нижнюю Кару. Онъ имѣлъ довольно оригинальный видъ. Расположенная по склону невысокой сопки, спускающейся къ незначительной, но золотоносной рѣчкѣ Карѣ, лѣтомъ почти совершенно пересыхающей, Нижняя Кара ни по составу своего населенія, ни по внѣшнему виду нисколько не походила на русскую деревню. Преобладающій контингентъ ея населенія составляли уголовные вольнокомандцы, преимущественно холостые; затѣмъ тамъ имѣлось нѣсколько крестьянъ изъ ссыльныхъ или изъ бывшихъ заводскихъ. На Нижней же Карѣ помѣщались три сотни пѣшихъ сибирскихъ казаковъ, которые несли караульную службу при тюрьмахъ; тамъ имѣлось также большое число всякаго рода служащихъ, офицеровъ, чиновниковъ и три торгова съ семьями.

Соотвѣтственно составу населенія были разнообразны и постройки на Нижней Карѣ: холостые уголовные вольнокомандцы и казаки помѣщались въ обширныхъ казармахъ, офицеры и тюремные чиновники занимали довольно приличные казенныя зданія, а купцы имѣли хорошіе собственные дома; семейные же вольнокомандцы изъ уголовныхъ, мѣстные крестьяне и мы, политическіе, ютились въ ветхихъ крошечныхъ избушкахъ и въ жалкихъ лачугахъ, расположенныхъ въ тѣсномъ «куткѣ».

Найти помѣщеніе въ незначительномъ поселкѣ для такого, сравнительно большого контингента лицъ, одновременно очутившихся въ немъ, было дѣломъ не легкимъ. Намъ пришлось, поэтому, чрезвычайно тѣсниться, и нѣкоторое время многіе изъ насъ помѣщались въ крошечныхъ избушкахъ, по нѣсколько душъ вмѣстѣ. Къ тому же наши матеріальныя условія были по прежнему незавидны. Съ выходомъ въ вольную команду вполне подтвердилось, что Масюковъ былъ тому причиной.

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ нашего освобожденія изъ тюрьмы онъ пригласилъ къ себѣ нашего старосту и чисто-сердечно признался ему въ произведенной имъ растратѣ нашихъ денегъ, кажется, 1.200 или болѣе того рублей. При

сдачѣ же имъ должности должно было обнаружиться, что у него нѣтъ принадлежавшихъ намъ денегъ; поэтому, онъ униженно просилъ не губить его, а заявить новому нашему начальнику, что мы отъ него сполна получили, общая по частямъ выслать слѣдующее намъ съ мѣста новой его службы, въ чемъ и предлагалъ росписку.

Если-бы мы заявили Томилину о совершенной Масюковымъ растратѣ, ему предстояло лишеніе всѣхъ правъ и ссылка на поселеніе въ Якутскую область, что, какъ я уже упомянулъ выше, случилось съ однимъ изъ его предшественниковъ, ротмистромъ Манаевымъ. Но губить жалкаго Масюкова никому изъ насъ не хотѣлось; поэтому, потолковавъ немного, мы поручили нашему старостѣ выдать бывшему коменданту росписку въ полученіи всего намъ слѣдующаго и взять съ него предложенное обязательство. Масюковъ, такимъ образомъ, былъ спасенъ. Но, какъ можно было заранѣе предвидѣть, долга онъ намъ впоследствии не подумалъ уплатить, а мы не предъявили никому его росписки.

Новый нашъ начальникъ, капитанъ Томилинь, оказался очень умнымъ, тактичнымъ и не злымъ человѣкомъ. Онъ охотно удовлетворилъ первую нашу просьбу о дозволеніи всѣмъ вольнокомандцамъ проститься съ оставшимися въ тюрьмѣ тринадцатью товарищами¹⁾, передъ ихъ уходомъ въ Акагуй. Насъ всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, пустили въ тюрьму. Предназначенныхъ къ отправкѣ вновь побрили, заковали въ кандалы и нарядили въ арестанскіе халаты съ двумя желтыми бубновыми тузами на спинахъ, что при Масюковѣ вовсе не практиковалось въ тюрьмѣ. Крайне тяжело было смотрѣть на товарищей, отправляемыхъ въ этомъ нарядѣ. Простившись съ ними, мы видѣли затѣмъ, какъ они, окруженные огромнымъ числомъ конвойныхъ, пошли по дорогѣ, побрякивая кандалами. Долго потомъ провожали мы ихъ глазами, думая о тѣхъ новыхъ мукахъ, которыя ждутъ ихъ впереди.

Мужская политическая тюрьма была, такимъ образомъ, на-

¹⁾ Березниковъ, Звонкевичъ, Диковскій Моисей, Дудембо, Зундевичъ, Ивановъ Павелъ, Левченко, Мапыковскій, Нагорный, Савковскій, Спандони, Чуйковъ и Якубовичъ.

всегда уничтожена на Карѣ: тамъ осталась только вольная команда; да на Усть-Карѣ, вмѣстѣ съ уголовными каторжанками, сидѣли еще четыре наши женщины: Ананьина, Салова, Триницкая и Якимова.

Назоръ за нами въ вольной командѣ состоялъ въ томъ, что ежедневно, утромъ и вечеромъ, къ намъ на квартиры являлся надзиратель съ тетрадкой, въ которую мы заносили свои фамилии. Поѣздки на разстоянія въ 15 верстъ, мы могли дѣлать только съ разрѣшенія нашего смотрителя,—того самаго Похорукова, котораго ранилъ Өмичевъ. Но въ дѣйствительности это не строго соблюдалось, и мы ѣздили, не спрашивая его.

Вскорѣ послѣ нашего выхода въ вольную команду, изъ главнаго тюремнаго управленія, которому мы были теперь подчинены, наравнѣ съ уголовными, пришло распоряженіе ввести среди насъ, политическихъ, ту же круговую поруку, какая существовала среди уголовныхъ вольнокомандцевъ: они были раздѣлены на десятки; каждый десятокъ выбиралъ изъ своей среды десятника, который обязанъ былъ слѣдить, чтобы никто изъ его состава не убѣжалъ. Въ случаѣ же побѣга одного, весь десятокъ вновь запирали въ тюрьму. Чтобы не подвергнуться этой участи, уголовные предпринимали побѣги сразу цѣлымъ десяткомъ. Когда намъ объявили объ этомъ распоряженіи, мы, послѣ дебатовъ, заявили капитану Томилину, что ни въ какомъ случаѣ не можемъ принять этой круговой поруки, такъ какъ она имѣетъ характеръ надзора другъ за другомъ, а мы полицейскихъ ролей исполнять не желаемъ. Отъ круговой поруки насъ, благодаря старанію Томилина, освободили; но всѣмъ намъ было ясно, что, въ случаѣ побѣга кого-либо изъ насъ, остальныхъ вольнокомандцевъ вновь посадятъ въ тюрьму. Одно это обстоятельство являлось уже достаточнымъ препятствіемъ для попытки къ побѣгу; но и по другимъ, указаннымъ выше, причинамъ невозможно было бѣжать съ Кары въ тѣ времена.

Жизнь наша въ вольной командѣ во многихъ отношеніяхъ измѣнилась къ лучшему, особенно на первыхъ порахъ: мы не только не были вѣчно подъ замкомъ, но насъ не брили, мы могли носить собственное платье, намъ позволяли заниматься всякими ремеслами и работами, и мы имѣли право отъ собственного имени переписываться съ родными и близкими лицами.

Особенно же пріятна была, послѣ многихъ лѣтъ пребыванія въ тюрьмѣ, полученная нами возможность въ любое время дня выходить изъ своего помѣщенія и гулять по окрестностямъ поселка. Это естественное право всякаго человѣка научается цѣнить лишь тотъ, который въ теченіе долгаго времени былъ лишенъ его.

Въ матеріальномъ отношеніи, съ выходомъ въ вольную команду, жизнь наша также въ значительной степени начала скоро измѣняться къ лучшему: къ прежнимъ источникамъ—къ продуктамъ, отпускаявшимся намъ отъ казны въ томъ же количествѣ, какъ и въ тюрьмѣ, и къ деньгамъ, получавшимся нами отъ родныхъ,—для нѣкоторыхъ прибавилась еще возможность имѣть и небольшой частный заработокъ, значительная часть котораго также обязательно вносилась ими въ общую кассу согласно выработанной нами новой конституціи.

Организація нашей хозяйственной жизни въ существенныхъ чертахъ осталась той же, каковой она была у насъ въ тюрьмѣ, съ тѣми лишь измѣненіями, какія требовались новыми условіями. Мы по прежнему составляли «артель» съ избраннымъ нами старостой во главѣ, завѣдывавшимъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами. Были у насъ также общая кухня и библіотека. Но теперь хозяйство наше въ значительной степени расширилось и осложнилось; вслѣдствіе этого прибавилось много новыхъ работъ и заботъ, отъ которыхъ въ тюрьмѣ мы совершенно были свободны. Такъ, съ осени всѣмъ здоровымъ мужчинамъ приходилось проводить по нѣсколько недѣль въ лѣсу за свалкой и распилкой деревьевъ; работа эта была не изъ легкихъ, но въ ней было и много пріятнаго. Зимой нужно было вывозить заготовленные бревна изъ лѣса, отстоявшаго отъ нашего поселка въ нѣсколькихъ верстахъ. Дома приходилось распиливать эти бревна на полѣнья и колотъ послѣднія, дѣлая запасы для себя и для всѣхъ тѣхъ, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, освобождались отъ тяжелыхъ работъ. Поэтому, одна уже заготовка дровъ отнимала довольно много времени. Но, кромѣ нея, зимой же мы занимались вывозкой заготовлявшихся нами лѣтомъ на лугахъ стоговъ сѣна для имѣвшихся въ нашемъ хозяйствѣ шести коровъ и четырехъ лошадей, а весной многіе возились съ огородами, покосами и пр. Какъ и въ тюрьмѣ, первое время

по выходѣ въ вольную команду, мы готовили пищу по-очередно, группами. Но вслѣдствіи общая кухня была уничтожена, и каждый устраивался, какъ хотѣлъ. Всякихъ домашнихъ занятій и хлопотъ въ своей избушкѣ было, конечно, также значительно больше, чѣмъ въ тюремной камерѣ.

Изъ всѣхъ тяжелыхъ работъ въ вольной командѣ особенно утомительной казалась мнѣ вывозка сѣна зимой. Бхать за нимъ приходилось верстъ за 10—12. Поэтому, мы отправлялись изъ дому съ такимъ расчетомъ, чтобы къ вечеру успѣть вернуться обратно. Встаешь, бывало, въ 4—5 час. ночи, наскоро выпиваешь чай и слѣвшишь запречь лошадей, что при жестокихъ сибирскихъ морозахъ и днемъ было нелегкимъ дѣломъ, а предъ разсвѣтомъ являлось настоящимъ мученіемъ. Двоимъ слѣдовало привести четыре большихъ воза сѣна; но, при неумѣнни и неопытности многихъ изъ насъ, дѣло не ладилось, веревки по пути развязывались, сѣно разсыпалось, лошади то сворачивали съ дороги въ сугробы, то сильно отставали, и намъ, одѣтымъ въ тяжелые арестантскіе тулупы и въ валенки, не легко было перебѣгать отъ одного воза до другого. Потѣшь, какъ въ жаркій день, несмотря на ужасный морозъ. Но въ этой утомительной работѣ было за то немало и своеобразной поэзій. Оригинальные ощущенія приходилось испытывать ночью, когда мы ѣхали по пустыннымъ снѣжнымъ полямъ и тайгѣ; кругомъ—полнѣйшая тишина,—только снѣгъ хруститъ отъ лошадиныхъ копытъ и полозьевъ саней, да изрѣдка раздается вой голоднаго волка. Холодный и густой воздухъ отличается удивительной прозрачностью. На чистомъ небѣ ярко блестятъ міриады звѣздъ. На далекомъ пространствѣ—никакихъ признаковъ человеческой жизни. Но все усиливающейся, съ приближеніемъ разсвѣта, жестокой холодъ заставляетъ вернуться изъ области поэзій къ тяжелой дѣйствительности. Морозъ пробрался сквозь тулупъ и словно тысячами острыхъ иглъ началъ колотъ тѣло. Холода бывали такіе, что крѣпкая водка, которую мы съ собою брали въ бутылкахъ, замерзала, несмотря на то, что мы кутали ее самымъ тщательнымъ образомъ: бутылка трескалась и согревающая жидкость превращалась въ сплошную льдинку.

Возвратившись домой, по окончаніи такой работы, бывало, испытываешь особенное наслажденіе. Маленькая крестьянская

избушка въ этихъ случаяхъ казалась мнѣ чуть-ли не дворцомъ. Да я, вообще, находилъ ее очень привлекательной, хотя слишкомъ требовательный человѣкъ нашелъ бы въ ней массу несовершенствъ: большая русская печь, занимавшая почти третью комнату, во время топки сильно дымилась, а послѣ закрытія трубы, издавала угарь, отъ котораго, однажды, я до того пострадалъ, что случайно зашедшіе ко мнѣ товарищи нашли меня потерявшимъ сознание. По угламъ было необъятное число щелей, поэтому, несмотря на всѣ мои старанія забить и законопатить ихъ, тамъ вѣтеръ свободно дулъ. Навѣщавшіе меня товарищи находили, что въ моей крохотной избушкѣ имѣлись климаты всѣхъ поясовъ земного шара. Но эти и другія несовершенства моего жилища казались сущими пустяками, по сравненію съ тѣмъ удобствомъ, какимъ являлась жизнь въ отдѣльномъ помѣщеніи: проживши, въ теченіе многихъ лѣтъ вмѣстѣ съ другими, будешь чувствовать себя счастливымъ, имѣя собственный, хотя-бы и самый плохой уголь. Ради одного этого можно было мириться съ разными неудобствами и хлопотами; чтобы избѣжать ихъ или въ значительной степени уменьшить пришлось бы помѣститься вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей. Но, за исключеніемъ друзей, каждый предпочиталъ жить въ одиночку, возясь самъ съ топкой печки, ноской воды коромысломъ издалека и т. п. домашними работами.

Отдѣльную избушку я занялъ только послѣ ухода Стефановича (въ ноябрѣ 1890 года) на поселеніе,—съ тѣхъ поръ мы съ нимъ не видѣлись втеченіе 15 л. Хатенка моя принадлежала казнѣ, и мнѣ предоставили ее въ полуразрушенномъ состояніи; я отремонтировалъ ее на собственный счетъ и имѣлъ массу хлопотъ, пока сдѣлалъ ее сколько-нибудь удобной. Расположена она была на краю нашего поселка, рядомъ съ кладбищемъ. Дверь въ ней была до того плохо прилажена, что, при малѣйшемъ толчкѣ извнѣ, открывалась настежь. А кругомъ жила масса уголовныхъ, между которыми встрѣчались отчаянные типы. Тѣмъ не менѣе, никогда, помню, не приходилось опасаться чего-либо съ ихъ стороны. Возвращаешься, бывало, поздно ночью домой по безлюднымъ дорогамъ и тропинкамъ такъ же спокойно, какъ дѣлаешь это въ благоустроенномъ городѣ.

Самой худшей репутаціей изъ уголовныхъ вольнокомандцевъ пользовался тогда нѣкій Лысенко. Рассказывали, что онъ, ради грабежа, вырѣзалъ большую семью въ нѣсколько душъ, въ томъ числѣ и малолѣтнихъ дѣтей. Здоровый, крѣпкій старикъ, лѣтъ 65 на видъ, онъ производилъ впечатлѣніе благообразнаго и не злого человѣка; къ тому-же онъ былъ очень набоженъ. Зная его лично, трудно было себѣ представить, чтобы онъ былъ способенъ убивать младенцевъ. Меня очень интересовало, насколько справедливы циркулировавшіе о немъ слухи. Однажды мой товарищъ прямо спросилъ его объ этомъ.

— То правда! Что подѣлаешь?—отвѣтилъ онъ.

— Но какъ могли вы убивать невинныхъ младенцевъ?

— Ажъ плачешь, та рѣжешь! На то была воля Господа: якъ-бы винъ того не захотѣвъ, я не могъ бы убыть, а они меня убыли-бы. Значитъ, винъ послалъ меня.

— Ну, а убили-бы вы меня, Лысенко, если бы встрѣтили гдѣ-нибудь въ тайгѣ?—спросилъ мой товарищъ, къ которому Лысенко, повидимому, хорошо относился.

— Якъ бы зная, що у васъ гроши е, убывъ бы,—отвѣтилъ онъ чистосердечно.

Въ описываемое мною время Лысенко занимался недозволеннымъ на Карѣ промысломъ,—скупкой такъ называемаго «хищническаго золота» и тайной продажей водки. Надо замѣтить, что карійское населеніе жило тогда при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Почти у всѣхъ мѣстныхъ жителей были довольно хорошіе заработки, что, главнымъ образомъ, объяснялось добычей золота въ этомъ богатомъ драгоцѣннымъ металломъ районѣ. Съ одной лопатой и деревяннымъ лоткомъ не только взрослый человѣкъ, но также женщина и подростокъ могли въ теченіе нѣсколькихъ часовъ намыwać въ Карѣ или въ многочисленныхъ впадавшихъ въ нее ручьяхъ золота на одинъ—два, а иногда и больше рублей. Такое занятіе называлось «хищничествомъ» и, хотя оно строго преслѣдовалось начальствомъ, но едва-ли не сплошь все мѣстное населеніе занималось имъ или было къ нему болѣе или менѣе причастно. Исключеніе составляли мы, политическіе преступники, да очень немногіе изъ мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ. Тысячи людей разныхъ соціальныхъ слоевъ и профессій, жившіе въ нѣсколькихъ посел-

кахъ, раскинутыхъ по Карѣ и ея приговамъ, не только хорошо существовали, но нерѣдко и наживались, благодаря хищническому золоту. Я зналъ тамъ семьи, въ которыхъ по нѣсколько человѣкъ одновременно отправлялось въ определенное время на такую добычу,—словно они занимались самымъ законнымъ промысломъ. Никто рѣшительно, не исключая чиновниковъ, не считалъ этого занятія сколько-нибудь предосудительнымъ. Наоборотъ, большинство мѣстнаго населенія находило вполне естественнымъ пользоваться результатами собственного труда и предприимчивости на землѣ, объявленной частной собственностью царя или какъ принято на официальномъ языкѣ говорить—«кабинета Его Величества». Поэтому, несмотря на громадные затраты, которыя дѣлало это учрежденіе для охраны таившагося въ нѣдрахъ земли того района золота,—огромное большинство этого металла добывалось хищническимъ способомъ и затѣмъ черезъ разныхъ посредниковъ и перекупщиковъ сплавлялось въ Китай, гдѣ цѣна его была значительно выше той, какую давалъ за него «Кабинетъ».

Всѣ изслѣдователи Сибири единогласно признаютъ, что «хищники золота» принесли огромную пользу краю. Въ поискахъ за этимъ металломъ они исколесили необъятную сибирскую тайгу и открыли многочисленныя, а нерѣдко и богатѣйшія золотыя россыпи. Конечно, немного отъ этихъ открытій передается самимъ «хищникамъ»: огромное большинство послѣднихъ не выходитъ изъ положенія чернорабочихъ, имѣющихъ лишь на дневное пропитаніе, и почти всѣ они никогда не выльзаютъ изъ кабалы у разнаго рода перекупщиковъ и подрядчиковъ.

Я уклонился-бы отъ темы моихъ записокъ, если-бы вздумалъ подробнѣе описать положеніе «хищниковъ золота». Скажу лишь, что они живутъ совершенно особеннымъ бытомъ, въ которомъ чрезвычайно много своеобразнаго и интереснаго ¹⁾.

¹⁾ По рассказамъ старожилъ, Карійскія золотыя россыпи были открыты въ 40-хъ годахъ минувшаго столѣтія и первоначально разрабатывались заводскими крестьянами. Не трудно заранѣе представить себѣ, какъ въ тѣ жестокія времена господства шницруте-новъ и кнута суровые начальники—горные инженеры—расправлялись съ этими несчастными рабочими: ихъ за всякую малость

Находясь въ вольной командѣ, не трудно было также познакомиться съ жизнью уголовныхъ каторжанъ. Какъ я уже упоминалъ, на Карѣ имѣлось нѣсколько тюремъ для уголовныхъ, входъ въ которыя, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, былъ довольно свободенъ. При мнѣ совершенно прекращена была разработка золота каторжными, такъ какъ трудъ ихъ оказался крайне невыгоднымъ. Ими пользовались тогда лишь для, такъ называемыхъ, хозяйственныхъ работъ, т. е. при заготовкѣ дровъ въ лѣсу и при разныхъ постройкахъ; ихъ употребляли также вмѣсто вьючныхъ животныхъ для перевозки всякихъ тяжестей. Видъ запряженныхъ въ телѣги мужчинъ и въ особенности женщинъ производило чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе.

Смотрителемъ уголовной каторжной тюрьмы на Нижней Карѣ состоялъ бывший нашъ вахмистръ Голубцовъ, который превратился, такимъ образомъ, въ чиновника. Благодаря присущей ему ловкости, онъ быстро повышался, и вскорѣ его назначили на еще болѣе важный постъ—завѣдывающаго карійскимъ райономъ. Его величали «баринкомъ» и «В. В.—дѣмъ»; онъ былъ одѣтъ съ иголки, развѣзжалъ на прекрасныхъ собственныхъ лошадяхъ и задавалъ пиры, на которые собиралась вся окрест-

били смертнымъ боемъ. Но у мѣстныхъ жителей особенно сохранились воспоминанія объ извѣстномъ Разгильдѣевѣ. Имя его, передававшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе, знакомо чуть-ли не всѣмъ жителямъ Забайкалья, а отчасти и всей Сибири. Рассказы о немъ кажутся неправдоподобными, легендарными, а между тѣмъ, мнѣ лично приходилось встрѣчать заслуживавшихъ полного довѣрія стариковъ, которые въ юности на себѣ испытали ужасный гнетъ этого человѣка—звѣря. Желая угодить тогдашнему ген.-губ. Вост. Сибири гр. Муравьеву-Амурскому, нуждавшемуся въ материальныхъ средствахъ для его завоевательныхъ экспедицій, Разгильдѣевъ стремился добывать на Карѣ какъ можно больше золота. Поэтому заводскимъ крестьянамъ, которыхъ онъ содержалъ буквально впроголодь, задавали неимоверно большіе уроки, сопровождая ихъ самыми лютыми истязаніями. Результатомъ такой системы были сотни смертей отъ побоевъ, болѣзней и истощенія. О такомъ его «усердіи» не могъ, конечно, не знать либеральный правитель края, по адресу котораго Бакунинъ въ извѣстномъ письмѣ изъ Сибири къ Герцену расточаетъ безконечныя похвалы, проча его даже въ будущаго диктатора російской республики (см. его «Переписку» изд. М. Драгомановымъ).

ная знать. А въ нынѣшнемъ состояніи новый начальникъ, которому подчинены были тысячи людей, лишенныхъ всѣхъ правъ, совершалъ разныя безобразія и жестокости. Но судьба, извѣстно, переменчива, и какъ быстро и высоко она подняла Голубцова, также внезапно и низко спустила она его: скоро оказалось, что онъ промоталъ казенныя деньги, за что былъ отданъ подъ судъ. Просидѣвъ въ тюрьмѣ, онъ былъ затѣмъ приговоренъ къ какому-то наказанію, — судъ оказался къ нему довольно снисходительнымъ.

Среди уголовныхъ-вольнокомандцевъ имѣлся одинъ, о судьбѣ котораго особенно стоитъ здѣсь вспомнить. То былъ грузинскій князь Давидъ Ивановичъ Чхотуа, приговоренный тифлисскимъ судомъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ за будто-бы совершенное имъ изъ мести убійство молодой дѣвушки. Въ концѣ 70-хъ годовъ дѣло это вызвало массу толковъ на Кавказѣ, да и во всей Россіи: одни утверждали, что кн. Чхотуа совершенно неповиненъ въ этомъ дѣлѣ, другіе — наоборотъ. Лично хорошо познакомившись съ нимъ и узнавъ всѣ мельчайшія подробности его процесса, я вынесъ глубокое убѣжденіе, что кн. Чхотуа рѣшительно не былъ причастенъ въ смерти молодой дѣвушки и безъ всякой вины перенесъ массу всевозможныхъ страданій и униженій. Бывшій студентъ-естественникъ петербургскаго университета, Чхотуа являлся однимъ изъ самыхъ честныхъ и благородныхъ людей, какихъ я когда-либо встрѣчалъ ¹⁾.

Наша жизнь въ вольной командѣ несомнѣнно была разнообразнѣе, и время неизмѣримо быстрѣе шло тамъ, чѣмъ въ тюрьмѣ. Будучи заняты хлопотами и заботами о нашемъ устройствѣ на новомъ мѣстѣ, мы не успѣли оглянуться, какъ прошли осень и зима.

Не малое разнообразіе и оживленіе въ вольнокомандскую жизнь вносили жены товарищей, добровольно послѣдовавшія за ними на Кару, а также и выпущенныя изъ женской тюрьмы

¹⁾ Подробности о его процессѣ, являющемся вопіющею судебной ошибкой, можно найти въ собраніи защитительныхъ рѣчей Спасовича, который защищалъ его и также былъ искренно увѣренъ, что судъ жестоко наказалъ совершенно невиннаго человѣка.

каторжанки. Какъ всегда это бываетъ при аналогичныхъ условіяхъ, онѣ являлись для всѣхъ хорошими добрыми товарищами, вносившими въ общее настроеніе элементы примиренія, надежды и бодрости, что, при нашей изолированности и оторванности отъ всего внѣшняго міра, было особенно цѣнно. Въ скромныхъ избушкахъ, занимаемыхъ семейными, господствовали миръ и тишина. Тамъ было, конечно, уютнѣе, чѣмъ въ жилищахъ холостяковъ. Туда каждый изъ насъ охотно заходилъ поговорить и пошутить: тамъ иногда собиралась и вся наша компанія попѣть, повеселиться.

Послѣ многихъ лѣтъ, прожитыхъ мною въ заключеніи, наступившая весна 1891 года особенно памятна мнѣ, не только потому, что она была первой проведенной мною на относительной волѣ, но еще и потому, что съ нею связаны были неожиданныя нами надежды на скорое освобожденіе отъ каторги.

Однажды распространился слухъ, что царь Александръ III даровалъ, какъ у насъ говорятъ, «всемиловѣйшій манифестъ» всѣмъ вообще преступникамъ, а намъ, политическимъ, — въ частности, по случаю благополучнаго вступленія тогдашняго наслѣдника и нынѣшняго царя Николая II на сибирскую почву, послѣ его путешествія кругомъ Азіи. Въ связи съ этимъ извѣстіемъ, съ однимъ изъ нашихъ «товарищей» произошелъ такой неожиданный казусъ.

Въ числѣ старыхъ вольнокомандцевъ находился Колтановскій, приговоренный по процессу Чубарова къ безсрочной каторгѣ, но затѣмъ, по коронаціонному манифесту 1883 г., срокъ ему былъ опредѣленъ въ 20 лѣтъ. Колтановскій принадлежалъ къ тому же типу людей, что и Н. Позея: ему также, въ теченіе многихъ лѣтъ, удавалось обманывать товарищей на счетъ своей революціонности и вообще порядочности. Но весной указанного года онъ, наконецъ, подалъ прошеніе о помилованіи, причемъ, конечно, скрылъ свой поступокъ отъ всѣхъ насъ. Потомъ оказалось, что Колтановскій подалъ свое прошеніе, лишь за нѣсколько часовъ до распространившагося извѣстія о манифестѣ. Получивъ оно немного раньше, возможно, что онъ еще въ теченіе нѣкотораго времени оставался бы въ нашей средѣ.

Затѣмъ намъ прочитана была официальная телеграмма о манифестѣ; но она до того сбивчиво была составлена, что да-

вала основаніе рассчитывать на скорый уходъ многихъ изъ насъ на поселеніе. Несмотря на тяжелыя условія жизни въ Якутской области, куда преимущественно отправляли тогда бывшихъ каторжанъ, многихъ изъ насъ все же привлекала перспектива отутиться на поселеніи: послѣднее давало право на передвиженіе по болѣе обширному району и представляло возможность видать высланныхъ изъ Россіи административно-сылныхъ; къ намъ же, какъ я уже упоминалъ, давно не присылали никакихъ новыхъ лицъ, и мы не получали свѣжихъ и непосредственныхъ впечатлѣній о томъ, что творится на родинѣ. Наконецъ, изъ Якутки открывалась перспектива черезъ десять лѣтъ получить право приписаться въ крестьяне. «А тамъ», — невольно мечтаешь, бывало, — еще явится какой-нибудь манифестъ, и черезъ какихъ-нибудь полтора десятка лѣтъ можешь очутиться и въ Евр. Россіи».

Пока въ департаментѣ государственной полиціи рѣшался вопросъ о томъ, къ кому изъ насъ и въ какомъ размѣрѣ примѣнить «всемиловѣйшій манифестъ», — у сибирскихъ властей была забота, какъ сдѣлать наиболѣе безопаснымъ проѣздъ на слѣдника по странѣ, въ которой находился большой контингентъ политическихъсылныхъ. И вотъ повсюду вдоль тракта и на много верстъ по сторонамъ отъ него надумали запереть нашего брата въ тюрьмы. Хотя путь, по которому ѣхалъ на слѣдникъ, находился въ 15 верстахъ отъ нашего поселка, но заботливыя власти еще за сутки до его пріѣзда посадили всѣхъ насъ, вольнокомандцевъ, въ тюрьму и выпустили изъ нея, лишь черезъ сутки послѣ его отъѣзда.

Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждали, что вотъ, наконецъ, узнаемъ относительно примѣненія къ намъ манифеста. Но въ департаментѣ полиціи не торопятся въ такихъ случаяхъ, а лица, ожидающія «царской милости», могутъ погодить: около года прошло, пока намъ, наконецъ, прочли списокъ удостоенныхъ примѣненія манифеста. Какъ можно было заранее ожидать, половина политическихъ вольнокомандцевъ оказалась совсѣмъ изъятой изъ него, остальнымъ сдѣланы были незначительныя сокращенія въ ихъ срокахъ; я также былъ въ числѣ изъятыхъ.

У многихъ изъ насъ довольно скоро прошло то относительно

пріятное ощущеніе отъ жизни на «свободѣ», которое мы естественно испытали, послѣ выхода изъ тюрьмы: надолго жизнь въ вольной командѣ не могла удовлетворять, потому что она въ своемъ родѣ была столь же однообразна и безодержательна, какъ и тюремная. Къ тому же, съ чѣмъ въ тюрьмѣ поневолѣ приходилось мириться, то въ вольной командѣ давало себя особенно сильно чувствовать. Тамъ мы заранее знали, что для насъ немисливо никакое пѣлесообразное занятіе, что мы обречены на прозябаніе, на то, чтобы какъ-нибудь коротать время; духовныя стремленія притуплялись или даже вполне атрофировались въ тюрьмѣ. Въ вольной же командѣ мы въ первое время снова стали какъ-бы оживать и выходить изъ летаргическаго состоянія. Хотя въ окружавшей насъ новой дѣйствительности было мало возбуждающаго нашу мысль, но все же мы видѣли, какъ другіе люди копошатся, что-то дѣлаютъ, имѣютъ свои интересы и заботы. Мы же были обречены, главнымъ образомъ, лишь на разныя мелкія работы по нашему хозяйству, что, конечно, не могло заполнить всѣхъ нашихъ стремленій и мыслей. У многихъ изъ насъ было естественное желаніе дѣлать что-либо болѣе соотвѣтствовавшее нашимъ привычкамъ и способностямъ, чѣмъ рубить дрова, косить сѣно и т. п. Но, будучи заброшены на многіе годы въ глухой поселокъ, стѣсненные всякими запрещеніями, мы рѣшительно не находили для себя никакого выхода; со стороны же могло казаться, что въ вольной командѣ мы могли многое сдѣлать. Эта неудовлетворенность крайне угнетающимъ образомъ дѣйствовала на наше настроеніе, и временами, казалось, охотно вернулся бы обратно въ тюрьму, чтобы только освободиться отъ такого состоянія.

Годъ спустя, начали упразднять расположенныя на Карѣ каторжныя тюрьмы, и всѣхъ заключенныхъ въ нихъ уголовныхъ перевезли частью на строившуюся тогда сибирскую желѣзную дорогу, частью на о. Сахалинъ. Вмѣстѣ съ уголовными каторжанами перевели и находившихся для ихъ охраны казаковъ, а также разныхъ должностныхъ лицъ. Ушелъ на поселеніе и Чхотуа. Нашъ поселокъ совсѣмъ почти опустѣлъ, и жизнь въ немъ стала еще однообразнѣе и тоскливѣе.

Кромѣ насъ, вольнокомандцевъ, на Нижней же Карѣ содержались при тюремномъ лазаретѣ Софія Богомолецъ и Елена

Россинова, о которыхъ я выше уже рассказывалъ. Россинова въ началѣ 1890 г. заболѣла психически; ее перевезли въ Иркутскую больницу, гдѣ она затѣмъ и умерла. С. Богомолецъ одно время помѣщалась въ отдѣльномъ небольшомъ зданіи, находившемся недалеко отъ моей избенки, и мнѣ иногда удавалось видѣть ее, а однажды я имѣлъ даже довольно продолжительный разговоръ съ нею. Она по прежнему оставалась непримиримой, недопускающей ни малѣйшихъ компромиссовъ съ начальствомъ. Невыразимо тяжело было смотрѣть на ея крайне истощенное лишеніями лицо: у нея тогда началась уже чахотка. Весной 1891 г. изъ Россіи пріѣхали навѣстить ее мужъ съ сыномъ. Д-ръ Богомолецъ сталъ хлопотать, чтобы тяжело больную жену его выпустили умирать въ вольную команду. Но ему удалось добиться ея освобожденія, лишь накануне ея смерти. Исполняя выраженное при жизни желаніе жены быть похороненной на родинѣ, онъ вновь предпринялъ большія объ этомъ хлопоты, но, въ концѣ концовъ, не добился разрѣшенія этой, казалось-бы, невинной просьбы. Мы вольнокомандцы, въ жестокой январской морозъ отдали послѣдній долгъ умершей, проводивъ гробъ ея до Усть-Карійскаго кладбища.

Печальная судьба постигла еще одну изъ нашихъ женщинъ, — Екатерину Тринитадскую. Въ 1891 г. ее также выпустили въ вольную команду; но здѣсь она стала обнаруживать большія странности. Такъ, не будучи лично знакома съ гр. Львомъ Толстымъ, она посылала ему телеграммы со столь лаконичнымъ содержаніемъ: «пріѣзжайте! Екатерина». А однажды, собравъ на площади вокругъ себя довольно большую толпу прохожихъ объявила, что она — Императрица Екатерина II. Несчастную психически-больную, послѣ этого, помѣстили въ лазаретъ. Не мало непріятнаго пришлось испытать тремъ каторжанамъ, оставшимся въ усть-карійской тюрьмѣ. По счастью, недолго пришлось имъ сидѣть, вмѣстѣ съ уголовными женщинами: осенью 1892 г. баронъ Корфъ проѣзжалъ черезъ Усть-Бару и будучи очевидно, въ хорошемъ настроеніи согласился на представленіе завѣдующаго выпустить всѣхъ троихъ изъ тюрьмы, хотя срокъ для этого еще не насталъ. Такимъ образомъ, Ананьина, Салова и Якимова совершенно неожиданно очутились среди насъ въ вольной командѣ.

Изъ Акатуя въ первые годы также къ намъ привозили политическихъ каторжанъ, окончившихъ сроки заключенія и пріобрѣтавшихъ право на выпускъ въ вольную команду ¹⁾. На основаніи ихъ рассказовъ мы составили себѣ довольно ясное представленіе о жизни въ этой «образцовой тюрьмѣ». Режимъ въ ней, дѣйствительно, былъ ужасный, но его я не буду описывать, такъ какъ это уже сдѣлалъ, къ тому же очень талантливо, одинъ очевидецъ, самъ испытавшій его на себѣ.

Наконецъ, побывала у насъ въ вольной командѣ, хотя и очень короткое время, также одна изъ участницъ Якутской бойни — Евгенія Гуревичъ; да, кромѣ того, три ея сопроцессницы — Болотина, Гассохъ и Перли провели одну зиму въ усть-карійской женской уголовной тюрьмѣ, и мы всѣ имѣли возможность часто видѣться и бесѣдовать съ ними.

ГЛАВА XXXI.

Новое царствованіе.

Между тѣмъ, годъ проходилъ за годомъ, очень мало отличаясь одинъ отъ другого: въ Россіи продолжала господствовать жестокая реакція и, казалось, не будетъ ей конца. Но вотъ, однажды, зимой 1894 г. знакомый офицеръ, встрѣтивъ меня на улицѣ, спросилъ:

— Вы слышали новость? Царь опасно боленъ: повидимому, нѣтъ надежды на выздоровленіе.

Извѣстіе это меня чрезвычайно поразило: какъ и у другихъ, у меня было представленіе, что Александръ III, отличавшійся, по слухамъ, чуть-ли не геркулесовской силой, проживетъ до глубочайшей старости и, слѣдовательно, еще очень долго въ странѣ будетъ господствовать реакція, и вдругъ надежда на какую-нибудь перемѣну!

Въ концѣ ноября пришло на Бару сообщеніе о смерти царя,

¹⁾ Таковыхъ было всего восемь человекъ: Бычковъ, Дюковский, Моисей, Дулембо, Зунделевичъ, Левченко, Спандони, Чуйковъ и Омичевъ.

а затѣмъ, въ сравнительно короткій промежутокъ времени, намъ были объявлены два манифеста: одинъ по случаю бракосочетанія Николая II, а второй—по поводу его коронаціи. На этотъ разъ и я не былъ изъятъ изъ нихъ: по первому срокъ моего пребыванія на каторгѣ былъ уменьшенъ на одну треть, т. е. на четыре года съ нѣсколькими мѣсяцами. Но «милость» эта «дарована» была мнѣ уже тогда, когда мнѣ до окончанія срока осталось всего 10 мѣсяцевъ. По второму манифесту срокъ для приписки въ крестьяне съ десяти лѣтъ мнѣ сократили на 4 года. Но личныя мои обстоятельства такъ сложились, что мнѣ не пришлось воспользоваться ни одной изъ этихъ «милостей», и, съ разрѣшенія губернатора, я добровольно остался на Карѣ еще на два года.

Вслѣдствіе примѣненія всѣхъ этихъ манифестовъ, контингентъ нашей вольной команды быстро уменьшился. При мнѣ ушли изъ нея на поселеніе 30 человѣкъ; новыхъ же лицъ изъ Акатюя перестали къ намъ привозить.

Съ немногочисленными мѣстными жителями мы всегда подерживали хорошія отношенія. Одни изъ насъ занимались разными ремеслами, другіе,—и я въ томъ числѣ,—обучали дѣтей, оказывали медицинскую помощь, давали совѣты въ затруднительныхъ случаяхъ и проч. Не удивительно, поэтому, что въ глазахъ мѣстныхъ обывателей «политическій» являлся въ своемъ родѣ энциклопедистомъ, къ которому они питали большое уваженіе. Хотя по инструкціи намъ запрещалось заниматься интеллигентными профессіями, но въ такой глуши само начальство нерѣдко принуждено было обращаться къ намъ за содѣйствіемъ, и на этой почвѣ у насъ не происходило никакихъ конфликтовъ, за исключеніемъ слѣдующаго случая.

Одинъ крестьянинъ изъ ссыльныхъ, пришедши однажды ко мнѣ, сообщилъ, что наканунѣ ночью къ нему вдругъ нагрянулъ вновь прибывшій приставъ съ сельскими властями и произвелъ у него въ домѣ обыскъ. Найдя хранившіеся въ чуланѣ нѣсколько пудовъ сахару, съ десятокъ фунтовъ чаю и т. п. продукты, приставъ приказалъ все это забрать и унести въ сельское правленіе, на томъ основаніи, что этотъ крестьянинъ очевидно занимается незаконной скупкой золота у хищниковъ и продажей имъ припасовъ. Когда же утромъ крестьянинъ, по

приказанію пристава, явился къ нему, тотъ потребовалъ отъ него 50 рублей, обѣщая возвратить все забранное. Но такая взятка показалась крестьянину чрезмѣрной, а потому онъ пришелъ просить меня, чтобы я написалъ жалобу на незаконность поступковъ пристава; сравнительно же большія количества хранившихся у него продуктовъ онъ объяснилъ тѣмъ, что сдѣлалъ себѣ изъ города запасъ по болѣе дешевому зимнему пути для весны и лѣта, когда онъ нанимаетъ нѣсколько работниковъ.

Объясненіе это было несомнѣнно вымышленно и, надо полагать, что онъ дѣйствительно занимался незаконнымъ промысломъ. Но поведеніе пристава также было незаконно; къ тому же мнѣ и другіе уже рассказывали, что этотъ вновь назначенный сатрапъ своими приемами нагонялъ страхъ на жителей отданнаго ему на кормленіе обширнѣйшаго района, размѣрами превосходившаго ве одно германское княжество. Совершая всевозможныя беззаконія, новый приставъ разражался бранью, грозилъ кулаками, топалъ ногами и кричалъ: «для васъ я царь и Богъ!».

Стоило проучить такого господина, но мнѣ лично не хотѣлось связываться съ нимъ. Я, поэтому, посоветовалъ пришедшему ко мнѣ крестьянину обратиться къ другимъ мѣстнымъ лицамъ, занимавшимся писаніемъ жалобъ и прошеній. Но онъ заявилъ, что уже былъ у нихъ, и они ему въ этомъ отказали, такъ какъ боятся новаго пристава. Пришлось согласиться на его просьбу; но, въ виду существовавшаго для насъ, политическихъ, запрещенія писать какія-либо бумаги постороннимъ лицамъ, я рѣшилъ не скрывать, что жалоба на пристава мною написана; поэтому, въ концѣ ея я приписалъ: «прошеніе это составилъ и за неграмотнаго подписался политическій ссыльно-поселенецъ такой-то», — слѣдовали мое имя и фамилія. Этой припиской я хотѣлъ показать, что вовсе не желаю скрывать отъ властей своего поступка; къ тому же я зналъ, что, благодаря ей, начальство скорѣе обратитъ вниманіе на жалобу. Крестьянинъ удалился отъ меня чрезвычайно довольный и, на прощанье, совалъ мнѣ въ руку рубль, который я, конечно, отказался взять.

Прошло много мѣсяцевъ, и о послѣдствіяхъ написанной

мною жал бы не было ничего слышно. Но однажды ко мнѣ пришелъ сельскій десятникъ и сказалъ:

— Приставъ приказалъ вамъ сейчасъ же явиться на земскую квартиру, — потому, дѣло у нихъ до васъ есть.

— Передайте вашему приставу, что онъ мнѣ не смѣетъ ничего приказывать, а если у него до меня есть дѣло, то онъ можетъ ко мнѣ придти. Поняли?

— Какъ не понять, Л. Г., — отвѣтили онъ, усмѣхаясь.

Но, раньше чѣмъ отпустить его, я заставилъ его повторить буквально мой отвѣтъ и настоятельно просилъ въ точности его передать приставу.

Не трудно представить себѣ негодование мѣстнаго «царя» и «Бога», когда, въ присутствіи подчиненныхъ ему сельскихъ властей и многихъ собравшихся въ земской квартирѣ крестьянъ, десятникъ передалъ мой отвѣтъ. Какъ мнѣ потомъ сообщили, приставъ пришелъ буквально въ бѣшенство, — онъ разсыпался площадной бранью, топалъ ногами и, наконецъ, отдалъ приказаніе притащить меня «связаннымъ».

Вскорѣ затѣмъ ко мнѣ явились три мѣстныхъ крестьянина, съ помощникомъ волостнаго старшины во главѣ, и стали просить, чтобы я пошелъ съ ними къ приставу. Я растолковалъ имъ, что онъ не имѣетъ права за чѣмъ бы то ни было обращаться ко мнѣ непосредственно, а долженъ дѣлать это чрезъ нашего смотрителя. Довольные этимъ объясненіемъ, крестьяне ушли. На слѣдующій день нашъ смотритель мнѣ передалъ, что приставъ звалъ меня къ себѣ затѣмъ, чтобы сообщить о полученномъ имъ запросѣ отъ его ближайшаго начальника по поводу написанной мною на него жалобы, что ко мнѣ лично не имѣло никакого отношенія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя пришла отъ губернатора бумага, объявлявшая мнѣ, что я не имѣю права писать за другихъ прошенія. Отнятые же у крестьянина продукты, пока я былъ на Карѣ, такъ и оставались на сельской квартирѣ; потомъ ихъ, конечно, раскрали. Но на вышеописанномъ еще не окончились мои отношенія съ грознымъ приставомъ.

Однажды, въ декабрьскій вечеръ, когда на дворѣ стоялъ жестокий морозъ, раздался вблизи звонъ колокольцевъ, — кто-то подъѣхалъ къ моему жилищу. Вскорѣ въ комнату вошелъ весь

покрытый ледяными сосульками, закутанный въ тулупъ и доху высокой старикъ, котораго я не сразу узналъ. Когда прибывшій разоблачился, оказалось, что то былъ нашъ волостной старшина, пользовавшійся огромной властью въ обширномъ районѣ. Своимъ природнымъ умомъ и сильнымъ характеромъ этотъ представитель крестьянскаго самоуправления выдѣлялся не только въ своей средѣ, но также и среди лицъ, значительно выше его стоявшихъ на соціальной лѣстницѣ. Держалъ себя нашъ «волостной» съ большимъ достоинствомъ, чрезвычайно независимо и по справедливости слылъ за человѣка очень энергичнаго, прекрасно знающаго свое дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне строгаго и не вполне безупречнаго въ нравственномъ отношеніи. Отъ меня онъ жилъ въ 30-ти верстахъ и раньше этого былъ всего лишь одинъ разъ, — только очень важное обстоятельство могло заставить его предпринять эту поѣздку въ столь лютый морозъ. Опорожнивъ нѣсколько стакановъ горячаго чая и закусивъ, старшина изложилъ причину своего посѣщенія.

Правительство, какъ извѣстно, задумало произвести во всей имперіи однодневную перепись, назначивъ ее на 27-е января 1897 г. Озабоченный исполненіемъ этого сложнаго распоряженія, начальникъ нашего округа ¹⁾ созвалъ на совѣщаніе всѣхъ подчиненныхъ ему приставовъ и волостныхъ старшинъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и мой гость. Онъ заявилъ начальнику округа, что, такъ какъ въ его волости нѣтъ достаточнаго количества пригодныхъ для этой работы людей, то онъ проситъ разрѣшенія пригласить меня въ счетчики. Начальникъ округа на это согласился. Грозный приставъ также противъ этого ничего не возразилъ, хотя онъ долженъ былъ играть роль ближайшаго начальника всѣхъ счетчиковъ его стана. Я, не колеблясь, принялъ это предложеніе, такъ какъ перепись могла внести хоть нѣкоторое разнообразіе и похожа была на полезное дѣло. Меня нѣсколько смущала лишь возможность при этомъ занятіи встрѣтиться съ враждебнымъ приставомъ, но старшина увѣрилъ меня, что тотъ самъ уже сознаетъ сдѣланную имъ по отношенію ко мнѣ оплошность и раскаивается въ ней.

¹⁾ Тоже, что исправникъ.

Въ назначенное время я переписалъ расположенное въ 15 в. отъ Нижней Кары село, въ которомъ оказалось 1000 жителей, а въ другомъ я произвелъ перепись сообща съ мѣстнымъ священникомъ. Не мало комическихъ сенокъ, но также и печальныхъ происшествій пришлось мнѣ наблюдать, во время посѣщеній на дому разнообразныхъ жителей довольно бойкаго и торговаго села. Въ общемъ, все обошлось хорошо и мѣстное населеніе, повидимому, осталось довольно мною, какъ счетчикомъ.

Въ концѣ января нашъ волостной вновь заявился ко мнѣ съ предложеніемъ. По выработанной правительствомъ инструкціи, лица, завѣдывавшія переписными участками, должны были, по окончаніи переписи, собрать у себя по одному счетчику отъ каждой волости и казачьей станицы для провѣрки произведенной работы въ данномъ районѣ и для составленія изъ всѣхъ представленныхъ списковъ одной общей сводки.

По словамъ старшины, грозный приставъ, завѣдывавшій нашимъ переписнымъ участкомъ, нарочно издалека пріѣхалъ къ нему съ предложеніемъ, чтобы онъ, отъ его имени, упростилъ меня поѣхать на съѣздъ счетчиковъ, какъ представитель нашей—Шилкинской волости.

Предложеніе это было очень соблазнительно: въ теченіе почти 12 лѣтъ мнѣ не приходилось отлучаться отъ Кары дальше, какъ на 30 верстъ, а тутъ представлялась возможность сдѣлать поѣздку въ нѣсколько сотъ верстъ, къ тому же, какъ я зналъ, по очень оригинальной мѣстности. Но, съ другой стороны, мнѣ предстояло поѣхать къ тому самому приставу, съ которымъ у меня былъ конфликтъ. Послѣ настояній старшины, я принялъ это предложеніе. Онъ же взялъ на себя миссію добиться отъ моего начальства разрѣшенія на столь далекую поѣздку.

Ѣхалъ я, конечно, на казенный счетъ, по, такъ называемому, «губернаторскому бланку», дававшему право получать бесплатно лошадей на проѣздъ и останавливаться на «земскихъ квартирахъ», словомъ, какъ разъѣзжаютъ въ Сибири чиновники «по казенной надобности».

Стояли жестокіе морозы. Сверхъ шубы на мнѣ была доха и, несмотря на эту теплую и вмѣстѣ крайне тяжелую одежду,

въ которой съ большимъ трудомъ можно было пошевелиться,— я, сидя въ саняхъ, закутывался еще кругомъ мѣховымъ одѣяломъ. Дорога большей частью проходила по мало населенной, поросшей лѣсомъ и очень холмистой мѣстности. Тройка лошадей съ трудомъ тащила сани; станки отстояли далеко одинъ отъ другого; но я всюду встрѣчалъ чрезвычайно предупредительный пріемъ, нелишенный иногда комизма. Такъ, когда, пріѣхавъ поздно ночью на какую-то станцію, я расположился уже спать, ко мнѣ заявился мѣстный десятскій и, вытянувшись у дверей въ струнку, спросилъ:

— Не имѣете-ли, В. В—діе, какихъ приказаній?

Я попросилъ его позаботиться, чтобы рано утромъ были готовы для меня лошади. Отвѣтивъ «слушаюсь», онъ вновь повторилъ не подобавшій мнѣ, поселенцу, титулъ; когда-же я поправилъ его, онъ замѣтилъ: «такъ оно вѣрнѣе, В. В—діе» и затѣмъ спросилъ, не прикажу-ли ему доставить ко мнѣ мѣстныхъ счетчиковъ? Я, конечно, отклонилъ это ненужное безпокойство людей. Десятнику, повидимому, во что бы то ни стало хотѣлось чѣмъ-нибудь проявить свое усердіе. Аналогичную предупредительность я замѣтилъ также на другихъ станціяхъ и недоумѣвалъ, чѣмъ это объяснить? Потомъ оказалось, что грозный приставъ, проѣзжая за нѣсколько дней до меня по этимъ же мѣстамъ, вездѣ предупреждалъ о предстоящемъ проѣздѣ «шилкинскаго счетчика» и приказывалъ немедленно исполнять мои распоряженія.

За нѣсколько станцій до конечнаго пункта, мнѣ встрѣтились ѣхавшіе по тому же направленію счетчики изъ другихъ мѣстъ нашего участка. Среди нихъ циркулировалъ тревожившій ихъ слухъ, будто нашъ приставъ нашелъ списки ранѣе уже съѣхавшихся къ нему счетчиковъ неправильно составленными и заставляетъ заново ихъ переписать. Слухъ этотъ очень всѣхъ безпокоилъ, такъ какъ перепись и безъ того отняла у бѣдныхъ счетчиковъ много времени, вознагражденіе же предстояло получить самое мизерное, а то и одну лишь медаль, специально избобрѣтенную правительствомъ для этого случая.

Трое сутокъ спустя, послѣ выѣзда изъ дому, я въ полночь пріѣхалъ въ станцію Айгунскую, гдѣ былъ назначенъ нашъ «съѣздъ». Меня очень интересовало, какъ мы встрѣтимся съ

приставомъ. Повидимому, его это не меньше занимало, потому что не успѣлъ я, проснувшись утромъ слѣдующаго дня, еще умыться, какъ на «земскую», куда я заѣхалъ, явился казакъ и сообщилъ, что приставъ проситъ къ себѣ «шилкинскаго» счетчика. Я велѣлъ передать, что приду въ свое время. Но, видно, петербургскіе разбирали его, такъ какъ, спустя нѣсколько минутъ, вошелъ тучный господинъ лѣтъ 50-ти въ полицейской формѣ, откомендовавшійся мнѣ «завѣдующимъ такимъ-то переписнымъ участкомъ Бибиковымъ». Въ свою очередь я назвалъ себя «счетчикомъ Дейчемъ».

Вопросъ немедленно коснулся переписи, и Бибиковъ сталъ жаловаться на затруднительность своего положенія, какъ завѣдующаго. Онъ чистосердечно признался, что самъ рѣшительно не можетъ разобраться въ массѣ полученныхъ имъ изъ разныхъ инстанцій инструкцій, циркуляровъ и предписаній относительно способовъ провѣрки списковъ и составленія общей сводки по всему его участку. Между тѣмъ, къ нему съѣхалось 30 счетчиковъ; изъ нихъ нѣкоторые живутъ здѣсь по недѣлѣ вдали отъ дома, оторванные отъ своего хозяйства; теряя время и неся расходы, они вполне справедливо требуютъ, чтобы онъ немедленно просмотрѣлъ ихъ работу и освободилъ ихъ. По его же мнѣнію, все почти счетчики неправильно составили свои списки и должны ихъ здѣсь исправить. Въ заключеніе, Бибиковъ заявилъ, что слышалъ, будто я вполне освоился со всеми правилами производства переписи, а потому просилъ меня помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Къ нему присоединились и присутствовавшіе при этомъ разговорѣ другіе счетчики. Мнѣ самому также интересно было узнать, въ чемъ состоитъ роль завѣдующаго переписнымъ участкомъ; поэтому, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я согласился на просьбу пристава, который разсынался за это въ благодарностяхъ.

Мы тотчасъ же отправились на его временную квартиру. Гостинная, служившая вмѣстѣ и канцеляріей, была переполнена съѣхавшимися счетчиками, каковыми являлись большей частью писари, учителя и фельдшера изъ казаковъ. Увидѣвъ Бибикова, они немедленно обступили его, прося отпустить ихъ по домамъ.

— До какихъ же поръ будемъ мы здѣсь? — говорили они

хоромъ:—дома дѣло, хозяйство оставлено, а мы должны проживаться тутъ!

— Вотъ видите,—обратился ко мнѣ завѣдывавшій,—такъ ежедневно, съ ранняго утра до поздняго вечера! Тутъ съ ума съидешь!

Получивъ отъ него все нужныя бумаги, я принялся за ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ. Дѣло оказалось совсемъ не столь сложнымъ и головоломнымъ, какимъ оно представлялось Бибикову, очевидно, совершенно непривычному къ подобнымъ работамъ. По прошествіи нѣкотораго времени я передалъ ему и съѣхавшимся счетчикамъ, что, согласно инструкціямъ, слѣдовало исполнить, и на третій день все казаки могли вернуться въ свои ставки, чему они очень обрадовались. Мнѣ съ завѣдующимъ пришлось поработать еще дней 10—12. Все это время приставъ былъ ко мнѣ чрезвычайно внимателенъ и предупредителенъ. Видя заискивающее его обращеніе со мною, едва-ли кто повѣрилъ-бы, что онъ, сравнительно незадолго передъ тѣмъ, приказывалъ привести меня къ себѣ связаннымъ. Объ этомъ инцидентѣ никто изъ насъ не вспоминалъ.

ГЛАВА XXXII.

Отъѣздъ.

Съ переименованіемъ меня изъ каторжнаго въ поселенца, я потерялъ лишь право на полученіе казеннаго пайка,—никакого другого различія между моимъ новымъ званіемъ и прежнимъ не было. Пособія отъ казны мнѣ вовсе не выдавали, частнаго заработка я лишился, вслѣдствіе отъѣзда семьи, въ которой, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я обучалъ дѣтей; родные также ничего мнѣ не присылали. Матеріальное мое положеніе было крайне затруднительное, въ особенности, въ виду появившейся у меня семьи.

Въ это время началась постройка желѣзной дороги въ станціяхъ отъ Кары, въ станціѣ Срѣтенской. Я надумалъ отправиться туда искать заработокъ и, получивъ требовавшееся на то разрѣшеніе отъ губернатора, выѣхалъ 8 (20) мая 1897 г.

съ Кары, на которой, такимъ образомъ, я пробылъ 11 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ.

Станица Стрѣтенская, расположенная на берегу судоходной рѣки Шилки, представляла собою очень оживленное, бойкое мѣсто. Въ ней было тысячъ пять жителей, имѣлось нѣсколько недурныхъ магазиновъ, разныхъ конторъ и пр. Кромѣ казаковъ, большой контингентъ жителей составляли евреи, а, вслѣдствіе начавшейся постройки желѣзной дороги, понаѣхали всевозможные предприниматели и служащіе.

Службу, сравнительно довольно сносную, я вскорѣ по прѣздѣ получилъ на желѣзной дорогѣ: мнѣ приходилось переписывать и составлять всевозможныя «отношенія», донесенія и «предписанія». Но удовлетвореннымъ такой работой, конечно, нельзя было себя чувствовать. Къ тому же, живя въ Стрѣтенскѣ, я не имѣлъ ни одного сколько-нибудь подходящаго знакомаго, — кромѣ меня, тамъ ссыльныхъ тогда не было. На Карѣ всегда бывало нѣсколько товарищей, съ которыми можно было побесѣдовать; въ Стрѣтенскѣ же, хотя шапочно я вскорѣ былъ знакомъ чуть не со всѣми жителями, но тамъ не съ кѣмъ было поговорить о чемъ-либо другомъ, кромѣ «дѣлъ» и «денегъ». Дождемъ полившіеся, съ постройкой дороги, капиталы возбудили въ мѣстномъ населеніи неимовѣрную алчность и жажду къ скорой наживѣ. Для этого нѣкоторые ни предъ чѣмъ не останавливались. Состоянія — и довольно крупныя — быстро пріобрѣтались, а единственными развлеченіями, являлись, конечно, карты и напитки. Въ сравнительно большой станицѣ не только не было библиотеки, — въ ней не было даже школы для дѣтей разночинцевъ, т. е. не казаковъ, составлявшихъ едва-ли не половину всего населенія.

По необходимости познакомившись съ мѣстнымъ «обществомъ», я только тогда впервые реально понялъ смыслъ словъ: «среда заѣла». Дѣйствительно, интеллигентному человѣку, попавъ въ такую атмосферу, не трудно спиться или пристраститься къ картамъ.

Изрѣдка только удавалось мнѣ повидаться съ товарищами, проходившими съ Кары на поселеніе, или ѣхавшими на Амуръ — въ Благовѣщенскъ и Владивостокъ. Самому мнѣ также случилось два раза съѣздить на Кару навѣстить товарищей. Но лѣ-

томъ 1898 г. совсѣмъ уничтожили на Нижней Карѣ вольную команду, и пятерыхъ оставшихся еще тамъ нашихъ каторжанъ провезли черезъ Стрѣтенскъ въ Акатуй доканчивать тамъ ихъ сроки ¹⁾. Послѣ этого на Карѣ совсѣмъ упразднена была каторга.

Живя въ Стрѣтенскѣ, я предпринималъ «самовольныя отлучки» на довольно далекія разстоянія. Такъ, я два раза навѣстилъ товарищей, находившихся въ Акатуй и дважды ѣздилъ въ Нерчинскъ и въ Читу. При мнѣ акатуйцы не подвергались уже тому жестокому режиму, о которомъ я выше упоминалъ, и условія ихъ жизни мало чѣмъ отличались отъ бывшихъ на Карѣ въ лучшія времена.

Во время первой поѣздки въ Читу, весной 1899 г. я встрѣтился тамъ съ высланнымъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь единомышленникомъ д — ромъ Л — кимъ. То былъ первый русскій социалдемократъ, сравнительно недавно прибывшій изъ Россіи, котораго я увидѣлъ. Не трудно представить себѣ, какъ я обрадовался этой встрѣчѣ. Мы бесѣдовали чуть не до разсвѣта. Отъ него я впервые узналъ о широкомъ рабочемъ движеніи, возникшемъ въ Россіи въ срединѣ 90-хъ годовъ. Но особенно въ разсказѣ новаго товарища поразило меня его сообщеніе о социалистическомъ движеніи среди еврейскихъ рабочихъ, — до того вечера я рѣшительно ничего не зналъ объ этомъ.

Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ отрадныхъ разсказовъ, у меня вновь явилось сильнѣйшее желаніе поскорѣе очутиться на свобождѣ. Раньше этого, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, оно было заглушено во мнѣ, лежало гдѣ-то глубоко на днѣ души. Теперь же оно опять всплыло на верхъ. Но сразу трудно было рѣшить, какъ осуществить это желаніе. Тогда истекло уже 14 лѣтъ, со времени моего прихода въ Сибирь, и мнѣ оставалось еще лѣтъ семь до полученія права вернуться на родину. Очутиться въ Европейской Россіи, въ которой я не былъ, считая годы пребыванія за границей, около 20 лѣтъ, было самымъ пламеннымъ моимъ желаніемъ. Но смогу-ли я ждать еще столько лѣтъ? естественно приходило на умъ. Къ тому же, какія могли быть у меня гарантіи, что, по истеченіи семи лѣтъ, мнѣ дѣйствитель-

¹⁾ М. Анашкину — Дейчъ, Майера, Салову, Ивановскую — Волошенко и Якимову — Диковскую.

но позволять вернуться на родину? Между тѣмъ, жизнь въ Сибири съ каждымъ годомъ все болѣе давала мнѣ чувствовать себя.

Въ Стрѣтенскѣ я провелъ уже два съ половиною года, и дальнѣйшее пребываніе въ этой станицѣ мнѣ становилось не въ моготу. Оставивъ открытымъ вопросъ о времени завершения побѣга, я рѣшилъ пока передвинуться еще дальше на востокъ. Послѣ долгихъ хлопотъ, мнѣ въ концѣ концовъ удалось получить разрѣшеніе переѣхать въ г. Благовѣщенскъ, куда я прибылъ осенью 1899 г.

Тамъ я устроился значительно лучше, чѣмъ въ Стрѣтенскѣ, такъ какъ я нашелъ себѣ литературную работу въ одной изъ двухъ мѣстныхъ газетъ, что несомнѣнно было интереснѣе составленія «отношеній» и «донесеній». Въ Благовѣщенскѣ имѣлось также нѣсколько человѣкъ политическихъ ссыльныхъ: А. В. Прибылевъ съ женой, А. П. Корба, Хлусевичи, бывшіе адм. ссыльн., Плоскій — посел. съ о—ва Сахалина по дѣлу «Пролетаріата», Богдановъ, бывш. посел., Баллодь, тоже по дѣлу Д. Писарева въ 60-хъ годахъ; Комовъ, бывший каріецъ и Куртюевъ — тоже. Тамъ же жилъ и Д. И. Чхотуа, встрѣчъ съ которымъ я былъ особенно радъ. Кромѣ того, въ этомъ городѣ, вообще, было немало интеллигентныхъ людей, такъ какъ тамъ имѣются три средне-учебныхъ заведенія, общественная и народная бібліотека, театръ, телефоны и пр. Словомъ, по части «культурности», гор. Благовѣщенскъ ничѣмъ не уступалъ аналогичнымъ городамъ Европейской Россіи, а годъ спустя послѣ моего пріѣзда, онъ даже приобрѣлъ всемірную, хотя и крайне печальную, извѣстность, — я имѣю въ виду потопленіе и избіеніе нѣсколькихъ тысячъ безоружныхъ китайцевъ и манчжуръ. Подробно эти возмутительныя жестокости мною были уже описаны въ брошюрѣ «Кровавые дни». Здѣсь передамъ лишь вкратцѣ наиболѣе существенные факты.

Какъ разъ противъ Благовѣщенска, на правомъ берегу Амура, находилось тогда китайское селеніе Сахалианъ, жители котораго снабжали нашъ городъ разными съѣстными припасами, по очень дешевымъ цѣнамъ. Въ самомъ Благовѣщенскѣ, на окраинахъ его и въ окрестныхъ селахъ также жило нѣсколько ты-

сячъ китайцевъ и манчжуръ, занимавшихся разными промыслами и торговлей.

Благодаря рѣдкой честности, изумительному трудолюбію и крайней ограниченности въ потребностяхъ, китайскіе подданные приобрѣли въ Амурскомъ краѣ почти всеобщее расположеніе и довѣріе. Правда, нѣкоторые изъ низшихъ слоевъ нашего населенія видѣли въ нихъ опасныхъ для себя конкурентовъ и отчасти поэтому, но также вообще изъ антипатіи къ нимъ, какъ къ представителямъ чуждой расы, — иногда безъ всякаго повода оскорбляли ихъ. Однако, до начала, такъ называемой, «русско-китайской войны» между подданными двухъ сосѣднихъ государствъ въ общемъ существовали довольно мирныя отношенія. Только послѣ объявленія весной 1900 г. мобилизаціи сибирскихъ войскъ эти отношенія значительно измѣнились къ худшему. Собранные въ городѣ запасные, при встрѣчахъ съ китайскими подданными, били и драли ихъ за косы, приговаривая: «изъ-за васъ, тварей, насъ гонять на смерть».

Враждебныя дѣйствія противъ русскихъ начаты были впервые жителями китайскаго города Айгуна, находившагося въ 30 верстахъ отъ Благовѣщенска: когда мимо него проходили наши пароходы съ войсками, по одному изъ нихъ китайцами вдругъ открытъ былъ огонь, которымъ ранено было нѣсколько чловѣкъ. Тогда въ Благовѣщенскѣ поднялась сильнѣйшая тревога, такъ какъ городъ совершенно не защищенъ, большинство построекъ въ немъ деревянные и войскъ въ то время было тамъ крайне мало. Между тѣмъ, въ расположенномъ противъ него с. Сахалинѣ уже задолго до этого происшествія производились прежде небывалыя военныя упражненія, сопровождавшіяся пальбой изъ пушекъ, что мѣстныя власти объяснили будто-бы состоявшейся присылкой туда на лагерное время небольшого китайскаго отряда. Это объясненіе, вполнѣ успокоившее военнаго губернатора, ген. Грибскаго, далеко не удовлетворило населеніе Благовѣщенска. Послѣ же произведенной подъ Айгуномъ пальбы, нашъ губернаторъ, въ виду ничтожнаго количества имѣвшихся въ его распоряженіи войскъ, самъ предложилъ жителямъ взять на себя охрану города, образовавъ изъ себя отряды добровольцевъ.

Въ это время китайскіе подданные, проживающіе на русской

территорию, обратились через своих представителей къ генералу Грибскому съ вопросомъ, не лучше ли имъ заблаговременно уѣхать къ себѣ, но онъ успокоилъ ихъ, завѣривъ, что имъ не угрожаетъ никакая опасность. Въ тотъ же день, когда масса публики гуляла по набережной, съ противоположной, китайской стороны, гдѣ находилось с. Сахалинъ, вдругъ раздались направленные на Благовѣщенскъ ружейные и пушечные выстрѣлы. Съ криками: «Китайцы стрѣляютъ! китайцы напали на городъ!»—толпы народа, охваченные паническимъ страхомъ, бросились бѣжать. Въ городѣ начались тогда возмутительныя сцены жестокихъ расправъ и убійствъ мирныхъ китайцевъ и манчжуръ, метавшихся въ страхѣ по улицамъ, въ поискахъ за безопасными убѣжищами. Но то были лишь единичные случаи.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни, когда непрекращавшаяся пальба по Благовѣщенску держала въ трепетѣ жителей, особенно изъ имущихъ слоевъ, боявшихся показаться на улицахъ, полицейскіе, въ сопровожденіи казаковъ, обходили всѣ дома и забирали находимыхъ въ нихъ китайцевъ и манчжуръ, мотивируя ихъ уводъ распоряженіемъ начальства собрать всѣхъ ихъ въ одномъ безопасномъ мѣстѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней можно было видѣть по улицамъ такія группы уводимыхъ китайскихъ подданныхъ, на лицахъ которыхъ написанъ былъ неподдающийся передачѣ испугъ. Уходя за полицейскими и казаками, они прощались, какъ передъ смертью и нерѣдко говорили при этомъ, что ихъ навѣрно убьютъ.

Однажды, когда я сидѣлъ въ своей комнатѣ за какой-то работой, ко мнѣ запыхавшись быстро вошелъ, блѣдный, какъ мертвецъ, Чхотуа и дрожащимъ отъ волненія голосомъ воскликнулъ:

— Слышали? ихъ всѣхъ потопили!

— Кого? Гдѣ?—спросилъ я.

— Китайцевъ! Это позоръ, неслыханное злодѣйство!

Честнѣйшій Давидъ Ивановичъ не могъ придти въ себя отъ негодованія. Мирный и терпимо ко всѣмъ относившійся, безконечно добрый человекъ, онъ теперь кричалъ, чуть не въ изступленіи, что прерветъ знакомство съ тѣми, кто рѣшится сколько-нибудь оправдывать это вопіющее преступленіе.

Чхотуа былъ въ такомъ негодованіи, что чуть-ли не въ каждомъ готовъ былъ видѣть виновника совершеннаго варварства. Онъ не могъ болѣе нѣсколькихъ минутъ оставаться у меня,—ему необходимо было навѣстить другихъ общихъ нашихъ знакомыхъ, чтобы и съ ними подѣлиться своимъ возмущеніемъ.

Я отправился на набережную, и глазамъ моимъ представилось ужасное зрѣлище: по Амуру плыло огромное число труповъ; они неслись на значительномъ пространствѣ рѣки таковой сплошной массой, что рѣшительно невозможно было сосчитать ихъ.

Потопленіе несчастныхъ китайцевъ и манчжуръ совершенно было слѣдующимъ образомъ. Всѣхъ ихъ предъ разсвѣтомъ, подъ конвоемъ казаковъ и полицейскихъ, пригнали въ одну станицу, находящуюся на лѣвомъ берегу Амура въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Благовѣщенска. Ихъ было нѣсколько тысячъ человекъ, въ числѣ которыхъ находились старики, калѣки, больные, женщины и дѣти. Кто не могъ итти отъ болѣзни или усталости, того казаки тутъ же по дорогѣ прикалывали. Пригнавъ къ рѣкѣ, несчастнымъ приказали плыть на противоположный китайскій берегъ. При этомъ никакихъ средствъ для переправы не было приготовлено; Амуръ же въ этомъ мѣстѣ имѣетъ болѣе полуверсты въ ширину и очень быстрое теченіе. Ужасъ охватилъ пригнанныхъ. Бросаясь на колѣни и крестясь, несчастные молили о пощадѣ, обѣщая принять христіанство и сдѣлаться русскими подданными. Но въ отвѣтъ на это, ихъ прикладами, штыками и сабельными ударами гнали въ воду, а упирившихся убивали на мѣстѣ. Тамъ происходили не поддающіяся описанію, душу раздирающія сцены. Приведу лишь одну изъ нихъ.

Манчжурка не хочетъ разстаться со своимъ груднымъ младенцемъ. Она обращается къ своимъ палачамъ и присутствовавшимъ при этой «переправѣ» постороннимъ зрителямъ съ мольбой взять себѣ ея ребенка, чтобы хоть его сохранить въ живыхъ. Но никто не соглашается. Тогда она оставляетъ младенца на берегу, и сама идетъ въ воду. Пройдя немного, она возвращается за ребенкомъ и, неся его въ рукахъ, вновь идетъ въ рѣку; но затѣмъ опять возвращается и снова оставляетъ

его на берегу. Казаки кладут конец ея колебаніямъ, прикалывая ее и младенца.

Такия потопленія, совершавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ, производились по распоряженію того самаго ген. Грибскаго, который незадолго передъ тѣмъ гарантировалъ китайскимъ подданнымъ полную безопасность. Никакими исключительными условіями не могли быть сколько-нибудь оправданы эти массовыя избіенія мирныхъ и безоружныхъ людей. Впослѣдствіи было вполне установлено, что вся мѣстная администрація, не исключая губернатора, сильно поживилась отъ разграбленія оставленнаго убитыми имущества.

Начавшись въ Благовѣщенскѣ, избіенія безоружныхъ китайцевъ и манчжуръ совершались затѣмъ, по прямымъ приказаніямъ властей, также и во многихъ другихъ мѣстахъ Амурской области. Обширныя пространства, населенныя китайскими подданными, подвергались полному опустошенію. Такъ, недалеко отъ Благовѣщенска, на, такъ называемой, «территоріи зазейскихъ манчжуръ», было 68 деревень, имѣвшихъ болѣе 20.000 жителей. Тамъ всѣ фанзы (избы) истреблены были огнемъ, населеніе было частью перетоплено, частью перебито варварскимъ образомъ, имущество ихъ разграблено, скотъ угнанъ. Все это произвели сосѣди убитыхъ, русскіе крестьяне. Приведу лично мною слышанные рассказы.

Въ одной изъ этихъ деревень — въ Алимѣ, нѣсколько десятковъ манчжуръ, увидѣвъ пришедшихъ вооруженныхъ русскихъ крестьянъ, начавшихъ все предавать пламени, спрятались въ одной фанзѣ. Руководившій этимъ нападеніемъ староста велѣлъ поджечь ее. Дымъ и пламя заставили скорѣ несчастныхъ искать спасеніе въ бѣгствѣ. Когда они по одному начали выскакивать въ окно, то собравшіеся возлѣ него крестьяне тутъ же ихъ убивали. Староста спокойнымъ тономъ рассказывалъ, что онъ одинъ «положилъ на мѣстѣ шестьдесятъ тварей».

Въ другой деревнѣ толпа нашихъ крестьянъ пригнала нѣсколько десятковъ манчжуръ къ обрыву и сбросила ихъ въ пропасть; затѣмъ, спустившись въ нее добила раненыхъ. Рассказывая спокойно о столь невѣроятныхъ жестокостяхъ надъ безоружными и мирными сосѣдями, иной крестьянинъ

прибавлялъ: «вотъ и мнѣ привелось послужить царю и отечеству».

Люди, чувствующие вообще жалость къ животнымъ, въ описываемые дни не испытывали ея даже къ старикамъ, больнымъ и младенцамъ. Такъ крестьянинъ, увидѣвъ лежавшую на полѣ въ лужѣ крови манчжурку, возлѣ которой барахтался и кричалъ грудной младенецъ, тщетно искавшій грудь матери. Когда, возвратившись домой, онъ рассказалъ своей семьѣ объ этой ужасной сценѣ, домочадцы стали упрекать его, зачѣмъ онъ «не прикончилъ младенца».

Аналогичныхъ и, несомнѣнно, еще болѣе вопіющихъ фактовъ, было безчисленное количество во время, такъ называемой, «русско-китайской войны». Наши войска, двигаясь впередъ по Манчжуріи, не только все на своемъ пути предавали огню, но также безжалостно убивали женщинъ, дѣтей, стариковъ и прикалывали изнасилованныхъ ими малолѣтнихъ дѣвочекъ. Даже нѣкоторые офицеры съ ужасомъ вспоминали потомъ о кровавыхъ инстинктахъ, проявленныхъ многими нашими солдатами, во время этой войны съ безоружными и неказывавшими нисколько сопротивленія жителями Манчжуріи. Богатую и густо населенную провинцію ген. Рененкампа и другіе русскіе военачальники въ нѣсколько недѣль превратили мѣстами въ бесплодную пустыню, въ которой торчали лишь обгорѣлыя фанзы и гдѣ долгое время хищныя животныя пожирали многочисленные трупы.

Возмутительнѣйшія избіенія тысячъ невинныхъ людей производили лишь на очень немногихъ интеллигентныхъ людей отталкивающее впечатлѣніе. Но и эти немногіе почти ничего не могли предпринять для защиты избиваемыхъ: въ мѣстной прессѣ запрещено было что-либо упоминать объ этихъ ужасахъ, а въ столичныхъ органахъ печати появились лишь глухіе о нихъ намеки.

Какъ и нѣкоторымъ другимъ, мнѣ, послѣ всего вышеописаннаго, стало крайне тяжело жить въ Благовѣщенскѣ, въ которомъ каждая улица и чуть ли не каждый домъ напоминали о массѣ убитыхъ и ограбленныхъ. Тотчасъ послѣ прекращенія бомбардировки я рѣшилъ уѣхать. Но первоначально я думалъ только перекочевать въ бойкій портовый городъ Владивостокъ

и терпѣливо ждѣть тамъ наступленія законнаго срока для полученія права выѣзда изъ Сибири, а до этого оставалось еще лѣтъ пять-шесть. Чѣмъ болѣе, однако, приближался этотъ моментъ, тѣмъ сильнѣе стало разбираться меня нетерпѣніе, и я все чаще и чаще возвращался къ мысли о побѣѣ. При этомъ у меня возникали вполне естественныя въ подобныхъ случаяхъ сомнѣнія, стоитъ ли рисковать той ограниченной свободой, которую я уже приобрѣлъ шестнадцатилѣтнимъ пребываніемъ въ тюрьмахъ и въ Сибири? Но зимой я покончилъ съ колебаніями, рѣшивъ, какъ говорится, сечь за собою корабли.

Обстоятельства сложились для меня благоприятно: я легко нашелъ необходимую поддержку, и, съ открытіемъ навигаціи, въ апрѣлѣ 1901 года мнѣ удалось сѣсть на частный пароходъ, уходившій въ Хабаровскъ. Но въ тотъ самый моментъ, когда я пришелъ, конечно, безъ вещей, на бортъ его, туда же явился помощникъ пристава, у котораго я находился подъ надзоромъ. Первая мысль моя была, что планъ моего побѣга открытъ, и я сильно встревожился. Вскорѣ, однако, оказалось, что помощникъ просто пришелъ проводить какихъ-то своихъ знакомыхъ, уѣзжавшихъ съ этимъ же пароходомъ. Ему, повидимому, не приходило въ голову, чтобы я убѣгалъ, такъ сказать, на виду у полиціи, и мое пребываніе на пароходѣ онъ, вѣроятно, объяснялъ себѣ также намѣреніемъ проводить уѣзжавшаго знакомаго, что намъ, конечно, не запрещалось. Затѣмъ я постарался, чтобы онъ потерялъ меня изъ виду и, слѣдовательно, предположилъ, что я вернулся обратно домой.

На этомъ же пароходѣ ѣхали нѣкоторые мои мѣстные знакомые, также неподозрѣвавшіе, что я навсегда покидаю Сибирь: въ разговорахъ съ ними я дѣлалъ видъ, что уѣзжаю съ разрѣшенія начальства.

Пароходъ нашъ былъ буксирный; онъ шелъ, поэтому, медленно, долго останавливался въ пристаняхъ, и лишь на пятый день мы прибыли въ г. Хабаровскъ. Здѣсь былъ одинъ изъ наиболѣе опасныхъ для меня моментовъ, такъ какъ при выходѣ на пристань у всѣхъ пассажировъ спрашивали паспорта, какового у меня не было. Чтобы обойти это препятствіе, я, съ разрѣшенія знакомаго капитана, остался ночевать на пароходѣ.

На слѣдующее утро я отправился въ городъ. Избирая для своего побѣга путь на востокъ, я, между прочимъ, имѣлъ въ виду, хотя бы отчасти, познакомиться съ этимъ краемъ, начавшимъ очень быстро развиваться, особенно съ проведеніемъ уссурійской желѣзной дороги: тамъ деревни росли, какъ грибы послѣ дождя, и нѣкоторыя изъ нихъ вскорѣ принимали довольно большіе размѣры. Такъ, Хабаровка изъ незначительной деревни въ нѣсколько лѣтъ превратилась въ городъ Хабаровскъ, ставшій резиденціей Приамурскаго ген.-губернатора.

Мѣстоположеніе этого города, расположеннаго на высокомъ и крутомъ утесѣ, омываемомъ двумя громадными рѣками—Амуромъ и впадающимъ въ него здѣсь Усури,—чрезвычайно живописно. Но самъ городъ Хабаровскъ напоминалъ тогда обширную казарму: большинство построекъ казеннаго типа, а на улицахъ на каждомъ шагу встрѣчались военные. «Благоустройства», какъ и въ большинствѣ нашихъ городовъ,—никакого.

Въ Хабаровскѣ мнѣ указали прекрасный домъ, въ которомъ жилъ Емельяновъ. Видѣться съ нимъ у меня не было никакого желанія; но я узналъ, что въ это время онъ состоялъ главнымъ управляющимъ у одного изъ самыхъ крупныхъ на Амурѣ винныхъ заводчиковъ—Пьянкова. За одно скажу здѣсь, что этотъ Пьянковъ также былъ раньше политическимъ ссыльнымъ: онъ привлекался по процессу 193-хъ, просидѣлъ четыре года въ предварительномъ заключеніи, затѣмъ его сослали административнымъ порядкомъ на сѣверъ Европ. Россіи, откуда онъ вскорѣ бѣжалъ въ Петербургъ. Тамъ, послѣ раздѣленія общества «Земля и Воля», онъ присоединился къ «Черному Передѣлу»; но въ началѣ 1880 года былъ вновь арестованъ въ типографіи этой организаціи и въ 1881 году приговоренъ былъ къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. А нынѣ Пьянковъ—крупнѣйшій винный торговецъ! У него, также въ качествѣ управляющаго по водочной части въ г. Николаевскѣ, служилъ другъ Емельянова—Властопуло.

Съ цѣлью ознакомленія съ краемъ, я охотно принялъ предложеніе одного молодого товарища соц.-демократа, случайно попавшаго на крайній востокъ на службу въ качествѣ военнаго врача, захватить къ нему въ г. Николаевскъ-Уссурійскій. Послѣдній всего за годъ передъ тѣмъ былъ переименованъ изъ

деревни въ городъ. Какъ и другія населенныя мѣста этого края, г. Никольскъ-Уссурийскій кишѣлъ военными, что отчасти объяснялось захватомъ Манчжуріи и дѣлавшимися уже тогда приготовлениями къ войнѣ съ Японіей. Наше правительство заранѣе стягивало туда массу войскъ и превращало этотъ край какъ бы въ военный лагерь.

Проживъ сутки въ г. Никольскъ-Уссурийскій, и затеревши, такимъ образомъ, слѣды, я отправился во Владивостокъ по желѣзной дорогѣ, въ сопровожденіи этого военного врача, ѣхавшаго вмѣстѣ со своимъ деньщикомъ. Такая компанія была, конечно, очень выгодна для меня. Мы также вмѣстѣ остановились въ гостинницѣ, гдѣ, понятно, въ виду погоновъ моего компаніона, не требовали, чтобы я прописался.

Владивостокъ—прекрасный портовый городокъ съ тридцатью тысячами жителей, которому многіе тогда предсказывали блестящую будущность, что послѣ настоящей войны съ Японіей едва ли оправдается. Мѣстоположеніе его прекрасное, а по благоустройству онъ превосходилъ не только сибирскіе, но и многіе русскіе города.

Я прожилъ во Владивостокѣ три дня, пока налаживалось дѣло съ моимъ отъѣздомъ. Но вотъ наступила послѣдняя ночь моего пребыванія въ Сибири, я провелъ ее почти совсѣмъ безъ сна: къ мысли о предстоявшей утротѣ разлукѣ со всѣмъ, къ чему я уже успѣлъ привыкнуть за многіе годы пребыванія въ ссылкѣ, присоединялось вполнѣ естественное опасеніе относительно исхода предпринятаго мною бѣгства. Въ моей жизни всякія случайности и неожиданности столько разъ жестоко разбивали мои планы и надежды, что и въ данномъ случаѣ я не могъ быть увѣреннымъ въ благополучномъ исходѣ задуманнаго побѣга, а вновь очутиться, вмѣсто свободныхъ странъ, въ ссылкѣ, мнѣ, конечно, вовсе не хотѣлось.

Все, однако, сошло вполнѣ удачно, и утромъ я сѣлъ на японское судно, ухидившее въ Нагасаки. Но, странная вещь! Когда, снявъ якорь, пароходъ сталъ отчаливать, и мнѣ не угрожала болѣе никакая опасность, я почувствовалъ неимоверную грусть, — словно я покидалъ не мѣсто ссылки и страданій, а родной край: человекъ, дѣйствительно, ко всему привыкаетъ, даже къ кандаламъ и къ неволѣ...

ГЛАВА XXXIII.

Завершеніе кругосвѣтнаго путешествія.

Былъ очень пасмурный день. Небо совсѣмъ заволокло тучами; шелъ частый дождь. Пароходъ нашъ бросало изъ стороны въ сторону; на палубу нельзя было показаться; многихъ пассажировъ мучила морская болѣзнь, но я не страдалъ ею, чему я былъ очень радъ, въ виду предстоящихъ мнѣ продолжительныхъ путешествій по океанамъ.

Огибая Корею, пароходъ нашъ останавливался въ двухъ портахъ—Гензанѣ и Фузанѣ, по дню въ каждомъ. Сходя вмѣстѣ съ другими пассажирами на берегъ, я осматривалъ эти корейскіе города: во многомъ они напоминали японскіе, — тотъ же типъ построекъ, такое же обиліе магазиновъ и лавочекъ. Уже тогда японцы являлись тамъ господствующимъ элементомъ: ихъ вліяніе видно было на каждомъ шагѣ и во всемъ.

Мнѣ удалось также осмотрѣть лежащую вблизи Гензана корейскую деревню, поразившую меня своимъ первобытнымъ характеромъ: сколоченные изъ тонкихъ досокъ небольшіе шалаши, покрытые соломой, не имѣли ни оконъ, ни дверей, — то и другое замѣняли раздвижныя перегородки; населеніе, по видимому, проводитъ все время на улицѣ у своихъ шалашей,— здѣсь совершаются всѣ работы, готовится пища и пр.

Спустя пять дней, послѣ выѣзда изъ Владивостока, пароходъ нашъ бросилъ якорь въ Нагасаки. Сѣвъ въ одну изъ подъѣхавшихъ шлюпокъ, я отправился въ расположенную вблизи набережной гостинницу, которую мнѣ заранѣе рекомендовали. Сравнительно съ нашими, она оказалась недорогой и удобной; къ тому же прислуга въ ней кое-какъ могла объясняться по-русски. Вообще, въ отношеніи языка, пребываніе въ Нагасаки не представляло никакихъ затрудненій, — въ магазинахъ, ресторанахъ и т. п. возможно было объясниться по-русски. Паспорта, конечно, также нигдѣ не спрашивали.

Въ Нагасаки мнѣ нужно было выбрать направленіе, по которому мнѣ наиболѣе удобно было ѣхать въ Западную Европу: я могъ отправиться туда кругомъ южной Азіи и по Суэзкому каналу, что было-бы относительно дешевле и скорѣе другого направленія — черезъ С.-Америку. Но мнѣ хотѣлось восполь-

зоваться этимъ случаемъ, чтобы побывать въ Новомъ Свѣтѣ и, такимъ образомъ, завершить давно уже начатое мною, хотя и помимо собственнаго желанія, кругосвѣтное путешествіе. По наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что ближайшее судно уйдетъ въ С.-Франциско только черезъ 9 дней. Это время я рѣшилъ посвятить ознакомленію съ Нагасаки и его окрестностями.

Этотъ довольно большой городъ со ста тысячнымъ населеніемъ расположенъ на нѣсколькихъ невысокихъ холмахъ, окружающихъ чрезвычайно удобную бухту. За исключеніемъ набережной, всѣ улицы до того узки, что ѣзда на нихъ совершенно невозможна; лошадей въ Нагасаки замѣняютъ люди, везущіе пассажировъ на небольшихъ двухколесныхъ тележкахъ. Число этихъ извозчиковъ до того велико, что они буквально попадаются у каждаго дома: десятками стоятъ они на всѣхъ углахъ улицъ, около магазиновъ, гостинницъ и т. п. Они обступаютъ каждаго появляющагося на улицѣ иностранца, наперерывъ предлагая ему свои услуги. За ничтожную плату въ 10 центовъ (около 10 коп.) въ конецъ или 20 центовъ за—часъ; «курмъ»—такъ называются эти извозчики—везетъ сѣдока въ гору и подъ гору съ быстротой лошади. При этомъ можно нерѣдко видѣть, какъ цивилизованный европеецъ подталкиваетъ зонтикомъ или палкой несчастнаго, обливающагося потомъ, чловѣка, замѣняющаго животное. Изъ скудной дневной выручки «курмъ» долженъ чуть-ли не половину внести хозяину за тележку, а также уплатить городу за право зарабатывать этимъ тяжелымъ трудомъ себѣ и семьѣ на существованіе. Пища этихъ несчастныхъ труженниковъ состоитъ изъ риса и какой-то дешевой мѣстной рыбы.

Большинство домовъ въ Нагасаки деревянные, двухэтажные, при чемъ нижній обязательно занятъ магазинами, ресторанами или какой-нибудь мастерской. Проходя по улицамъ, я рѣдко замѣчалъ заходившаго въ лавку покупателя, а если онъ гдѣ появлялся, то его обступали со всѣхъ сторонъ. У каждаго, думаю, иностранца, обратившаго на это обстоятельство вниманіе, естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ, чѣмъ поддерживается существованіе такого обильнаго количества магазиновъ?

Постройка домовъ въ Нагаски какая-то особенно легкая, воздушная,—словно эти жилища наскоро сколочены только

для лѣтняго въ нихъ пребыванія. Чистота повсюду образцовая, улицы всюду прекрасно вымощены, убираются и поливаются они каждамъ владѣльцемъ около его дома. Пыли въ городѣ почти никакой, воздухъ удивительно чистый, мягкій, и чувствуешь тамъ, что легко дышешь полной грудью. Не даромъ многіе иностранцы пріѣзжали тогда въ Нагасаки, какъ въ курортъ.

Европейская часть города, расположенная вдоль набережной, переполнена гостинницами, ресторанами, банками и разными конторами. Здѣсь улицы нѣсколько шире и дома болѣе солидной постройки, нижніе этажи каменные; многіе изъ нихъ снабжены верандами, палисадниками и пр. Жизнь въ Нагасаки была довольно дешева, но за то и крайне однообразна, особенно для иностранца, незнавшаго мѣстнаго языка. Достопримѣчательностей почти никакихъ: два-три будійскихъ храма съ огромными фигурами Сакья-Муни, промышленный музей съ образчиками произведеній мѣстнаго производства, да знаменитыя японскія чайныя,—вотъ, въ сущности, почти все, что пріѣзжему иностранцу предлагали посѣтить.

Но особенно красивы окрестности. Тамъ на каждомъ шагу приходите удивляться заботливости трудолюбиваго японца, чтобы ни единый вершокъ земли не оставался втунѣ,—все, за исключеніемъ вершинъ скалистыхъ горъ, тщательно воздѣлывается. Несмотря на огромный трудъ, положенный японцемъ въ свою землю, его существованіе казалось какимъ-то воздушнымъ или сказочнымъ. Въ этой чрезвычайно оригинальной странѣ многое производило на меня такое впечатлѣніе, словно все окружавшее меня я видѣлъ не въ дѣйствительности, а лишь на экранѣ кинематографа; даже цвѣтомъ лицъ, какъ мужчины, такъ, въ особенности, молодыя японки очень напоминаютъ фигуры, представляемыя этимъ аппаратомъ.

Успѣхъ, совершенный Японіею въ теченіе второй половины прошлаго столѣтія, несомнѣнно очень значителенъ. Но все же многіе европейцы, а въ особенности сами японцы, нѣсколько преувеличиваютъ его: цивилизація коснулась лишь ничтожной части населенія,—только верхняго слоя жителей портовыхъ городовъ, остальная же часть его едва лишь задѣта европейской культурой. Не только религія, нравы и обычаи, но рѣшительно весь обиходъ жителей даже большихъ горо-

довъ остался такимъ же, какимъ онъ былъ съ незапамятныхъ временъ. Первобытною нравовъ японцевъ объясняется ихъ честность въ обыденной жизни: дома и магазины ночью не запирались на замки; никто не трогалъ чужой вещи, и всякій возвращалъ случайно найденное. Но въ портовыхъ городахъ начало уже проявляться вліяніе европейской цивилизаціи и, можно съ увѣренностью сказать, что въ скоромъ времени японцы усвоятъ всѣ наши понятія, въ томъ числѣ и о «честности». Думаю немалое вліяніе въ этомъ направленіи оказала послѣдняя война.

Изъ Нагасаки я отплылъ на огромномъ тихо-океанскомъ пароходѣ «China», принадлежащемъ американской компаніи. За билетъ, въ такъ называемомъ «European Steerage» — среднее между нашимъ 2-мъ и 3-мъ классомъ — пришлось заплатить цѣльхъ 180 іенъ, т. е. около 175 рублей. Несмотря на столь высокую плату за проѣздъ, помѣщеніе и пища были отвратительны. Что-либо худшее, чѣмъ условія на этомъ, считающемся самымъ лучшимъ тихо-океанскимъ пароходомъ, трудно себѣ представить даже въ Россіи: пища, скверно приготовленная, подавалась до того неряшливо, что неприятно было прикоснуться къ ней; въ крошечныхъ каютахъ, имѣвшихъ по три яруса, помѣщалось по шести человекъ; въ нихъ было тѣсно, грязно и неудобно; спеціального мѣста для прогулокъ для лицъ нашего класса не было и пр. Въ этихъ условіяхъ нужно было пробыть цѣлыхъ 21 день!

Воспользовавшись двухдневной остановкой «China» въ Юкагамѣ, я побывалъ, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ столицѣ Японіи — Токио, до которой по желѣзной дорогѣ всего минутъ 20 ѣзды.

Описывать эти города я не буду, такъ какъ едва успѣлъ ихъ осмотрѣть. Скажу лишь, что, какъ и Нагасаки, они не похожи на европейскіе города, но очень оригинальны.

Въ теченіе первыхъ пяти дней моего путешествія я не могъ объясняться ни съ кѣмъ изъ пассажировъ, вслѣдствіе незнанія мною англійскаго языка, и мнѣ было, поэтому, довольно тоскливо. Но въ Юкагамѣ на нашъ пароходъ сѣлъ французъ, нѣмецъ и одинъ японецъ, говорившій немного по нѣмецки. У насъ, такимъ образомъ, составила безъинтересная интернаціо-

нальная компанія, державшаяся вмѣстѣ. Разговоры, шутки и анекдоты заполняли наше время, тянувшееся безконечно долго при морскомъ плаваніи.

На 16-й день пароходъ нашъ присталъ въ Гонолуло, главномъ городѣ Гавайскихъ или Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ мы должны были пробыть сутки. Будучи еще въ Благовѣщенскѣ, я случайно узналъ, что одинъ мой хорошій знакомый, Судзиловскій онъ же д-ръ Россель, живетъ на одномъ изъ этихъ острововъ. Его я встрѣчалъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ Швейцаріи, — фамилію «Россель» онъ принялъ лишь за границей, сдѣлавшись американскимъ гражданиномъ. Участникъ революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, онъ, ставъ нелегальнымъ, бѣжалъ за границу, гдѣ проживалъ въ разныхъ странахъ, начиная съ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и кончая Румыніей и Болгаріей. Россель всюду умѣлъ скоро освоиться съ мѣстными условіями и, быстро ознакомившись съ языкомъ данной страны, входилъ въ ея интересы и нужды.¹⁾

Очутившись совершенно неожиданно на Сандвичевыхъ островахъ, я рѣшилъ воспользоваться остановкой парохода, чтобы розыскать д-ра Росселя. При содѣйствіи пассажира-француза, мнѣ лишь къ вечеру удалось узнать, что мой старый знакомый живетъ на другомъ островѣ этого архипелага, но, по счастью, въ данное время находится какъ разъ въ г. Гонолуло. Послѣ довольно продолжительныхъ поисковъ, мы нашли его квартиру, но не застали его дома. Тогда я оставилъ ему записку, въ которой сообщилъ, что одинъ старый его товарищъ, ѣдущій изъ Сибири въ Западную Европу, хотѣлъ бы повидаться съ нимъ, почему я и предложилъ ему придти утромъ на пароходъ «China» и спросить «русскаго пассажира», — фамилію свою я умышленно подписалъ неразборчиво, желая убѣдиться, узнаетъ-ли онъ меня: мы не видались ровно 20 лѣтъ.

Прогуливаясь рано утромъ по палубѣ, я увидѣлъ вошедшаго на бортъ парохода совершенно сѣдого господина, одѣтаго въ бѣлое лѣтнее платье. Я пошелъ къ нему на встрѣчу, хотя онъ

¹⁾ О немъ рассказываетъ Дебагорій-Мокріевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, а Е. Лазаревъ посвятилъ ему цѣлый очеркъ, озаглавленный «Гавайскій сенаторъ».

несколько не походил на моего старого товарища. Услыхавъ, что онъ разыскиваетъ «русскаго», я назвалъ его по фамилии и предложилъ ему отгадать мою. Долго всматривался онъ въ меня, но рѣшительно не могъ признать, такъ что я долженъ былъ самъ назвать себя.

— Дейчъ? Какими судьбами? — воскликнулъ онъ.

Въ немногихъ словахъ я сообщилъ ему о своемъ побѣгѣ изъ Сибири и о дальнѣйшемъ путешествіи.

— Такъ вы думаете сегодня же уѣхать? Ни въ какомъ случаѣ: вы должны у меня здѣсь погостить, пока я окончу свой дѣла въ Гонолуло, а затѣмъ поѣдете со мной на нашу ферму.

Предложеніе это сдѣлано было столь радушнымъ тономъ, что я готовъ былъ немедленно согласиться, но въ этомъ случаѣ пропадала уплоченная мною за проѣздъ отъ Гонолуло до С.-Франциско сравнительно большая сумма—50 долларовъ (около 100 р.) Когда я высказалъ д-ру Росселю это соображеніе, онъ сказалъ:

— Пустяки! Не стоитъ этимъ смущаться, — я берусь это устроить.

Забравъ багажъ, мы затѣмъ сошли вмѣстѣ на берегъ, и я поселился у него на квартирѣ.

Какъ это водится при встрѣчахъ, послѣ долгой разлуки, у насъ пошли длиннѣйшіе разговоры о прошломъ, объ общихъ знакомыхъ, споры о судьбахъ Россіи и пр. Я узналъ, какимъ образомъ д-ръ Россель изъ Болгаріи переѣхалъ въ С.-Франциско, гдѣ онъ занимался частной практикой; затѣмъ, вслѣдствіе столкновения съ мѣстнымъ русскимъ архіереемъ, онъ долженъ былъ переѣхать на одинъ изъ Гавайскихъ острововъ, въ качествѣ врача на сахарной плантаціи. Впослѣдствіи ему удалось приобрести собственную ферму на о-вѣ Гавайѣ, а въ описываемое мною время онъ, будучи избранъ въ сенаторы, пріѣхалъ въ Гонолуло на засѣданія законодательной сессіи, которая должна была окончиться черезъ нѣсколько дней.

Я успѣлъ вдоволь налюбоваться этимъ прелестнымъ и чрезвычайно оригинальнымъ городомъ, имѣвшимъ 40 тысячъ жителей, осмотрѣть все его достопримѣчательности и кое-что узнать о его прошломъ и настоящемъ. Затѣмъ, когда д-ръ Россель освободился отъ своихъ сенаторскихъ обязанностей, мы отправились съ нимъ на о-въ Гавайю, отстоящій отъ г. Гонолуло

на разстояніи часовъ 30-ти ѣзды на пароходѣ. По пути мы останавливались въ нѣсколькихъ мѣстахъ, при чемъ, сходя съ д-ромъ Росселемъ на берегъ, я, благодаря его разговорамъ и объясненіямъ, знакомился съ мѣстными особенностями.

На фермѣ оставалась жена его, также врачъ, урожденная Шебеко, которая въ концѣ 70-хъ годовъ окончила бернскій университетъ. Она встрѣтила меня также привѣтливо, какъ и ея мужъ. Я съ удовольствіемъ поселился у нихъ и прожилъ около пяти недѣль. Изъ разсказовъ супруговъ Россель и ихъ знакомыхъ, а также путемъ личныхъ наблюденій и отчасти изъ книгъ, я за это время успѣлъ кое-что узнать объ этихъ чудныхъ островахъ. Многие чрезвычайно оригинально и вмѣстѣ крайне трагично въ жизни туземнаго населенія. Но мои записки черезчуръ растянулись бы, если бы я задумалъ передать все мною тамъ узнанное. Скажу лишь, что, вслѣдствіе ужасно жестокихъ и хищническихъ пріемовъ насажденія «цивилизациі» и «культуры» выходцами изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, среди канаковъ—такъ зовутъ туземцевъ,—они неизомѣнно быстро вымираютъ. Изъ здороваго, крѣпкаго народа, достигавшаго до 400 тысячъ человекъ во время открытія этого архипелага, въ концѣ 18-го вѣка, знаменитымъ путешественникомъ Кукомъ, съ небольшимъ черезъ одно столѣтіе на всѣхъ островахъ осталось только около 20-ти тысячъ, да и эти немногіе уцѣлѣвшіе туземцы надѣлены теперь всевозможными болѣзнями, каковыхъ они не знали до прихода цивилизаторовъ. Особенно сильныя опустошенія среди канаковъ производитъ проказа: зараженныхъ ею изолируютъ на отдѣльный островъ, гдѣ эти несчастные остаются навсегда, порвавъ всякія связи съ близкими и со всемъ остальнымъ міромъ.

Рядомъ съ полнымъ раззореніемъ туземцевъ, потомки бостонскихъ миссіонеровъ, явившихся первыми проповѣдниками христіанства на этихъ островахъ, путемъ всякаго рода обмановъ и насилій сдѣлались собственниками наибольшей и лучшей части этой дивной страны и загибаютъ теперь миллионы на мѣстныхъ сахарныхъ плантаціяхъ.

Пребываніе на фермѣ супруговъ Россель доставило мнѣ большое наслажденіе. Мы предпринимали сообща прогулки, осматривали сахарныя и кофейныя плантаціи, жилища тузем-

певъ и пр.; мы посѣтили также знаменитый вулканъ Килауэа. Въ бесѣдахъ съ д-ромъ Россель мы нерѣдко возвращались къ темъ о странности нашей съ нимъ встрѣчи на этихъ уединенныхъ островахъ Тихаго океана.

— И куда только судьба не закинетъ человѣка!— говорили мы:— надо же такъ случиться, чтобы одинъ пріѣхалъ сюда въ качествѣ эмигранта-врача, а другой очутился здѣсь во время побѣга изъ Сибири!

Мы все какъ-бы не вѣрили своимъ глазамъ, вспоминая наше прошлое и сопоставляя его съ обстановкой, среди которой мы вели наши бесѣды въ данное время ¹⁾.

Распростившись съ супругами Россель, я въ концѣ іюля (н. с.) отправился въ дальнѣйшій путь, избравъ на этотъ разъ парусное судно. Вѣтеръ большею частью не былъ попутнымъ, поэтому на переѣздъ, который пароходъ дѣлаетъ въ четыре дня, мнѣ пришлось употребить цѣлыхъ 26 сутокъ. Хотя все время погода стояла прекрасная, но подъ конецъ такое продолжительное пребываніе на океанѣ своимъ однообразиемъ вызвало довольно тоскливое настроеніе и въ сильной степени надоѣло мнѣ. Я поэтому чрезвычайно обрадовался, когда вечеромъ 25 августа мы, наконецъ, добрались до С.-Франциско.

Супруги Россель снабдили меня рекомендательными письмами къ своимъ знакомымъ, жившимъ въ этомъ городѣ. Среди

¹⁾ Врачъ Мих. Кудржанскій сообщаетъ въ «Нашей Жизни», (въ № 491 отъ 7-го іюля 1906 г.), что д-ръ Россель во время русско-японской войны поселился въ Японіи, чтобы помогать русскимъ въ матеріальномъ отношеніи, а также вести среди плѣнныхъ революціонную пропаганду. Въ этихъ цѣляхъ Россель основалъ въ Нагасаки общежитіе для русскихъ эмигрантовъ, а въ Бобе онъ издавалъ специально для плѣнныхъ газету «Россія и Японія». Онъ также раздавалъ плѣннымъ получаемую имъ отъ разныхъ направленій «цѣлыми коробами» русскую революціонную литературу. По словамъ врача Кудржинскаго, самымъ лестнымъ образомъ отзывавшагося о д-рѣ Россель, «успѣхъ пропаганды былъ колоссальный: «Японія и Россія» и проч. литература читалась солдатами заоемъ». Результаты дѣятельности д-ра Росселя «были колоссальны» и по возвращеніи плѣнныхъ отразились, какъ на произошедшихъ беспорядкахъ во Владивостокѣ и др. сибирскихъ городахъ, такъ и въ аграрныхъ движеніяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

губ., конч. ист.-филолог. фак., ар. въ 84 г. (по д. Лопатина), воен. суд. — на 18 л., приб. въ 88 г., въ Акатуй въ сент. 90 г., по маниф. 91 г. сбавл. третъ, ушелъ на поселеніе въ г. Курганъ, возврат. въ Пет.

212) Ястрембскій, Сергѣй, р. въ 57 г., двор. студ. харьк. ун., ар. въ 75 г., выпущенъ на поруки, бѣжалъ за границу, вернулся въ 77 г., ар. и суд. харьк. в. с. въ 79 г. на 10 л., приб. въ 80 г., въ в. к. въ 85 г., ушелъ въ 86 г. въ Якут. обл., вернулся въ Евр. Рос.

213) Яцевичъ, Ник. Вас. р. въ 61 г., сынъ протоіер. Полт. губ., уч. Хар. ветер. инст. ар. въ 78 г., Харьк. воен. суд. въ 79 г. (дѣло Ефремова) на 15 л., за побѣгъ изъ Ирк. прибавлено 14 л., приб. въ 80 г. по маниф. сб. третъ со всего срока, въ в. к. вышелъ въ 90 г., по маниф. 91 г. сб. 1 г., жен. на Саловой остался добровольно въ Заб., верн. въ Рос.

Кромѣ перечисленныхъ лицъ, на Карѣ недолгое время были также четыре участницы Якутской бойни 1889 г.: Болотина, Гасоохъ, Гуревичъ-Евгенія и Перли; но о нихъ подробныхъ свѣдѣній не имѣется.

Такимъ образомъ, всего на Карѣ перебивало изъ участниковъ движенія 70-хъ и 80-хъ годовъ—217 человѣкъ, изъ которыхъ значительнаго контингента теперь уже нѣтъ въ живыхъ, изъ остальныхъ многие не присоединились къ современному движенію.

Добровольно послѣдовавшіе родственники каторжанъ.

1) Армфельдъ—мать, пріѣхав. въ нач. 80 г., вернулась въ кон. въ 85 г. снова пріѣхала и уѣхала въ 86 г.

2) Барбашева—невѣста Петрова, пріѣхала въ 81 г., уѣхала съ мужемъ на посел.

3) Бибергаль—пріѣхала съ муж. и уѣхала съ нимъ на посел.

4) Богомолецъ—пріѣзжалъ съ малолѣтнимъ сыномъ въ 92 г., уѣх. послѣ смерти жены зимой.

5) Веймаръ—пріѣзжалъ навѣститъ брата.

6) Геллисъ—пріѣхала съ мужемъ; выслана властями съ Кары въ г. Акшу (Заб. обл.).

7) Гориновичъ—пріѣхала съ муж., умерла на Карѣ.

8) Кватковская—пріѣхала и уѣхала съ муж. на поселен.

9) Комаровская—невѣста; обвѣнчавшись съ Стеблин.-Камен., ушла съ нимъ на посел.

10) Люри—пріѣхала съ муж.; уѣхала въ 92 г.

11) Михайлова—пріѣхала съ братомъ; выслана была властями въ г. Читу.

12) Мозговая—пріѣхала и уѣхала съ мужемъ на посел.

- 13) Новицкая — приѣхала съ мужемъ; вернулась одна въ 87 г. въ Рос.
- 14) Пашковская — приѣхала и уѣхала въ 92 г.
- 15) Попова приѣхала съ мужемъ; уѣхала въ 87 г. въ Рос.
- 16) Рехневская — приѣхала къ мужу въ 89 г., уѣхала за границу въ 92 г.
- 17) Рогачева — приѣхала съ мужемъ; послѣ его смерти вышла замужъ за Свитица, съ которымъ уѣхала въ Як. обл.
- 18) Родина — приѣхала съ мужемъ, уѣхала въ Рос. послѣ смерти.
- 19) Синегубъ — приѣхала и уѣхала съ мужемъ на поселеніе.
- 20) Сухомлина — приѣхала и уѣхала съ мужемъ на поселеніе.
- 21) Стеблина-Коменская — мать, приѣхала съ сыномъ; выслана властями обратно въ Россію въ 81 г.
- 22) Успенская — приѣхала съ мужемъ, уѣхала съ малолѣтн. сыномъ въ 80 г.
- 23) Чарушина — приѣхала и уѣхала съ мужемъ на поселеніе.
- 24) Ястремская — приѣхала и уѣхала съ мужемъ на посел.

43454